ОСНОВЫ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ПРАВѢ И ГОСУДАРСТВѢ

И ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ

русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ОЧЕРКИ

И. А. Ильина, В. М. Устинова, И. Б. Новицкаго и М. Н. Гернетъ.

Цѣна 1 р. 40 к.

Изданіе 4-е, исправленное и значительно дополненное.

ИЗДАНІЕ
Т-ва „В. В. ДУМНОВЪ, наслѣдн. бр. САЛАЕВЫХЪ“.
МОСКВА, Мясницкая улица, д. № 5. || ПЕТРОГРАДЪ, Большая Конюшенная, № 1.
1915.

1946

2477
26

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страст. бул Путинковскій пер., соб. домъ.
1915.

Предисловіе.

„Основы законовѣдѣнія“ представляютъ собой четвертое, переработанное изданіе книги „Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права“ (1-е изд.—1907 г., 2-е изд.—1908 г., 3-е изд.—1910 г.).

Какъ и въ предыдущихъ изданіяхъ, книга имѣетъ двоякое назначеніе: съ одной стороны—удовлетворить потребность лицъ, стремящихся къ ***самообразованію****, въ пособіи, содержащемъ популярное изложеніе основныхъ положеній науки права и дѣйствующаго законодательства; съ другой стороны—служить* ***учебнымъ руководствомъ*** *при прохожденіи курса* ***законовѣдѣнія*** *въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Въ настоящемъ изданіи „Основы законовѣдѣнія“ пополнены отсутствовавшимъ ранѣе отдѣломъ „общее ученіе о правѣ и государствѣ“, и такимъ образомъ содержатъ полный курсъ законовѣдѣнія. Составитель этой первой части книги не задавался цѣлью изложить наиболѣе распространенныя среди юристовъ воззрѣнія на сущность права и государ-

ства, но стремился передать съ возможно большею доступностью то, что ему, согласно его научнымъ убѣжденіямъ, представляется истиннымъ въ вопросахъ общей теоріи права. Главную задачу свою онъ видѣлъ въ томъ, чтобы при минимальномъ упрощеніи предметнаго матеріала достигнуть максимальной ясности, наглядности, такъ сказать, осязательности въ характеристикѣ права и государства. Онъ стремился, далѣе, облегчить ту внутреннюю работу надъ воспитаніемъ вѣрнаго и углубленнаго правосознанія, которая составляетъ основную задачу преподаванія законовѣдѣнія. Необходимость постепенно пріучить сознаніе начинающаго къ своеобразію юридическаго мышленія и юридической терминологіи и тѣмъ подготовить его къ свободному воспріятію послѣдующихъ частей учебника,— исчерпываетъ собою кругъ предносившихся ему задачъ.

Что касается трехъ остальныхъ частей книги, то онѣ, во-первыхъ, приведены въ соотвѣтствіе съ появившимися послѣ 3-го изданія новыми узаконеніями, и во-вторыхъ, подверглись нѣкоторымъ исправленіямъ и дополненіямъ. Такъ, въ отдѣлѣ государственнаго права введенъ новый параграфъ о юридическомъ положеніи депутатовъ; въ отдѣлѣ гражданскаго права, въ цѣляхъ облегченія усвоенія предмета, измѣнена система изложенія, при чемъ нѣкоторые вопросы переработаны и по существу (различіе права вещнаго и обязательственнаго; содержаніе права

собственности; обязательственные договоры и пр.); въ IV части, кромѣ вновь составленнаго отдѣла объ основныхъ началахъ судоустройства и уголовнаго судопроизводства, внесены дополненія также въ параграфъ о дѣйствующихъ въ Россіи уголовныхъ законахъ, въ ученіе о лишеніи правъ, наказуемости при неосторожной винѣ и нѣкот. др.

Часть I.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ПРАВѢ И ГОСУДАРСТВѢ.

Составилъ ***И. А. Ильинъ.***

---

§ 1. Понятіе о законовѣдѣніи.

Когда человѣкъ стремится къ знанію, то онъ часто не даетъ себѣ отчета въ томъ, что значитъ „знать“. А между тѣмъ безъ этого онъ не можетъ удовлетворить своего стремленія и нерѣдко блуждаетъ въ темнотѣ.

Знать—значитъ, прежде всего, *представлять себѣ* что-нибудь. Тотъ, кто *ничего* себѣ не представляетъ, тотъ и не знаетъ ничего; это мы выражаемъ словами: „онъ не имѣетъ никакого представленія“. Однако не всякое представленіе можетъ быть названо знаніемъ. „Какія-нибудь“ представленія имѣются у каждаго человѣка: съ утра до вечера наша душа занята чѣмъ-нибудь; она представляетъ себѣ то одно, то другое, останавливаясь на многомъ,—то по очереди, то сразу, то внимательно, то небрежно. Наши представленія бываютъ при этомъ нерѣдко смутными и неопредѣленными. Въ противоположность этому *знающій* имѣетъ представленія *ясныя* и *опредѣленныя* Это означаетъ, что знаніе всегда говоритъ объ *опредѣленномъ предметѣ*. Нельзя знать сразу обо всемъ; тотъ, кто хочетъ знать, тотъ долженъ согласиться на раздѣленіе и ограниченіе. Поэтому, каждая наука, какъ совокупность знаній, имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь *опредѣленнымъ предметомъ*. Объ этомъ единомъ, опредѣленномъ предметѣ наука даетъ намъ представленія *отчетливыя*. Смутныя, сбивчивыя представленія не имѣютъ цѣны въ наукѣ; кто представляетъ себѣ что-нибудь смутно, тотъ не можетъ ни *понять*, ни *запомнить*. Понять значитъ „принять въ душу“ и овладѣть мыслью, а для того, чтобы сознаніе овладѣло предметомъ, оно должно представить себѣ его съ

самою большою ясностью. Знающій *владѣетъ* своимъ предметомъ и можетъ всегда въ нужный моментъ вызвать въ душѣ отчетливое представленіе, воспроизвести его и *выразить его въ словахъ*.

Итакъ, „знать“ значитъ *ясно и отчетливо представлять себѣ что-нибудь опредѣленное,* или, что то же, *понимать и помнить*.

Однако понять и запомнить можно *вѣрное*, но можно и ошибочное. Тотъ, кто усвоилъ что-нибудь невѣрное, тотъ не обладаетъ истиннымъ знаніемъ. Вопросъ о томъ, *что̀ есть истина*, рѣшается, вообще говоря, въ научныхъ изслѣдованіяхъ; тамъ собираются и излагаются тѣ основанія и соображенія, въ силу которыхъ одно слѣдуетъ признать истиннымъ, а другое ложнымъ. Эти основанія называются *доказательствами*. Каждое научное изслѣдованіе стремится установить при помощи доказательствъ вѣрное или истинное знаніе о своемъ предметѣ, будь то о фигурахъ въ пространствѣ (геометрія), или о движеніи тѣлъ (механика), или о жизни существъ (біологія), или же о сущности добра и зла (этика). *Наука есть совокупность* доказанныхъ истинъ или *истинныхъ знаній объ опредѣленномъ предметѣ*.

То, что добыто научными изслѣдованіями въ извѣстной отрасли знанія, можетъ быть изложено *отдѣльно* отъ научныхъ доказательствъ; такое изложеніе, дающее *готовые итоги* и не входящее въ разсмотрѣніе доказательствъ, останавливается обыкновенно только на самыхъ важныхъ вопросахъ; оно сообщаетъ наиболѣе существенныя, *основныя свѣдѣнія* въ *общедоступной* формѣ. Такое изложеніе научныхъ итоговъ придаетъ наукѣ подготовительный или *пропедевтическій* характеръ. Именно такой характеръ имѣетъ *Законовѣдѣніе*: оно излагаетъ вкратцѣ зрѣлые итоги, добытые въ наукахъ, изучающихъ сущность *права* и *законовъ*, Въ этомъ основное отличіе законовѣдѣнія отъ другихъ юридическихъ наукъ. Законовѣдѣніе есть наука *несамостоятельная* и *общая*. Оно *несамостоятельно* потому, что само *не изслѣдуетъ предмета*, но подводитъ краткіе итоги другимъ, самостоятельнымъ наукамъ о правѣ. Оно имѣетъ *общій* характеръ потому, что излагаетъ основные выводы многихъ, главныхъ юридическихъ наукъ, останавливаясь на томъ, что важно для всякаго юриста и опуская то, что имѣетъ болѣе спеціальный интересъ.

Таковъ характеръ законовѣдѣнія, какъ особой отрасли научнаго знанія (по славянски „вѣдѣнія“). Законовѣдѣніе, какъ подготовительная или пропедевтическая наука, имѣетъ опредѣленный предметъ: именно, оно содержитъ основныя свѣдѣнія о тѣхъ, обязательныхъ правилахъ поведенія *(нормахъ)*, которыя устанавливаются уполномоченными и потому авторитетными людьми; общественная жизнь подчиняется этимъ правиламъ *(правовымъ нормамъ)*. и превращается черезъ это въ мирную, упорядоченную и организованную жизнь; люди объединяются въ *государственный союзъ* и работаютъ сообща надъ усовершенствованіемъ своей внѣшней и внутренней жизни.

Первыя свѣдѣнія объ этихъ правилахъ и объ этомъ порядкѣ даетъ *общее ученіе о правѣ и государствѣ*.

§ 2. Понятіе о законѣ и нормѣ.

Чѣмъ бы ни интересовался человѣкъ и чѣмъ бы онъ ни занимался, ему всегда приходится имѣть дѣло съ *множествомъ* разнообразныхъ вещей или предметовъ. Въ небѣ онъ видитъ множество свѣтилъ—неподвижныхъ звѣздъ и планетъ; на землѣ—множество растеній и животныхъ; онъ окруженъ множествомъ людей и даже въ душѣ своей замѣчаетъ много различныхъ представленій, чувствъ, желаній и помысловъ. Числа въ ариѳметикѣ, фигуры и части фигуръ въ геометріи, молекулы и атомы вещества въ физикѣ—все это образуетъ огромное множество единицъ или *элементовъ*, передъ которымъ человѣкъ можетъ и растеряться. Однако онъ скоро замѣчаетъ, что всѣ эти элементы стоятъ другъ съ другомъ въ нѣкоторыхъ *отношеніяхъ*, которыя или всегда остаются *неизмѣнными* или же отъ времени до времени *повторяются*. Такъ напримѣръ, отношенія чиселъ или геометрическихъ фигуръ остаются *всегда одинаковыми*; расположеніе планетъ въ небѣ или связь представленій въ душѣ человѣка—*повторяются* отъ времени до времени. Замѣтивъ это, человѣкъ направляетъ все свое вниманіе на то, чтобы подмѣтить какъ можно больше такихъ устойчивыхъ или повторяющихся отношеній, которыя могутъ быть названы *постоянными связями*. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что какъ самые элементы, такъ

и связи ихъ имѣютъ въ разныхъ областяхъ различный характеръ. Такъ, напримѣръ, *математика* изучаетъ преимущественно связи между *величинами* и *количествами*, и связи эти состоятъ въ томъ, что одинъ элементъ *всегда больше* другого, или *всегда меньше* другого, или *всегда равенъ* другому; *естественныя науки* изслѣдуютъ преимущественно *причинныя связи* между *вещами* (ихъ измѣненіями и движеніями) или *явленіями природы*, и связи эти состоятъ въ томъ, что появленіе одного элемента (напр. огня) *всегда влечетъ за собою* появленіе другого элемента (напр. теплоты) и т. д. При всемъ разнообразіи этихъ элементовъ и отношеній, среди нихъ есть постоянныя связи; то, что казалось на первый взглядъ безпорядкомъ, или даже хаосомъ, скрываетъ въ себѣ, очевидно, какой-то *постоянный* и *необходимый порядокъ*. Всѣ науки пытаются уловить этотъ порядокъ, формулировать его въ видѣ сужденій и выразить въ словахъ. Напр.: „сумма всѣхъ угловъ треугольника всегда равна двумъ прямымъ“; „уголъ паденія всегда равенъ углу отраженія“; „растенія поглощаютъ углекислоту и освобождаютъ кислородъ“ и т. п. *Сужденія, которыя утверждаютъ какой-нибудь постоянный и необходимый порядокъ, называются законами.*

Понятно, что всякая наука имѣетъ дѣло съ законами. Однако необходимо точно отличать *законы бытія* и *законы долженствованія*. Правовые законы, изучаемые въ законовѣдѣніи, относятся именно къ числу послѣднихъ.

Законы бытія говорятъ о томъ, что *въ дѣйствительности есть* извѣстный порядокъ. Этотъ порядокъ существуетъ или обстоитъ *на самомъ дѣлѣ*; плохъ онъ или хорошъ, полезенъ людямъ или вреденъ, простъ или сложенъ,—онъ имѣется на лицо. Таковы не только законы математики, но и *законы природы*. Законъ природы говоритъ о томъ, что̀ существуетъ въ дѣйствительности, или, точнѣе,—что̀ *всегда* и необходимо совершается, напримѣръ среди атомовъ, или среди минераловъ, или въ мірѣ планетъ, или въ царствѣ растеній и животныхъ. *Законы бытія говорятъ о постоянныхъ связяхъ, существующихъ въ дѣйствительности.*

Напротивъ, *законы долженствованія* говорятъ о тѣхъ связяхъ или отношеніяхъ, которыя *должны* осуществляться людьми въ ихъ жизни и дѣятельности. Эти законы суть *пра-*

вила, которыя людямъ *слѣдуетъ* соблюдать. Каждый разъ какъ живой человѣкъ дѣйствуетъ или совершаетъ извѣстный поступокъ, онъ можетъ дѣлать свое дѣло *лучше* и *хуже*. При этомъ, если онъ живетъ сознательной жизнью, онъ имѣетъ возможность обдумывать свой образъ дѣйствій, выбирать *лучшій* путь и рѣшать въ его пользу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ имѣетъ передъ собою извѣстныя *правила*, которыя указываютъ ему искомый *лучшій* жизненный путь. Эти правила, говорятъ не о томъ, что́ существуетъ на самомъ дѣлѣ, но о томъ, какъ *слѣдуетъ* людямъ жить, дѣйствовать и поступать. Эти правила могутъ быть названы законами потому, что они указываютъ *постоянный* и *необходимый порядокъ*, который людямъ *надлежитъ* осуществлять въ ихъ дѣятельности. Понятно, что „постоянство“ этого порядка состоитъ не въ томъ, что „такъ всегда бываетъ“: люди могутъ соблюдать правила, но могутъ и не соблюдать ихъ, и въ дѣйствительности они часто ихъ не соблюдаютъ. „Постоянство“ означаетъ здѣсь, что люди *всегда должны* дѣйствовать такъ, а не иначе, и что они будутъ *неправы* каждый разъ, какъ только нарушатъ эти правила. Точно также „необходимость“ этого порядка состоитъ не въ томъ, что „иначе не можетъ быть“; но въ томъ, что соблюденіе этихъ законовъ есть *единственный* путь, при которомъ люди будутъ правы. Тотъ, кто поступаетъ согласно *закону долженствованія*, тотъ не можетъ быть неправъ;—вотъ смыслъ этой „необходимости“. Такіе *законы правильнаго, надлежащаго поведенія* мы будемъ называть *нормами*.

Итакъ, *норма есть сужденіе, устанавливающее извѣстный порядокъ, какъ должный*, или, еще проще: это есть *выраженное въ словахъ правило лучшаго*; напр.; „не убій“; „отдавайте кесарево кесарю, а Божіе—Богу“; „не допускай въ сужденіяхъ своихъ противорѣчія“; „никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ“ [1]); „родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе...“ [2]); „выборы членовъ парламента должны быть свободны“ [3]); и т. п.

[1]) Статья 95 русскихъ Основныхъ Законовъ.

[2]) Статья 172 Свода Законовъ Гражданскихъ.

[3]) Раздѣлъ I, статья 8 англійскаго билля о правахъ отъ 13 февраля 1689 г.

Это означаетъ, что въ каждой нормѣ, къ кому бы она ни относилась и кѣмъ бы она ни была установлена, имѣется въ виду нѣкоторый *лучшій* порядокъ дѣйствій; этотъ „лучшій“ порядокъ и устанавливается, какъ обязательный. *Каждая норма* предполагаетъ, что нѣкоторое *разумное существо* разсмотрѣло различные способы жить и дѣйствовать; признало, что одни изъ этихъ способовъ *лучше*, а другіе *хуже;* выбрало именно *лучшіе* способы и постановило, что *люди должны* соблюдать и осуществлять именно ихъ. Этотъ порядокъ жизни, признанный лучшимъ, признается лучшимъ не только для какого-нибудь отдѣльнаго, единичнаго человѣка, но для *всѣхъ* людей или во всякомъ случаѣ для *многихъ* людей, обладающихъ особыми предусмотрѣнными свойствами, напр. для ученыхъ, для рабочихъ, для правительственныхъ чиновниковъ и т. д. Во всякомъ случаѣ норма всегда имѣетъ характеръ *общій*, т.-е. она предписываетъ *одно и то же* для *всѣхъ одинаковыхъ* случаевъ. Само собою разумѣется, что то, что относится ко *всѣмъ*, относится и къ *отдѣльному человѣку;* поэтому изъ каждой нормы можно вывести правило поведенія и для отдѣльныхъ людей, и, въ частности, предписаніе для ихъ единичныхъ поступковъ. Такія предписанія, относящіяся къ единичнымъ случаямъ, слѣдуетъ называть уже не нормами, а *императивами*.

Понятно, что норма можетъ относиться только къ *разумно-дѣйствующимъ* существамъ, т.-е. къ людямъ. Неодушевленныя вещи не дѣйствуютъ и потому не могутъ имѣть правилъ поведенія; что же касается животныхъ, то приказы, съ которыми человѣкъ къ нимъ нерѣдко обращается, не могутъ быть даже названы „императивами“, потому что каждый императивъ разсчитанъ на *разумное* и *сознательное усвоеніе* со стороны *повинующагося*; какъ норма, такъ и императивъ суть такія правила *лучшаго*, которыя слагаются разумнымъ, выбирающимъ и оцѣнивающимъ существомъ и обращаются къ существу, также способному къ оцѣнкѣ, выбору и разумному рѣшенію. Научное изслѣдованіе жизни животныхъ не дало намъ до сихъ поръ основаній признать за животными такія способности.

Понятно также, что каждая норма и каждый императивъ, какъ *правила лучшаго*, должны предписывать то, что *въ самомъ дѣлѣ* является лучшимъ. Человѣкъ *долженъ* соблюдать

предписанный порядокъ именно потому, что онъ *лучшій*. Поэтому прежде, чѣмъ устанавливать норму, необходимо имѣть *вѣрное* и *отчетливое* представленіе о томъ, что́ есть лучшее. Тотъ, кто пытается установить правило *мышленія*, долженъ изслѣдовать, что́ есть „лучшее“ въ мышленіи, т.-е. что такое *истина;* кто ищетъ правило для *художественнаго творчества*, тотъ долженъ рѣшить вопросъ о томъ, что есть лучшее въ искусствѣ, т.-е. что такое *красота*; кто стремится установить правило нравственно праведной жизни, тотъ долженъ изслѣдовать сущность *добра*; а тотъ, кто устанавливаетъ правовую норму, предполагаетъ извѣстнымъ, въ чемъ состоитъ сущность *справедливости*.

Наконецъ не трудно понять, что каждая норма сохраняетъ свое значеніе, въ качествѣ *правила лучшаго,* даже и въ томъ случаѣ, если кто-нибудь ее нарушаетъ. Несоблюденіе правила *не отмѣняетъ* его и не можетъ его отмѣнить. Такъ, если кто-нибудь будетъ допускать въ сужденіяхъ своихъ противорѣчія, то мышленіе его станетъ невѣрнымъ, но правило о непротиворѣчивости мышленія останется непоколебленнымъ; точно также, если кто-нибудь возлюбитъ себя превыше всего, то состояніе его души окажется нравственно недобрымъ, но завѣтъ Христа сохранитъ свою глубокую вѣрность. Убійство нарушаетъ норму „не убій“, но не отмѣняетъ ее. Таково основное значеніе всякой нормы.

Однако законовѣдѣніе изучаетъ далеко не всѣ законы долженствованія, но только одинъ видъ ихъ: именно *нормы права*. Правила мышленія изслѣдуются въ *логикѣ;* правила художественнаго творчества — въ *эстетикѣ* (наука о прекрасномъ); правила нравственно совершенной жизни — въ *этикѣ*. Законовѣдѣніе изслѣдуетъ основыя черты ни основное содержаніе тѣхъ нормъ, которыя предписываютъ людямъ извѣстное *внѣшнее поведеніе въ ихъ совмѣстной жизни.* Таковы нормы права.

§ 3. Необходимость общежитія.

Мыслители самыхъ различныхъ эпохъ отмѣчали у человѣка тяготѣніе къ совмѣстной жизни. Самыя основныя влеченія и интересы, начиная отъ первичныхъ инстиктивно-

эгоистическихъ побужденій и кончая утонченными, духовными запросами,—заставляютъ человѣка искать постояннаго общенія съ другими людьми.

Общежитіе необходимо человѣку потому, что оно можетъ дать и дѣйствительно даетъ ему *элементарную обезпеченность* и *духовную полноту* жизни.

Каждый изъ насъ, взятый самъ по себѣ, въ отдѣльности, является существомъ ограниченнымъ и безпомощнымъ. Съ самаго момента рожденія человѣкъ нуждается въ помощи другихъ людей и неминуемо погибаетъ, если не находитъ ея: голодъ и холодъ, первые враги человѣка, полагаютъ быстрый конецъ его жизни. Принимая эту первоначальную помощь, каждый изъ насъ завязываетъ тѣмъ самымъ *первыя общественныя связи*, задолго до того, какъ онъ начинаетъ сознавать и помнить себя. У каждаго изъ насъ есть люди, заботамъ и вниманію которыхъ мы обязаны своею жизнью въ этотъ долгій и трудный періодъ. Въ большинствѣ случаевъ это—родители и имъ принадлежитъ первая сильная привязанность ребенка. Человѣку естественно родиться и воспитываться въ *семьѣ*, т.-е. среди людей, съ которыми онъ связанъ кровнымъ родствомъ; это тѣ, отъ кого онъ произошелъ, и тѣ, кто связанъ съ нимъ одинаковымъ происхожденіемъ (братья и сестры). Задача родителей по отношенію къ ребенку двоякая: во первыхъ избавить его отъ преждевременной и непосильной *борьбы за существованіе*, во вторыхъ—помочь ему взрастить въ себѣ ту *духовную жизнь*, ради которой человѣку вообще только и стóитъ жить на свѣтѣ.

Возможность существовать дается человѣку не даромъ и не легко, и эта трудность имѣетъ огромное *положительное* значеніе. Трудно представить себѣ, до какой низкой ступени опустился бы человѣкъ, если бы все, необходимое для его жизни, давалось бы ему безъ всякихъ усилій. Увѣренность въ томъ, что всѣ потребности будутъ удовлетворены безъ всякаго труда, вызвала бы въ человѣкѣ безпечность и пассивность и сдѣлала бы его жертвой *душевной инерціи*. Историки не разъ обращали вниманіе на то, что цивилизація и культура медленнѣе развиваются тамъ, гдѣ климатъ и флора *вполнѣ* обезпечиваютъ человѣка отъ голода и холода. Правда, чрезмѣрно суровыя и непосильныя условія жизни

также неблагопріятны развитію человѣка, но эта неблагопріятность побѣждается человѣкомъ позднѣе, когда онъ достигаетъ высшей ступени развитія. *Необходимость бо*[illegible]*ться*, чтобы жить,—вотъ главный двигатель человѣческой цивилизаціи.

Итакъ, борьба за существованіе должна быть человѣку посильна, для того, чтобы онъ не погибъ. При этомъ „существовать“ не значитъ для человѣка „прозябать“ Современная наука о душѣ, прилежно изучающая не только сознательную жизнь человѣка, но и его безсознательныя и полу-сознательныя проявленія (напр. привычки, суевѣрія, сновидѣнія, работу воображенія, работу памяти, душевные недуги и проч.), свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ не можетъ жить здоровой жизнью безъ нѣкотораго, опредѣленнаго по количеству и по степени, запаса *удовлетвореній;* задача человѣка не въ томъ, чтобы искоренить въ себѣ жажду удовольствія и счастія, но въ томъ, чтобы, съ одной стороны, *одухотворить* всѣ свои удовольствія, т.-е. сдѣлать ихъ духовно значительными радостями, съ другой стороны—связать свое счастье со счастьемъ *всѣхъ* людей, т.-е. убѣдиться, что нельзя быть счастливымъ на ряду съ несчастьемъ другихъ, и, далѣе, дѣйствовать согласно этому убѣжденію. Однако люди до сихъ поръ очень далеки отъ выполненія этой задачи и это выражается не только въ томъ, что они легко и быстро удовлетворяются низшими, чувственными удовольствіями, но и въ томъ, что они ищутъ одинокаго, эгоистически ограниченнаго счастья и, не находя его, наивно удивляются и жалуются. Въ результатѣ этого эгоистическаго самочувствія борьба за существованіе оказывается уже не только борьбою человѣка *съ природой*, ради овладѣнія ея законами и подчиненія ея своимъ цѣлямъ, но, помимо этого, еще борьбою человѣка *съ человѣкомъ* изъ за житейскаго удовлетворенія и благополучія.

И вотъ, какъ только человѣкъ вырастаетъ и семья перестаетъ ограждать его спокойное развитіе, онъ видитъ себя вовлеченнымъ въ *борьбу за существованіе*. Съ одной стороны, онъ въ союзѣ со всѣми людьми борется *съ природою*. *Всѣ* люди заинтересованы въ томъ, чтобы точно изучить живыя силы, дѣйствующія въ природѣ; это изученіе совершается

въ *опытныхъ (эмпирическихъ) наукахъ* и каждое открытіе ученыхъ въ этой средѣ должно разсматриваться, и въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно разсматривается, какъ достояніе всего человѣческаго рода. *Техническія науки* изучаютъ наиболѣе цѣлесообразные и выгодные способы приложенія научныхъ откровеній къ хозяйственнымъ нуждамъ людей, а *техническая дѣятельность* примѣняетъ эти способы въ борьбѣ за подчиненіе природы человѣку. Въ этой борьбѣ всѣ люди составляютъ какъ бы одинъ великій наступательный и оборонительный союзъ, который съ особенной силой и ясностью чувствуется всѣми на всемірныхъ научныхъ и техническихъ съѣздахъ, а также въ эпохи стихійныхъ бѣдствій — землетрясеній, наводненій, неурожаевъ и эпидимическихъ болѣзней. Такова *естественная* борьба за существованіе, ведущаяся человѣкомъ.

Съ другой стороны человѣкъ, до извѣстной степени противостоитъ всѣмъ остальнымъ *людямъ* и, въ этой общей *соціальной* борьбѣ за существованіе, объединяется съ отдѣльными группами людей; задачей этого объединенія является *взаимная поддержка* объединившихся.

Здѣсь на ряду съ самымъ тѣснымъ союзомъ, основаннымъ на кровномъ родствѣ,—съ семьею,—стоятъ соединенія *хозяйственныя и культурныя.*

Всякая внѣшняя вещь, могущая послужить для удовлетворенія человѣческой потребности, или непосредственно, тѣмъ, что человѣкъ будетъ ею пользоваться, или косвенно, тѣмъ, что человѣкъ посредствомъ нея подготовитъ для потребленія новыя вещи, — можетъ быть названа *хозяйственнымъ благомъ.* Хозяйственная дѣятельность состоитъ въ томъ, что человѣкъ старается по выработанному заранѣе плану, при *наименьшей* затратѣ силъ и *наибольшей* успѣшности труда, приспособить вещи внѣшняго міра къ удовлетворенію своихъ потребностей. Эта хозяйственная работа совершается особенно успѣшно, если занятія распредѣляются среди людей такъ, что каждый беретъ себѣ какую-нибудь одну спеціальность, достигая въ ней бо́льшаго умѣнія и бо́льшей производительности. Но именно такое раздѣленіе труда, осуществляющееся все болѣе въ современномъ обществѣ, заставляетъ каждаго человѣка нуждаться въ работѣ

другихъ людей. Современный человѣкъ чаще всего исполняетъ какое-нибудь *одно* тѣсно ограниченное дѣло, важное или полезное въ общемъ ходѣ хозяйства, и за то пользуется трудами или произведеніями безчисленнаго множества, часто даже неизвѣстныхъ ему, людей. Каждый изъ насъ, чтобы удовлетворить свои потребности, долженъ „найти себѣ работу“, т.-е. взять на себя извѣстное дѣло, которое другіе люди согласились бы признать полезнымъ или нужнымъ; „деньги,“ которыя мы за это получаемъ, даютъ намъ возможность, путемъ обмѣна ихъ на вещи или на услуги другихъ людей, получить все, что намъ необходимо. Современный человѣкъ стоитъ, такимъ образомъ, въ тѣснѣйшей хозяйственной зависимости отъ другихъ людей, а также отъ той хозяйственной организаціи, которая сложилась въ результатѣ всей предшествующей жизни человѣчества.

Однако въ хозяйственномъ отношеніи человѣкъ не только *сотрудничаетъ* съ другими людьми, но и *вступаетъ* съ ними *въ борьбу*. Каждый стремится при наименьшей затратѣ силъ получить наибольшее удовлетвореніе, т.-е. работать возможно меньше, а получать за это возможно больше. На этой почвѣ у людей, возникаетъ столкновеніе интересовъ, при чемъ люди находящіеся въ одинаковомъ или похожемъ положеніи (напр. покупатели, рабочіе, торговцы, землевладѣльцы и т. д.), стремятся объединиться другъ съ другомъ, для того, чтобы сообща отстоять общій имъ всѣмъ интересъ.

Понятно, что одинокому человѣку, живущему внѣ общенія, было бы крайнѣ трудно *обезпечить свою жизнь* такъ, какъ ее обезпечиваетъ сначала *жизнь въ семьѣ*, а потомъ участіе въ *хозяйственномъ сотрудничествѣ*. Человѣческое сожительство построено на двухъ началахъ: *борьбѣ за существованіе* и *взаимопомощи*; люди поддерживаютъ другъ-друга не только въ борбѣ съ природой, но и въ борьбѣ другъ съ другомъ и можно сказать, что жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка (индивидуума) будетъ тѣмъ болѣе обезпечена его участіемъ въ обществѣ, чѣмъ больше взаимная помощь замѣнить соціальную борьбу за существованіе.

Однако общежитіе даетъ человѣку не только *элементарную обезпеченность*, но и *духовную полноту жизни*. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ начинаетъ сознавать себя, онъ видитъ

свою внутреннюю ограниченность и неполноту. Онъ видитъ вокругъ себя людей, которые знаютъ больше, чѣмъ онъ, которые обладаютъ болѣе зрѣлымъ умомъ, или болѣе твердою волей, или болѣе глубокимъ чувствомъ, или болѣе чуткою совѣстью, и самолюбіе его нерѣдко страдаетъ отъ этого. Лишь постепенно привыкаетъ онъ къ мысли о томъ, что общеніе съ такими людьми не только не нежелательно для него, но прямо необходимо: оно необходимо ему потому, что *общеніе съ лучшими* есть одно изъ основныхъ условій его собственнаго духовнаго развитія. Человѣкъ становится лучше, сравнивая себя не только съ идеальнымъ „совершеннымъ“ образомъ человѣка, о которомъ говоритъ Евангеліе, но и съ тѣми, кто въ дѣйствительности достигъ въ какомъ-нибудь отношеніи — высшей ступени. *Сравненіе* себя съ ними, безпристрастный *самоанализъ* и *подражаніе* лучшему— вотъ вѣрный путь прогрессивнаго развитія. Такимъ образомъ человѣкъ можетъ развить и улучшить свои познанія, свои умѣнія и свои душевныя силы.

Но и за этими предѣлами остается много такого, къ чему человѣкъ не можетъ найти доступъ самостоятельно и людямъ всю жизнь приходится довольствоваться преимущественнымъ развитіемъ въ себѣ какой-нибудь *одной* душевной способности. А, между тѣмъ, душа человѣка ищетъ нерѣдко самыхъ различныхъ духовныхъ удовлетвореній и требуетъ *разносторонняго* духовнаго развитія. И вотъ каждый изъ насъ стремится найти для каждаго своего духовнаго запроса подходящій кругъ людей, общеніе съ которымъ могло бы дать ему искомое удовлетвореніе. И здѣсь, какъ всюду, *общія цѣли* объединяютъ людей и заставляютъ ихъ признать, что недоступное одинокому человѣку, доступно тому, кто объединяется съ другими на началахъ взаимопомощи. При этомъ, объединяясь, человѣкъ не только ищетъ и находитъ удовлетвореніе своимъ узкимъ, эгоистическимъ интересамъ, но и открываетъ, что *самый процессъ* объединенія съ другими людьми даетъ ему новую полноту жизни. Человѣкъ научается цѣнить общежитіе не только какъ *средство*, необходимое для *жизни*, но какъ путь, ведущій къ *прекрасной* и *достойной* жизни, и, наконецъ, какъ самостоятельную *цѣнность*. Общество людей прочно и сильно

только взаимною поддержкою всѣхъ, общею „круговую порукою“ (*солидарностью*); постепенно эта связь и взаимная поддержка, въ которой одинъ борется за всѣхъ и всѣ защищаютъ одного, скрѣпляетъ людей болѣе глубокимъ образомъ,— взаимнымъ влеченіемъ и взаимною *любовью*; развитіе, углубленіе и одухотвореніе этой связи и этого чувства является высшей задачей, *идеаломъ* совмѣстной жизни людей.

§ 4. Формы общежитія.

Послѣ всего сказаннаго не трудно понять, каковы основныя формы человѣческаго общежитія.

Для того, чтобы состоялось общеніе, люди должны имѣть возможность воспринимать другъ-друга: слышать живое слово, или по крайней мѣрѣ прочитать его въ записи, видѣть другъ-друга и т. д. Почта, телеграфъ и телефонъ могутъ нерѣдко замѣнить непосредственное свиданіе, а въ отдѣльныхъ случахъ даже завязать между людьми новое сношеніе. Но устойчивое, длительное и продуктивное общеніе предполагаетъ возможность непосредственнаго, частаго и легкаго взаимнаго воспріятія. Поэтому можно сказать, что всѣ основныя формы общежитія возникаютъ среди людей, живущихъ приблизительно *въ одно время* и *въ одномъ мѣстѣ*. Правда, человѣку, съ одной стороны, свойственно дѣлать многое для своихъ будущихъ или возможныхъ *потомковъ*; съ другой стороны, среди первобытныхъ народовъ распространено религіозное почитаніе *предковъ*, которые остаются неизвѣстными позднѣйшимъ поколѣніямъ. Однако такое *одностороннее* проявленіе общественнаго чувства не создаетъ ни общенія (оно предполагаетъ *взаимность*), ни общежитія (оно предполагаетъ болѣе или менѣе *длительное со-существованіе*). Всякое общежитіе состоитъ прежде всѣго въ томъ, что люди *вмѣстѣ живутъ* и *вмѣстѣ дѣйствуютъ*. Согласно этому основныя формы общежитія опредѣляются тѣмъ, *что именно связываетъ людей воедино*. Обычно бываетъ такъ, что различныя связи и скрѣпы совмѣщаются и одна изъ нихъ вызываетъ къ жизни другую.

По самому *происхожденію* своему люди связуются кровнымъ родствомъ въ *семью*. Самымъ простымъ и типичнымъ

составомъ семьи можетъ считаться *троичный* составъ: отецъ, мать и ребенокъ. Однако въ дѣйствительности этотъ простѣйшій составъ обыкновенно являлся, и нерѣдко является и теперь,—осложненнымъ. Первобытные народы жили не въ единобрачіи, а въ многобрачіи. Это конечно не нарушало троичнаго характера *семейной ячейки*, подсказаннаго самою природою, но приводило къ тому, что порядокъ совмѣстной жизни складывался болѣе запутано и сложно. Такъ, у народовъ, жившихъ охотою, мать, оставаясь у очага и поддерживая необходимый минимумъ осѣдлой жизни, могла имѣть и воспитывать дѣтей отъ разныхъ мужей; обратно этому у индусовъ и магометанъ, допускающихъ многоженство, семья состоитъ изъ одного мужа и нѣсколькихъ женъ, нерѣдко съ большимъ количествомъ дѣтей. Современная наука полагаетъ, что строгое *единобрачіе* сложилось въ результатѣ долгаго развитія человѣческихъ нравовъ и учрежденій.

Тотъ строй семьи, который съ достовѣрностью отмѣченъ исторіей, есть строй *патріархальный*, т.-е. основанный на власти отца. Въ далекія времена, когда охота, торговля и войны постоянно и надолго уводили отца семейства отъ домашняго очага, власть его, понятно, не могла быть велика и власть *матери* создавала и поддерживала строй жизни. Но съ переходомъ къ земледѣлію и осѣдлому труду, съ возникновеніемъ городовъ и осѣдлой жизни, власть сосредоточивается въ рукахъ отца. Въ эту эпоху *браки* совершаются обычно въ установленномъ *религіею* порядкѣ и отецъ получаетъ свою власть, какъ бы отъ божества. Онъ является *домовладыкой*: вся собственность семьи принадлежитъ ему; надъ женою и надъ дѣтьми онъ имѣетъ право жизни и смерти; онъ можетъ временно уступить третьему лицу свою власть надъ сыномъ и даже продать его въ рабство. Домовладыка является въ предѣлахъ семьи верховнымъ *жрецомъ* и *судьею:* онъ совершаетъ богослуженіе и разбираетъ споры между членами семьи.

Дальнѣйшее развитіе семейнаго строя идетъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ все болѣе упрочивается порядокъ единобрачія; во-вторыхъ власть отца постепенно ограничивается, вновь начинаетъ признаваться нѣкоторыя самостоятельность матери и слагается сознаніе обязанностей ро-

дителей по отношенію къ дѣтямъ. Вслѣдствіе того, что власть отца не прекращалась со вступленіемъ дѣтей въ зрѣлый возрастъ, каждая семья, естественно, развивалась въ цѣлое гнѣздо семей, связанныхъ *общимъ происхожденіемъ* отъ одного предка и слѣдовательно—*кровнымъ родствомъ*. Такая разросшаяся семья образовывала *родъ*. Родъ въ основномъ своемъ составѣ продолжалъ единую, совмѣстную жизнь. Онъ былъ подчиненъ единому родоначальнику—патріарху и связанъ множествомъ общихъ интересовъ и взаимныхъ обязанностей. Родъ владѣлъ землею сообща, подъ управленіемъ и руководствомъ патріарха; имущество переходило по наслѣдству отъ родича къ родичу; родичи были обязаны помогать другъ-другу и защищаться сообща отъ нападеній; за убійство родича весь родъ мстилъ кровавою местью; родъ былъ объединенъ общимъ именемъ, онъ имѣлъ общія религіозныя празднества и общее кладбище.

Естественно, что при увеличеніи рода связь между членами его все болѣе ослабѣвала и постепенно утрачивалась. Онъ распадался въ свою очередь на нѣсколько самостоятельныхъ родовъ, отдѣльные члены которыхъ уже не могли установить свое родство черезъ отдаленнаго родоначальника. Однако развитіе въ одномъ климатѣ, при одинаковыхъ природныхъ условіяхъ, участіе предковъ въ совмѣстной жизни и кровное, хотя и отдаленное сродство,—все это оставляло у потомковъ черты сходства въ строеніи тѣла и въ укладѣ душевной жизни. *Родовая близость уступала мѣсто племенному сходству*; люди оказывались объединенными въ *племя*. Единоплеменники не только напоминаютъ другъ-друга цвѣтомъ волосъ, или строеніемъ головы и лица, или разговорнымъ діалектомъ; они часто продолжаютъ жить въ одной и той же мѣстности, добываютъ себѣ пропитаніе одинаковымъ трудомъ, имѣютъ общую религію, одинаковый семейный строй и сходные обычаи. Мало того, племя нерѣдко сохраняетъ единство управленія и суда, но во главѣ стоитъ уже не родоначальникъ, а старѣйшина, иногда избираемый племенемъ, иногда передающій власть по наслѣдству своимъ дѣтямъ, часто окруженный совѣтомъ мудрыхъ и опытныхъ мужей.

Дальнѣйшее развитіе идетъ обычно сразу по двумъ пу-

тямъ: внутренняя жизнь племени становится все сложнѣе и разнообразнѣе, а внѣшнимъ образомъ племя, несмотря на свой численный ростъ достигаетъ постепенно большей объединенности. При этомъ войны между племенами, переселенія и торговыя сношенія нерѣдко перепутываютъ племена между собою и нарушаютъ чистоту племенной крови. И когда племена разрастаются въ цѣлыя *націи*, объединенныя въ *государства*, то каждая нація оказывается обыкновенно смѣшеньемъ нѣсколькихъ племенъ, причемъ *одно* изъ племенъ, нерѣдко преобладаетъ въ этомъ смѣшеніи.

Въ историческомъ развитіи кровно-родовое единеніе людей постепенно уступаетъ свое мѣсто единенію, основанному на другихъ началахъ. Правда, семейный союзъ не только не исчезаетъ, но получаетъ даже особую самостоятельность, освобождаясь отъ родового быта; но зато родъ и племя вытѣсняются *хозяйственными, духовными* и *правовыми* связями.

Люди, объединенные совмѣстною жизнью въ одномъ родѣ или племени, легко оказываются въ различныхъ хозяйственныхъ положеніяхъ: спецализація въ трудѣ дѣлитъ людей на опытныхъ и неумѣлыхъ; размѣры личныхъ способностей и удача быстро ведутъ къ *имущественному неравенству*; стремленіе родителей передать имущество дѣтямъ упрочиваетъ это неравенство, а жажда наживы обостряетъ его. Постепенно люди начинаютъ сознавать, что наиболѣе обезпеченъ тотъ, кто владѣетъ *орудіями производства*, т.-е. землей, машинами, а потомъ фабриками и т. д. Такъ постепенно общество раздѣляется въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія и хозяйственнаго интереса отдѣльныхъ людей на *классы*; классы съ теченіемъ времени начинаютъ сознавать общность своихъ интересовъ, объединяются и вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу. Такова напримѣръ борьба крестьянъ съ крупными землевладѣльцами, или фабричныхъ рабочихъ съ фабрикантами и промышленниками. Нѣкоторые ученые пытались даже изобразить всю исторію человѣчества, какъ борьбу различныхъ классовъ между собою.

Классы не слѣдуетъ смѣшивать съ *сословіями*. Сословіемъ слѣдуетъ называть группу людей, особливое и самостоятельное положеніе которой въ общей жизни и дѣятельности *при-*

Б-ка Ш... Комм... Акад...

знается и поддерживается правовыми нормами. Это особливое положеніе далеко *не* всегда состоитъ въ одинаковомъ *имущественномъ* богатствѣ. Люди дѣлятся на сословія, иногда по родовитому происхожденію и заслугамъ предковъ (напр. потомственные дворяне), иногда по роду занятій (напр. духовенство, купечество, крестьянство), иногда по характеру несомыхъ повинностей (напр. прежнее русское дѣленіе на „податныя“ сословія,—крестьяне и мѣщане,—и „неподатныя“). Нерѣдко сословія имѣютъ особый судъ и особое управленіе Иногда дѣленіе на сословія оказывается совершенно устарѣвшимъ и тогда отличіе сословія отъ класса становится особенно наглядным.

На ряду съ этими широкими дѣленіями совмѣстная жизнь людей непрерывно создаетъ болѣе тѣсныя и спеціальныя группы людей, *свободно* и *добровольно* объединяющихся для достиженія *общихъ цѣлей*. Эти цѣли могутъ быть, напримѣръ, *хозяйственными* и повести къ созданію производительныхъ товариществъ, потребительныхъ обществъ, обществъ взаимнаго кредита, страховыхъ компаній и т. д. Или же эти цѣли могутъ имѣть характеръ *духовный*; тогда возникаютъ, напримѣръ, различныя *ученыя* общества или общества, стремящіяся *усовершенствовать жизнь* людей (напр. благотворительныя общества, религіозно-нравственные союзы, общества трезвости, кружки для самообразованія, издательскія группы, спортивныя и т. д.). Каждый интересъ, присущій нѣсколькимъ людямъ можетъ вызвать къ жизни тотъ или иной союзъ; а такъ какъ каждому человѣку присущи самые различные интересы, то нерѣдко бываетъ такъ, что одинъ человѣкъ участвуетъ въ самыхъ различныхъ союзахъ и обществахъ. Понятно, что борьба за существованіе нерѣдко сталкиваетъ интересы отдѣльныхъ людей и союзовъ, и, можетъ быть, человѣчество распалось бы на безконечное множество враждующихъ между собою ячеекъ, если бы самыя противоположности и столкновенія интересовъ не вызывали къ жизни обширныя, устойчивыя организаціи людей, именуемыя *государствами* (см. §§ 16—18).

§ 5. Необходимость правилъ поведенія.

Мы видѣли, что общественная жизнь людей наполнена столкновеніями различныхъ интересовъ, возникающими въ общей борьбѣ за существованіе. „Интересомъ“ слѣдуетъ называть отношеніе живущаго и желающаго человѣка ко всему тому, что ему *необходимо* или *важно*. Понятно, что *столкновеніе интересовъ* возникаетъ въ томъ случаѣ, когда два человѣка или нѣсколько человѣкъ стремятся къ тому, что имъ важно, а добиться нужнаго можетъ только одинъ. Тогда побѣда одного означаетъ пораженіе другого, или даже всѣхъ остальныхъ, и между людьми возникаетъ отношеніе „исключенія“: побѣдитель „*лишаетъ*“ побѣжденныхъ и какъ бы „*исключаетъ*“ ихъ. Такое соревнованіе между людьми называется *конкурренціей*. Конкурренціи не бываетъ тамъ, гдѣ всѣ могутъ безпрепятственно пользоваться нужнымъ: воздуха на просторѣ, воды въ рѣкахъ и въ морѣ, свѣта въ полѣ—хватитъ на всѣхъ. Но борьба возникаетъ немедленно, какъ только воздуха (напр. въ маленькихъ коморкахъ), или воды (напр. въ пустынѣ, или при порчѣ водопровода), или свѣта — оказывается ограниченное количество. Все, что *обезпечиваетъ* или *облегчаетъ* жизнь человѣка и чего въ данный моментъ *на всѣхъ не хватаетъ*—все это вызываетъ конкурренцію и обостряетъ борьбу за существованіе до такой степени, что люди становятся другъ другу врагами. Борьба за обезпеченное и пріятное существованіе достигаетъ иногда большой остроты; подчасъ можетъ казаться, что общественная жизнь дѣйствительно превратилась бы по мѣткому слову англійскаго философа Гоббса[1]) въ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“, если бы не было сдерживающихъ и организующихъ общественную жизнь *правилъ поведенія*.

Уже въ глубокой древности люди стали понимать, что борьба доведенная до непремиримости, до такого озлобленія, при которомъ стороны теряютъ уваженіе другъ къ другу и возможность вести переговоры и устанавливать примиреніе, вредитъ обѣимъ сторонамъ. Понимая это, люди нерѣдко пытались находить такіе исходы, которые, удовлетворяя болѣе

[1]) Род. 1588, умеръ 1679 г.

или менѣе интересъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, давали бы имъ возможность продолжать и впредь совмѣстную жизнь. Каждая сторона считала притязанія противника чрезмѣрными и оба спорщика сговаривались обратиться къ третьему, возрастъ, опытъ и умъ котораго могли бы указать *справедливый* исходъ. Родоначальникъ или старѣйшина, разрѣшая споръ, давалъ каждому извѣстный императивъ, предписывавшій ему его дальнѣйшее поведеніе въ спорномъ вопросѣ. Этотъ императивъ указывалъ каждому, во-первыхъ то, что онъ „можетъ“, т.-е. что́ ему позволено, на что онъ „имѣетъ право“, во-вторыхъ то, чего онъ „*не* можетъ“, т.-е. что́ ему запрещено, на что онъ „не имѣетъ права“, и въ-третьихъ то, что онъ „обязанъ“ соблюдать. Рѣшеніе судьи получало извѣстный вѣсъ и оказывало вліяніе на спорящихъ; это объяснялось съ одной стороны ихъ довѣріемъ къ его *авторитету*, съ другой стороны *справедливостью* того, что онъ постановилъ.

Эти двѣ черты являются чрезвычайно важными: трудно представить себѣ, въ какую хаотическую войну всѣхъ противъ всѣхъ выродилось бы человѣческое общежитіе, если бы у людей не было *довѣрія къ авторитету* и *вѣры въ справедливость*. На этихъ двухъ началахъ покоится самая возможность *нормъ общественнаго поведенія вообще*. Не слѣдуетъ думать, что такимъ авторитетомъ для человѣка можетъ быть только голосъ другого человѣка, или что всякое чужое требованіе справедливо. Но правилу поведенія всегда присуще значеніе *необходимаго закона*, какъ было показано выше, и признать это значеніе можетъ только тотъ, кто вообще умѣетъ *уважать* что-либо *высшее* и кто ищетъ вѣрнаго, т.-е. *справедливаго* рѣшенія человѣческихъ конфликтовъ.

Возможность найти авторитетный и справедливый императивъ и примирить спорящихъ всегда драгоцѣнна: она не только устраиваетъ совмѣстную жизнь людей *на этотъ разъ*, но вселяетъ въ нихъ увѣренность, что споры и столкновенія *вообще* могутъ улаживаться мирно и справедливо. Но, такъ какъ справедливость остается неизмѣнной и одинаковой для всѣхъ, то однажды найденный справедливый императивъ превращается (постепенно или сразу) въ *общее* правило, не только разрѣшающее *всѣ* подобные споры, но предотвращающее самое возникновеніе ихъ: каждый заранѣе можетъ знать

и знаетъ, что онъ „можетъ“ и чего „не можетъ“, стоитъ только познакомиться съ этимъ правиломъ и продумать его.

Понятно, что наличность такихъ правилъ дѣлаетъ возможнымъ мирное общежитіе. Люди могутъ вести совмѣстную мирную жизнь лишь въ томъ случаѣ, если каждый осуществляетъ свои притязанія и преслѣдуетъ свои интересы *только до извѣстныхъ предѣловъ*. Эти предѣлы, разграничивающіе сферу дѣятельности каждаго, могли бы, конечно, отыскиваться и устанавливаться каждымъ для себя и *безъ* всякихъ правилъ, если бы люди были добры и совершенны. Но такъ какъ этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то правила поведенія являются *необходимыми*. Необходимость ихъ признается всѣми; правда, одни полагаютъ, что всѣ правила должны быть *записаны*, другіе считаютъ болѣе цѣлесообразными *неписаные законы*; одни настаиваютъ на томъ, что всѣ правила должны быть установлены какимъ-нибудь *внѣшнимъ авторитетомъ*, другіе предпочитаютъ *внутренній авторитетъ совѣсти*; есть мыслители, полагающіе, что всѣ правила должны быть основаны на *свободномъ соглашеніи людей*; есть и такіе, которые думаютъ, что этихъ правилъ должно быть *возможно меньше*. Но значеніе ихъ признается всѣми.

Правила опредѣляющія взаимныя отношенія между людьми мы будемъ называть *соціальными нормами*. Соціальныя (т.-е. общественныя) нормы необходимы для поддержанія мирнаго сожительства и сотрудничества людей. *Ограничивая* непомѣрныя *притязанія* каждаго отдѣльнаго человѣка, они даютъ возможность *установить* общественный *порядокъ, защитить слабаго* отъ притѣсненій сильнаго и пріучить людей къ обдуманному, выдержанному поведенію; повинуясь этимъ правиламъ люди постепенно привыкаютъ не попирать чужихъ интересовъ, *считаться съ правами и благомъ ближнихъ* и согласовать свое поведеніе какъ съ основными задачами человѣческаго *общежитія*, такъ и съ высшей цѣлью человѣческой *жизни вообще*. Эти правила пріучаютъ человѣка обуздывать свои страсти и влеченія, и воспитываютъ въ немъ умѣніе жить съ людьми согласною, творческою жизнью. Именно поэтому люди давно уже признали въ нихъ могучее средство для усовершенствованія *личнаго характера* и *общественнаго строя*; сознательная и устойчивая привычка

подчиняться этимъ правиламъ считается не безъ основаній признакомъ *духовной зрѣлости.*

§ 6. Виды соціальныхъ нормъ.

Человѣкъ, какъ живое, самодѣятельное существо, имѣетъ двойной составъ: *душевный* и *тѣлесный.* Каждый изъ насъ живетъ внутренней, душевной жизнью: мыслитъ, чувствуетъ, желаетъ, запоминаетъ, воображаетъ, но когда хочетъ осуществить что-нибудь не въ себѣ, а вовнѣ, или сообщить другому о своемъ внутреннемъ состояніи, то пользуется своимъ тѣломъ, какъ единственнымъ орудіемъ, допускающимъ *проявленіе душевныхъ состояній.* Мы всѣ привыкли къ тому, что *изнутри* мы знаемъ *только о себѣ*, о всѣхъ же другихъ людяхъ знаемъ и судимъ *только* по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ, иногда безъ ошибки дѣлая по нимъ заключеніе о томъ, что происходитъ въ ихъ душахъ. Живая рѣчь, слово, выраженіе лица и жестъ—вотъ средства общенія, связывающія людей. Наука свидѣтельствуетъ о томъ, что въ дѣйствительности тѣло и душа человѣка ведутъ *единую, связную, органическую жизнь* и не разлучаются, пока человѣкъ живъ. Поэтому и поведеніе человѣка имѣетъ всегда двойной составъ, — душевно-тѣлесный. При этомъ бываетъ такъ, что жизненный центръ тяжести переносится въ душу, и тогда тѣло является второстепеннымъ и подчиненнымъ элементомъ (напр. при молитвѣ, размышленіи), но бываетъ и такъ, что главная роль принадлежитъ тѣлу, и тогда душа слѣдитъ только за цѣлесообразностью его движеній (напр. при ношеніи тяжести, гимнастикѣ, ходьбѣ и т. д.). Согласно этому и *поведеніе* человѣка можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія: или такъ, что *душевное состояніе* является главнымъ и важнымъ, при чемъ внѣшнее поведеніе оказывается только его естественнымъ внѣшнимъ выраженіемъ; или же такъ, что главнымъ и важнымъ является извѣстное *внѣшнее* поведеніе, а внутреннее настроеніе подразумѣвается или оставляется безъ вниманія. Всѣ правила человѣческаго поведенія раздѣляются въ зависимости отъ этихъ точекъ зрѣнія на двѣ большія группы нормъ: къ первой группѣ относятся всѣ нормы *моральныя* и *религіозныя*, а ко второй группѣ—нормы *правовыя* и нормы *нравовъ*. Тре-

бованія *справедливости* возникаютъ изъ сочетанія тѣхъ и другихъ нормъ и должны разсматриваться отдѣльно (см. § 9).

Для того, чтобы усвоить различіе между этими видами нормъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Каждая норма предполагаетъ, во-первыхъ, что нѣкоторое *разумное существо* установило извѣстное предписаніе (см. § 2). Норма, которая „никѣмъ“ не была установлена—невозможна и нелѣпа. Всякая норма есть *правило*, формулированное въ *словахъ*, въ видѣ *логическаго сужденія* и *грамматическаго предложенія*. Поэтому норма всегда существуетъ въ видѣ высказанной мысли. Норма есть *обязательное правило*, *подуманное* (или придуманное) разумнымъ существомъ и выраженное въ *словахъ*.

Понятно, далѣе, что всякая норма устанавливается въ извѣстной послѣдовательности: придумать норму можетъ одинъ человѣкъ, придать ей окончательную формулу—другой, а сдѣлать ее обязательнымъ правиломъ—не можетъ иногда ни первый, ни второй, а только третій. Такимъ образомъ для всякой нормы характерна, во-вторыхъ, та послѣдовательность, или тотъ *порядокъ въ которомъ она устанавливается*.

Этимъ однако не все сказано. Всякая норма (въ-третьихъ) предписываетъ что-нибудь какимъ-нибудь *опредѣленнымъ людямъ*, будь то *всѣ* члены общественнаго союза (напр. всѣ подданные, всѣ члены клуба), или *нѣкоторые*, обладающіе особыми свойствами (напр. совершеннолѣтніе, душевно-здоровые), особымъ положеніемъ (напр. землевладѣльцы, спичечные фабриканты), особою властью (напр. мировые судьи, губернаторы), или же *одному* члену, имѣющему исключительное положеніе въ союзѣ (напр. римскій папа, президентъ республики, монархъ) Норма, которая предписывала бы извѣстное поведеніе „никому“—нелѣпа и невозможна, хотя возможны нормы, которыя въ прямыхъ словахъ не указываютъ, къ кому онѣ относятся; юристы рѣшаютъ тогда этотъ вопросъ по смыслу.

Далѣе, въ-четвертыхъ, въ каждой нормѣ *что-то* предписывается, именно—извѣстный *порядокъ человѣческихъ отношеній*, какъ вѣрный и должный (см. § 2). При этомъ „отношеніе“ можетъ пониматься или какъ внутреннее настроеніе души, или какъ внѣшнее поведеніе, или же какъ то и другое вмѣстѣ.

Наконецъ, въ-пятыхъ, примѣнительно къ каждой нормѣ допустимъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли она *санкцію* и притомъ въ чемъ состоитъ эта санкція Санкціей называется то *предстоящее послѣдствіе*, которое постигаетъ *нарушителя нормы*; это есть, такъ сказать, угрожающій перстъ, поддерживающій обязательное значеніе нормы и указывающій извѣстное *непріятное будущее* для того, кто не будетъ повиноваться установленному предписанію.

Каждый изъ указанныхъ видовъ нормъ долженъ быть отличенъ отъ другихъ видовъ съ этихъ пяти точекъ зрѣнія. Пять вопросовъ рѣшаютъ здѣсь дѣло: *кто* предписываетъ? *въ какомъ порядкѣ* устанавливается предписаніе? *кому* предписывается? *что* предписывается (т.-е. какой порядокъ)? и *какова санкція* нормы? Въ этомъ порядкѣ мы и поведемъ разсмотрѣніе. Необходимо только добавить, что не всегда по каждому вопросу возможно указать такое отличіе, которое само по себѣ, взятое отдѣльно, было бы достаточно для того, чтобы установить характеръ нормы. Отличіе дается только *всѣми пятью признаками*, взятыми вмѣстѣ, и это все время слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы не запутаться и не утратить необходимую ясность пониманія.

§ 7. Нормы религіи и морали.

Мы установили, что нормы религіи и морали относятся къ одной и той же группѣ нормъ. Однако въ предѣлахъ одной и той же группы могутъ быть существенныя отличія.

Религіею (отъ religare—привязывать, укрѣплять) называется живой духовный союзъ человѣка съ Богомъ; этотъ союзъ состоитъ въ томъ, что Богъ *открываетъ* человѣку свою сущность и свою волю (отсюда „откровеніе“), а человѣкъ, вступая въ этотъ союзъ и пребывая въ общеніи съ Божествомъ, дѣлаетъ *волю Божею*—своею *нормою* и отдаетъ свои силы на ея осуществленіе. Понятно, что религіозный человѣкъ, воспринимая волю Божію въ видѣ правилъ поведенія, видитъ въ *Божествѣ—установителя* этихъ заповѣдей. *Порядокъ* этого установленія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, признавъ (по тѣмъ или другимъ признакамъ) нѣкоторыя изъ своихъ душевныхъ переживаній *посланными отъ Бога*, а то, что

чрезъ нихъ познается—состоявшимся откровеніемъ Божественнымъ (увѣровавъ), пытается придать воспринятому форму мысли (ученіе) и выразить въ словахъ (писаніе и преданіе); въ христіанскихъ исповѣданіяхъ, вѣрность этого мысленнаго формулированія и словеснаго выраженія провѣрялась и утверждалась обычно на собраніяхъ вѣрующихъ (вселенскіе соборы). Естественно, что нормы религіознаго характера предписываютъ что-нибудь *только тѣмъ*, кто принадлежитъ къ этому исповѣданію и, участвуя въ церкви (т.-е. организованномъ союзѣ людей, признавшихъ данное откровеніе), пріемлетъ ея ученіе. При этомъ по ученію большинства религіозныхъ союзовъ къ исповѣданію и церкви могутъ принадлежать и такіе люди, которые *сами, непосредственно не имѣли откровенія,* но вѣруютъ, принявъ его отъ другихъ людей, почитаемыхъ за пророческій даръ и святость. Такимъ образомъ нормы религіи основываются иногда на признаніи авторитетности другихъ людей. То, *что* предписываютъ эти нормы, является во всѣхъ зрѣлыхъ и развитыхъ религіяхъ—извѣстнымъ *внутреннимъ душевнымъ* поведеніемъ или *дѣланіемъ* (молитва къ Богу и подчиненіе своихъ желаній Его заповѣдямъ), при чемъ нерѣдко устанавливается, въ какихъ именно внѣшнихъ поступкахъ, движеніяхъ и словахъ (обрядъ) должно выражаться благочестивое настроеніе души. Иногда люди упускаютъ изъ вида, что обрядъ предписывается религіей *только* въ качествѣ естественнаго выраженія *дѣйствительнаго* внутренняго отношенія души къ Божеству и тогда религіозность вырождается въ ханжество и лицемѣріе. Наконецъ религіозная норма имѣетъ свою *санкцію*. Нарушитель ея чувствуетъ себя стоящимъ передъ лицомъ Божія гнѣва и, можетъ быть, наказанія; къ этому можетъ присоединиться налагаемое церковной властью покаяніе, или эпитимія, или даже исключеніе изъ союза вѣрующихъ.

Нормы морали отличаются отъ нормъ религіи въ нѣкоторыхъ существенныхъ отношеніяхъ. Въ установленіи нравственныхъ правилъ человѣкъ является предоставленнымъ *себѣ и своей совѣсти*. Эти правила основываются на *самостоятельномъ* и *свободномъ убѣжденіи* которыя каждый изъ насъ долженъ выносить, обдумать и формулировать. Понятно, что такого убѣжденія никто ни у кого заимство-

вать не можетъ; даже внѣшнимъ авторитетомъ норма морали, не можетъ быть установлена, потому что единственнымъ авторитетомъ здѣсь является *голосъ совѣсти*, живущій въ глубинѣ *каждой* души. Это значитъ, что человѣкъ, слагая свои нравственныя убѣжденія и устанавливая нормы морали не можетъ руководиться личной прихотью и произволомъ, но долженъ поставить предъ своею совѣстью вопросъ о томъ, *что есть самое лучшее, совершенное* и *праведное* въ личномъ поведеніи и въ отношеніи человѣка къ человѣку. Указанія совѣсти надлежитъ затѣмъ высказать въ формѣ грамматическаго предложенія и логическаго сужденія, которое и *выразитъ основную* моральную норму поведенія; распространеніе этого правила на отдѣльныя стороны внутренней и внѣшней жизни дастъ возможность составить *подчиненныя* нормы морали. Такъ напр. каждому изъ насъ безъ особаго труда удастся признать и формулировать норму: „относись ко всякому человѣку съ тою любовью, которою ты обычно любишь самого себя;“ такое перенесеніе жизненнаго центра тяжести со своего благополучія на другихъ людей породитъ, съ одной стороны, требованія *безкорыстія*, *самоотверженія* и *скромности* въ отношеніи къ себѣ, съ другой стороны—правила, предписывающія *доброжелательство*, *уваженіе*, *щедрость*, *довѣріе*, и т. д. по отношенію къ другимъ.

Итакъ нормы морали каждый человѣкъ долженъ установить для себя *самъ*. Другіе, въ частности родители и воспитатели, могутъ ему, правда, *помочь* въ раскрытіи и осмысленіи голоса совѣсти, но до *признанія* и *убѣжденія* каждый изъ насъ долженъ дорости самъ. Это *не* значитъ, что у каждаго человѣка могутъ быть свои особыя воззрѣнія на добро и зло, причемъ каждый *про себя* будетъ *правъ*. Нѣтъ; различныя пониманія морали бываютъ у людей потому, что они или не знаютъ вѣрнаго пути къ совѣсти, или же не хотятъ имъ идти; нерѣдко они ошибаются, принимая „житейскую пользу“ за нравственное добро, или не рѣшаясь поставить передъ совѣстью правильный вопросъ о *самомъ лучшемъ*; или же они, совсѣмъ не обращаясь къ ея авторитетному голосу, придумываютъ что-нибудь *отъ себя*. При правильномъ же изслѣдованіи голосъ совѣсти покажетъ всѣмъ людямъ одно и тоже, и это выражали иногда такъ: совѣсть

есть голосъ Божій, звучащій одинаково въ каждой душѣ, но требующій отъ нея особаго вниманія и *самодѣятельной* работы надъ ея убѣжденіями. Таковъ *порядокъ установленія* моральныхъ нормъ.

Понятно, что норма морали *связываетъ только того* человѣка, который ее призналъ; она предполагаетъ *добровольное* согласіе и признаніе и если кто-нибудь соблюдаетъ ее по чужому приказанію, изъ покорности или страха, то она теряетъ свой моральный характеръ. Это не значитъ, конечно, что всякій, кто не захочетъ признать ее, можетъ дѣлать, что ему заблагоразсудится: произволъ его окажется ограниченнымъ нормами другого характера—тѣми нормами права, которыя связываютъ каждаго гражданина, а также тѣми, которыя установлены распоряженіями его ближайшаго начальства (напр. воспитателей). Но это значитъ, что нравственная жизнь возможна только для того, кто имѣетъ дѣйствительное, искреннее желаніе стать лучше; каждаго человѣка можно и должно свободно *убѣдить* въ томъ, что существуетъ внутренній законъ добра и что это есть законъ любви; и наконецъ, что если онъ его не соблюдаетъ, то онъ *всегда будетъ неправъ*. Но *принудительно*—нормою морали нельзя связать никого.

Далѣе эта норма предписываетъ всегда извѣстное *внутреннее отношеніе* ко всему живому и въ особенности къ человѣку и, въ видѣ естественнаго послѣдствія или выраженія этого настроенія души,—*внѣшнее поведеніе, согласное съ нимъ*. Нравственныя правила всегда начинаютъ съ душевной глубины и требуютъ прежде всего *внутренней доброты*. Это не значитъ, что они удовлетворяются ею и бо́льшаго не требуютъ; не даромъ говорится, что „адъ вымощенъ добрыми желаніями“. Но это означаетъ, что нравственныя правила никогда не предписываютъ внѣшнихъ поступковъ или внѣшняго поведенія *независимо* отъ того душевнаго настроенія, которымъ они сопорождаются. Нравственный поступокъ всегда подготовляется въ глубинѣ души, какъ бы выростаетъ изъ нея, и внѣшнее проявленіе человѣка всегда является въ такихъ случаяхъ лишь зрѣлымъ плодомъ внутренней доброты.

Наконецъ норма морали имѣетъ свою санкцію въ видѣ живого *укора совѣсти*. Тонко развитая и глубоко чувствующая душа испытываетъ этотъ укоръ часто и явственно. Онъ выражается въ извѣстномъ каждому изъ насъ *внутреннемъ недовольствѣ* своимъ поступкомъ или даже всею своею жизнью: человѣкъ сознаетъ свою *неправоту* и чувствуетъ, что онъ и *долженъ* и *можетъ* жить и дѣйствовать иначе; это и вызываетъ въ немъ чувство *вины*. Задача человѣка въ томъ, чтобы не заглушать въ себѣ укоръ совѣсти и чувство нравственной вины, но пріучить себя относиться со вниманіемъ къ этому укору и тѣмъ воспитать въ себѣ *чувство нравственной отвѣтственности*.

Послѣ всего сказаннаго понятно, каково взаимное отношеніе нормъ религіи и нормъ морали. Онѣ отличаются во первыхъ по тому авторитету, который устанавливаетъ правило (въ религіи—*воля Божія*, въ морали—*голосъ совѣсти*); во-вторыхъ по тому порядку, въ которомъ правило формулируется (въ религіи—соборное изложеніе откровенія, даннаго *избраннымъ* людямъ, въ морали—самостоятельное воспріятіе и формулированіе голоса совѣсти даннаго *каждому*); въ-третьихъ по санкціи (въ религіи—гнѣвъ и судъ Божій надъ грѣшникомъ, въ морали—укоръ совѣсти и чувство вины). Въ то же время нормы религіи и нормы морали имѣютъ сходство: во-первыхъ въ томъ, что онѣ *требуютъ* всеобщаго признанія, но связуютъ только тѣхъ, кто ихъ добровольно призналъ (въ религіи— увѣровалъ, въ морали—убѣдился); во вторыхъ въ томъ, что онѣ предписываютъ извѣстное поведеніе, выростающее изъ глубины души.

При этомъ вѣрующіе обычно подразумѣваютъ, что норма религіозная, являясь выраженіемъ воли Божіей, не отмѣняетъ и не измѣняетъ голосъ совѣсти, но придаетъ ему особую силу и дополняетъ его требованія—новыми. Вотъ почему религія иногда поглощаетъ мораль.

§ 8. Нормы морали и права.

Различіе между нормами морали и нормами права является еще болѣе значительнымъ

Прежде всего нормы права устанавливаются не внутреннимъ авторитетомъ, а *внѣшнимъ*: онѣ основываются не на

божественной волѣ и не на голосѣ совѣсти, но на предписаніи, которое создается извѣстными *людьми* и связываетъ какъ ихъ самихъ, такъ и другихъ членовъ союза. Правовыя нормы вообще устанавливаются и формулируются *другими* людьми, т.-е. не каждымъ человѣкомъ для самого себя; онѣ какъ бы приходятъ къ намъ извнѣ, предписывая, запрещая и позволяя намъ различные поступки, независимо отъ того согласны мы на это или не согласны. Право основывается на томъ, что въ союзѣ людей есть *общая* для всѣхъ *власть*, т.-е. что *нѣкоторые изъ членовъ союза уполномочены* придумывать, выражать въ словахъ и объявлять обязательныя для всѣхъ правила поведенія, а также слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ имъ повиновались. Эти правила получаютъ свою силу отъ ихъ авторитета, а ихъ авторитетъ покоится на томъ полномочіи, которое имъ предоставлено. Понятно, что эти „другіе“ люди, которые создаютъ для себя и для насъ правовыя нормы, являются всегда *строго опредѣленными* и *уполномоченными* людьми. Они могутъ получить это полномочіе различными путями: во первыхъ такъ, что всѣ члены союза сговариваются и прямо поручаютъ имъ это дѣло (напр. вѣче избирало князя въ древней Руси; или, въ наше время, корпорація избираетъ свое „правленіе“, клубъ выбираетъ „старшинъ“ и т. д); во-вторыхъ въ силу того, что есть *постоянное правило*, указывающее, кому эта власть принадлежитъ пожизненно и къ кому переходитъ по наслѣдству (напр. власть монарха), и, на ряду съ этимъ, кто, кѣмъ и на какую должность можетъ быть выбранъ народомъ (напр. члены Государственной Думы) или назначенъ государемъ (напр. министры, губернаторы); наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда союзъ организуется заново, или въ корнѣ переустраивается, или объединяется ненадолго, такое полномочіе можетъ принадлежать тому, кто первый проявитъ иниціативу и за кѣмъ другіе члены союза признаютъ эту власть молчаливымъ повиновеніемъ (такъ бываетъ, напримѣръ, когда за отсутствіемъ обычныхъ властей во время войны, или эпидеміи, или смуты организуется временный общественный комитетъ для поддержанія порядка). Во всѣхъ этихъ случаяхъ налицо остается допущеніе, что нѣкоторые, строго опредѣленные люди имѣютъ полномочіе издавать обя-

зательныя нормы и императивы, и что это „правильно“.

Отсюда уже ясно, что правовая норма устанавливается всегда *въ опредѣленномъ порядкѣ*. Если далеко не всякій уполномоченъ издавать правовыя нормы, то съ другой стороны и тѣ, кто на это уполномоченъ, должны соблюдать въ своемъ дѣлѣ извѣстный, обыкновенно строго предначертанный порядокъ. Къ установленію и соблюденію этого порядка приводитъ сознаніе того, какъ важно и какъ трудно получить вполнѣ справедливую и цѣлесообразную правовую норму. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что вѣрную норму *морали* также очень трудно установить, и что соблюденіе строгой *внутренней* послѣдовательности въ раскрытіи голоса совѣсти необходимо и тамъ; но къ сожалѣнію люди до сихъ поръ мало прониклись этой идеей. Въ области же права люди это признали; именно поэтому они раздѣлили весь путь, который проходятъ правовыя нормы на нѣсколько этаповъ. Согласно этому раздѣленію одни имѣютъ полномочіе указывать на необходимость новой нормы: другіе—провѣрять эту необходимость и формулировать предполагаемую норму; третьи обсуждаютъ справедливость и цѣлесообразность предложеннаго правила и рѣшаютъ—быть ему или не быть; верховная власть утверждаетъ это рѣшеніе; затѣмъ отдѣльно провѣряется, соблюденъ ли предначертанный порядокъ изданія нормы и, наконецъ, самая норма объявляется во всеобщее свѣдѣніе. Таковъ обычный порядокъ, о которомъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ (см. § 20).

Теперь понятно также, на кого распространяется правовая норма, установленная властью. Правовыя предписанія исходятъ отъ *однихъ* людей, а обращаются къ *другимъ* людямъ, принадлежащимъ къ этому союзу и подчиненнымъ этой власти. Это означаетъ прежде всего, что правовая норма предписываетъ людямъ извѣстное поведеніе *независимо* отъ того, согласны ли они, что эта норма хороша, или несогласны, хотятъ они ей подчиняться, или не хотятъ. Если правовая норма что-нибудь повелѣваетъ, или что-нибудь воспрещаетъ, то это повелѣніе и это воспрещеніе сохраняютъ все свое значеніе и въ томъ случаѣ, если есть несогласные: они все равно *обязаны* ей подчинятся. Она не теряетъ своего значенія и своей силы потому, что *не зависитъ отъ*

добровольнаго признанія и внутренняго убѣжденія подчиненныхъ ей. Въ этомъ ея глубокое отличіе отъ нормъ морали, которыя основываются именно на внутреннемъ убѣжденіи и добровольномъ признаніи человѣка. Само собой разумѣется, что тотъ, кто установилъ правовое предписаніе, былъ убѣжденъ въ его необходимости и цѣлесообразности; но въ согласіе всѣхъ подчиненныхъ онъ не нуждался. Итакъ правовая норма связываетъ всѣхъ тѣхъ и даже несогласныхъ членовъ союза, которые въ ней указаны. При этомъ, по общему правилу, въ каждомъ союзѣ власть можетъ издавать предписанія только для своихъ членовъ; однако эти предписанія могутъ относиться и къ тѣмъ пришлымъ людямъ, которые временно пребываютъ въ предѣлахъ союза, какъ бы на положеніи гостей (напр. „торговые гости“, „иноземные гости“; срв. русскія былины).

Къ этому необходимо добавить, что каждая правовая норма, что бы она ни предписывала и ни воспрещала, налагаетъ особую связь *и* на тѣхъ людей, которые установили ее своею властью. Именно, разъ установивъ ее, они обязаны поддерживать ее всѣми силами и признавать ее за правовую норму; они не могутъ установить новое правило, которое бы ей противорѣчило, до тѣхъ поръ, пока не отмѣнятъ открыто первую норму; наконецъ, они не могутъ никому позволить не повиноваться нормѣ, а съ другой стороны не могутъ никого заставить повиноваться тому, что не установлено въ правовыхъ нормахъ или не высказано въ видѣ правового императива. Въ этомъ *отличіе права отъ произвола* и правовой нормы отъ произвольныхъ требованій.

Но если правовая норма требуетъ извѣстнаго поведенія независимо отъ согласія того, кому она его предписываетъ, то отсюда ясно, что она можетъ требовать отъ людей *только такого поведенія, которое можно соблюдать безъ внутренняго согласія.* Это значитъ, что право можетъ предписывать только *внѣшнее поведеніе* и не можетъ требовать отъ людей, чтобы они осуществляли по приказанію какія-нибудь внутреннія душевныя состоянія: о чемъ-нибудь думали, что-нибудь любили, чего-нибудь не желали и т. д. Такія предписанія со стороны права *несостоятельны* во-первыхъ потому, что внутреннія, душевныя качества нравственно цѣнны

только тогда, если они выработаны и созданы доброю волею и личными усиліями человѣка, и теряютъ свою цѣнность, если человѣкъ старается пріобрѣсти ихъ по чужому приказу; они несостоятельны во-вторыхъ потому, что никто не можетъ заставить человѣка признать что-нибудь, или захотѣть, или подумать, а также не можетъ провѣрить, дѣйствительно ли онъ это призналъ, захотѣлъ и подумалъ или только „сдѣлалъ видъ", чтобы избѣжать преслѣдованій. Въ прежнія времена полагали, что это возможно и потому подвергали людей, напрасной и несправедливой пыткѣ; но въ наши дни эта граница права признана окончательно.

Это не значитъ, однако, что правовыя предписанія *совсѣмъ не обращаютъ вниманія* на душевныя состоянія людей. Нѣтъ; но право считается лишь съ тѣми душевными состояніями (помыслами, желаніями, чувствованіями) которыя *проявлены людьми въ ихъ внѣшнемъ поведеніи*—посредствомъ словъ, жестовъ, или въ письменной формѣ. Такъ напр. покупка можетъ состояться лишь въ томъ случаѣ, если покупающій *выразитъ* какъ-нибудь свое согласіе; или, напр, судъ будетъ изслѣдовать и провѣрять наличность злой, испорченой воли у человѣка только тогда, если онъ совершитъ какіе-нибудь *внѣшніе,* запрещенные правомъ поступки и т. д. Но, пока человѣкъ ничѣмъ внѣшнимъ не обнаружилъ намѣренія или попытки нарушить правовую норму, и не совершилъ никакого внѣшняго поступка, которому правовыя нормы придаютъ извѣстныя послѣдствія (напр. не подалъ голоса на выборахъ, не заключилъ договора, не предложилъ къ продажѣ свою вещь)—власть, слѣдящая за соблюденіемъ права, не имѣетъ никакихъ основаній вторгаться въ его внутреннюю жизнь. Нравственныя рѣшенія и дурныя желанія сами по себѣ имѣютъ значеніе въ религіи и морали, но не въ правѣ; для права важно только то, что́ обнаружено или чего не обнаружено во внѣшнемъ поведеніи.

Наконецъ правовыя нормы обычно (хотя далеко не всегда) имѣютъ *санкцію* Эта санкція состоитъ въ томъ, что нарушающій правовую норму, дѣлающій запретное или не исполняющій своей обязанности,—можетъ ожидать непріятныхъ послѣдствій, которыя постигнутъ его въ его внѣшней жизни Санкція правовой нормы всегда осуществляется такъ, что

приходятъ другіе, уполномоченные люди, и *заставляютъ* неповинующагося дѣлать то, чего ему не хочется: или понуждаютъ его исполнить свою обязанность, указывая ему на правовую норму, которую онъ нарушилъ и на взысканія, которыя могутъ быть на него возложены (напр. понуждаютъ его внести недоимку, явиться къ отбыванію воинской повинности); или исполняютъ эту обязанность за его счетъ (напр. продаютъ часть его имущества и вносятъ за него недоимку, или уплачиваютъ изъ вырученныхъ денегъ его долги); или же налагаютъ на него взысканіе, будь то по суду или въ порядкѣ управленія.

Теперь должно быть понятно отличіе правовыхъ нормъ отъ нормъ морали. Онѣ отличаются, во-первыхъ, по тому авторитету, который устанавливаетъ правило (въ морали—внутренній авторитетъ: *голосъ совѣсти*; въ правѣ—внѣшній авторитетъ: *другіе люди*, строго опредѣленные и *особо уполномоченные*); во-вторыхъ, по тому порядку, въ которомъ правило устанавливается (въ морали—самостоятельное воспріятіе и формулированіе голоса совѣсти, даннаго каждому особо; въ правѣ—*послѣдовательное* прохожденіе правила черезъ всѣ *строго установленные* этапы разсмотрѣнія, въ которомъ участвуютъ *многіе* люди); въ третьихъ по тому, кто получаетъ предписаніе (въ морали—добровольно признавшій требованіе совѣсти; въ правѣ — *всякій членъ союза, указанный въ нормѣ, независимо отъ его согласія* и признанія); въ четвертыхъ по тому поведенію, которое предписывается въ нормѣ (въ морали—*внутреннее поведеніе*, выражающееся и во внѣшнихъ поступкахъ; въ правѣ— *внѣшнее поведеніе* которое можетъ, однако, привести и къ разсмотрѣнію душевнаго состоянія; и, наконецъ, въ пятыхъ, по санкціи (въ морали—укоръ совѣсти и чувство вины; въ правѣ—угроза непріятными послѣдствіями и внѣшнія принудительныя мѣры).

§ 9. Естественное право. Требованія справедливости.

Несмотря на то, что между нормами права и нормами морали имѣются столь существенныя отличія, между ними не порывается и не должна порываться *живая связь*.

Отношеніе между правомъ и моралью можетъ слагаться

правильно и неправильно. *Правильное* отношеніе между ними существуетъ тогда, когда право, не выходя изъ своихъ предѣловъ, *согласуется по существу* съ требованіями морали и является для нея подготовительной ступенью и поддержкою; а мораль, съ своей стороны, служа для права высшимъ мѣриломъ и руководителемъ, *придаетъ правовымъ велѣніямъ* то глубокое значеніе и ту *обязательную силу*, которая присуща нормамъ морали. Это бываетъ, слѣдовательно, тогда, когда право съ одной стороны предписываетъ людямъ такое внѣшнее поведеніе, которое можетъ быть одобрено и совѣстью (напр. служеніе общему благу, ненарушеніе чужой свободы, неподкупность, защиту родины, исполненіе обязательствъ принятыхъ на себя добровольно и т д.); когда оно, съ другой стороны, воспрещаетъ людямъ тѣ внѣшніе поступки, которыхъ и совѣсть не одобряетъ (напр. нарушеніе даннаго слова, обманъ, причиненіе вреда, насиліе, притѣсненіе, убійство и т. д.); и когда, наконецъ, право, не разрѣшая людямъ никакихъ, нравственно предосудительныхъ дѣяній, устанавливаетъ въ людскихъ отношенія *справедливый* порядокъ.

Справедливость требуетъ, чтобы люди вообще обсуждали и разсматривали свои отношенія и судили другихъ людей,— имѣя въ виду „дѣйствительное положеніе вещей", т.-е. не только внѣшнюю поверхностную видимость отношеній и поступковъ, но ихъ *подлинную сущность* и *нравственное значеніе*. Дѣло въ томъ, что на свѣтѣ ни одно событіе не повторяется цѣликомъ, какъ оно есть, хотя внимательное научное наблюденіе выдѣляетъ безъ труда черты *сходства* въ явленіяхъ міра. Однако каждый разъ, какъ мы присмотримся къ событію повнимательнѣй, такъ окажется, что оно представляетъ изъ себя нѣчто совершенно новое. Во-первыхъ, *все подлежитъ непрерывному развитію* и измѣненію: и вода, и земля и растенія, и животныя; и сами люди постоянно измѣняются, развиваясь и внутренне, и внѣшне; достаточно подумать, напримѣръ, что тѣло каждаго изъ насъ *совершенно*, хотя и незамѣтно, обновляется на протяженіи десяти лѣтъ. Во-вторыхъ, всѣ вещи и всѣ люди *въ сущности неодинаковы*, хотя отчасти могутъ походить другъ на друга и взаимно напоминать другъ-друга; но происхожденіе отъ разныхъ предковъ и родителей, различное воспитаніе, строеніе тѣла, характеръ

души, личныя способности и склонности,—все это дѣлаетъ каждаго изъ насъ единственнымъ въ своемъ родѣ и неповторяемымъ. Это еще не придаетъ никому изъ насъ особенной цѣнности, но ведетъ къ тому, что на свѣтѣ *дѣйствительно ничего не повторяется*. Между тѣмъ, если человѣкъ будетъ останавливаться вниманіемъ и мыслью только на единичныхъ, индивидуальныхъ явленіяхъ жизни, то онъ неизбѣжно растеряется, какъ въ теоретическомъ познаніи, такъ и въ практическомъ руководствѣ: онъ не найдетъ ни одного „закона природы“ и не создастъ ни одной „нормы поведенія“ (см. § 1). Потому что и въ томъ, и въ другомъ человѣкъ останавливается именно на похожемъ и одинаковомъ, *отвлекая его мысленно* отъ несходнаго, и условно закрывая себѣ глаза на неодинаковое. Норма, если она не превращается въ императивъ, всегда имѣетъ въ виду лишь одинаковое, „типическое“ во многихъ возможныхъ различныхъ случаяхъ; поэтому она по необходимости не учитываетъ каждый отдѣльный случай въ его неповторяемой особливости, въ его прихотливомъ своеобразіи; и этимъ она какъ бы *„уравниваетъ“* всѣ случаи, т.-е. разсматриваетъ ихъ такъ, *какъ если бы* они были *одинаковы*, тогда какъ *на самомъ дѣлѣ* они остаются *неодинаковыми*. И вотъ, здѣсь возникаетъ опасность, что правовыя нормы окажутся чрезмѣрно отвлеченными, разсматривающими всю жизнь какъ бы съ высоты птичьяго полета и все уравнивающими. Чрезмѣрная *удаленность* и *общность* права неминуемо поведетъ къ его *несправедливости*; мы всѣ чувствуемъ и сознаемъ, что люди не равны между собою: справедливая норма не можетъ возлагать одинаковыя обязанности на ребенка и на взрослаго, на бѣднаго и на богатаго, на женщину и на мужчину, на больного и на здороваго; ея требованія должны быть *соразмѣрны* личнымъ силамъ, способностямъ и имущественному положенію людей: кому больше дано, съ того больше и взыщется. Поэтому справедливость требуетъ, чтобы правовыя нормы сохраняли въ своихъ требованіяхъ *соразмѣрность дѣйствительнымъ свойствамъ и дѣяніямъ людей*.

Однако, съ другой стороны, невозможно создавать для *каждаго* отношенія людей *особую* правовую норму, приспособленную именно къ *этому* отношенію во всѣхъ его особенностяхъ и деталяхъ и въ силу этого не подходящую болѣе

ни къ одному отношенію. Понятно, что въ такомъ случаѣ нормы превратились бы въ единичные императивы и количество правовыхъ императивовъ должно бы было неминуемо разрастись до безконечности.

Такой порядокъ былъ бы опять-таки сразу и *вреденъ*, и *несправедливъ*.

Если бы право, стремясь къ соотвѣтствію съ дѣйствительными свойствами и дѣяніями людей, стало вмѣшиваться во всѣ второстепенныя детали человѣческихъ отношеній, предусматривая каждый шагъ и стѣсняя каждое проявленіе, то произошло бы слѣдующее. *Во-первыхъ* оно потерпѣло бы неудачу въ осуществленіи этого, ибо *невозможно* предусмотрѣть заранѣе каждый индивидуальный случай, могущій возникнуть въ будущемъ: будущее всегда чревато *непредвидимыми событіями*, всегда новыми и почти всегда неожиданными, и весь трудъ оказался бы здѣсь тщетнымъ; невозможно также увеличивать число правовыхъ правилъ до безконечности, ибо это породило бы только замѣшательство и вмѣсто устроенія жизни возникло бы горшее разстройство. *Во-вторыхъ* вмѣшательство права во всѣ жизненныя детали для того, чтобы заранѣе съ точностью отмѣрить для каждаго случая соотвѣтствующую дозу правовыхъ послѣдствій, привело бы къ тому, что люди изъ-за этой мелочной предусмотрительности утратили бы всякую *инициативу* и всякій починъ, всякую возможность *свободной самодѣятельности* (см. § 5); а между тѣмъ право есть *опора* для свободной и согласной дѣятельности людей, но не педантическая опека надъ ихъ дѣятельностью; оно должно укрѣпить въ людяхъ правосознаніе, но не отучить ихъ отъ самодѣятельности. *Въ-третьихъ*, такое вмѣшательство права, съ его внѣшними предписаніями, во всѣ жизненныя детали, стѣснило бы и ограничило бы ту область, въ которой господствуетъ и свободно развивается *моральное чувство* или *голосъ совѣсти;* право не должно переходить свою границу и вторгаться въ сферу свободныхъ и добровольныхъ душевныхъ движеній и ихъ естественныхъ внѣшнихъ проявленій, иначе утратится дружная и согласованная работа морали и права надъ усовершенствованіемъ человѣческой жизни. Вотъ почему такой порядокъ былъ бы *вреденъ*.

Но онъ былъ бы, сверхъ того, и *несправедливъ*. Дѣло въ томъ, что люди, несмотря на все свое несходство и неодинаковость, сохраняютъ *равенство* въ извѣстномъ отношеніи, такъ, что, если бы право упустило изъ вида это равенство, то оно впало бы въ явную несправедливость Всѣ люди, какъ *разумныя, живыя существа*, носящія въ себѣ *влеченіе къ счастью* и къ *полнотѣ духовнаго бытія*, скрывающія въ себѣ *голосъ совѣсти* и *способность къ нравственному совершенствованію*,—имѣютъ одинаковое, *по справедливости равное* притязаніе на жизнь, на удовлетвореніе, на развитіе своихъ благихъ способностей и на свободу добрыхъ проявленій. Это равенство не состоитъ, разумѣется, въ томъ, что всѣ имѣютъ безграничную свободу, или, что никто никому не обязанъ подчиняться, или, что всякій воленъ дѣлать, что ему угодно. Нѣтъ; свобода каждаго человѣка простирается лишь до тѣхъ предѣловъ, у которыхъ начинается свобода другихъ людей. Совмѣстная жизнь людей ставитъ ихъ въ такое положеніе, что каждый оказывается помѣщеннымъ какъ бы въ клѣточку, окруженную такими же клѣточками другихъ людей. И вотъ, справедливость требуетъ, чтобы эти клѣточки невытѣсняли взаимно другъ-друга, но предоставляли другъ-другу свободу существованія. Согласно этому, справедливость требуетъ, чтобы право поддерживало *равенство* и *равновѣсіе* между людьми, *поскольку это необходимо* для того, чтобы *каждый* могъ вести *достойное существованіе*. Здѣсь право должно избѣгнуть другой опасности: оно не должно упускать изъ вида, что каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни былъ онъ ограниченъ въ своихъ силахъ и способностяхъ,—имѣетъ *безусловное духовное достоинство*, и что въ этомъ своемъ человѣческомъ достоинствѣ каждый человѣкъ равенъ другому. Если люди *различны* по своимъ *реальнымъ свойствамъ*, то они *равны* по своему *человѣческому достоинству*. Поэтому справедливое право не поддерживаетъ *естественнаго неравенства* людей, если отъ этого можетъ пострадать ихъ *духовное равенство*. *Справедливое право есть право, которое вѣрно разрѣшаетъ столкновеніе между естественнымъ неравенствомъ и духовнымъ равенствомъ людей*, учитывая первое, но отправляясь всегда отъ послѣдняго.

Правовыя нормы, стоящія въ согласіи съ моралью и спра-

ведливостью называются *естественнымъ правомъ* (т.-е. правомъ, соотвѣтствующимъ самому „естеству“ человѣка, какъ духовно-нравственнаго существа). Когда человѣкъ имѣетъ дѣло съ такими нормами, то онъ получаетъ возможность повиноваться имъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Тогда оказывается, что каждый человѣкъ имѣетъ не только правовую, но и *моральную* обязанность *повиноваться праву*, потому что тогда право предписываетъ во внѣшнемъ поведеніи то самое, что голосъ совѣсти одобряетъ, какъ нравственное и справедливое. При такомъ положеніи дѣлъ право требуетъ отъ человѣка какъ бы извѣстнаго минимума моральнаго и справедливаго поведенія, именно—*моральной корректности во внѣшнихъ поступкахъ*, и этимъ оно содѣйствуетъ нравственному воспитанію человѣка, начиная это воспитаніе съ „внѣшняго“. Тогда и мораль находитъ въ правѣ могучую и достойную опору и между обѣими сторонами устанавливается живое и творческое взаимодѣйствіе. Въ естественномъ правѣ обѣ стороны соединяются и согласуются: право остается правомъ, но получаетъ значеніе моральной вѣрности и становится *естественнымъ* правомъ; мораль не вытѣсняется и не нарушается правомъ, но руководитъ его предписаніями и придаетъ ему характеръ *„естественности“*.

Такого вѣрнаго соотношенія въ дѣйствительности достигнуть трудно, хотя и не невозможно. Все человѣчество имѣетъ передъ собою задачу—работать надъ моральнымъ усовершенствованіемъ права. Создать естественное право есть идеалъ, который постепенно осуществляется въ исторіи, но который еще далеко не осуществленъ; отмѣна правовыхъ нормъ, допускавшихъ рабство, пытки, тѣлесное наказаніе, крѣпостное состояніе, безправное положеніе женщины и т. д. свидѣтельствуетъ о томъ, что дальнѣйшая работа здѣсь и необходима, и возможна.

Таково правильное отношеніе между нормами морали и права.

§ 10. Цѣль и значеніе права. Нравы.

Послѣ всего сказаннаго не трудно понять, какова цѣль права и въ чемъ его значеніе.

Цѣль права, какъ и другихъ нормъ общественнаго поведенія, состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы сдѣлать возможнымъ *мирное сожительство людей*. Право достигаетъ этого тѣмъ, что указываетъ людямъ *обязательные* для нихъ *предѣлы въ ихъ внѣшней дѣятельности*. Въ дѣлѣ обузданія людскихъ страстей и ограниченія непомѣрныхъ претензій право довольствуется тѣмъ, что устанавливаетъ порядокъ во *внѣшнихъ* поступкахъ, предоставляя каждому узнать, посредствомъ чтенія и изученія правовыхъ нормъ, сущность и черты этого обязательнаго порядка. Совершать тѣ внѣшніе поступки, которые правомъ предписаны, и не совершать тѣхъ внѣшнихъ поступковъ, которые правомъ воспрещены, людей побуждаетъ: во-первыхъ, *простое сознаніе* того, что *такъ велитъ правовая норма*, во-вторыхъ—сознаніе того, что уклоненіе отъ этого порядка должно повлечь за собою *непріятныя принудительныя послѣдствія*. Для тѣхъ, кто признаетъ, что повиновеніе праву необходимо ради поддержанія мирнаго сожительства, достаточно простого сознанія: „такъ велитъ правовая норма“; они повинуются праву и въ томъ случаѣ, если оно почему-нибудь рѣшаетъ споръ не въ ихъ пользу; мало того: такіе люди, обнаруживающіе истинную *зрѣлость правосознанія*, повинуются даже тѣмъ правовымъ нормамъ, которыя кажутся имъ несправедливыми. Это слѣдуетъ понимать такъ: если право рѣшаетъ ихъ споръ *не въ ихъ пользу* и притомъ несправедливо, то они спокойно и мужественно переносятъ это несправедливое рѣшеніе, подчиняясь ему; если же несправедливое рѣшеніе обращается во вредъ *другому*, то они по доброй волѣ вознаграждаютъ несправедливо-потерпѣвшаго сосѣда. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они стремятся сдѣлать *все*, что въ ихъ силахъ для того, чтобы замѣнить устарѣвшую или неудачную, или несправедливую норму—новою, справедливою и вѣрною.

Такой образъ дѣйствій какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ высшей и основной цѣли права: устроить совмѣстную жизнь людей такъ, чтобы на столкновенія, взаимную борьбу, ожесточенные споры и т. д. тратилось *какъ можно меньше духовныхъ силъ*. Мирныя отношенія между людьми состоятъ не въ томъ, что каждый непрерывно судится со всѣми, жа-

луясь, и отстаивая свою выгоду всѣми дозволенными средствами, или даже старается запутать судей и провести свое дѣло во что бы то ни стало. Такой человѣкъ часто оказывается готовымъ *обойти законъ*, если ему не удается отстоять свои интересы *по закону*. Для него право является не другомъ морали, а только врагомъ его личной жадности; онъ испытываетъ правовыя предписанія, какъ цѣпи на своихъ рукахъ, и всюду, куда право почему-нибудь не вполнѣ проникаетъ (напр., во внутреннія отношенія семьи или въ отношеніе къ мирнымъ иностранцамъ на войнѣ и во время войны) онъ готовъ проявить свою злую и хищную волю.

Относиться такъ къ праву значитъ употреблять его во зло, тогда какъ на самомъ дѣлѣ *право призвано служить не злу, а добру*. Первоначально правовыя нормы были введены для того, чтобы *обуздать внѣшнія проявленія злой воли*, но было бы жестокой ошибкой думать, что этимъ исчерпывается назначеніе права. Самое обузданіе внѣшнихъ проявленій злой воли необходимо именно для того, чтобы содѣйствовать развитію въ душахъ людей *доброй воли* и право только тогда будетъ понято въ своемъ истинномъ значеніи, когда люди будутъ имѣть въ виду не букву права, а его основную цѣль и *духъ*.

Значеніе права состоитъ въ томъ, что оно есть могучее средство *воспитанія людей къ общественной жизни*. Правовыя нормы и повиновеніе имъ должны научить человѣка считаться съ существованіемъ другихъ людей и съ ихъ интересами. Каждый человѣкъ долженъ пріучить себя къ тому, чтобы *доброю волею* ограничивать свои притязанія, принимая во вниманіе, что другіе также *имѣютъ право* жить и осуществлять *свои* интересы. Ограничивая свободу каждаго извѣстными предѣлами, право обезпечиваетъ ему за то безпрепятственное и спокойное пользованіе *своими* правами, т.-е. гарантируетъ ему свободу *внутри* этихъ предѣловъ. Свобода каждаго человѣка простирается лишь до той границы, отъ которой начинается свобода другихъ людей. Стремясь установить эти границы, право содѣйствуетъ тому, чтобы въ совмѣстной жизни людей воцарился *порядокъ*, основанный на *свободѣ*.

Воспитать людей въ этомъ направленіи значитъ, далѣе,

пріучить ихъ къ мысли о томъ, что каждый человѣкъ,— кто бы онъ ни былъ, и какими бы свойствами онъ ни отличался, имѣетъ *одинаковое* право жить, работать, бороться за свои справедливые интересы и развивать свои духовныя силы. Укрѣпленіе этого чувства въ людяхъ достигается особенно распространеніемъ естественнаго (т.-е нравственно вѣрнаго) права: повинуясь ему, человѣкъ пріучается видѣть въ каждомъ—*равнаго* себѣ *ближняго* своего и уважать *каждаго*, кто бы онъ ни былъ. Воспитывая такъ человѣка, право содѣйствуетъ тому, чтобы въ совмѣстной жизни людей воцарился *порядокъ*, основанный на *равенствѣ*.

Именно въ этомъ значеніи своемъ право оказывается преддверіемъ морали. Человѣкъ, пріучившійся сдерживать и обуздывать свои внѣшнія проявленія согласно правовымъ нормамъ, пріобрѣлъ уже умѣніе господствовать надъ собою при помощи воли. *Внѣшнее самообладаніе*, къ которому пріучаетъ право, есть уже начавшееся господство разумной воли надъ жизнью необузданныхъ страстей и дикихъ порывовъ. Конечно, мало развить въ себѣ сознаніе своихъ правъ и обязанностей *(правосознаніе)*, и пріучить себя къ вѣрному съ точки зрѣнія права (т. наз. *легальному* или *лойяльному*) поведенію. Только внутренняя нравственная работа надъ собою можетъ облагородить душу въ ея корнѣ и пробудить въ человѣкѣ *любовное* отношеніе къ ближнимъ. Но, работая надъ человѣческимъ поведеніемъ рука объ руку съ моралью и подготовляя ея конечное торжество, право, несомнѣнно, содѣйствуетъ тому, чтобы въ совмѣстной жизни людей воцарился *порядокъ*, основанный на *братствѣ*.

Въ этомъ дѣлѣ общественнаго воспитанія праву приходятъ на помощь *нормы нравовъ*. Правовыя предписанія не могутъ проникнуть во всѣ стороны человѣческой жизни и установить повсюду обязательные предѣлы это значило бы убить всякую свободную жизнь, всякое нестѣсненное проявленіе и творческую иниціативу людей; съ другой стороны, праву и не удалось бы учесть всякое движеніе человѣка, а погоня за мелочами заставила бы его упустить изъ вида главное - (см. § 9). Поэтому оказывается очень важнымъ, чтобы въ жизни людей постепенно слагались *добрые обычаи* и *морально вѣрные нравы*. Эти обычаи необязательны въ правовомъ отношеніи

и никѣмъ формально не устанавливаются; и, тѣмъ не менѣе, люди осуществляютъ ихъ и, если кто-нибудь формулируетъ ихъ въ видѣ *правилъ поведенія*, то признаютъ ихъ,—отчасти по привычкѣ къ нимъ, отчасти изъ смутнаго сознанія, что „такъ лучше", отчасти же изъ уваженія къ авторитету „общественнаго мнѣнія". Таковы напр. всѣ правила вѣжливаго и любезнаго обхожденія, многіе обычаи религіозные, торговые, обычаи связанные съ отдыхомъ и увеселеніями и т. д Рѣдко кто можетъ указать корень и происхожденіе такого обычая; часто остается только сознаніе, что „такъ дѣлали отцы и дѣды", или, что „такъ изстари повелось". Конечно не все, что „повелось" заслуживаетъ одобренія и поддержки: обычаи могутъ быть грубы и жестоки (напр. бой быковъ, русскіе кулачные бои), или вредны духовно и тѣлесно (напр. пьянство, объяденіе по праздникамъ), или основаны на предразсудкахъ и суевѣріи (напр. гаданія, чуранія и т. п.). Однако съ развитіемъ и углубленіемъ образованія, вредное и нелѣпое постепенно отпадаетъ и сознаніе: „такъ надо, хотя и никто не приказалъ", связывается только съ тѣми обыкновеніями, которыя *облегчаютъ задачу морали и права. Нравы* народа соотвѣтствуютъ тому, что мы называемъ „характеромъ" у отдѣльнаго человѣка: это свойственные ему, устойчивые способы внутренней жизни, которые и выражаются въ видѣ внѣшнихъ *обычаевъ*. И вотъ, по мѣрѣ духовнаго развитія народа нравы все болѣе совершенствуются и находятъ себѣ выраженіе въ хорошихъ и благородныхъ обычаяхъ (напр. обычай благотворенія, обычай выражать другому свое уваженіе), а добрые обычаи содѣйствуютъ въ свою очередь воспитанію въ людяхъ—благородныхъ и мягкихъ нравовъ.

§ 11. Содержаніе права. Объективное право и субъективное право.

Мы видѣли, что всякая правовая норма устанавливаетъ извѣстный порядокъ, какъ должный, обращаясь къ людямъ съ различными предписаніями; въ этомъ ея основная сущность, такъ какъ она всегда указываетъ, что извѣстный строй внѣшнихъ отношеній *долженъ* соблюдаться всѣми членами союза. То, что́ право предписываетъ людямъ, назы-

вается его *содержаніемъ*. Понятно, что правовыя нормы, указывая каждому обязательные предѣлы въ его внѣшней дѣятельности, могутъ *позволить* извѣстные внѣшніе поступки, но могутъ ихъ и *воспретить*, и въ то же время, воспрещая одно, онѣ могутъ *повелѣть* дѣлать другое. Право всегда указываетъ человѣку то, что „можно“, то, чего ему „нельзя“, и то, что онъ „обязанъ“ дѣлать. При этомъ, говоря о „возможности“ („можно“) и „невозможности“ („нельзя“), слѣдуетъ имѣть въ виду не тѣлесную или душевную способность человѣка: право не въ состояніи увеличивать или уменьшать *дары природы*, данные человѣку (напр. мускульную силу, здоровье, талантъ), или пріобрѣтенныя имъ *умѣнія*. Правовое „можно“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „позволено, предоставлено“, а правовое „нельзя“—въ смыслѣ „воспрещено“ Итакъ, содержаніе права состоитъ въ тѣхъ *позволеніяхъ*, *воспрещеніяхъ* и *повелѣніяхъ*, которыя имъ устанавливаются и которыя вмѣстѣ слагаютъ „порядокъ“, устанавливаемый правомъ въ качествѣ *должнаго*

Правовое позволеніе состоитъ въ томъ, что человѣку указывается, какіе внѣшніе поступки *предоставлены на его усмотрѣніе*, при чемъ правовыя нормы обезпечиваютъ ему защиту этихъ поступковъ. То, что ему позволено, или предоставлено на его усмотрѣніе (напр. распоряжаться вещами, которыя ему принадлежатъ; написать завѣщаніе или не писать завѣщанія; исповѣдовать то или другое религіозное ученіе; подавать свой голосъ на выборахъ или воздержаться, и если подавать, то за кого именно; подписывать петицію въ парламентъ или не подписывать)—образуетъ для него *сферу свободы*, признанной и защищенной правомъ. Это означаетъ *во-первыхъ*. что все, что человѣкъ совершитъ въ предѣлахъ своей правовой свободы—все это другіе люди должны допускать, не смѣя ему въ этомъ препятствовать; въ случаѣ же если кто-нибудь вздумаетъ мѣшать ему, онъ можетъ обратиться къ людямъ, слѣдящимъ за исполненіемъ правовыхъ нормъ(правящіе о́рганы государства) и они обязаны придтиему на помощь: удостовѣрить его сферу свободы, установить, что она была нарушена, изслѣдовать, кѣмъ именно, и осуществить по отношенію къ нарушителю правовую санкцію (взыскать съ него убытки потерпѣвшему или подвергнуть его сверхъ

того наказанію). Это означаетъ *во-вторыхъ*, что человѣкъ, имѣющій правовую сферу свободы, можетъ въ предѣлахъ ея совершать такіе поступки, которые будутъ имѣть для другихъ людей, а также и для него самого, *обязательныя послѣдствія* (напр., если онъ продастъ другому свою вещь; или отдастъ ее въ наемъ; или подастъ голосъ на выборахъ). Эти обязательныя послѣдствія состоятъ въ томъ, что съ одной стороны *уменьшается* или *увеличивается* его собственная сфера свободы, съ другой стороны *увеличивается* или *уменьшается* сфера свободы другого человѣка или другихъ людей (напр., продавшій уменьшаетъ, а купившій увеличиваетъ свою сферу свободы; подавшій голосъ на выборахъ уменьшаетъ, избранный увеличиваетъ свою сферу свободы). Такимъ образомъ всякое правовое позволеніе предоставляетъ человѣку опредѣленную и ограниченную, но защищенную свободу дѣйствія или *правовое полномочіе*; тотъ, кому оно предоставлено, называется *субъектомъ полномочія*. Дѣйствіе человѣка въ предѣлахъ его полномочія называется *осуществленіемъ полномочія*.

Далѣе *правовое воспрещеніе* состоитъ въ томъ, что человѣку указывается, какихъ внѣшнихъ поступковъ онъ *не смѣетъ* совершать. Понятно, что правовыя воспрещенія устанавливаются для тѣхъ поступковъ, которые, вообще говоря, по силамъ человѣку и которые онъ фактически *можетъ* совершить. То, что человѣкъ *можетъ*, но *не смѣетъ дѣлать* (напр. похитить чужое имущество; оскорбить кого нибудь дѣйствіемъ; распространить о другомъ клевету и т. п.), образуетъ для него сферу запретнаго, *сферу покорности*, установленной и поддерживаемой правомъ. Это означаетъ, что все, что человѣкъ совершитъ въ предѣлахъ запретнаго, можетъ навлечь на него тягостныя послѣдствія въ принудительномъ порядкѣ: или такъ, что пострадавшій отъ его неправомѣрнаго поступка потребуетъ отъ него черезъ посредство суда—возмѣщенія убытковъ и вознагражденія (гражданскій порядокъ при гражданскомъ правонарушеніи); или такъ, что правящіе органы (т.-е. люди, слѣдящіе за исполненіемъ правовыхъ нормъ) привлекутъ его къ отвѣтственности за нарушеніе правовыхъ нормъ, и судъ, разсмотрѣвъ дѣло, наложитъ на него наказаніе (уголовный порядокъ при уголовномъ правонарушеніи). Такимъ образомъ всякое правовое

воспрещеніе устанавливаетъ для человѣка опредѣленную и поддерживаемую угрозой сферу покорности или *правовую запретность;* тотъ, кто можетъ подлежать взысканію за неправомѣрный поступокъ, называется *отвѣтственнымъ субъектомъ.* Дѣйствіе человѣка въ предѣлахъ запретнаго называется *правонарушеніемъ.*

Наконецъ правовое повелѣніе состоитъ въ томъ, что человѣку указывается, какіе внѣшніе поступки онъ *обязанъ совершать,* при чемъ правовыя нормы обычно предупреждаютъ его о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя грозятъ ему въ томъ случаѣ, если онъ не совершитъ предписаннаго. То, что ему повелѣно и что онъ обязанъ исполнить (напр. уплатить долгъ кредитору; или внести государству налогъ; или явиться къ отбыванію воинской повинности) — образуетъ для него *сферу повиновенія,* требуемаго и поддерживаемаго правомъ. Если правительственные органы не имѣютъ физической возможности услѣдить за тѣмъ, чтобы никто *не нарушалъ запрета,* то тѣмъ болѣе они не имѣютъ возможности заставить людей *совершать* извѣстные *положительные поступки.* Въ обоихъ случаяхъ они ставятъ (какъ непокорнаго, такъ и неповинующагося) передъ угрозою непріятными послѣдствіями: жалоба пострадавшаго или привлеченіе къ отвѣтственности со стороны правящаго органа (для разныхъ случаевъ неповиновенія установлены разные пути) вызываютъ къ жизни правовую санкцію. Такимъ образомъ всякое правовое повелѣніе устанавливаетъ для человѣка опредѣленную и поддерживаемую правомъ сферу повиновенія или *правовую обязанность;* тотъ, на кого она возложена, называется *обязаннымъ субъектомъ* или, что то же, субъектомъ обязанности. Дѣйствіе человѣка въ этихъ предѣлахъ называется *исполненіемъ обязанности.*

Теперь ясно, что право осуществляетъ свою цѣль и свое назначеніе именно посредствомъ установленія позволеній, воспрещеній и повелѣній, при чемъ каждому *позволенію,* установленному въ правовой *нормѣ* — соотвѣтствуетъ *полномочіе,* принадлежащее цѣлому ряду членовъ союза; каждому *воспрещенію—запретность,* тяготѣющая надъ членами союза; каждому *повелѣнію—обязанность* всѣхъ, многихъ или нѣкоторыхъ гражданъ. Это можно выразить такъ, что правовыя *нормы* устанавливаютъ правовыя *полномочія, запретности* и

обязанности. Юридическія науки называютъ правовыя нормы (и правовые императивы)—*объективнымъ правомъ* или *правомъ въ объективномъ смыслѣ,* а правовыя полномочія, запретности и обязанности, принадлежащія членамъ союза,—*субъективнымъ правомъ* или *правомъ въ субъективномъ смыслѣ.*

Отношеніе между объективнымъ правомъ и субъективнымъ правомъ можетъ быть слѣдовательно выражено такъ: объективное право есть *источникъ* субъективнаго права. Это означаетъ, что правовыя полномочія, запретности и обязанности могутъ быть установлены *только* правовыми нормами и правовыми императивами; нѣтъ правовой нормы (или правового императива)—не можетъ быть правовыхъ полномочій, запретностей и обязанностей, ибо всѣ они „порождаются“ или „проистекаютъ“ отъ объективнаго права. Тотъ, кто хочетъ знать о субъективныхъ правахъ, долженъ обратиться къ изученію объективнаго права; ибо *субъективное право есть содержаніе объективнаго права.*

Не трудно понять, что о *содержаніи* права можно говорить не только примѣнительно къ объективному праву (какія именно полномочія, обязанности и запретности устанавливаются правовыми нормами?), но и примѣнительно къ *субъективному праву:* каждое полномочіе уполномочиваетъ человѣка на какія-нибудь опредѣленные внѣшніе поступки; каждая запретность запрещаетъ человѣку извѣстныя внѣшнія дѣянія; каждая обязанность есть обязанность совершить нѣчто строго опредѣленное. *Содержаніемъ субъективнаго права* называются тѣ *поступки и дѣянія, которые позволены, воспрещены или вмѣнены въ обязанность человѣку.*

Изслѣдуя содержаніе субъективнаго права, слѣдуетъ имѣть въ виду соотношеніе между полномочіями, обязанностями и запретностями. Именно: дѣяніе, которое человѣкъ *обязанъ* совершить—всегда *позволено* и *не запрещено* ему; дѣяніе, которое человѣку *позволено* совершить—*не запрещено* ему и *не вмѣнено ему въ обязанность;* дѣяніе же, которое *воспрещено*—тѣмъ самымъ *не позволено* и *не повелѣно* человѣку. При этомъ можетъ быть и такъ, что полномочіе дается человѣку только въ видѣ обязанности: такъ бываетъ напримѣръ у лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, когда они *обязаны* дѣлать то самое (напр. судить, управлять), къ чему они

уполномочены. Понятно, далѣе, что дѣяніе, котораго человѣкъ *не обязанъ* совершать—можетъ быть *позволеннымъ*, но можетъ быть и *воспрещеннымъ* дѣяніемъ; поступокъ, который человѣку *не позволенъ*—можетъ быть *запрещенъ*, но можетъ быть просто *не предусмотрѣнъ* правомъ, и тогда онъ считается позволеннымъ, пока не доказано обратное; наконецъ дѣяніе *не запрещенное*—можетъ считаться *позволеннымъ*, если только оно не вмѣнено въ прямую *обязанность*.

Здѣсь особенно важно имѣть въ виду, что не всякое запрещеніе высказывается *прямо* въ правовыхъ нормахъ. Обычно въ нихъ высказывается открытое запрещеніе только тогда, если правовая власть считаетъ особенно важнымъ, чтобы „такіе-то“ поступки совсѣмъ не совершались, „такія-то“ обязанности всегда въ точности исполнялись, „такія-то“ границы полномочій никогда не нарушались; именно въ такихъ случаяхъ *нарушеніе запрета* можетъ повлечь за собою не только „непріятныя“ для нарушителя послѣдствія (въ видѣ принудительнаго возмѣщенія чужого пострадавшаго интереса), но и еще *особое наказаніе* (въ видѣ временнаго или пожизненнаго умаленія извѣстныхъ полномочій или полнаго лишенія ихъ), налагаемое по суду, въ уголовномъ порядкѣ [1]).

Таково ученіе о содержаніи права.

§ 12. Субъектъ права. Лицо физическое и юридическое.

Если мы будемъ называть того, за кѣмъ право признаетъ извѣстныя полномочія, запретности и обязанности, — *субъектомъ права*, а всю совокупность его полномочій, запретностей и обязанностей — его *правовымъ состояніемъ*, то намъ можно будетъ сказать: задача правовыхъ нормъ въ томъ, чтобы *устанавливать правовыя состоянія субъектовъ*. Это значитъ, что каждая правовая норма объявляетъ: тотъ, кто обладаетъ *такими-то* внѣшними (напр., физическое здоровье) или внутренними (напр., душевная нормальность) свойствами, или кто совершаетъ *такіе-то* внѣшніе поступки (напр., покупаетъ или похищаетъ чужую вещь), или принадлежитъ

[1]) Сравни часть IV §§ 115—122.

къ *такимъ-то* группамъ людей (напр., къ такому-то религіозному исповѣданію),—долженъ быть признанъ субъектомъ *такихъ-то* полномочій, или *такихъ-то* запретностей, или *такихъ-то* обязанностей. Отсюда ясно, что не всякій, конечно, является субъектомъ *всѣхъ* полномочій, запретностей и обязанностей; мало того, право можетъ установить, что нѣкоторыя полномочія, запретности и обязанности совсѣмъ не могутъ принадлежать нѣкоторымъ субъектамъ права. Это выражается такъ: они *не обладаютъ полною правоспособностью*.

Для того, чтобы какое-нибудь полномочіе (или запретность, или обязанность) принадлежало какому-нибудь субъекту права, необходимо, чтобы правовыя нормы признали за нимъ вообще *способность имѣть это полномочіе* (или запретность, или обязанность). Эта „способность", именуемая *правоспособностью*, состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ *дѣйствительности обладаетъ* тѣмъ свойствомъ, которое признано *необходимымъ условіемъ:* напр., душевнымъ здоровьемъ, зрѣлымъ возрастомъ и т. п. Наличность этого свойства дѣлаетъ его правоспособнымъ; отсутствіе его—дѣлаетъ его неправоспособнымъ. При этомъ одинъ и тотъ же субъектъ права можетъ быть въ одномъ отношеніи правоспособнымъ, а въ другомъ—неправоспособнымъ; это бываетъ тогда, когда онъ обладаетъ *одними* необходимыми свойствами и не обладаетъ другими: напр., владѣть имуществомъ могутъ и здоровые и больные; но поступать на государственную службу глухіе и слѣпые не могутъ; для вступленія въ бракъ необходимъ извѣстный возрастъ; а для участія въ земскихъ и государственныхъ выборахъ нуженъ еще болѣе зрѣлый возрастъ.

Такимъ образомъ каждый изъ насъ имѣетъ опредѣленную *правоспособность*, какъ бы онъ ни былъ юнъ и бѣденъ; именно благодаря этому и *только* благодаря этому онъ есть *субъектъ права* и имѣетъ опредѣленныя полномочія, запретности и обязанности. Понятно, что человѣкъ можетъ *обладать* тѣми необходимыми свойствами, которыя дѣлаютъ его *правоспособнымъ*, но самыхъ *полномочій* можетъ и *не имѣть:* напр., взрослый, холостой, безземельный поденщикъ имѣетъ большую *правоспособность*, хотя въ его правовомъ состояніи совсѣмъ отсутствуютъ тѣ обширныя и разностороннія *полномочія, запретности* и *обязанности*, которыя принадлежали

бы ему, если бы онъ былъ женатъ, владѣлъ участкомъ земли, домомъ, фабрикой и т. д.

По общему правилу правоспособнымъ, т.-е. субъектомъ права можетъ быть *только человѣкъ*. Ни вещи, ни животныя не могутъ имѣть ни полномочій, ни запретностей, ни обязанностей. Признавать дерево собственникомъ, судить животныхъ за преступленія (какъ бывало въ средніе вѣка), наказывать за ослушаніе стихіи природы (Ксеркъ бичевалъ море),—является съ точки зрѣнія современнаго просвѣщеннаго правосознанія нелѣпымъ. Право создается человѣкомъ и распространяется только на людей.

Далѣе, необходимо признать, что правоспособнымъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ является *всякій* человѣкъ. Правда, римскіе юристы въ древности полагали, что „рабъ“ совсѣмъ лишенъ правоспособности, что онъ — не субъектъ права, но подобенъ (по своему правовому состоянію) животному или вещи. Однако римскіе юристы въ этомъ заблуждались: признать человѣка *совсѣмъ неправоспособнымъ* значитъ окончательно снять съ него *всѣ* правовыя позволенія, воспрещенія и повелѣнія, и оставить его жизнь и его дѣйствія *внѣ подчиненія правовымъ нормамъ;* а между тѣмъ положеніе рабовъ во многихъ отношеніяхъ регулировалось правовыми нормами. Такъ, возникновеніе и окончаніе рабскаго состоянія подлежало дѣйствію правовыхъ нормъ; съ разрѣшенія господина, рабы могли самостоятельно вести хозяйство, и даже имѣли своихъ рабовъ; они отпускались господиномъ на оброкъ, и съ дозволенія его могли заключать торговыя сдѣлки и даже писать завѣщанія; они могли скопить богатство и выкупить себя на волю. Самое подчиненіе господину налагало на рабовъ правовую обязанность повиновенія, но не лишало ихъ совсѣмъ правоспособности; правда, правовое состояніе раба состояло иногда почти цѣликомъ изъ обязанностей и запретностей, но былъ и элементъ полномочій, который съ теченіемъ времени все расширялся и упрочивался. Рабъ не былъ полноправнымъ, свободнымъ и равнымъ гражданиномъ, онъ стоялъ въ особой зависимости отъ господина, но это *не лишало его всякой правоспособности.* Онъ оставался субъектомъ права, потому что правовыя нормы и императивы устанавливали для него обязанности, запретности и полномочія.

Такимъ образомъ въ обществѣ людей, живущихъ въ подчиненіи праву, *всякій живой человѣкъ является правоспособнымъ*, хотя не всякій способенъ имѣть *всѣ* полномочія, запретности и обязанности. Особое положеніе здѣсь занимаютъ тѣ люди, которыхъ нельзя признать вполнѣ разумными, сознательными существами; такъ, малолѣтніе и душевно-больные не могутъ сознавать значенія своихъ поступковъ и поэтому право дѣлаетъ для нихъ цѣлый рядъ исключеній. Они, конечно, не лишаются *всякой* правоспособности, но подвергаются значительнымъ ограниченіямъ. Во-первыхъ, право не позволяетъ имъ совершать такія *дѣйствія*, которыя увеличиваютъ или уменьшаютъ правовыя состоянія людей; это выражается такъ, что они лишены *дѣеспособности:* къ нимъ назначается взрослый человѣкъ, *опекунъ*, который блюдетъ ихъ правовое состояніе—завѣдуетъ ихъ имуществомъ, уплачиваетъ изъ него долги, вноситъ подати и т. д Отсюда вытекаетъ, что малолѣтніе не способны также имѣть тѣ *полномочія и обязанности, для которыхъ необходима дѣеспособность*, напр., они не могутъ участвовать въ управленіи государствомъ. Во-вторыхъ, за нарушеніе правовыхъ нормъ малолѣтніе и душевно-больные не подлежатъ той же отвѣтственности по суду, какъ взрослые; это не значитъ, что съ нихъ снимаются всѣ запреты, но значитъ только, что они подвергаются отвѣтственности въ порядкѣ воспитательномъ или врачебномъ (увѣщанія и взысканія). Изъ всего этого ясно, что дѣеспособность есть особый видъ правоспособности, и поэтому всегда бываетъ такъ, что тотъ, кто имѣетъ *дѣеспособность*,—имѣетъ тѣмъ самымъ и правоспособность; понятно также что *полная* правоспособность включаетъ въ себя и дѣеспособность.

Все это можно выразить такъ, что субъекту права предоставлено въ предѣлахъ его полномочій и обязанностей—*рѣшать* и *объявлять свое рѣшеніе* или же *обнаруживать* его въ формѣ внѣшнихъ поступковъ: напр., объявивъ свое рѣшеніе субъектъ права можетъ *вступить въ сдѣлку*, или установить *судебный приговоръ*, или *издать правовую норму;* каждый разъ, если у него, конечно, имѣется для этого соотвѣтствующее полномочіе или обязанность. Онъ можетъ также обнаружить свое рѣшеніе прямо въ видѣ внѣшняго поступка:

напр, уплатой денегъ своему кредитору; опущеніемъ конверта съ избирательнымъ бюллетенемъ въ урну; или помѣщеніемъ своей подписи подъ готовымъ уже документомъ. Такіе поступки въ юриспруденціи нерѣдко называютъ *волеизъявленіемъ;* однако, строго говоря, здѣсь слѣдуетъ говорить объ изъявленіи не „воли", а „рѣшенія", потому что человѣку нерѣдко приходится *рѣшать* и *поступать* не такъ, какъ это ему подсказываетъ его интересъ и его живое желаніе (напр., при исполненіи непріятныхъ обязанностей).

Не слѣдуетъ думать, что субъектомъ права можетъ быть только единичный человѣкъ,—„индивидуумъ". Юристы называютъ индивидуальнаго субъекта правъ — „физическимъ лицомъ, т.-е. правовымъ лицомъ, существующимъ какъ бы „отъ природы". На ряду съ физическимъ лицомъ право знаетъ еще другую разновидность субъектовъ—„юридическое лицо"; оно не существуетъ „отъ природы", но представляетъ изъ себя такого субъекта правъ, который устроенъ или *организованъ людьми.*

Каждый человѣкъ имѣетъ множество различныхъ интересовъ и цѣлей, и среди нихъ могутъ быть такіе интересы и такія цѣли, которыя одинаково присущи множеству людей. Каждый человѣкъ осуществляетъ свои интересы и свои цѣли отдѣльно и самостоятельно, про себя и для себя—въ качествѣ *индивидуальнаго* субъекта права (физическаго лица), и въ этомъ дѣлѣ онъ имѣетъ *свои особыя* полномочія, запретности и обязанности. Однако въ осуществленіи своихъ интересовъ люди могутъ быть *объединены,* и тогда можетъ быть организованъ новый субъектъ права, *одинъ* для многихъ людей, *общій* для нихъ и объединяющій ихъ. Для этого нужно, конечно, чтобы у всѣхъ объединяющихся людей были не только *„одинаковыя"*, каждымъ порознь осуществляемыя цѣли (у многихъ людей много отдѣльныхъ похожихъ цѣлей), но одинъ *„общій"* всѣмъ интересъ (одинъ и тотъ же у многихъ) и одна *общая* всѣмъ цѣль (одна и та же для многихъ); тогда можетъ возникнуть *юридическое лицо.* При этомъ юридическое лицо будетъ или *корпораціей*, или *учрежденіемъ.*

Если нѣсколько людей организуютъ новое юридическое лицо съ тѣмъ, чтобы *самимъ войти въ его составъ*, тогда этотъ новый субъектъ правъ именуется *корпораціей.* Тогда они сое-

диняютъ свои силы и части своего имущества для достиженія общей цѣли и образуютъ съ разрѣшенія правовыхъ нормъ *единый союзъ*. Такой союзъ имѣетъ свой писаный уставъ, устанавливающій его цѣль и его организацію, свои особыя полномочія и обязанности, и разсматривается, какъ единое цѣлое, какъ особый субъектъ правъ. Каждый участникъ не только пользуется наравнѣ съ другими членами благами или доходами, которыя добываются дѣятельностью союза, но, главное, участвуетъ совмѣстно съ другими членами въ вырабатываніи на *общемъ собраніи единаго рѣшенія* по основнымъ жизненнымъ вопросамъ союза; рѣшеніе это принимается большинствомъ голосовъ и приводится въ исполненіе отдѣльными, спеціально для того выбранными и уполномоченными людьми („правленіемъ“ или „совѣтомъ“), которые являются „органами“ юридическаго лица. Дѣйствія этихъ органовъ, если они совершены согласно уставу, считаются дѣйствіями самого юридическаго лица. Такими корпораціями являются, напримѣръ: акціонерныя компаніи (съ ихъ „общимъ собраніемъ“ и „правленіемъ“); приходскіе церковные союзы (съ собраніемъ прихожанъ, причтомъ и старостой); сельскія, городскія, дворянскія самоуправляющіяся общества и, наконецъ,—государство.

Однако юридическое лицо можетъ быть организовано *помимо* тѣхъ людей, интересамъ и цѣлямъ которыхъ оно будетъ служить; тогда оно называется *учрежденіемъ*. Учрежденіе возникаетъ такъ: кто-нибудь (физическое лицо или корпорація) объявляетъ въ письменной формѣ, что онъ съ согласія государственной власти *назначаетъ* такое-то жертвуемое имъ *имущество — для служенія* такимъ-то интересамъ такихъ-то людей, и что *управлять* имъ будутъ такія-то лица (обычно утверждаемыя или назначаемыя государственной властью). Лица эти берутъ на себя обязанность и полномочіе управлять и завѣдывать пожертвованнымъ имуществомъ, но *не въ свою пользу*, а для служенія той цѣли, которая была указана учредителемъ; отъ имени новаго юридическаго лица они и дѣйствуютъ. Учрежденіе разсматриваютъ, какъ особый субъектъ права и признаютъ за нимъ особыя полномочія и обязанности, хотя юристы соглашаются, что трудно указать, кого изъ людей слѣдуетъ подразумѣвать,

говоря о полномочіяхъ и обязанностяхъ учрежденія Этотъ вопросъ еще не рѣшенъ въ наукѣ права. Такими учрежденіями являются напримѣръ: университеты, больницы, государственный банкъ; многія учрежденія создаются и поддерживаются государствомъ, какъ единой властвующей корпораціей.

§ 13. Правоотношеніе. Примѣненіе права.

Въ борьбѣ за существованіе, за усовершенствованіе личной и общей жизни люди постоянно вступаютъ другъ съ другомъ въ различныя *отношенія:* они обращаются другъ къ другу съ просьбами, обѣщаніями и приказами, отдаютъ другъ другу разныя вещи, обмѣниваются ими и совершаютъ другъ для друга различныя дѣйствія. При этомъ они обыкновенно заботятся о томъ, чтобы сказанное было услышано другимъ, а отданная вещь—была имъ принята; чтобы они сами совершили тѣ дѣйствія, на которыя претендуетъ другой, и чтобы другой не нарушилъ даннаго имъ слова или установленнаго соглашенія. Каждый изъ насъ постоянно претендуетъ на то, чтобы другіе люди что-нибудь дѣлали для него (напр. везли его, отдавали купленное, готовили ему кушанье и т. д.) или чего-нибудь *не* дѣлали, соблюдая его интересъ (напр не входили безъ спроса въ его жилище, не портили и не похищали его вещей, не оскорбляли его и т д.). Эти чужія дѣйствія и не-дѣйствія являются *предметомъ* нашихъ *претензій.*

Не всѣ эти отношенія имѣютъ *правовое значеніе;* иными словами, *не всѣ* эти обѣщанія, соглашенія и обмѣны *устанавливаютъ* для обѣщающихъ и принимающихъ обѣщанія, для соглашающихся и обмѣнивающихся — *правовыя полномочія, запретности и обязанности;* и, далѣе, не всякое распоряженіе вещью и не всякое дѣйствіе человѣка влечетъ за собою правовыя, принудительно осуществляемыя и поддерживаемыя послѣдствія; не всякая претензія есть *притязаніе, основанное на правѣ.* Человѣкъ можетъ *требовать* отъ другого человѣка—совершенія такихъ дѣйствій, которыя для другого вовсе не обязательны. Все это можно выразить такъ: не всякое *отношеніе* людей есть *правоотношеніе.*

Отношеніе людей будетъ только тогда правоотношеніемъ, если *правовыя нормы предусмотрятъ его и укажутъ, какія правовыя послѣдствія оно влечетъ за собою.* Правовыя нормы опредѣляютъ, кто и какіе поступки можетъ или долженъ совершить для того, чтобы между нимъ и другими людьми возникло (не внутреннее моральное, или просто житейское отношеніе, но) именно *право-отношеніе.*

Это можно выразить такъ, что каждое отношеніе людей есть правоотношеніе *лишь постольку,* поскольку оно есть *встрѣча правовыхъ полномочій, запретностей и обязанностей, принадлежащихъ разнымъ субъектамъ правъ.* Люди участвуютъ въ правоотношеніяхъ не какъ простые люди, но какъ *субъекты правъ,* способные участвовать въ такомъ правоотношеніи; постольку ихъ слова и дѣла оказываются *юридическими дѣйствіями,* за которыя они отвѣчаютъ; предметъ ихъ претензіи становится *предметомъ правового притязанія;* ихъ обѣщаніе создаетъ для нихъ—правовое *обязательство,* а для другого, получившаго обѣщаніе и ожидающаго его исполненія—*правовое притязаніе* (т.-е. основаніе *требовать*); ихъ приказъ получаетъ также правовое значеніе и становится *властнымъ распоряженіемъ.* Съ виду все остается по старому, но *юридически все мѣняется.*

Правовыя нормы указываютъ людямъ ихъ полномочія, запретности и обязанности именно для того, чтобы *пропитать ихъ отношенія правовымъ значеніемъ,* превратить ихъ въ *правоотношенія* и тѣмъ упрочить взаимную увѣренность, миръ и порядокъ. Оказывается, что каждое отношеніе людей, если оно предусмотрѣно правомъ, слѣдуетъ разсматривать съ этой точки зрѣнія: *какъ распредѣляются между его участниками правовыя полномочія, запретности и обязанности?* Такое отношеніе есть встрѣча внѣшнихъ полномочій и обязанностей; оно есть право-отношеніе. Это значитъ, что объективное право устанавливаетъ субъективныя „права“ лицъ, а субъективныя „права“ лицъ, встрѣчаясь, образуютъ правоотношеніе; если же представить себѣ *всѣ* правоотношенія между людьми, то ихъ можно будетъ назвать *правопорядкомъ.* Сущность правопорядка можно изобразить такъ: каждый изъ насъ, опредѣливъ свои полномочія, предоставленныя ему объективнымъ правомъ, можетъ быть твердо увѣренъ,

что каждому *его* полномочію—соотвѣтствуетъ обязанность, а можетъ быть, сверхъ того, и запретность у *другихъ людей* и, обратно, что каждой *его* обязанности — соотвѣтствуетъ полномочіе *у кого нибудь другого*. Если я уполномоченъ, — значитъ кто-то обязанъ; если я обязанъ, — значитъ кто-то уполномоченъ.

Послѣ всего сказаннаго не трудно понять, что такое *примѣненіе права*. *Всякая* правовая норма, въ какихъ бы словахъ она ни была выражена и о чемъ бы въ ней ни говорилось, устанавливаетъ *правовыя состоянія* тѣхъ или другихъ субъектовъ права (физическихъ лицъ или юридическихъ лицъ). Поэтому продумать правовую норму, или, что то же, подвергнуть ее *юридическому анализу*, значитъ раскрыть: для *какихъ именно* субъектовъ права, *какія именно* полномочія, запретности и обязанности въ ней устанавливаются; а такъ какъ встрѣча различныхъ полномочій, запретностей и обязанностей есть правоотношеніе, то задачу этого анализа можно опредѣлить такъ: раскрыть, *какія отношенія людей предусматриваются въ этой нормѣ и какія правовыя послѣдствія имъ придаются*. При этомъ надлежитъ помнить, что правовыя нормы никогда не утверждаютъ, что такіе-то люди, съ такими-то свойствами и поступками, или такія-то человѣческія отношенія *въ дѣйствительности существуютъ* или бываютъ. Иногда правовыя нормы формулируются такъ, какъ если бы онѣ описывали какое-нибудь фактическое событіе, напримѣръ: „король *назначаетъ* и *смѣняетъ* министровъ“; [1]) „законодательная власть *осуществляется* совмѣстно королемъ, палатой представителей и сенатомъ“; [2]) „тайна переписки неприкосновенна“; [3]) или, еще: „виновный въ томъ-то..... *наказуется* такъ-то“ и т. д. Этого не слѣдуетъ понимать буквально; всѣ событія, о которыхъ говорится въ нормахъ, — устанавливаются правомъ, какъ *должныя* и предусматриваются имъ, какъ *возможныя* въ будущемъ. Часто бываетъ такъ, что должное и предусмотрѣнное дѣйствительно наступаетъ: король въ самомъ дѣлѣ смѣняетъ

---

[1]) Статья 65 Итальянской конституціи 1848 года.
[2]) Статья 26 Бельгійской конституціи 1831 г.
[3]) Статья 33 Прусской конституціи 1850 г.

министровъ, люди въ самомъ дѣлѣ оставляютъ завѣщанія, организуютъ корпораціи, уплачиваютъ предписанные налоги, совершаютъ предусмотрѣнныя преступленія. Однако можетъ случиться и такъ, что долгое время никто не совершаетъ предусмотрѣннаго преступленія, или, напримѣръ, монархъ не пользуется своимъ полномочіемъ смѣнять министровъ и т. д. Тогда соотвѣтствующія правовыя нормы остаются какъ бы въ выжидательномъ состояніи: онѣ временно не имѣютъ „приложенія“, или, какъ говорятъ юристы — онѣ *не примѣняются.*

Примѣнить правовую норму, значитъ *подчинить* ей, какъ *правилу, данное отношеніе людей* (данный „случай“). Это надо представлять себѣ такъ. *Каждая* правовая норма говоритъ слѣдующее: *когда въ жизни людей обнаружится такое-то (дозволенное, запретное или обязательное) дѣяніе или отношеніе, или возникнетъ такое-то лицо—то признать за этимъ лицомъ, или за участниками этого отношенія, или за совершителемъ этого дѣянія, такія-то полномочія, запретности и обязанности.* Каждую правовую норму необходимо изложить по этому трафарету для того, чтобы понять ее, какъ слѣдуетъ. Тогда окажется, что въ каждой правовой нормѣ описывается въ отвлеченномъ видѣ (или подразумѣвается) нѣкоторое *дѣяніе* (напр. „виновный въ умышленномъ поврежденіи чужого имущества“), или *отношеніе* (напр. „соглашеніе о невзысканіи долга“, „неосторожное причиненіе убытка“, „распоряженіе полиціи“), или *лицо* (напр. „Наслѣдникъ престола“, „министръ“, „Государственная Дума“, „всякій подданный“); нерѣдко и то, и другое, и третье. Прежде, чѣмъ примѣнять правовую норму, надо убѣдиться, что это предусмотрѣнное правомъ дѣяніе, отношеніе, лицо—*дѣйствительно имѣется въ данномъ случаѣ;* а для этого по основному правилу необходимо, чтобы характерныя черты даннаго случая *вполнѣ совпадали* съ признаками предусмотрѣннаго дѣянія. Такъ напримѣръ, если въ нормѣ говорится объ „умышленномъ поврежденіи чужого имущества“, то необходимо убѣдиться, что и въ данномъ случаѣ дѣйствительно „повреждено имущество“, и притомъ именно „чужое“ (а не свое), и притомъ „умышленно“; и что данное лицо дѣйствительно „виновно“ въ этомъ, т.-е. что оно не только

вообще отвѣтственно за свои поступки, но несетъ вину *и въ этомъ* дѣлѣ; тогда только ему можетъ быть назначено наказаніе. Или, напримѣръ, если въ нормѣ предусматривается „соглашеніе о невзысканіи долга“, то необходимо убѣдиться, что и въ данномъ случаѣ дѣйствительно состоялось „соглашеніе“ между сторонами, и притомъ именно о „невзысканіи долга“, и притомъ именно того долга, о которомъ возникъ споръ, и т. д. Если же признаки, обозначенные въ нормѣ, дѣйствительно имѣются и въ данномъ случаѣ, тогда *за каждымъ лицомъ утверждаются тѣ самыя полномочія, обязанности, запретности или взысканія и наказанія, которыя назначены въ правовой нормѣ*. Это рѣшеніе объявляется всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ и затѣмъ поддерживается всею силою государственной власти, такъ, чтобы каждый могъ безпрепятственно осуществлять свое полномочіе, чтобы каждый исполнилъ свою обязанность, отбылъ свое наказаніе и т. д.

Такимъ образомъ примѣненіе правовыхъ нормъ проходитъ черезъ *три* стадіи: сначала происходитъ *сравнительный анализъ нормы* и *даннаго случая*, затѣмъ *рѣшеніе* и, наконецъ, *принудительное поддержаніе его* и *осуществленіе*. Важно имѣть въ виду, что примѣнять правовыя нормы можетъ *не всякій*, но только тотъ, кто имѣетъ для этого особое полномочіе отъ властвующаго союза Это означаетъ, что *соблюдать* право и *примѣнять* право не одно и то же; соблюдать право значитъ *повиноваться* ему, а повиноваться праву обязанъ *всякій* гражданинъ; примѣнять же право значитъ работать надъ тѣмъ, *чтобы другіе его соблюдали* и ему повиновались, а для этого необходимо особое (публично-правовое, см § 15) полномочіе. Примѣненіе права есть дѣло крайне важное и отвѣтственное; въ моментъ примѣненія— право подчиняетъ себѣ жизнь людей, овладѣваетъ ею и заставляетъ ее осуществлять свои предписанія. Въ этотъ моментъ рѣшается вопросъ о правовомъ состояніи людей и; слѣдовательно, объ ихъ внѣшней жизни: примѣненіе права можетъ, напримѣръ, повести къ тому, что богатый утратитъ свое имущество, а бѣдный его получитъ, что одинъ будетъ оправданъ, а другой, можетъ быть, будетъ приговоренъ къ тяжелому наказанію. Отсюда каждый изъ людей оказывается морально и юридически заинтересованнымъ въ томъ, чтобы

примѣненіе права совершалось людьми, *умудренными знаніемъ и справедливостью.*

Знаніе необходимо здѣсь потому, что сравнительный анализъ нормы и даннаго случая есть дѣло въ высшей степени трудное. Необходимо прежде всего найти соотвѣтствующую правовую норму, что бываетъ не всегда легко, въ виду ихъ множества; а такъ какъ не всѣ правовыя нормы записаны въ опредѣленныхъ словесныхъ выраженіяхъ, то иногда бываетъ необходимо провѣрить, имѣется ли соотвѣтствующая норма, формулировать ее въ словахъ и признать за ней правовое значеніе (см. § 20). Затѣмъ бываетъ нерѣдко такъ, что смыслъ нормы неясно выраженъ и что ее необходимо подвергнуть *толкованію;* такъ, многія правовыя нормы могутъ быть поняты лишь послѣ сопоставленія ихъ съ другими нормами, изложенными ранѣе (ибо нѣтъ возможности повторять въ каждой нормѣ всѣ опредѣленія, ранѣе установленныя); другія нормы разъясняются только тогда, если принять во вниманіе намѣреніе законодателя и т. д.

Но особенное значеніе получаетъ въ дѣлѣ примѣненія права *справедливость* (см. § 9). Требованіе справедливости состоитъ въ томъ, чтобы *рѣшеніе* стояло въ дѣйствительномъ и строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ случаемъ, къ которому оно примѣняется. Дѣло въ томъ, что право не можетъ предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ особенностей и видоизмѣненій, которыя могутъ сложиться въ дѣйствительности, и потому оно всегда даетъ только общія, отвлеченныя и все уравнивающія указанія; зато оно предоставляетъ многое живому, *справедливому усмотрѣнію* судьи и правителя. Задачей того, кто примѣняетъ право является какъ разъ—*приспособленіе общаго и отвлеченнаго предписанія къ особенностямъ единичнаго случая и отношенія.* Одинъ и тотъ же приговоръ или рѣшеніе, подходящіе къ одному случаю, будутъ несправедливы въ другомъ: такъ, напримѣръ, мало опредѣлить размѣръ причиненнаго убытка, важно учесть,—насколько такой убытокъ разорителенъ для потерпѣвшаго; мало установить, что преступленіе совершено, важно учесть,—нечаянно оно совершено или нарочно, способенъ преступникъ его повторить или нѣтъ; мало знать, что налогъ не уплаченъ, необходимо установить,—не было ли здѣсь какихъ-нибудь несчастныхъ при-

чинъ, съ которыми недоимщикъ впослѣдствіи справится и т. д Справедливость требуетъ, чтобы право не примѣнялось безъ оглядки, въ слѣпомъ равнодушіи, и безъ всякаго снисхожденія къ человѣческой слабости и невѣжеству; она требуетъ, наоборотъ, чтобы всюду, гдѣ только возможно, учитывались личныя свойства субъектовъ и ихъ намѣренія; она требуетъ далѣе, чтобы всюду, гдѣ только право можетъ выступить на поддержку морали и добрыхъ нравовъ, примѣненіе нормы служило бы этой высшей цѣли, она требуетъ, наконецъ, чтобы тотъ, кто примѣняетъ право; имѣлъ въ виду только одно — *правое и вѣрное рѣшеніе* и не поддавался никакимъ соображеніямъ посторонняго свойства: пристрастію, лицепріятію или, тѣмъ болѣе, корысти. Такое примѣненіе права пріучаетъ людей цѣнить его и уважать; оно созидаетъ въ странѣ *правосудіе* и *мудрое правленіе*.

§ 14. Положительное право. Дѣйствіе права по времени, по мѣсту и по лицамъ.

Правовыя нормы, *установленныя правовою властью и подлѣжащія примѣненію* — называются *положительнымъ* правомъ. Положительное право не слѣдуетъ противопоставлять естественному, т.-е. морально-вѣрному праву (см. § 8) такъ, какъ если бы они другъ-друга исключали; потому что въ составѣ положительнаго права, установленнаго и примѣняемаго властью, могутъ быть морально-вѣрныя нормы, и при томъ, чѣмъ больше ихъ, тѣмъ положительное право совершеннѣе. Однако положительное право и естественное право все же далеко не совпадаютъ и поскольку они *не* совпадаютъ, постольку естественное право является *идеаломъ* положительнаго права. Отношеніе между ними можно выразить такъ, что прогрессъ общественной жизни состоитъ въ постепенномъ приближеніи положительнаго права къ естественному; *идеалъ* состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы *все* положительное право стало естественнымъ (т.-е. морально-вѣрнымъ), а *все* естественное право стало положительнымъ (т.-е. получило признаніе и примѣненіе со стороны власти).

Это постепенное развитіе положительнаго права состоитъ въ томъ, что „устарѣлыя“ нормы отмѣняются, а на ихъ мѣсто устанавливаются новыя. Норма считается устарѣлою или

тогда, когда прежній общественный укладъ уступилъ свое мѣсто новому, или тогда, когда нравственное чувство людей стало болѣе глубокимъ и вѣрнымъ и перестало удовлетворяться старымъ правомъ. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что развитіе и усовершенствованіе положительнаго права совершается медленно, но неуклонно; медленно потому, что всегда есть группы людей, которымъ старое право полезнѣе и выгоднѣе, и которые обыкновенно соглашаются на его отмѣну лишь послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія; неуклонно потому, что всегда появляются новыя группы людей, неудовлетворенныя старымъ правомъ, считающія его вреднымъ или несправедливымъ Въ результатѣ этой борьбы право всегда оказывается исправленнымъ, дополненнымъ и обновленнымъ; но это исправленіе всегда подготовляется долго и медленно: люди настолько привыкаютъ къ старымъ правиламъ, что иногда измѣненіе ихъ начинаетъ казаться имъ полною отмѣною всякихъ правилъ.

Для того, чтобы нормы положительнаго права подверглись обновленію и исправленію необходимо, во-первыхъ, чтобы люди въ этомъ дѣйствительно нуждались (*потребность въ реформѣ*), во-вторыхъ, чтобы эта нужда была *осознана (выясненіе потребности)*, въ-третьихъ, чтобы сложилось увѣренное знаніе того, что̀ именно и въ какую сторону должно быть измѣнено (*составленіе проекта реформы*), и, наконецъ, въ четвертыхъ, чтобы эта осознанная потребность могла бы побудить уполномоченныхъ создателей права осуществить реформу (*предложеніе, принятіе и утвержденіе проекта*). Такимъ образомъ, прежде чѣмъ появится *новое право* необходимо, чтобы у народа, или хотя бы у создателей права сложилось бы *новое правосознаніе*, т.-е. представленіе о новомъ правѣ и чувство новаго правового строя.

Таковы въ общемъ *причины*, подъ вліяніемъ которыхъ слагается и растетъ положительное право; это—*хозяйственные и культурные интересы людей* (т.-е. цѣлыхъ общественныхъ группъ), *потребность въ мирѣ и порядкѣ, и моральное чувство*; все это вмѣстѣ создаетъ *новое правосознаніе* пробивающее себѣ постепенно дорогу и получающее, наконецъ, форму и значеніе правовыхъ нормъ.

Однако для того, чтобы новое правило поведенія, сложившееся въ правосознаніи людей, получило значеніе правовой нормы, необходимо участіе *уполномоченныхъ людей*, дѣятельность которыхъ протекаетъ въ *установленномъ порядкѣ*, или, что то же, имѣетъ *обязательную форму*. Съ того момента, какъ всѣ эти формальныя требованія соблюдены, правовая норма должна обязательно соблюдаться и примѣняться. Это можно выразить такъ, что „дѣйствіе“ правовой нормы имѣетъ свои *предѣлы во времени:* обязательность ея имѣетъ свое *начало* и свой *конецъ*. Правовая норма всегда примѣняется къ свойствамъ, дѣяніямъ и отношеніямъ людей; и вотъ нерѣдко бываетъ такъ, что къ моменту установленія новой правовой нормы въ дѣйствительности уже накопились предусматриваемыя *ею* свойства, дѣянія и отношенія. Люди пріобрѣтали эти свойства, совершали эти дѣянія и вступали въ эти отношенія, или зная, что они *вовсе не предусмотрѣны правомъ*, или имѣя въ виду *старыя правовыя нормы*. которыя можетъ быть не запрещали того, что теперь запрещено, или не возлагали столь тяжелыхъ обязанностей. Самая основная задача права состоитъ въ томъ, чтобы указать разумному существу такое правило поведенія, которое оно могло бы имѣть въ виду *постоянно и заранѣе*, т.-е. *до* каждаго отдѣльнаго рѣшенія и поступка; поэтому было бы противно справедливости и задачамъ права, если бы на человѣка налагались болѣе тягостныя взысканія за нарушеніе права, установленнаго *вновь*. Вотъ откуда возникаетъ общее правило: *право не имѣетъ обратнаго дѣйствія*; оно означаетъ, что новыя правовыя нормы примѣняются *только* къ тѣмъ дѣяніямъ и отношеніямъ, которыя состоялись *послѣ* ихъ установленія; къ тѣмъ же дѣяніямъ и отношеніямъ, которыя возникли *раньше*, примѣняются попрежнему *отмѣненныя* правовыя нормы. Это правило о *непримѣнимости права къ остаткамъ прежней жизни* имѣетъ впрочемъ нѣсколько исключеній: оно не соблюдается во-первыхъ,если въ новой нормѣ прямо повелѣвается распространить ее на *всѣ* случаи безъ исключенія (такъ бываетъ, когда этого требуетъ общее благо, напр. при отмѣнѣ несправедливыхъ преимуществъ, или при введеніи новыхъ повинностей); оно не соблюдается во-вторыхъ, если новый законъ *смягчаетъ* наказаніе преступнику.

Отсюда уже понятно, что огромное большинство правовыхъ нормъ прекращаетъ свое „дѣйствіе“ (т.-е. перестаетъ примѣняться) *не сразу*. Къ *новымъ* событіямъ правовая норма перестаетъ примѣняться только послѣ своей прямой *отмѣны*; но и послѣ этого она „умираетъ“ не сразу, а лишь по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ остатки прежней жизни.

Такимъ образомъ нѣтъ и не можетъ быть такой правовой нормы, которая была бы обязательна во *всѣ* времена, *повсюду* и для *всѣхъ* людей. „Дѣйствіе“ правовыхъ нормъ имѣетъ не только *временные предѣлы*, но и *пространственныя границы*.

Вообще говоря, нормы положительнаго права могутъ быть установлены въ любомъ человѣческомъ союзѣ, *если въ немъ есть лица, уполномоченныя создавать правила внѣшняго поведенія;* но въ организованной жизни человѣчества особое значеніе имѣютъ тѣ союзы, дѣятельность которыхъ происходитъ въ извѣстныхъ *пространственныхъ* границахъ: таковы государства, земскіе союзы, городскіе союзы и нѣкоторые другіе. Правовыя нормы такого союза обязательны и примѣнимы (по общему правилу) только въ границахъ даннаго города, уѣзда, губерніи и государства; т.-е. они примѣняются только къ тѣмъ состояніямъ, дѣяніямъ и отношеніямъ людей, которыя состоялись или обнаружились въ ихъ предѣлахъ. Это понятно, потому что *за* этими предѣлами начинаются тотчасъ же предѣлы другого, сосѣдняго союза, который имѣетъ *свои* правовыя нормы и требуетъ повиновенія *имъ*. За исключеніемъ нѣкоторыхъ пустынныхъ областей Африки и Азіи, каждый клочокъ земной поверхности отведенъ или захваченъ въ вѣдѣніе того или иного государственнаго союза людей; это выражается юридически такъ: *на каждой территоріи дѣйствуетъ свое право*. Понятно, что правовыя предписанія различныхъ государствъ во многомъ не сходны и это обнаруживается при постоянныхъ переѣздахъ, или длительномъ пребываніи членовъ одного государства на территоріи другого. Тогда предписанія нормъ сталкиваются, между ними возникаетъ *конфликтъ*, который разрѣшается каждый разъ по особымъ правовымъ правиламъ; для этого въ каждомъ государствѣ есть особыя нормы, именуемыя *конфликтнымъ правомъ*.

По общему правилу каждая правовая норма, установленная правовымъ союзомъ, примѣняется на *всей* территоріи его; однако, могутъ быть установлены правовыя нормы, дѣйствующія исключительно въ отдѣльныхъ губерніяхъ, или частяхъ государства. Такія нормы называются *мѣстнымъ* правомъ; *мѣстные* законы исключаютъ дѣйствіе *общихъ*. Такъ напримѣръ особое частное право (см. § 15) дѣйствуетъ на русскихъ окраинахъ: свое—въ Финляндіи, свое—въ Польшѣ и свое—въ Остзейскомъ краѣ.

Наконецъ „дѣйствіе“ правовыхъ нормъ можетъ быть ограничено не только временемъ и пространствомъ, но и *личными особенностями человѣка, или цѣлыхъ группъ людей*, если это спеціально установлено въ правѣ. Отсюда происходитъ дѣленіе правовыхъ нормъ на *общія* и *спеціальныя*. По общему правилу нормы права должны примѣняться къ предусмотрѣннымъ дѣяніямъ и отношеніямъ *всѣхъ* членовъ союза и въ этомъ смыслѣ всѣ равны *передъ закономъ*. Но *по закону* могутъ быть и не всѣ равны; это означаетъ, что иногда устанавливаются правовыя нормы, возлагающія особенно *тяжелыя обязанности* на однихъ, освобождая другихъ отъ этого бремени (напр. прежнее дѣленіе русскихъ сословій на „податныя“ и „неподатныя“), или же предоставляющія кому-нибудь особыя *преимущественныя полномочія (привилегіи)*; эти привилегіи могутъ даваться за личныя заслуги (напр. привилегіи изобрѣтателей, или вновь учреждаемыхъ дворянскихъ родовъ), или принадлежать цѣлымъ сословіямъ, переходя изъ рода въ родъ. Этотъ порядокъ можно выразить въ видѣ правила: *спеціальный законъ исключаетъ дѣйствіе общаго*. Понятно, что полное правовое равенство людей состояло бы не только въ *равенствѣ передъ закономъ* (когда каждая норма примѣняется ко *всѣмъ безъ исключенія* предусмотрѣннымъ ею дѣяніямъ и отношеніямъ), но и въ *равенствѣ по закону* (когда ни одна норма не устанавливаетъ ни для кого *ни* преимущественнаго полномочія, *ни* меньшаго бремени обязанностей и запретностей). Понятно также, что *полное* уравненіе людей *по закону* легко повело бы къ несправедливости (см. § 9) и даже къ разрушенію правопорядка, ибо правопорядокъ всегда основанъ на томъ, что одни люди имѣютъ *преимущественное* передъ другими полномочіе властвовать, творить право и судъ (см. §§ 8. 9. 10).

§ 15. Дѣленіе права. Право публичное и частное.

Послѣ всего сказаннаго не трудно понять, въ чемъ основная сущность права. Люди, объединенные въ *союзъ*, поручаютъ отдѣльнымъ членамъ союза *устанавливать общеобязательныя* правила *внѣшняго* поведенія; правила эти, *предусматривая* различныя *свойства*, *дѣянія* и *отношенія* людей, указываютъ, какія *полномочія*, *обязанности* и *запретности* должны быть признаны за тѣми, кто имѣетъ эти свойства, совершаетъ эти дѣянія, вступаетъ въ эти отношенія; *объективное право* рѣшаетъ такимъ образомъ, кто есть *субъектъ права* и какія *субъективныя права* входятъ въ *правовое состояніе* каждаго изъ насъ; въ результатѣ такого *примѣненія* права отношенія людей утверждаются какъ *правоотношенія*, а всѣ правоотношенія, взятыя вмѣстѣ, образуютъ *правопорядокъ*.

И вотъ все право, какъ объективное, такъ и субъективное, раздѣляется на двѣ большія части: на право *публичное* и право *частное*. Согласно этому дѣленію каждая правовая норма, каждое правовое полномочіе, или обязанность, наконецъ каждое правоотношеніе должны быть признаны или *публичнымъ* или *частнымъ*.

Въ каждомъ правоотношеніи, какъ было показано выше, встрѣчаются: съ одной стороны полномочіе, принадлежащее одному субъекту, съ другой стороны обязанность (а можетъ быть и запретность) принадлежащая другому субъекту; между тѣмъ и другимъ всегда есть *строгое* соотвѣтствіе. При этомъ, говоря о правоотношеніи, не слѣдуетъ представлять себѣ встрѣчу двухъ или многихъ *правовыхъ состояній*, взятыхъ въ цѣломъ, но встрѣчу *одного единаго* полномочія, принадлежащаго *одному* субъекту, съ *единой* обязанностью, принадлежащей *другому*. Правоотношеніе есть всегда *одна единая* тонкая нить, протянувшаяся между двумя субъектами; поэтому между *каждыми* двумя людьми существуетъ *цѣлый рядъ* правоотношеній, и одни изъ нихъ могутъ быть публичными, а другія частными. Въ основаніи этого дѣленія лежатъ слѣдующія различія.

Для того, чтобы правоотношеніе было *публичнымъ*, а не

частнымъ, необходимо, *во-первыхъ*, чтобы одному субъекту принадлежало *полномочіе на власть* по отношенію къ другому, а другой имѣлъ бы *обязанность подчиняться* первому. Это означаетъ, что публичное правоотношеніе есть правоотношеніе юридически *не равныхъ* субъектовъ: одинъ является юридически *независимымъ* отъ другого (въ предѣлахъ *этого* правоотношенія!) и притомъ *авторитетнымъ* для него; другой, напротивъ, обязанъ „признавать“ авторитетъ перваго, т.-е. *повиноваться* ему и постольку является *подчиненнымъ*. Понятно, напр., что отношеніе каждаго изъ насъ къ тому внѣшнему авторитету (къ государственной власти, церковной власти) который *устанавливаетъ* правовыя нормы, *слѣдитъ* за ихъ исполненіемъ и *примѣняетъ* ихъ — является всегда публично правовымъ. Отсюда ясно, что *частное* правоотношеніе есть правоотношеніе юридически *равныхъ* субъектовъ: ни одинъ изъ нихъ не является для другого *правовымъ авторитетомъ*; однако при этомъ *оба одинаково подчинены третьему, вне* ихъ правоотношенія стоящему правовому авторитету, которому они обязаны повиноваться и къ которому могутъ обратиться за разрѣшеніемъ спора о полномочіяхъ и обязанностяхъ.

Понятно, что каждому изъ насъ легче имѣть частноправовыя полномочія, чѣмъ публично-правовыя: потому что „простыхъ смертныхъ“ много, а людей, имѣющихъ полномочіе властвовать и повелѣвать немного, да и они сами внѣ этихъ своихъ полномочій, могутъ вступать только въ *равныя* правоотношенія. Не слѣдуетъ вообще думать, что если кто-нибудь имѣетъ полномочіе на власть, то *все* правовое состояніе его является „публично-правовымъ“ и всѣ должны *во всемъ* ему повиноваться. Никто не имѣетъ полномочія на „безграничную“ власть; напротивъ всякое полномочіе и въ томъ числѣ всякое публично-правовое полномочіе, имѣетъ строгіе предѣлы. И какъ только человѣкъ начинаетъ дѣйствовать *внѣ* этихъ предѣловъ, онъ дѣйствуетъ *безъ* полномочія на власть, онъ самъ является „простымъ смертнымъ“ и *подчиненъ общимъ законамъ*. Исключеніемъ является только монархъ: *полномочія* его, правда, опредѣляются законами, но *дѣятельность* его *общимъ* законамъ не подлежитъ и по нимъ не обсуждается (см. § 19)

Полномочіе на власть можетъ быть названо латинскимъ словомъ имперіумъ (imperium) и тогда окажется, что въ *публично-правовомъ* отношеніи имперіумъ *всегда принадлежитъ одному изъ встрѣчающихся субъектовъ*, а въ *частно-правовомъ отношеніи* имперіумъ *принадлежитъ не имъ*, а *правовому авторитету возносящемуся надъ ними*. Но, такъ какъ полномочіе на власть только и можетъ принадлежать *правовому авторитету* (въ этомъ основная черта права, см. главы 8 и 9), то въ *публичномъ правоотношеніи одна изъ сторонъ всегда является правовымъ авторитетомъ* или *правовою властью союза* (государства или церкви).

Для того, чтобы яснѣе понять это, необходимо помнить, что каждый союзъ, самостоятельно создающій правовыя нормы и управляющійся на ихъ основаніи, есть союзъ *властвующій* надъ своими членами. Нельзя установить правовую норму, обязательную для всѣхъ (независимо отъ того, одобряютъ они ее или нѣтъ), — не обладая полномочіемъ на *власть*. *Правовая власть* есть не что иное, какъ *полномочіе устанавливать и примѣнять правила поведенія*. Эту правовую власть слѣдуетъ разсматривать, какъ единое полномочіе единаго субъекта правъ — союза въ цѣломъ, какъ единой *корпораціи*. Но при осуществленіи своемъ эта власть является раздѣленной на множество отдѣльныхъ полномочій, предоставленныхъ отдѣльнымъ субъектамъ права — единичнымъ лицамъ (напр. въ государствѣ—монархъ, министръ, губернаторъ, мировой судья; въ церкви — епископъ, іерей), или корпораціямъ (напр. въ государствѣ — земства и города; въ церкви — приходъ, епархія), или учрежденіямъ (напр. въ государствѣ — государственная дума, сенатъ, казенная палата). Всѣмъ этимъ субъектамъ права властвующій союзъ *поручаетъ* „дѣлать то-то и то-то“ отъ своего лица; они „властвуютъ“ не отъ себя и не для себя, но отъ имени *союза*, осуществляя *его* цѣли, *слагая за него рѣшенія* и объявляя ихъ отъ *его* лица. Всѣ эти физическія и юридическія лица называются *органами* союза (органами государства, органами церкви). Органы властвующаго союза—это тѣ субъекты права, которые приняли отъ союза *обязанность* осуществлять *его полномочія* и вслѣдствіе этого получили по отношенію ко всѣмъ осталь-

нымъ членамъ союза или къ нѣкоторымъ изъ нихъ *полномочіе* повелѣвать отъ лица союза и требовать повиновенія.

Отсюда ясно, что тотъ, кто *не повинуется органу* союза, тотъ не повинуется *самому союзу:* потому что *власть органа есть власть самого союза* И тотъ, у кого обязанность повиноваться встрѣчается съ властнымъ *полномочіемъ органа*, тотъ стоитъ въ правоотношеніи съ *самимъ союзомъ:* потому что *полномочіе органа есть полномочіе самого союза.* И если кто-нибудь имѣетъ полномочіе (напр. избирательное право), которому соотвѣтствуетъ *обязанность органа* (напр. охранять законность, свободу и тайну выборовъ), тотъ стоитъ въ правоотношеніи съ *самимъ союзомъ:* потому что *обязанность органа есть обязанность самого союза* (въ данномъ примѣрѣ— государства)

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать: *въ каждомъ публичномъ правоотношеніи одна изъ сторонъ есть властвующій союзъ, и притомъ именно та сторона, которая имѣетъ властное полномочіе.*

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что и въ частномъ правоотношеніи одна изъ сторонъ можетъ быть союзомъ, напримѣръ, акціонерная компанія; но акціонерная компанія есть *не* властвующій союзъ и полномочій на власть не имѣетъ; поэтому правоотношеніе остается *частнымъ*. Далѣе, самый *властвующій союзъ* можетъ вступать въ *частныя* правоотношенія; обычно онъ совершаетъ это чрезъ свои органы, напримѣръ, когда выступаетъ покупателемъ, или продавцомъ, или дѣлаетъ заказы поставщикамъ и фабрикантамъ. Въ такихъ случаяхъ „казна“ (т.-е. властвующій союзъ, какъ субъектъ *имущественныхъ* полномочій и обязанностей) *ставитъ себя* въ положеніе *равное* другой сторонѣ, подчиняется вмѣстѣ съ нею *общимъ нормамъ права* и оказывается субъектомъ *частнаго права.*

Наконецъ важно помнить, что *полномочіе на власть* можетъ встрѣтиться и въ частно-правовыхъ отношеніяхъ, но тогда это полномочіе принадлежитъ не властвующему союзу, а *одному лицу* и предоставляетъ ему не *правовой авторитетъ*, выражающійся въ созданіи и примѣненіи правовыхъ нормъ, а *бытовой авторитетъ*, выражающійся въ житейскихъ и уже не правовыхъ приказаніяхъ. Такъ напримѣръ русскіе законы

говорятъ о власти мужа надъ женою и родителей надъ дѣтьми. Въ этомъ обнаруживаются остатки древняго права, возникшаго въ эпоху родового быта, когда глава семьи и рода былъ верховнымъ повелителемъ и судьею; власть родителей надъ малолѣтними дѣтьми коренится также и въ безпомощности и неразуміи младенцевъ. Всѣ эти правоотношенія признаются частными, потому что ни мужъ, ни родители *не являются органами властвующаго союза*. Однако нельзя не признать, что здѣсь мы все же имѣемъ передъ собою *публично-правовой остатокъ въ частномъ правѣ*.

Теперь должно быть понятно, какимъ образомъ это основное дѣленіе всѣхъ правоотношеній распространяется также и на *субъективныя права* и на *правовыя нормы*.

Полномочіе будетъ публично-правовымъ тогда, если оно предоставляетъ лицу частицу той власти, которая принадлежитъ властвующему союзу въ цѣломъ; какъ бы ни была эта частица мала (напр. полномочіе низшаго изъ полицейскихъ служащихъ), и какъ бы ни была незначительна сама по себѣ ея повелительная сила (напр. при совѣщательномъ народномъ представительствѣ, или въ полномочіяхъ, предоставляющихъ *всѣмъ* подданнымъ *свободно* сообщаться, обсуждать свои нужды, образовывать союзы и т. д),—полномочіе остается публично-правовымъ. При этомъ среди публично-правовыхъ полномочій есть такія, которыя всегда сопровождаются такою же обязанностью, такъ, что лицо не только „имѣетъ право“ но и „обязано“ дѣлать „то-то“ и „то-то“ отъ лица союза; другія же полномочія, не сопровождаются такою обязанностью. Такъ напр. прокуроръ не только уполномоченъ, но и обязанъ привлекать преступниковъ къ суду; губернаторъ не только уполномоченъ, но и обязанъ управлять губерніей; но избиратель не обязанъ принимать участіе въ выборахъ; въ политическихъ собраніяхъ никто не обязанъ участвовать.

Обязанность будетъ публично-правовою тогда, если она ставитъ субъекта лицомъ къ лицу съ властнымъ полномочіемъ союза. Публично-правовая обязанность связываетъ всегда обязаннаго съ властвующимъ союзомъ: это есть или обязанность органа дѣйствовать властно отъ его лица, или обязанность члена союза покоряться его нормамъ и распоря-

женіямъ. Такъ, органы государства обязаны дѣйствовать отъ имени государства, поскольку они къ тому уполномочены, а подданные государства обязаны постольку исполнять его велѣнія. Эту публично-правовую покорность не слѣдуетъ смѣшивать съ обязанностью повиноваться, лежащею на томъ, кто „нанялся“ въ услуженіе. Договоръ найма для услугъ или „на работу“ есть частное правоотношеніе: [1]) тотъ, кто нанялъ, *не* имѣетъ властнаго полномочія надъ тѣмъ, кто нанялся; обѣ стороны стоятъ наравнѣ и одинаково подчинены правовой власти, стоящей надъ ними. Это выражается и въ томъ, что договоръ найма можетъ быть установленъ добровольно и расторгнутъ свободнымъ рѣшеніемъ нанявшагося, конечно, съ соблюденіемъ условій о срокѣ, предупрежденіи и т. д. Но для выхода изъ *подданства* необходимо получить *согласіе* публично-правового союза (напр. государства).

Понятно, что *запретность*, открыто высказанная въ правѣ, имѣетъ *всегда* публично-правовой характеръ, даже тогда, когда ею ограждаются интересы частныхъ лицъ. Это объясняется тѣмъ, что правящая власть союза только тогда высказываетъ открытыя и прямыя запрещенія, подкрѣпляя ихъ угрозою наказанія, когда она придаетъ особую важность ограждаемымъ полномочіямъ и обязанностямъ; тогда она объявляетъ, что тотъ, кто не исполнитъ такихъ-то обязанностей, или вторгнется въ чужую уполномоченную дѣятельность, совершитъ такіе-то поступки или не совершитъ такихъ-то обязательныхъ дѣяній, тотъ будетъ имѣть дѣло съ властью самого властвующаго союза, и эта власть обратится къ нему съ принужденіемъ, преслѣдованіемъ и наказаніемъ. Такія правоотношенія называются *уголовными* правоотношеніями; они могутъ *сопровождаться* частно-правовыми обязанностями, но сами всегда остаются *публичными* (напр., за убійцею, подлежащимъ уголовному преслѣдованію, можетъ быть признана *частно-правовая* обязанность вознаградить семью убитаго).

Наконецъ, правовая *норма* должна быть признана *публично*-правовою, если она устанавливаетъ властныя полномочія какого-нибудь союза (напр., государства, земской общины, городского союза, церковнаго союза), и обязанности повино-

[1]) Сравни объ этомъ въ части III § 81.

венія со стороны его членовъ (или обратно: обязанности властвующаго союза по отношенію къ его членамъ и полномочія его членовъ на участіе въ дѣлахъ властвующаго союза); если же правовая норма предусматриваетъ равныя правоотношенія между сторонами и устанавливаетъ полномочіе *требовать*, но *не властвовать*, то она должна быть признана частно-правовою.

Въ настоящее время существуютъ три главныя разновидности властвующихъ, публично-правовыхъ союзовъ: *союзы церковные*, *государства* и входящія въ государства *самоуправляющіяся общины* (напр., земскія, городскія).

§ 6. Понятіе о государствѣ.

Изъ всѣхъ союзовъ, создаваемыхъ людьми въ ихъ совмѣстной жизни, наибольшую разносторонность и внѣшнюю силу имѣетъ, несомнѣнно, государство. Человѣчество, обремененное долгимъ опытомъ и тяжелыми страданіями, испытавъ жизнь внѣ организованнаго принудительнаго правопорядка, пройдя черезъ средніе вѣка съ ихъ частно-правовымъ строемъ и публично-правовымъ неустройствомъ,—убѣдилось теперь, что возможно *совмѣщать* жизнь въ свободныхъ и добровольныхъ союзахъ съ жизнью въ единомъ властвующемъ и принудительномъ союзѣ, въ государствѣ. Принудительная сила государства и разносторонность его дѣятельности, при правильной организаціи, не только не подавляютъ свободную духовную жизнь человѣка, но создаютъ для нея благопріятныя условія. Выработать эту правильную организацію составляетъ высшую задачу человѣчества въ его *политической* дѣятельности.

Государство есть союзъ людей, организованный на началахъ права, объединенный господствомъ надъ единой территоріей и подчиненіемъ единой власти.

Первое, что необходимо имѣть въ виду для вѣрнаго пониманія сущности государства, это то что государство есть союзъ *людей*.

Тамъ, гдѣ нѣтъ людей, тамъ вообще не слѣдуетъ говорить о „государствѣ“. Стада животныхъ, общины и рои насѣкомыхъ не могутъ быть признаны государствами, потому

что мы не имѣемъ данныхъ, которыя позволили бы намъ признать ихъ *инстинктивное* единеніе—сознательно организованнымъ *правовымъ* союзомъ. Государство, какъ и право, есть нѣчто, устанавливаемое людьми и имѣющее въ виду людей.

Но, далѣе, государство непремѣнно предполагаетъ наличность *многихъ* людей. Одинъ человѣкъ можетъ быть субъектомъ права, можетъ входить въ составъ государства и имѣть публично-правовыя полномочія, но не можетъ, самъ по себѣ, образовать государства, ибо государство есть *союзъ;* воззрѣніе, раздѣлявшееся, напримѣръ, Спинозою [1]), и французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, согласно которому все государство заключается въ лицѣ короля, не слѣдуетъ понимать буквально (имѣлось въ виду не государство, но вся *полнота государственной власти).* Самыя маленькія государства современной Европы, Андорра и Санъ-Марино, имѣютъ около 10 000 жителей каждое; самымъ большимъ государствомъ на землѣ, по числу гражданъ, является Китай (около 386 милліоновъ). Государственная организація оказывается необходимой и возникаетъ только тогда, если объединяется *сравнительно большое* число людей; небольшія группы всегда сумѣли бы объединиться, не обращаясь къ столь сложной организаціи, какъ государственная.

Понятно, далѣе, что не всякое множество людей образуетъ государство. Это множество людей должно, прежде всего, имѣть единый, и при томъ именно *общій* интересъ, а не множество отдѣльныхъ, индивидуальныхъ интересовъ, стоящихъ другъ къ другу въ отношеніи конкуренціи и исключенія. Этотъ интересъ долженъ быть не только присущъ каждому человѣку въ отдѣльности, но всѣмъ сразу и сообща, такъ, чтобы удовлетвореніе его было бы возможно *только* черезъ объединеніе всѣхъ. Такимъ интересомъ является, какъ уже ясно изъ предшествующаго, *усовершенствованіе совмѣстной жизни посредствомъ установленія и поддержанія справедливаго правопорядка.* Этотъ основной интересъ, дѣйствительно, единъ и общъ для всѣхъ членовъ сразу,

---

[1]) Великій философъ XVII вѣка. Жилъ и умеръ въ Голландіи (1632—1677).

хотя онъ и не исчерпываетъ собою задачъ и цѣлей государства

Однако не слѣдуетъ думать, что всюду, гдѣ есть общій интересъ, есть и союзъ, организовавшійся для его осуществленія и защиты. Для этого необходимъ еще цѣлый рядъ условій. Люди должны *осознать* и *признать*, что такой интересъ у нихъ есть и что онъ единъ и общъ для всѣхъ сразу. Это не значитъ, что въ дѣйствительности всѣ граждане современнаго государства признаютъ это; одни могутъ не *сознавать* этого по недостатку образованія, другіе могутъ не *признавать* этого по нежеланію подчинять свой личный, своекорыстный интересъ — общему. Но государственный союзъ, какъ и всякій союзъ, будетъ тѣмъ сплоченнѣе и сильнѣе, онъ будетъ тѣмъ дружнѣе и успѣшнѣе разрѣшать свои задачи, чѣмъ глубже въ гражданахъ будетъ чувство общей объединенности, чѣмъ сильнѣе въ нихъ будетъ увѣренность въ томъ, что единый и общій высшій интересъ лежитъ въ основаніи ихъ объединенія. Государственный союзъ, въ которомъ это чувство и эта увѣренность ослабѣваютъ, идетъ навстрѣчу своему разложенію.

Понятно, что такое осознаніе и признаніе важны не сами по себѣ, но должны пробудить *согласіе* и *волю* къ союзной жизни и единенію. Среди людей часто бываетъ такъ, что отвлеченное признаніе не вызываетъ творческаго желанія и не подвигаетъ на дѣятельный трудъ. Государственная жизнь требуетъ отъ людей именно *волевого дѣятельнаго участія и труда*. Въ 18-мъ вѣкѣ Руссо [1]) пытался выразить это такъ, что государство *основывается* на „общественномъ договорѣ“, въ которомъ всѣ мы участвуемъ, признавая его *молчаливымъ согласіемъ*. Впослѣдствіи Гегель [2]) настаивалъ на томъ, что государство не только „*основывается*“ на рѣшеніи объединиться; вся государственная жизнь, думалъ онъ, *состоитъ* въ томъ, что люди *желаютъ одного и того же и направляютъ свою волю и свои силы* къ достиженію желаннаго, именно, къ *организованному единенію ради высшаго блага*. Государственный союзъ,

---

[1]) Жанъ Жакъ Руссо, великій французскій мыслитель (1712 - 1778).

[2]) Георгъ Фридрихъ Вильгельмъ Гегель, великій нѣмецкій философъ (1770—1831).

въ которомъ нѣтъ этого согласія и этой воли къ единенію, медленно распадается и первое же серьезное испытаніе (напр. трудная война) можетъ привести его къ гибели.

Естественно, что воля къ единой цѣли и совмѣстной жизни, приводитъ къ установленію и поддержанію *длительной, прочной* и *опредѣленной* связи. Государство есть союзъ, образовавшійся не на срокъ; это—союзъ *безсрочный;* онъ не предвидитъ конца своего существованія, хотя и не выдаетъ себя за вѣчную или безконечную сущность, въ родѣ физической матеріи или геометрическаго пространства. Нѣтъ, государство будетъ существовать, пока люди будутъ въ этомъ нуждаться, т.-е. пока людямъ будетъ необходимо *принудительно поддерживать справедливый правопорядокъ*. А для того, чтобы поддерживать его, государство само должно быть *прочно,* оно должно имѣть характеръ строго *опредѣленный:* государство есть *организація*, т.-е. *союзъ, устроенный и живущій на основаніи обязательныхъ правилъ.*

Эти правила, которымъ подчинены *все устройство и вся жизнь* государственнаго союза, суть *правовыя нормы.* Государство есть не просто союзъ, но *правовой союзъ*, организованный и дѣйствующій по правовымъ нормамъ. Это означаетъ, что члены его участвуютъ въ немъ, въ качествѣ *субъектовъ права*, что отношеніе, связующее ихъ всѣхъ въ единый союзъ, есть *правоотношеніе,* и, наконецъ, что самый союзъ, какъ единство, есть единый *коллективный* субъектъ права, или *юридическое лицо.*

Главное, что необходимо здѣсь усвоить и имѣть въ виду, это *правовой* характеръ государственнаго союза. Напрасно было бы думать, что государство *выше* права, что оно ему не подчинено. Правда, государственный союзъ созданъ для того и уполномоченъ къ тому, чтобы устанавливать новыя правовыя нормы и поддерживать уже созданныя; это и даетъ иногда поводъ говорить и думать, что подобно тому, какъ Создатель міра—выше міра, такъ и создатель права—выше права. Однако именно къ правовой жизни это не примѣнимо: самое созданіе права и поддержаніе права совершается въ государствѣ *по правовымъ нормамъ*; государство само есть *правовой* союзъ, субъектъ права, имѣющій полномочія и обязанности, какъ по отношенію къ другимъ государствамъ (въ

международныхъ правоотношеніяхъ), такъ и по отношенію къ своимъ гражданамъ; каждая, установленная государствомъ, правовая норма связываетъ его самого, возлагая на него обязанность поддерживать и принимать установленную норму, не предписывать обратнаго до ея отмѣны, не взыскивать бо́льшого, чѣмъ въ ней указано и т. д. Словомъ, все существованіе государства подчинено *праву*, всѣ полномочія и обязанности его суть *правовыя* полномочія и *правовыя* обязанности; и поэтому всѣ отношенія его должны быть *правоотношеніями*. Государство есть *правовой* союзъ, которому дана *правовая* власть для того, чтобы поддерживать *право* и служить *праву*. И если бы государство вышло совсѣмъ за предѣлы права, нарушая его, то оно не могло бы поддерживать правопорядокъ среди гражданъ и требовать отъ нихъ повиновенія праву. Тотъ, кто говоритъ о государствѣ, говоритъ о правѣ, ибо государство есть правовой союзъ; право есть какъ бы тотъ воздухъ, которымъ дышитъ государство.

Именно благодаря этому государство, какъ союзъ, есть правовой союзъ,—коллективный субъектъ права или *юридическое лицо*. Это означаетъ, что государство существуетъ не отъ природы, но *организуется людьми;* что оно не есть ни физическая вещь (напр. территорія), ни простое множество людей, но представляетъ собою *множество людей, связанное единымъ правомъ, единой властью и единой территоріей въ союзъ*: государство есть *множество въ видѣ единства.*

Не слѣдуетъ однако представлять себѣ государство, какъ единство, стоящее гдѣ-то *надъ* множествомъ людей, *внѣ* этого множества; государство не возносится надъ своими членами, въ видѣ чего-то чуждаго и посторонняго имъ. Тотъ, кто такъ представляетъ себѣ государство,—смѣшиваетъ *государственный союзъ* съ *государственной властью*, хотя конечно и государственную власть не слѣдуетъ представлять себѣ, какъ помѣщенную *внѣ* союза. Все это могло бы быть такъ, если бы государство, какъ единый субъектъ права, было *учрежденіемъ*, т.-е. субъектомъ, существующимъ *для* гражданъ, но *не включающимъ ихъ въ свой составъ;* но государство есть именно не учрежденіе, обслуживающее нужды „другихъ", а *корпорація*; оно есть юридическое лицо, *включающее*

въ себя тѣхъ, *ради* которыхъ оно существуетъ. Государство существуетъ не только *ради* гражданъ и *для* нихъ, но *черезъ* гражданъ и *въ* нихъ: если бы народъ вымеръ или разбѣжался, перейдя въ другіе государственные союзы, то государство прекратилось бы.

Далѣе, государство, какъ *единая корпорація*, включающая въ себя своихъ членовъ, имѣетъ не частно-правовой, а *публично-правовой* характеръ. Это опредѣляется тѣмъ, что основное полномочіе государства есть *полномочіе на власть*. Государство есть союзъ, уполномоченный *властвовать* надъ своими членами, *создавать* для нихъ *правовыя нормы* и велѣнія, *управлять* ими и *судить* ихъ; все это, конечно, въ порядкѣ, установленномъ правовыми нормами. Поэтому отношенія между государствомъ и его членами являются обыкновенно (см. § 15) *публичными правоотношеніями*, въ которыхъ государство выступаетъ *властвуя по полномочію*, а граждане имѣютъ *обязанность подчиняться*. Всякій участникъ государства, встрѣчаясь съ его властными правовыми велѣніями (будь то въ видѣ нормъ, или въ видѣ императивовъ), оказывается въ положеніи лица, *подчиненнаго по праву* или *подданнаго*, и потому обязаннаго послушаніемъ въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Государство есть *публично-правовая корпорація* и этимъ она отличается ото всѣхъ частно-правовыхъ корпорацій (культурныхъ и торговыхъ союзовъ): эти союзы не имѣютъ полномочія на власть по отношенію къ своимъ членамъ, и участники ихъ не являются ихъ подданными.

Наконецъ, государство, какъ публично-правовая корпорація, властвуетъ надъ людьми только на извѣстной *территоріи*, т.-е. на извѣстной строго опредѣленной правовыми нормами земной поверхности; этимъ оно отличается отъ тѣхъ публично-правовыхъ корпорацій, господство которыхъ надъ людьми или *совсѣмъ* не связано съ территоріей (напр. религіозно-церковный союзъ), или не связано съ *опредѣленнымъ* мѣстомъ, служащимъ народу для осѣдлой жизни (напр. общины кочевниковъ, еврейскій народъ въ пустынѣ). Государственная власть *всегда* имѣетъ свой предѣлъ въ территоріальныхъ границахъ и это даетъ основаніе опредѣлить

государство, какъ *публично-правовую территоріальную корпорацію.*

Это не значитъ, однако, чтобы *каждая* публично-правовая территоріальная корпорація была государствомъ (напр. земскія и городскія общины, провинціи и области не могутъ быть названы государствами). Въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся.

§ 17. Основы государства: народъ; территорія; власть.

Мы видѣли, что государство есть *публично-правовая территоріальная корпорація.* Это означаетъ, что существованіе государства покоится на слѣдующихъ основахъ: долженъ быть налицо *народъ*, т-е. *множество лицъ*; народъ долженъ населять *опредѣленную* и *ограниченную территорію*; онъ долженъ быть подчиненъ *единой правовой власти.* Если нѣтъ одной изъ этихъ основъ, то нѣтъ и государства. Однако для того, чтобы вѣрно понять это, необходимо отчетливо усвоить, что всѣ эти основы имѣютъ *правовой* характеръ и *правовое* значеніе.

Государство, какъ правовое явленіе, есть союзъ лицъ. Поэтому съ точки зрѣнія юриста въ государствѣ участвуютъ *только люди*, и никто, и ничто, кромѣ человѣка, въ государство не входитъ: ибо право соединяетъ только человѣка съ человѣкомъ. Поэтому земля и воды, вещи и зданія, растенія и животныя входятъ въ *географическое* „государство“, но не входятъ въ правовой союзъ людей; то, что юристъ называетъ государствомъ не слѣдуетъ уподоблять стеклянному колпаку, охватывающему *все*, помѣщенное на подставкѣ; государство подобно скорѣе сѣти тонкихъ незримыхъ, но прочныхъ нитей, связывающихъ всѣхъ людей въ единство. *По поводу* вещей (будь то земля, дома, животныя, растенія, мебель и т. п.) люди вступаютъ между собою въ правоотношенія; но сами эти вещи не могутъ быть лицами или субъектами права, и въ правовомъ отношеніи *не* участвуютъ.

а) *Народъ.* Положеніе народа въ государствѣ можно передать *образно* такъ. Государство подобно кругу; линія окружности, всюду одинаково удаленная отъ центра и всю-

ду одинаково связанная съ нимъ нитью радіуса, обозначаетъ одинаковую въ корнѣ *включенность* и одинаковое *участіе* всѣхъ членовъ союза; единый центръ обозначаетъ то *общее*, что объединяетъ всѣхъ въ круговое единство. Всѣ, принадлежащіе къ государству *входятъ* въ государство, такъ, какъ линія окружности входитъ въ кругъ; всѣ они связаны *одинаковымъ правовымъ отношеніемъ* такъ, какъ радіусъ связуетъ каждую точку окружности съ единымъ центромъ; всѣ они имѣютъ *единое объективное право* и *единую власть* такъ, какъ кругъ имѣетъ единый центръ; всѣ они населяютъ *единую территорію* такъ, какъ единая площадь круга замыкается линіей окружности.

Несмотря на всѣ различія людей въ смыслѣ возраста, пола, характера, богатства и субъективныхъ правъ, въ положеніи *каждаго* члена государственнаго союза есть *сходство* съ положеніемъ всѣхъ остальныхъ членовъ Всѣ они *одинаково* суть *члены государственнаго союза* и поэтому одинаково стоятъ съ нимъ въ опредѣленныхъ правоотношеніяхъ. Эти правоотношенія суть *публично-правовыя* отношенія; и слѣдовательно члены государственнаго союза, участвуя въ нихъ, имѣютъ *субъективныя публичныя права*. Каждый участникъ государства является субъектомъ публичныхъ *обязанностей* (а также *запретностей*) и *полномочій*, которыя различно опредѣляются въ разныхъ странахъ, но-все таки имѣютъ одинаковую сущность.

Единую сущность этихъ *обязанностей* и поддерживающихъ ихъ силу *запретностей* можно обозначить, какъ обязанность оказывать *повиновеніе* (велѣніямъ) и *покорность* (запретамъ) правовой власти союза, и, слѣдовательно, тѣмъ правовымъ нормамъ и императивамъ, которые по праву исходятъ отъ этой власти. Понятно, что этимъ обязанностямъ и запретностямъ, лежащимъ на каждомъ участникѣ государственнаго союза, соотвѣтствуютъ полномочія государства: устанавливать правовыя *нормы*, издавать правовые *императивы, руководить на основаніи* ихъ жизнью государства, *примѣнять право* и *судить* его нарушителей. Каждый членъ государственнаго союза, обязанный ему повиновеніемъ, есть его *подданный*. Подданство пріобрѣтается и утрачивается исключительно съ согласія государства и по его законамъ: нельзя

выйти изъ подданства и вступить въ подданство самовольно. Подданство можетъ быть пріобрѣтено или по соглашенію между взрослымъ человѣкомъ (иностранцемъ) и государствомъ, или независимо отъ согласія человѣка (напр. рожденіемъ отъ подданнаго или, въ нѣкоторыхъ государствахъ, рожденіемъ на территоріи даннаго государства); оно прекращается обыкновенно или черезъ разрѣшеніе государства („увольненіе“) или же въ видѣ наказанія („изгнаніе“). Подданство обязываетъ не только къ повиновенію правовымъ предписаніямъ государственной власти, но и къ *личному содѣйствію государству*: подданный обязанъ участвовать въ оборонѣ государственнаго союза и слѣдовательно несетъ *воинскую* повинность; онъ обязанъ участвовать въ доставленіи денежныхъ средствъ государственному союзу и слѣдовательно несетъ *податную* или *налоговую* повинность; наконецъ онъ не смѣетъ предпринимать что-нибудь, клонящееся къ тайному или явному вреду своего государства, дабы не быть обвиненнымъ въ *измѣнѣ* (онъ обязанъ „*вѣрностью*“ своему государству).

Далѣе, общую сущность тѣхъ публично-правовыхъ *полномочій*, которыя предоставлены каждому участнику государственнаго союза, можно обозначить, какъ *право на личную свободу* и *право на участіе* въ государственномъ союзѣ. Эти полномочія дѣлаютъ участника государственнаго союза уже не только подданнымъ, но *гражданиномъ*.

Ту „естественную“, моральную *свободу*, согласно которой каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ нравственное полномочіе дѣлать то, что по его крайнему разумѣнію и убѣжденію есть *морально лучшее*, — эту свободу ни одно государство не можетъ и не должно искоренять или заглушать внѣшними запретами. Государство есть *правовое* установленіе, и поэтому оно само заинтересовано въ томъ, чтобы стоять въ живомъ, творческомъ взаимодѣйствіи съ моралью и моральною жизнью людей. Въ виду этого каждое государство ограничиваетъ свою власть надъ подданными лишь тѣмъ, что ему представляется *безусловно необходимымъ*; современныя государства постепенно прониклись убѣжденіемъ въ томъ, что граждане тѣмъ прочнѣе и глубже объединяются государственнымъ союзомъ, чѣмъ большее

участіе и чѣмъ болѣе обезпеченная личная свобода имъ предоставлены: ибо прочность государства требуетъ, чтобы граждане сознательно и *добровольно*, на правахъ *зрѣлыхъ* и *свободныхъ* людей, поддерживали свое правовое единеніе.

Понятно, что каждому полномочію гражданина, предоставляющему ему личную свободу, соотвѣтствуетъ обязанность и запретность, лежащія на государственной власти и ея органахъ. Къ такимъ правамъ свободы, которыя государственная власть обязана охранять и защищать, которыхъ она не смѣетъ нарушать, но которыя она можетъ ограничивать справедливымъ закономъ, относятся слѣдующія. Во-первыхъ, *свобода передвиженія* и выбора мѣста жительства на территоріи государства (никто не можетъ быть арестованъ или высланъ иначе, какъ только *по закону*; арестованный въ самый короткій срокъ долженъ быть преданъ *суду*); во-вторыхъ, *свобода выбора профессіи* и промысла; въ-третьихъ, *неприкосновенность частнаго жилища* (никто не можетъ войти въ чужое жилище безъ разрѣшенія хозяина, если у него нѣтъ на то *особаго* полномочія); въ-четвертыхъ, *тайна частной корреспонденціи* (никто не имѣетъ права вскрывать и читать письма, кромѣ того, кому они адресованы); въ-пятыхъ, *свобода совѣсти*, т.-е. религіознаго исповѣданія (всякій имѣетъ право открыто исповѣдовать ту религію, которая представляется ему истинною, или не исповѣдовать никакой; его нельзя лишить за это никакихъ правъ); въ-шестыхъ, *свобода слова и печати* (всякій имѣетъ право высказывать свои мысли устно и печатно, отвѣчая за это только *по закону* и *передъ судомъ*; для открытія газетъ, журналовъ, книгоиздательствъ и книжныхъ магазиновъ особаго разрѣшенія отъ государства не надо, достаточно простого заявленія—„явочный порядокъ"), въ-седьмыхъ, *свобода собраній* (граждане имѣютъ право сходиться для публичныхъ бесѣдъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и подъ открытымъ небомъ, не стѣсняя ѣзды по улицамъ, но *повинуясь законнымъ требованіямъ полиціи*; явочный порядокъ; отвѣтственность за безпорядокъ и неповиновеніе — *по закону передъ судомъ*); въ-восьмыхъ, *свобода союзовъ* (граждане имѣютъ право объединяться для цѣлей *не противныхъ закону* — въ союзы, учреждая ихъ явочнымъ порядкомъ). При этомъ государственная власть обязана и уполн-

номочена слѣдить за тѣмъ, чтобы пользованіе этими основными правами свободы совершалось по закону и чтобы виновные въ противозаконномъ пользованіи ими отвѣчали за это по суду; помимо этого государственная власть уполномочена въ случаяхъ крайней необходимости (войны, эпидеміи, стихійныхъ бѣдствій, народныхъ волненій) временно воспрещать гражданамъ пользованіе этими правами, при чемъ она должна впослѣдствіи привести вѣскія основанія для такого запрета.

На ряду съ правами свободы, принадлежащими гражданамъ, стоятъ *полномочія* гражданъ *на участіе* въ государственномъ союзѣ. Эти полномочія съ одной стороны предоставляютъ каждому гражданину требовать отъ государства *полицейской, судебной* и *военной* защиты въ случаѣ нарушенія его правъ и его свободы; съ другой стороны они предоставляютъ каждому гражданину, если онъ обладаетъ необходимыми, въ законѣ указанными, свойствами (напр. возрастъ, полъ, душевное состояніе, или, сверхъ того, принадлежность къ извѣстному сословію, или владѣніе опредѣленнымъ имущественнымъ состояніемъ), принимать участіе въ осуществленіи *государственной власти*. При этомъ не всѣ граждане уполномочены къ *одинаковому* участію во властной дѣятельности государственнаго союза. Одни уполномочены только къ *періодическому участію въ избраніи* тѣхъ, кто будетъ потомъ дѣйствовать отъ лица государства; другіе получаютъ *обязанность* и *полномочіе* осуществлять *постоянно* предоставленную имъ частицу государственной власти. Эти публичныя полномочія могутъ быть по содержанію очень широки (напр. права монарха) или очень тѣсны (права избирателя); они могутъ быть пожизненны (монархъ) или срочны (напр. у народныхъ представителей); они могутъ пріобрѣтаться на основаніи закона (напр. полномочія монарха), или на основаніи народныхъ выборовъ (напр. народные представители), или по назначенію (напр. полномочія министра, губернатора); но они всегда принадлежатъ *только гражданину*, т.-е. только каждому въ своемъ государствѣ, и являются необходимымъ соотвѣтствіемъ и дополненіемъ къ *обязанностямъ подданнаго*.

Для того, чтобы углубленно и отчетливо представить себѣ отношеніе между государственнымъ союзомъ и его членами слѣдуетъ разсматривать публичныя полномочія подданныхъ, какъ особыя лежащія на *гражданахъ обязанности*, а обязанности и повинности, возлагаемыя государствомъ на своихъ гражданъ, какъ особыя *полномочія* его *подданныхъ*.

Право участвовать въ жизни государственнаго союза есть высокое и почетное право: оно дѣлаетъ человѣка *гражданиномъ:* включаетъ его, какъ духовную свободную личную силу, въ основной составъ союза; ставитъ его въ ряды тѣхъ, которыхъ государство защищаетъ, но отъ которыхъ въ свою очередь ждетъ защиты, которымъ оно довѣряется, какъ своимъ организаторамъ и осуществителямъ, которыхъ оно пріобщаетъ своимъ цѣлямъ и отъ которыхъ поэтому ждетъ добровольнаго и самоотверженнаго сотрудничества. Званіе и полномочіе гражданина *обязываетъ:* оно обязываетъ къ *защитѣ* и поддержанію союза, къ *труду* во имя общаго блага, къ *вѣрности* союзу и *его цѣлямъ*. Только тамъ всѣ будутъ за одного, гдѣ одинъ за всѣхъ; и обратно. Только тамъ государственнный союзъ будетъ осуществлять успѣшно свои высшія цѣли, гдѣ граждане будутъ смотрѣть на свои публичныя полномочія, какъ на *обязанности*.

Точно такъ же *обязанности* и *повинности*, возлагаемыя государствомъ на своихъ членовъ, можно разсматривать, какъ своего рода *полномочія;* это тѣмъ болѣе естественно, что, согласно общему правилу, тотъ, кто имѣетъ извѣстную обязанность, имѣетъ тѣмъ самымъ и полномочіе ее исполнять (см. § 11). Съ этой точки зрѣнія окажется, что каждый можетъ заявить о своемъ *правѣ* поддерживать всѣми силами свой государственный союзъ, дѣлать взносы въ его казну, служить въ его войскахъ и жить на его территоріи (если, конечно, онъ не изгнанъ въ видѣ наказанія). Нѣкоторыя изъ этихъ правъ разсматриваются обычно, какъ стѣсняющія и обременительныя требованія государства; это объясняется тѣмъ, что люди, погружаясь въ свои личныя дѣла и узкіе расчеты, утрачиваютъ живое чувство своей принадлежности къ государству, чувство своей моральной и правовой связи съ нимъ, и незамѣтно перестаютъ испытывать себя его членами: тогда каждый взносъ въ казну государства восприни-

мается только какъ личный убытокъ, каждая повинность переживается какъ тяжелое бремя и, въ концѣ-концовъ, люди начинаютъ чувствовать себя чужаками въ своемъ государствѣ. Однако исторія показываетъ, что въ часъ общей опасности, въ эпоху тяжелой войны, когда въ людяхъ загораются по-новому чувства родины и политическаго единенія, *участіе* въ жизни государства получаетъ вновь свое истинное и глубокое значеніе, и люди, выполняя свои правовыя обязанности не только за страхъ, но и за совѣсть, чувствуютъ, что они дѣйствительно уполномоченные участники и граждане своего государства, какъ объединенной корпораціи.

b) *Территорія.* Если государство невозможно безъ входящаго въ его составъ множества подданныхъ-гражданъ, образующихъ въ цѣломъ то, что называется *народомъ*, то оно невозможно и безъ территоріи. Государство есть не кочующій, а *осѣдлый* союзъ людей. Эту осѣдлость слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что граждане фактически сидятъ неподвижно на мѣстѣ или не имѣютъ права перемѣнять свое мѣстожительство; комми-вояжеры, бродячіе музыканты, богомольцы-странники, цыгане и цѣлыя кочевыя племена въ средней Азіи всю жизнь переѣзжаютъ и переходятъ съ мѣста на мѣсто; и, тѣмъ не менѣе, они, какъ граждане, сохраняютъ свою *юридическую* осѣдлость, которая опредѣляется *приписко*ю къ той или другой мѣстной общинѣ, входящей въ составъ государства. Однако, осѣдлость государства, какъ публично-правовой корпораціи, не слѣдуетъ сводить только къ тому, что всѣ граждане обязаны приписаться къ какой-нибудь мѣстной общинѣ; государство сохранило бы свою территоріальность и въ томъ случаѣ, если бы граждане не имѣли такой обязанности.

Связанность государства съ территоріей есть *правовая связанность*. Она состоитъ въ томъ, что государство *уполномочено властвовать* надо всѣми тѣми, и *требовать подчиненія* ото всѣхъ тѣхъ, кто живетъ или находится временно въ предѣлахъ его территоріи; всякій, кто переступаетъ, или переѣзжаетъ, или перелетаетъ черезъ указанную въ правовыхъ нормахъ черту (сухопутную или морскую *границу*), подпадаетъ всецѣло или до извѣстной степени (если онъ иностранный подданный) правовымъ велѣніямъ господствующаго

здѣсь государства. Это означаетъ, что поверхность земли и воды, именуемая „государственной территоріей“, опредѣляетъ, *кто изъ людей подчиненъ власти даннаго государства.* Отсюда уже ясно, что не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, будто государственный союзъ есть *собственникъ* своей территоріи. Обычно дѣло обстоитъ такъ, что вся поверхность земли, входящая въ составъ государства, принадлежитъ на правѣ собственности по частямъ отдѣльнымъ гражданамъ, корпораціямъ и учрежденіямъ; большіе участки принадлежатъ нерѣдко на правѣ собственности и государственной казнѣ. Однако, право собственности есть *частное* право, а связь государства съ территоріей устанавливается *публичнымъ* правомъ. Это не значитъ, что между государственнымъ союзомъ и территоріей имѣется публичное правоотношеніе; территорія—не человѣкъ и участвовать въ правоотношеніи не можетъ. Публичное правоотношеніе имѣется между *государственнымъ союзомъ* съ одной стороны и *всякимъ человѣкомъ, находящимся на его территоріи*, съ другой стороны. Граница территоріи есть пространственный предѣлъ, за которымъ кончаются властныя полномочія одного государства и начинаются властныя полномочія другого.

Итакъ, территоріальность государства состоитъ въ томъ, что его *полномочіе на власть имѣетъ предѣлъ въ пространствѣ*; отсюда ясно, что государство можетъ потерять свою территорію только въ томъ случаѣ, если оно потеряетъ самое свое *полномочіе* на власть. Поэтому, если на войнѣ другое государство, безъ всякаго полномочія на власть, силой, временно займетъ его территорію своими войсками и будетъ властно распоряжаться надъ чужими подданными, то угнетенное государство не утратитъ отъ этого свой территоріальный характеръ; его *полномочіе* властвовать надъ жителями его территоріи *временно будетъ неосуществимо* и только.

c) *Власть*. Каждое государство есть властвующій союзъ. Это означаетъ, что ему принадлежитъ *правовое полномочіе* властвовать, простирающееся до тѣхъ предѣловъ, которые указаны въ правовыхъ нормахъ. Каждое государство властвуетъ только въ предѣлахъ своихъ полномочій, которыя ограничены съ одной стороны властными полномочіями *дру-*

ихъ государствъ, съ другой стороны, правами свободы, принадлежащими *его* гражданамъ.

По общему правилу каждое государство является *самостоятельнымъ* по отношенію къ другимъ государствамъ. Это означаетъ, что каждое государство *само* учреждаетъ свою власть и свое устроеніе, и имѣетъ полномочіе устраиваться и переустраиваться *независимо отъ согласія или несогласія* другихъ государствъ, *однимъ своимъ самостоятельнымъ рѣшеніемъ*. Государство не получаетъ свою власть ни отъ какого другого авторитета или союза; оно всегда создаетъ самодѣятельно тѣ правовыя нормы, на основаніи которыхъ оно властвуетъ и управляется. Этимъ-то государство и отличается отъ земскихъ и городскихъ общинъ, провинцій и областей, которыя, будучи иногда во всемъ подобны государству,—имѣя и правовой характеръ, и власть, и населеніе, и территорію,—не имѣютъ, однако, *самостоятельной власти:* не могутъ переустраиваться сами, но получаютъ и свое полномочіе на власть и свое устройство отъ того государства, частью котораго онѣ являются; поэтому онѣ и не признаются за государства.

Но если *всякое* государство имѣетъ такую *основную самостоятельность*, то это *не* значитъ, что *всякое* государство имѣетъ *полную независимость* отъ другихъ государствъ. Въ *извѣстныхъ* второстепенныхъ *отношеніяхъ*, касающихся не государственнаго *устройства* (см. § 19), а отдѣльныхъ сторонъ государственной дѣятельности, одно государство можетъ быть подчинено другому; это подчиненіе можетъ состоять, напр., въ томъ, что подчиненное государство или не имѣетъ права сноситься свободно съ третьими государствами, или обязано поставлять свои войска и посылать дань господствующему государству, или же обязано въ нѣкоторыхъ строго-опредѣленныхъ отношеніяхъ признавать правовыя нормы, исходящія отъ послѣдняго и повиноваться имъ (это относится особенно къ государствамъ, входящимъ въ союзныя государства, см. § 19). Однако многія государства, особенно великія державы, являются *вполнѣ независимыми*, и связаны лишь тѣми обязательствами, которыя они взяли на себя по свободному договорному соглашенію.

Зато *въ своихъ предѣлахъ* власть *каждаго* государства является *верховною*. Государству принадлежитъ право относиться ко всѣмъ людямъ, союзамъ людей, другимъ организаціямъ и ихъ органамъ, находящимся въ его предѣлахъ, — какъ къ *подчиненнымъ*. Государство не признаетъ на своей территоріи другой власти, которая имѣла бы полномочіе воспротивиться *его* власти или уклониться отъ повиновенія. Создавая и издавая свои правовыя нормы, государство опредѣляетъ, *кому* и *какая* власть принадлежитъ въ его предѣлахъ: всякое полномочіе на власть дается *его* правовыми нормами. Современному государству не приходится уже бороться за первенство и верховенство съ другими лицами и общественными союзами,—съ феодальными помѣщиками, съ церковью, городами, цехами и. т. д., — какъ это было въ средніе вѣка. Власть каждаго государства есть власть *въ его предѣлахъ верховная*.

Для того, чтобы вѣрно понять это верховенство, необходимо имѣть въ виду, что государственная власть, сохраняя свое *единство* и свою *нераздѣленность* (потому что *субъектъ* ея—единая государственная корпорація—остается единымъ и нераздѣленнымъ), все же *для осуществленія* своего *распредѣляется* между всѣми органами государства. На вопросъ о томъ, каковъ объемъ и размѣръ государственной власти, можно было бы отвѣтить слѣдующимъ уравненіемъ: *власть государства равна суммѣ властей всѣхъ его органовъ;* или иначе *полномочіе* на власть, принадлежащее государству, распредѣлено всегда безъ остатка между всѣми органами, дѣйствующими отъ его лица. Государство, какъ и всякая другая корпорація, *не* дѣйствуетъ само, въ своемъ цѣльномъ составѣ, но поручаетъ осуществленіе своихъ полномочій и обязанностей отдѣльнымъ лицамъ,—физическимъ (напр. монархъ, президентъ республики, министръ, губернаторъ, мировой судья, фабричный инспекторъ) и юридическимъ (напр. государственный совѣтъ, государственная дума, сенатъ, губернское правленіе). У государства всегда *много* органовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ съ одной стороны *полномочіе* дѣйствовать отъ лица государства самостоятельно отъ *высшихъ* органовъ, съ другой стороны *обязанность* отвѣчать за правильность своихъ дѣйствій передъ высшими

органами и повиноваться ихъ правовымъ велѣніямъ. Исключеніемъ является только монархъ, который въ качествѣ *верховнаго* органа, не имѣетъ надъ собою высшаго органа и не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за свои дѣйствія, повинуясь только правовымъ нормамъ и своей совѣсти.

Отсюда ясно, что *власть государства* не слѣдуетъ смѣшивать съ властью какого-нибудь *отдѣльнаго органа* или нѣсколькихъ *высшихъ* органовъ государства. *Каждый*, даже самый мало вліятельный и невидный органъ государства имѣетъ такую область вопросовъ и отношеній, въ которой онъ уполномоченъ властно дѣйствовать отъ лица государства, повинуясь только правовымъ нормамъ и велѣніямъ. Если бы государство не распредѣляло бы такъ свое властное полномочіе, оно совсѣмъ не могло бы управляться и разрѣшать свои задачи. Вотъ почему воззрѣніе, отождествляющее власть государства то съ властью *законодательныхъ* органовъ, то съ властью *правительственныхъ* органовъ, слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Каждый органъ имѣетъ только то полномочіе, которое онъ получилъ отъ *государства* и которое, слѣдовательно, въ сущности принадлежитъ *самому государству*; и обратно: полномочіе, которое государство утвердило за собою посредствомъ правовой нормы, оно всегда передаетъ для осуществленія одному или многимъ органамъ. Это означаетъ, что власть государства дѣлится и распредѣляется между *всѣми* его органами; *цѣликомъ* она не принадлежитъ *ни одному* органу. Тѣмъ болѣе она не принадлежитъ ни одному изъ тѣхъ *людей*, которые носятъ высокое и почетное званіе государственнаго органа. Вотъ почему, власть государства равна суммѣ властныхъ полномочій *всѣхъ* его органовъ.

Наука давно уже обратила вниманіе на то что власть государства, продолжая принадлежать *единой* корпораціи, *раздѣляется для своего осуществленія* на множество полномочій, и что полномочія эти распредѣляются между отдѣльными органами. Государство имѣетъ двѣ основныя задачи: во первыхъ, *устанавливать правовыя нормы и правовые императивы*, во-вторыхъ работать *надъ проведеніемъ въ жизнь* того порядка, который установленъ въ нормахъ, какъ *должный*. Это проведеніе правовыхъ нормъ въ жизнь

происходитъ *двумя* способами, въ зависимости отъ того, насколько строгія и опредѣленныя полномочія предоставлены тому или другому органу: должный порядокъ осуществляется или путемъ *примѣненія* права или путемъ *управленія*. Примѣненіе и управленіе суть одинаково тѣ способы, которыми государство выполняетъ свое назначеніе: осуществляетъ въ жизни правомѣрный строй и порядокъ. Однако способы эти различны: *примѣняя право* (см. § 13), государственные органы берутъ готовыя, состоявшіяся свойства, дѣянія и отношенія гражданъ и, разсмотрѣвъ ихъ, *подводятъ* ихъ подъ ту или иную правовую норму, объявляя, согласно ея указаніямъ, какія полномочія, обязанности и запретности принадлежатъ даннымъ людямъ. Самая примѣняющая дѣятельность органовъ обыкновенно бываетъ подчинена строгимъ правиламъ и предписаніямъ (*уставамъ*), которыя обезпечиваютъ внимательное, вѣрное и справедливое, свободное отъ ошибокъ, примѣненіе права: именно такъ работаютъ *суды*. Въ отличіе отъ этого пути, *управленіе* происходитъ такъ, что государственные органы, дѣйствуя отъ имени и отъ лица государства, *сами завязываютъ новыя* публичныя или частныя (отъ лица „казны“, см. § 12) *правоотношенія*, какъ со своими гражданами, такъ и съ иноземными государствами и подданными, обезпечивая этимъ для членовъ своего государства *упорядоченную, благоустроенную и благопріятную для духовнаго роста* жизнь. Самая управляющая дѣятельность органовъ никогда *не можетъ быть заранѣе предусмотрѣна* и подчинена строгимъ предписаніямъ и уставамъ: здѣсь очень многое предоставляется свободному почину, энергіи, таланту, жизненному опыту и, главное, безкорыстной волѣ, мудрости и прозорливости правящихъ людей. Именно поэтому эта дѣятельность можетъ быть названа „свободною“ дѣятельностью государственныхъ органовъ; но она „свободна“ не въ томъ смыслѣ, что совершается безъ полномочій и обязанностей; или не ограничена запретностями; или можетъ быть вполнѣ произвольною; или является безконтрольною и безотвѣтственною; но въ томъ смыслѣ, что правовыя нормы даютъ для нея лишь общія полномочія, обязанности и указанія: управленіе должно преслѣдовать *„пользы“* государственнаго

союза и удовлетворять его „*нужды*“, однако отнюдь не нарушая законовъ государства, но *всемѣрно имъ подчинялсь*.

Таковы три основныя дѣятельности государственнаго союза и его органовъ: *созданіе объективнаго права, примѣненіе его и управленіе*. Первоначально думали, что каждому органу можетъ принадлежать только одна изъ этихъ трехъ дѣятельностей и согласно этому дѣлили не только дѣятельности и полномочія государства, но и органы его на — *законодательные, судебные* и *правительственные*. Однако теперь юридическая наука признаетъ, что органы государства могутъ имѣть полномочія и дѣятельности всѣхъ трехъ видовъ. Такъ, напримѣръ, палата представителей есть органъ *законодательный*, участвующій главнымъ образомъ въ *созданіи новыхъ правовыхъ нормъ;* но въ то же время, палата представителей, провѣряя правильность состоявшихся выборовъ, участвуетъ въ *примѣненіи* права, а контролируя, путемъ запросовъ, дѣятельность министровъ, она осуществляетъ полномочія *правительственнаго* характера. Точно также *судебнымъ* органамъ, работающимъ главнымъ образомъ надъ *примѣненіемъ* права, приходится осуществлять *правящую* дѣятельность (черезъ *судебныхъ приставовъ*) и даже устанавливать *новыя правовыя нормы* (напр. нормы „обычнаго права“ см. § 20). Наконецъ *правительственнымъ органамъ* приходится дѣйствовать не только „свободно“ по соображеніямъ „пользы“, но и постоянно *примѣнять* правовыя нормы (напр. полиція примѣняетъ „Паспортный уставъ“, воинскія присутствія — „Уставъ о воинской повинности“ и т. д.); кромѣ того правящіе органы уполномочены *создавать особыя правовыя нормы*,—*правительственныя распоряженія* или *указы*, безъ которыхъ они совсѣмъ не могли бы осуществлять свое назначеніе.

Отсюда ясно, что органы государства называются *законодательными*, *правительственными* и *судебными* по тому *главному* дѣлу, которое имъ присвоено. Не трудно также понять, что всѣ эти органы, осуществляя единое государственное дѣло, стоятъ въ нѣкоторомъ постоянномъ *живомъ соприкосновеніи* другъ съ другомъ; это выражается въ *ихъ дѣловыхъ сношеніяхъ*. Низшіе органы сносятся съ высшими посредствомъ *донесеній*, а высшіе съ низшими посредствомъ распоряженій и *циркуляровъ*. Это не значитъ однако, что всѣ органы рас-

положены въ одинъ единый рядъ начальствованія и подчиненія. По общему правилу только *глава государства* (монархъ или президентъ республики) является *верховнымъ* органомъ во *всѣхъ трехъ* направленіяхъ — законодательства, управленія и суда. Относительно же другихъ органовъ общее правило таково: всѣ органы одинаково подчинены *правовымъ нормамъ*; но органы законодательные считаются обычно высшею инстанціей, *вліяющей* на дѣятельность правящихъ органовъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ вліяющей и на замѣщеніе высшихъ правительственныхъ должностей (министровъ); дѣятельность же судебныхъ органовъ ставится обычно въ условія *независимости* отъ управленія, для того, чтобы придать ей безпристрастную вѣрность и справедливость, столь необходимую въ дѣлѣ примѣненія права (см. § 13).

Этимъ и опредѣляется *принципъ раздѣленія властей*, который требуетъ распредѣленія основныхъ государственныхъ дѣятельностей между различными органами, съ тѣмъ однако, чтобы между этими органами постоянно поддерживалось творческое взаимодѣйствіе и живое равновѣсіе: законодательная власть является высшей, она слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣятельность правительственныхъ органовъ была полезна и закономѣрна; правительственная власть подчиняется законодательной, но имѣетъ и свободную сферу, въ которой обязана отчетомъ; судебная власть отправляетъ свое дѣло независимо и хотя судьи и назначаются правительствомъ, однако смѣнитъ ихъ возможно только въ случаѣ злоупотребленій.

§ 18. Возникновеніе государства. Его цѣль и задачи.

Государство, какъ объединенный, публично-правовой, территоріальный союзъ, имѣетъ длинную и сложную исторію. Возникновеніе государства сокрыто въ глубокой древности. Наука предполагаетъ, что государственный союзъ возникалъ въ борьбѣ нѣсколькихъ родовыхъ союзовъ за преобладаніе; борьба приводила къ побѣдѣ одного рода или къ примирительной

ному соглашенію между нѣсколькими родами и въ результатѣ надъ ними устанавливалась *единая власть*. Укрѣпленію этой власти содѣйствовали многія обстоятельства: необходимость держать въ подчиненіи остатокъ недовольныхъ, насильно присоединенныхъ къ союзу, а также рабовъ; необходимость поддерживать порядокъ внутри союза; авторитетъ князя или царя, поддерживаемый его званіемъ судьи и законодателя, религіознаго руководителя и верховнаго жреца; и наконецъ особенно, необходимость обороняться отъ вооруженныхъ нападеній сосѣдей. Государства возникаютъ и упрочиваются съ переходомъ отъ охотничьяго и пастушески-кочевого быта къ земледѣльческому. Община, осѣвшая на мѣстѣ со всѣмъ своимъ добромъ и стадами, связавшая свою участь съ засѣяннымъ полемъ и ожидаемымъ урожаемъ, естественно вынуждена отстаивать и защищать свои владѣнія отъ пришлой орды завоевателей, подвергающей все опустошенію. Опасность нашествій рано заставляетъ провести въ жизнь раздѣленіе труда между земледѣльцемъ, ведущимъ свое хозяйство, и воиномъ, который самъ не обрабатываетъ землю, но обороняетъ хозяйство своей общины. Судья, законодатель и жрецъ получаетъ новое званіе — военачальника, и власть его получаетъ новую опору въ силѣ постояннаго войска.

Защита жизни, очага и хозяйства отъ набѣговъ кочевниковъ настолько важна, что удачное отраженіе ихъ естественно создаетъ изъ общины центръ, слывущій защищеннымъ и безопаснымъ. Малыя и слабыя общины видятъ свой прямой интересъ въ томъ, чтобы отдаться подъ власть удачно обороняющагося союза и купить себѣ тѣмъ защиту, а купцы, ищущіе безопасности для вѣрныхъ оборотовъ, начинаютъ тяготѣть къ тому же центру. Государственная власть слагается тѣмъ быстрѣе и прочнѣе, чѣмъ скорѣе и вѣрнѣе ей удается обезпечить *порядокъ* внутри союза и *безопасность* отъ внѣшнихъ нападеній.

Понятно, что исторически государства складываются раньше тамъ, гдѣ климатъ и почва благопріятствуютъ земледѣльческому хозяйству: въ южныхъ плодородныхъ странахъ, возлѣ большихъ рѣкъ (Ассирія, Египетъ). Понятно также, что государства легче достигаютъ развитія и зрѣлости тамъ, гдѣ

море или горы помогаютъ *оборонѣ* отъ нападеній и, въ то же время, гдѣ сухопутные или рѣчные и морскіе пути сообщенія облегчаютъ *торговыя сношенія* и создаютъ постоянный *приливъ* населенія къ центру и *отливъ* изъ него въ колоніи (Греція, Римъ). Естественно, наконецъ, что созданіе могучаго государства удавалось всегда энергичнымъ и предпріимчивымъ, трудолюбивымъ и въ то же время воинственнымъ народамъ. Государственная жизнь развивалась медленно и развитіе это шло всегда рука объ руку съ развитіемъ въ душахъ людей *правосознанія:* самая сущность государства состоитъ во *властвованіи по праву*, *черезъ право* и *ради права*, и потому тамъ, гдѣ чувство права и справедливости не развивалось, государственная власть дѣлалась жертвой междуусобныхъ столкновеній и насильственныхъ захватовъ.

Такимъ образомъ государство возникло и упрочилось въ поискахъ *внутренняго порядка* и *внѣшней безопасности.* Этимъ опредѣляется, но не исчерпывается его значеніе и назначеніе. Властвуя на основаніи полномочій *(„по праву“)*, осуществляя свою власть посредствомъ правовыхъ велѣній и правомѣрной дѣятельности своихъ органовъ *(„черезъ право“)*, государство имѣетъ своею первою задачей *водвореніе на землѣ* (какъ въ *своихъ* предѣлахъ, такъ и въ *международныхъ* отношеніяхъ), правового порядка *(„ради права“)*, т.-е. борьбу съ произволомъ и господствомъ грубой силы. Эта первая и основная задача государственнаго союза должна привести при разрѣшеніи ея—къ дружному сожительству людей, какъ во внутренней жизни государства, такъ и въ его внѣшнихъ сношеніяхъ; государственный союзъ призванъ организовать *правовое разрѣшеніе всѣхъ столкновеній* между отдѣльными гражданами и цѣлыми государствами, а это поведетъ къ исчезновенію *войнъ* и къ водворенію на землѣ *мира* гражданскаго и международнаго.

Однако, такое *умиротвореніе* жизни людей при помощи *права* можетъ удасться только при томъ условіи, если право будетъ давать справедливыя рѣшенія, если оно будетъ *справедливымъ* правомъ. До тѣхъ поръ, пока будутъ обдѣленные и неудовлетворенные, нарушеніе мира будетъ стоять у порога Поэтому *созданіе справедливаго (естественнаго) права* является одною изъ высшихъ задачъ государства. Но такъ какъ

справедливое право, по самой сущности своей, есть прежде всего *морально вѣрное* право, то государство, разрѣшая эту задачу, оказывается работающимъ *во имя нравственнаго развитія человѣчества.* Внѣшними, принудительными велѣніями невозможно, конечно, переродить міръ человѣческой души, но возможно *пріучить* человѣка *считаться* со справедливыми правами и интересами другихъ. Это означаетъ, что государство, какъ правовой союзъ, имѣетъ всѣ тѣ задачи, которыя предстоитъ разрѣшать праву: государство должно стремиться къ водворенію въ жизни людей справедливой, свободной, равной и братской совмѣстной жизни.

Такое *упорядоченіе и умиротвореніе внѣшней жизни людей при помощи справедливаго права* требуетъ, чтобы государство принимало болѣе дѣятельное участіе въ жизни гражданъ. Понятно, что союзъ, уполномоченный требовать отъ своихъ членовъ опредѣленныхъ денежныхъ взносовъ и властно опредѣлять ихъ размѣръ (налоги), имѣетъ возможность сдѣлать чрезвычайно многое въ дѣлѣ устроенія общественной жизни. И здѣсь передъ государствомъ открывается чрезвычайно широкое поле для дѣятельности, ведущей къ *хозяйственному устроенію* и *духовному развитію* народа. Задачи государства не ограничиваются водвореніемъ порядка, мира и справедливости; оно должно дѣлать все возможное для того, чтобы народъ не страдалъ не только отъ раздоровъ, войнъ и несправедливости, но и отъ голода, болѣзней, стихій природы и, главное, отъ духовной темноты.

Хозяйственная дѣятельность людей, предоставленная частной иниціативѣ, нерѣдко приходитъ въ разстройство: неумѣніе извлекать большой урожай изъ малаго участка земли, отсутствіе хорошихъ, но дорогихъ орудій, недостатокъ капитала на промышленное или торговое обзаведеніе, недостатокъ быстрыхъ и дешевыхъ путей сообщенія, наконецъ, неорганизованность всего народнаго хозяйства по единому плану,—все это нерѣдко приводитъ къ хозяйственнымъ бѣдствіямъ, напр., неурожаю, разоренію, недостатку товара, тяжело отзывающемуся на потребителѣ, или чрезмѣрному избытку товара, разоряющему производителя. Всему этому государство идетъ на помощь, обучая земледѣльца, помогая ему ссудами и заботясь о справедливомъ распредѣленіи

земельной собственности (Министерство Земледѣлія), кредитуя и контролируя дѣятельность промышленниковъ и торговцевъ (Министерство Торговли и Промышленности), строя и улучшая дороги (Министерство Путей Сообщенія).

Особенную важность получаютъ заботы государства объ умственномъ развитіи народа Образованіе ума, расширеніе кругозора и углубленіе мысли необходимы человѣку во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего для того, чтобы исполнить свое высшее назначеніе: *осуществить на землѣ жизнь духовно-значительную и нравственно-совершенную*. Развитіе ума есть путь къ истинному знанію, благородной волѣ, чистому чувству и прекрасному искусству; для государства же къ этому присоединяется еще необходимость создать развитое и твердое *правосознаніе*, невозможное среди умственно-отсталаго народа. Вотъ почему основныя задачи государства заставляютъ его взять на себя заботу о народномъ образованіи, о всеобщемъ обученіи и о поддержаніи наукъ и искусствъ (Министерство Народнаго Просвѣщенія). Вмѣстѣ съ заботами о поддержаніи внутренняго порядка (Министерство Внутреннихъ Дѣлъ) и внѣшнихъ отношеній (Министерство Иностранныхъ Дѣлъ), о военныхъ силахъ государства (Военное Министерство), о собираніи государственныхъ доходовъ и распредѣленіи расходовъ (Министерство Финансовъ) и, наконецъ, о судебномъ примѣненіи права (Министерство Юстиціи) — эти задачи входятъ всегда въ основной кругъ государственной дѣятельности.

Однако, это разнообразіе государственныхъ задачъ и разносторонность его дѣятельности совсѣмъ не должны приводить къ мелочной опекѣ надъ жизнью гражданъ и отучать ихъ отъ самодѣятельности. Напротивъ: жизнь и дѣятельность самого государства должны быть *проявленіемъ самодѣятельности гражданъ*. Вѣдь государство не *учрежденіе*, возносящееся *надъ* гражданами, а *корпорація* существующая ими, въ нихъ и *черезъ нихъ*. Государство есть союзъ, несомый и творимый гражданами, ихъ самоотверженной и въ то же время свободной самодѣятельностью; поэтому задача государства состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы воспитать и пріучить гражданъ къ *общественному самоуправленію*, наподобіе того, какъ мораль пріучаетъ людей къ внутреннему.

личному самоуправленію. На этой основѣ покоится современное воззрѣніе на государство, какъ на корпорацію, привлекающую къ своей дѣятельности широкіе круги гражданъ и образующую для нихъ *живую школу самоуправленія* и самодѣятельности.

§ 19. Государственное устройство. Монархія и республика. Сложныя формы.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что государство, какъ особый субъектъ права (территоріальная корпорація), имѣетъ свои полномочія и обязанности, что эти полномочія и обязанности оно осуществляетъ, передавая ихъ своимъ органамъ и что, наконецъ, государство и само, и черезъ своихъ органовъ стоитъ со своими гражданами во множествѣ публичныхъ правоотношеній. Во всѣхъ этихъ правоотношеніяхъ происходитъ встрѣча между полномочіемъ на власть и обязанностью повиновенія; взятыя вмѣстѣ эти правоотношенія образуютъ *публичный правопорядокъ*, подчиненный публично-правовымъ нормамъ. Нормы эти образуютъ особую область права, именуемую *государственнымъ правомъ*. Особенное значеніе здѣсь имѣютъ тѣ нормы, которыя опредѣляютъ *личный составъ государства* (правила пріобрѣтенія и утраты подданства), *основныя* полномочія и обязанности *гражданъ* (т.-е. членовъ государственнаго союза), *границы* государственной *территоріи* и устройство *верховной власти*. Совокупность этихъ нормъ называется *основными законами*, а предписанный ими публичный правопорядокъ называется *государственнымъ устройствомъ*.

Каждое государство имѣетъ свое *устройство*, не только *предписанное* въ основныхъ законахъ, но и *осуществленное на дѣлѣ*, при чемъ нерѣдко бываетъ такъ, что жизнь вноситъ замѣтныя измѣненія и дополненія въ предписанный правопорядокъ. Далѣе, каждое государство имѣетъ устройство, *отличное* отъ другихъ государствъ и это относится особенно къ организаціи верховной власти. Въ государствѣ всегда имѣются такіе *высшіе* органы, безъ которыхъ оно *не можетъ существовать*; составъ и полномочія этихъ высшихъ органовъ предусматриваются въ *основныхъ*

законахъ; имъ принадлежитъ *высшая власть* государства. Таковы всѣ высшіе законодательные, правительственные и судебные органы: глава государства, парламентъ (нижняя и верхняя палаты), министерства, высшіе судебные органы. Наконецъ каждое государство имѣетъ единый *верховный* органъ, высшій изъ высшихъ, не подчиненный никакому другому органу, но руководящій всею государственною дѣятельностью; онъ является *главою* законодательной, правительственной и судебной власти и именуется, согласно этому, *главою государства.* Въ зависимости отъ положенія своего главы—государство можетъ быть *монархіей* и *республикой*. Если глава государства получаетъ свои полномочія *наслѣдственно* (основные законы указываютъ тотъ родъ или „царствующій домъ“, въ которомъ эти полномочія передаются по наслѣдству) и *на всю жизнь*, и притомъ *свободенъ отъ всякой отвѣтственности* за свои дѣянія, то онъ имѣетъ титулъ *монарха*, а государство является *монархіей*. Если же глава государства получаетъ свои полномочія *по избранію*, на *извѣстный срокъ* [1]), и притомъ является *отвѣтственнымъ* по суду за извѣстныя дѣянія, то онъ имѣетъ титулъ *президента*, а самое государство является *республикой*.

Глава государства *руководитъ* всею государственною дѣятельностью, но далеко не во всѣхъ государствахъ онъ имѣетъ полномочіе *осуществлять* верховную власть *единолично* и *самостоятельно*: такое полномочіе можетъ имѣть только *монархъ* и притомъ только въ *неограниченныхъ* или *абсолютныхъ* монархіяхъ. *Неограниченный монархъ* имѣетъ полномочіе издавать законы, назначать министровъ и управлять государствомъ по своему *единоличному усмотрѣнію* и если онъ привлекаетъ къ дѣлу изданія законовъ тѣхъ или иныхъ лицъ *для совѣта*, то это зависитъ отъ его личнаго желанія и совѣты ихъ *его не связываютъ*. Въ этомъ отношеніи всякой *неограниченной монархіи* противопоставляется *конституціонное государство*, въ которомъ, на ряду съ главою государства, существуетъ еще *другой органъ*, имѣющій *самостоятельное право* участвовать въ дѣлѣ законодательства, вліять на дѣло управленія и слѣдить за

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки на 4 года, во Франціи на 7 лѣтъ.

осуществленіемъ правопорядка въ странѣ. Этотъ органъ имѣется во всякой *ограниченной* или *конституціонной монархіи* и во всякой *республикѣ*, и можетъ быть названъ по своему составу—*„народнымъ собраніемъ“*, ибо черезъ него *народъ участвуетъ въ осуществленіи верховной власти.*

Участіе народа въ осуществленіи верховой власти можетъ быть организовано такъ, что *всякій взрослый гражданинъ* имѣетъ право *лично* участвовать въ народномъ собраніи; такой порядокъ называется *непосредственнымъ народоправствомъ* и возможенъ только въ очень маленькихъ государствахъ. Въ огромномъ большинствѣ современныхъ государствъ народъ осуществляетъ свое участіе черезъ выборныхъ (*представителей*, *депутатовъ*) и такой порядокъ называется *народнымъ представительствомъ.*[2]) И вотъ, если въ осуществленіи верховной власти и въ выборѣ народныхъ представителей участвуютъ широкіе круги народа (напр. всѣ взрослые граждане, или только взрослые мужчины, или всѣ, уплачивающіе государству минимальный налогъ), то государственное устройство будетъ *демократическимъ* (демосъ — народъ, кратосъ — сила, власть); если же въ осуществленіи верховной власти участвуютъ лишь тѣсные, привилегированные круги народа, то государственное устройство можетъ принять или характеръ *аристократіи* (аристосъ — лучшій), т.-е. господства лучшихъ гражданъ (напр. наиболѣе образованныхъ, или заслуженныхъ), или же характеръ *олигархіи* (олигосъ—немногій, архе—господство), т.-е. господства тѣхъ, ~~кому удалось~~ *добиться власти.* Понятно, что республика можетъ имѣть характеръ не только демократическій, но и аристократическій и олигархическій; и точно такъ же конституціонная монархія можетъ имѣть не только аристократическій и олигархическій, но и демократическій характеръ.

Государственное устройство имѣетъ всегда въ высшей степени сложный характеръ и внимательное изученіе его требуетъ изслѣдованія каждаго государства въ отдѣльности. Эта сложность увеличивается еще отъ того, что государства могутъ вступать между собою въ различные союзы и могутъ

[2]) Ср. часть II §§ 29—43.

даже, соединяясь, образовывать новое, *высшее* государство. Обычно государства вступаютъ другъ съ другомъ въ отношенія, закрѣпленныя договорами; эти договоры устанавливаютъ полномочія и обязательства сторонъ и имѣютъ значеніе *правовыхъ нормъ;* государства выступаютъ въ нихъ какъ *равные* и *независимые* союзы, каждое сохраняетъ свою *самостоятельность* и, подчиняясь праву, не подчиняется ни противной сторонѣ, ни новому, высшему для обѣихъ сторонъ союзу. Такія отношенія государствъ называются *международными правоотношеніями.*

Помимо такихъ *соглашеній,* постоянно заключаемыхъ и разрываемыхъ государствами, между ними возможны и болѣе устойчивыя и длительныя *соединенія.* Эти соединенія имѣютъ или *„международно-правовой“* или *„государственно-правовой“* характеръ. Соединеніе государствъ будетъ *международнымъ*, если два государства (или болѣе) имѣютъ какой-нибудь *общій органъ*, но сохраняютъ каждое свое *равенство* и *независимость.* Этотъ общій органъ можетъ состоять изъ уполномоченныхъ, присланныхъ государствами для совмѣстнаго веденія общаго дѣла *(союзъ государствъ)* [1]); или же такимъ органомъ можетъ быть *общій монархъ* изъ единаго, общаго царствующаго дома, признаннаго международнымъ договоромъ *(реальная унія)* [2]).

Соединеніе государствъ будетъ *государственнымъ* тогда, если объединяющіеся союзы *утрачиваютъ до извѣстной степени свою независимость* и подчиняются или *одинъ другому* (вассальный—сюзеренному), или *всѣ вмѣстѣ*—новому, большему, *высшему союзу,* включающему ихъ въ себя и ограничивающему ихъ независимость *(союзное государство)* [3]). Въ послѣднемъ случаѣ каждое изъ объединившихся государствъ сохраняетъ свою самостоятельность (см. § 17 с.), но подчиняется власти союзнаго государства и издаваемымъ имъ законамъ; это означаетъ, что союзное государство имѣетъ свои особые законодательные и правительственные органы (напр., особую

---

[1]) Такъ управлялся, напр., германскій союзъ государствъ съ 1815 до 1866 года.

[2]) Въ реальной уніи состояли до послѣдняго времени Австрія и Венгрія.

[3]) Союзными государствами являются, напр., въ наше время Швейцарія и Германская имперія.

палату представителей, особыхъ министровъ), дѣйствующіе *на ряду* съ органами отдѣльныхъ, зависимыхъ государствъ, и правящіе *отъ лица союзнаго государства въ цѣломъ* Союзное государство объединено уже не международнымъ договоромъ, а *государственнымъ закономъ*, которому всѣ объединенные союзы должны подчиняться, *наподобіе подданныхъ;* поэтому ни одно зависимое государство *не имѣетъ права выйти изъ союзнаго государства по своему личному, одностороннему рѣшенію*, безъ согласія верховной власти: такой выходъ былъ бы равносиленъ *мятежу.*

Таковы основныя черты государственнаго устройства.

§ 20. Виды правовыхъ нормъ.

Разрѣшая при помощи права основную задачу своей внѣшней жизни, т.-е. создавая равный, упорядоченный и справедливый общественный строй, люди выработали постепенно три основныхъ вида права, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особыя черты и приспособленъ къ особой правовой потребности. Эти виды суть: *законъ*, *правительственное распоряженіе* и *юридическій обычай.*

Законами называются правовыя нормы, *сознательно и нарочито придумываемыя органами, учрежденными именно для созданія права.* Не слѣдуетъ думать, что новое положительное право возникаетъ только въ дѣятельности *законодательныхъ* органовъ. Дѣло въ томъ, что *органы правящіе и примѣняющіе право* также имѣютъ полномочіе устанавливать новыя правовыя нормы; но только нормы, установленныя ими, имѣютъ лишь *подчиненное* и *дополнительное* значеніе и ограниченную сферу дѣйствія. Эти подчиненныя и дополнительныя нормы права или *прямо придумываются* и *создаются* правящими органами, или же получаютъ только *признаніе* и *словесную формулировку* примѣняющихъ органовъ, слагаясь среди людей въ видѣ *юридической привычки повседневнаго оборота.* Правовыя нормы, придуманныя и созданныя правящими органами называются *правительственными распоряженіями.* Правовыя нормы, *признанныя* и *формулированныя* право-примѣняющими органами называются *юридическими обычаями.*

Въ наше время *законъ* является важнѣйшимъ видомъ положительнаго права. По общему правилу законъ имѣетъ основное и руководящее значеніе по отношенію къ подчиненнымъ нормамъ права. Это не всегда такъ было. Въ далекой древности общины людей управлялись не законами, а распоряженіями и обычаями, правовой характеръ которыхъ даже не всегда можно уловить и признать: распоряженія были произвольны, они примѣнялись неустойчиво, они не связывали самого повелителя; обычаи были просто болѣе или менѣе устойчивыми привычками или нравами, лишенными обязательной силы. Лишь постепенно, люди поняли необходимость такихъ нормъ, которыя имѣли бы строго обязательное, устойчивое, одинаковое для всѣхъ содержаніе; тогда появились *писаные законы*.

Каждый законъ выраженъ непремѣнно въ *устойчивыхъ, неизмѣнныхъ словахъ и фразахъ*; неизмѣнность ихъ обезпечивается записью, а въ наше время напечатаніемъ. Каждый законъ имѣетъ строго опредѣленный, устойчивый *смыслъ*, имѣющій *для всѣхъ одинаковое значеніе*. Именно поэтому онъ какъ бы спеціально приспособленъ къ тому, чтобы поддерживать въ общежитіи начало строгаго *равенства:* равный для всѣхъ порядокъ, равную для всѣхъ подчиненность.

Законъ не можетъ быть ни измѣненъ, ни отмѣненъ,—ни правительственнымъ распоряженіемъ, ни нормою обычнаго права, но самъ можетъ отмѣнить и измѣнить и то, и другое; онъ можетъ быть отмѣненъ только другимъ закономъ, при чемъ, пока онъ не отмѣненъ, новый законъ, предписывающій обратное ему, не можетъ быть изданъ. Иногда бываетъ такъ, что устарѣвшій законъ постепенно *перестаетъ примѣняться*, а вмѣсто него примѣняется болѣе подходящая норма обычнаго права. Это не значитъ, однако, что законъ этотъ *отмѣненъ* юридическимъ обычаемъ; онъ только *пересталъ примѣняться* и это выражается въ томъ, что *отмѣна* его всегда, рано или поздно, приходитъ въ *законодательномъ порядкѣ*.

Однако для того, чтобы законъ получилъ обязательное значеніе, онъ долженъ быть изданъ въ строго установленномъ порядкѣ. Законъ въ образованіи своемъ долженъ пройти черезъ *четыре* этапа: онъ долженъ быть *предложенъ, обсужденъ, утвержденъ* и *обнародованъ*. Для участія въ каждомъ

изъ этихъ этаповъ необходимо особое *публичное полномочіе.*

Предложить законъ, т.-е. проявить законодательный *починъ (инициативу)* не значитъ просто выяснить потребность въ немъ, доказать его необходимость и составить проектъ реформы; все это можетъ дѣлать всякій, не нуждаясь въ особомъ полномочіи. Точно такъ же *подать прошеніе (петицію)* объ изданіи закона не значитъ осуществить законодательную инициативу; въ нѣкоторыхъ государствахъ не возбраняется представлять въ народное собраніе общія или даже всенародныя просьбы о новыхъ законахъ, однако и тамъ различается *подача петиціи* и *законодательный починъ*. Петицію законодательный органъ *не обязанъ* обсуждать въ качествѣ *законопроекта;* онъ можетъ оставить ее безъ вниманія; если же онъ рѣшитъ, что такой законъ дѣйствительно нуженъ, то онъ долженъ сначала самъ превратить петицію изъ народнаго прошенія въ *законопроектъ*, т.-е. онъ *самъ* долженъ осуществить законодательный починъ. Если же предложатъ новый законъ лица, *имѣющія право почина*,—государь, или министры, или члены одной изъ законодательныхъ палатъ,—то обсужденіе его *обязательно: инициатива создаетъ законопроектъ.*

Точно такъ же подъ *обсужденіемъ* законопроекта не слѣдуетъ понимать тѣ разсужденія о немъ, которыя ведутся устно—на собраніяхъ, и письменно—въ газетахъ, журналахъ и книгахъ. По общему правилу въ обсужденіи законопроекта могутъ участвовать *только члены законодательныхъ палатъ.* Это обсужденіе ведется въ строго установленномъ порядкѣ, сначала въ особыхъ комиссіяхъ, въ которыхъ нерѣдко выслушиваются посторонніе палатѣ, но свѣдущіе люди, а потомъ въ общемъ собраніи законодательной палаты, подъ руководствомъ предсѣдателя и нерѣдко въ присутствіи министровъ, дѣлающихъ свои *сообщенія.* Обсужденіе дѣлится на двѣ основныя стадіи: сначала слѣдуетъ *обмѣнъ мнѣній*, въ которомъ выясняется потребность въ новомъ законѣ, его цѣлесообразность и его словесная формулировка; потомъ происходитъ *голосованіе* законопроекта, въ результатѣ котораго выясняется, сколько членовъ палаты стоитъ *за* превращеніе этого законопроекта въ законъ и сколько высказывается *противъ*. Законопроектъ, за который высказалось большинство

голосовъ, считается *принятымъ* или *одобреннымъ* этою палатою; въ противномъ случаѣ онъ считается отклоненнымъ ею. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законодательныя права принадлежатъ *двумъ* палатамъ[1]), законопроектъ переходитъ изъ „*нижней*“ палаты въ „*верхнюю*“ и тамъ разсматривается въ томъ же порядкѣ. Обсужденіе считается законченнымъ тогда, когда законопроектъ подвергся голосованію въ *обѣихъ* палатахъ; при чемъ, если хотя бы *одна* изъ палатъ высказалась за отклоненіе и между нею и другою палатою не удалось достигнуть соглашенія, то законопроектъ считается *совсѣмъ отклоненнымъ* и дальнѣйшаго движенія не получаетъ; если же онъ принятъ *обѣими* палатами, то онъ считается „принятымъ“ законопроектомъ и получаетъ дальнѣйшее движеніе.

Это движеніе состоитъ въ томъ, что законопроектъ восходитъ къ *главѣ государства* (къ монарху или президенту республики) *на утвержденіе* (санкція законопроекта). Ни одинъ законопроектъ, если онъ не одобренъ палатами, не можетъ быть представленъ на утвержденіе главѣ государства; въ этомъ основная черта *конституціоннаго строя*. Зато ни одинъ законопроектъ не можетъ стать закономъ безъ его утвержденія; въ этомъ основное право *главы государства*. Это означаетъ, что глава государства имѣетъ полномочіе утвердить или *не утвердить* одобренный палатами законопроектъ. Право неутвержденія называется правомъ „veto“ (воспрещаю). Это полномочіе имѣетъ два вида: во всѣхъ монархіяхъ (кромѣ Норвегіи) монархъ, неутвержденіемъ своимъ, можетъ положить конецъ законопроекту и онъ не становится закономъ (veto резолютивное); въ республикахъ же (и въ Норвегіи) неутвержденный законопроектъ возвращается въ палаты для новаго обсужденія, и если палаты настаиваютъ на своемъ рѣшеніи, то глава государства *обязанъ уступить* [2]).

Утвержденный законопроектъ есть уже *новый законъ*. Однако онъ начинаетъ примѣняться и создавать для подданныхъ новыя полномочія, обязанности и запретности лишь послѣ *обнародованія*. По общему правилу, нерѣдко устанавли-

---

[1]) Сравни часть II §§ 33—35.

[2]) Сравни часть II § 23.

ваемому и въ законахъ, никто не имѣетъ права отговариваться невѣдѣніемъ обнародованнаго закона. Поэтому каждый законъ до тѣхъ поръ не получаетъ силу обязательности, пока органамъ государства и подданнымъ не будетъ *дана возможность съ нимъ ознакомиться*. Для этого текстъ закона печатается (публикація, въ Россіи—первымъ департаментомъ Сената) и разсылается по почтѣ государственнымъ органамъ. Въ Россіи законъ становится обязательнымъ къ примѣненію съ того момента, какъ почта вручаетъ органу оффиціальное изданіе съ текстомъ закона Таковы этапы, черезъ которые обязательно проходитъ каждый законъ.

Правительственное распоряженіе *подобно* закону въ томъ отношеніи, что оно *создается* и *издается* органомъ государственной власти; оно *отличается* отъ закона тѣмъ, что исходитъ не отъ законодательствующаго, а отъ *присвящаго* и *примѣняющаго* органа. Именно поэтому оно всегда остается подчиненнымъ закону. Правительственное распоряженіе можетъ быть издано только лицомъ, имѣющимъ соотвѣтствующее публично-правовое полномочіе и притомъ только въ предѣлахъ этого полномочія: оно можетъ повелѣвать только низшимъ органамъ и тѣмъ гражданамъ, которые подчинены распоряжающемуся органу. Далѣе правительственное распоряженіе должно согласоваться съ дѣйствующими законами; оно не можетъ ни *противорѣчить* имъ, ни *отмѣнять*, ни *измѣнять* ихъ, но только истолковывать и дополнять ихъ, а также создавать на основаніи ихъ правовыя правила для отношеній, непредусмотрѣнныхъ въ законахъ.

Правительственное распоряженіе *не* можетъ быть *замѣнено* закономъ потому, что правительству въ его „свободной“ и „примѣняющей“ дѣятельности необходимо имѣть болѣе быстро-осуществимый, болѣе подвижной и гибкій способъ повелѣвать отъ лица государства; а между тѣмъ законъ совершаетъ свой путь долго и медленно, устанавливаетъ только общія правила, не входя въ детали и не заботясь о приспособленіи отвлеченнаго правила къ частнымъ явленіямъ жизни. Именно поэтому конституціонный строй нѣкоторыхъ государствъ предоставляетъ главѣ государства *особое полномочіе* издавать въ случаѣ *крайней надобности*, и притомъ во время *перерыва въ дѣятельности* законодательныхъ палатъ —

такъ называемые „чрезвычайные указы“, т.-е. верховныя правительственныя распоряженія, *временно замѣняющія* законъ; такой указъ долженъ быть, однако, внесенъ въ законодательныя палаты въ видѣ законопроекта и притомъ въ самый непродолжительный срокъ; онъ теряетъ свою силу, если не будетъ внесенъ въ этотъ срокъ, или если палаты отвергнутъ этотъ законопроектъ [1]).

Юридическій обычай отличается отъ закона и отъ правительственнаго распоряженія тѣмъ, что онъ не придумывается и не создается государственными органами, а только *облекается ими въ слова*, *признается* и *примѣняется*; онъ подобенъ административному распоряженію въ своей *подзаконности*: юридическій обычай (или, какъ его еще называютъ, *обычное право*) не можетъ ни противорѣчить закону, ни отмѣнять его, ни измѣнять, но только восполнять его, поскольку это *вообще допущено законами данной страны*. Юридическій обычай возникаетъ вслѣдствіе того, что законы *не въ состояніи* предусмотрѣть всѣхъ отношеній и подчинить ихъ своимъ велѣніямъ; людямъ часто приходится разбираться самимъ въ своихъ отношеніяхъ и спорахъ, рѣшать *помимо суда и закона*, кто правъ и кто неправъ, что справедливо и что „неправильно“, и дѣйствовать согласно своему „полюбовному“ или „третейскому“ рѣшенію И вотъ, постепенно въ сознаніи людей возникаетъ увѣренность, что „слѣдуетъ“, или „полагается“, или „правильно“ *такое-то* рѣшеніе, а не иное. Однако это еще не юридическій обычай, а *бытовое* обыкновеніе, условно замѣняющее правовую норму (*суррогатъ* права). Юридическій обычай возникаетъ въ тотъ моментъ, когда органъ государства (напр. судья), примѣняя право, убѣждается, что, во-первыхъ, спорное отношеніе *не предусмотрѣно закономъ*, что, во-вторыхъ, по свидѣтельству свѣдущихъ гражданъ, это отношеніе *обыкновенно* разрѣшается и уже *много разъ разрѣшалось* по такому-то, чаще всего *устно* сообщаемому правилу, и что, въ-третьихъ, это правило не стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствующими законами; убѣдившись во всемъ этомъ, судья облекаетъ это правило въ слова и *признаетъ* его; съ этого момента

[1]) Сравни часть II § 23.

юридическій обычай становится правовою нормою и *примѣняется* къ разрѣшенію всѣхъ подобныхъ споровъ. Отсюда уже ясно, что *не всякій бытовой обычай* можетъ получить значеніе *правовой нормы*. Въ Россіи выработка обычнаго права допускается только въ жизни крестьянъ и нѣкоторыхъ инородцевъ.

Понятно, какое великое значеніе имѣютъ *писаные законы* въ жизни народа и какъ важно сдѣлать ихъ *общедоступными*, облегчить каждому желающему ознакомленіе съ ними. Изъ года въ годъ, иногда изъ вѣка въ вѣкъ накапливаются законы въ каждомъ государствѣ и каждый законъ навѣрное переживаетъ своего составителя. Отсюда возникаетъ потребность не только въ *собраніи всѣхъ дѣйствующихъ законовъ* и расположеніи ихъ въ *стройномъ порядкѣ* (такая обработка законовъ называется *инкорпораціей*; примѣромъ ея является русскій Сводъ Законовъ); но и въ *пересмотрѣ* накопившихся законовъ съ тѣмъ, чтобы *устранить* случайныя внутреннія *противорѣчія*, *восполнить пробѣлы*, *исключить* однѣ *нормы*, какъ *устарѣвшія* и *изложить* другія съ большею *ясностью* (такая обработка законовъ представляетъ изъ себя въ сущности *новый законодательный актъ* и называется *кодификаціей*; примѣромъ ея являются Судебные Уставы Императора Александра II и Уголовное Уложеніе 1903 г.). Понятно, что въ инкорпорированіи и кодифицированіи наравнѣ съ закономъ нуждаются и правительственныя распоряженія и юридическіе обычаи.

§ 21. Дѣленіе наукъ о правѣ.

Если каждый изъ насъ окинетъ внимательнымъ взоромъ всю свою жизнь, то онъ убѣдится, что жить въ обществѣ людей значитъ непрерывно стоять во множествѣ отношеній со множествомъ людей. *Не всѣ* эти отношенія имѣютъ *правовое* значеніе и не всѣ влекутъ за собой *правовыя* послѣдствія, хотя *всѣ* они имѣютъ отношеніе къ добру и злу, совѣсти и морали. Науки о правѣ изслѣдуютъ *только тѣ отношенія*, которыя предусмотрѣны и признаны правовыми нормами. Наука, описывающая *всѣ дѣйствительныя* отношенія людей и изслѣдующая ихъ *причины* и *послѣдствія*, называ-

ется *соціологіей;* соціологія, занимающаяся изслѣдованіемъ не всѣхъ реальныхъ человѣческихъ отношеній, но однихъ *правоотношеній,* будетъ *соціологическимъ правовѣдѣніемъ;* если же научное изслѣдованіе описываетъ возникновеніе и развитіе человѣческихъ правоотношеній не въ общемъ *типическомъ* видѣ, а по отдѣльнымъ *эпохамъ* и странамъ, то оно будетъ отнесено къ *исторіи права.*

Однако къ тѣмъ же правоотношеніямъ можно подойти не съ точки зрѣнія причины и слѣдствія, но съ точки зрѣнія ихъ *цѣлесообразности.* Такое изслѣдованіе должно установить и доказать единую, *высшую цѣль,* осуществляемую правомъ и правовыми союзами людей и вслѣдъ затѣмъ подыскать *вѣрныя средства,* ведущія къ осуществленію этой цѣли; оно разсмотритъ каждое правовое явленіе и каждую правовую норму съ точки зрѣнія ихъ практической годности и негодности, и дастъ указаніе и совѣты мудрому правителю. Такое изслѣдованіе должно называться *политикой права.*

Но помимо этого необходимо изслѣдовать самостоятельно и *нормы права,* которыя всегда предусматриваютъ нѣкоторыя *возможныя* правоотношенія, кому-то что-то предписываютъ, опредѣляютъ полномочія, обязанности и запретности нѣкоторыхъ *могущихъ оказаться въ дѣйствительности* субъектовъ права и объявляютъ нѣкоторый порядокъ, какъ *должный.* Понятно, что этотъ *должный* и *возможный* правопорядокъ не совпадаетъ съ *дѣйствительнымъ,* осуществляющимся строемъ правоотношеній: люди часто не пользуются въ дѣйствительности своими полномочіями, или же превышаютъ ихъ; не выполняютъ своихъ обязанностей или выполняютъ больше чѣмъ предписано; не совершаютъ предусмотрѣнныхъ преступленій или создаютъ новыя непредвидѣнныя отношенія, требующія правовой защиты. Поэтому слѣдуетъ всегда отличать дѣйствительный, *реальный* правопорядокъ, осуществленный въ жизни людей, все время развивающійся и мѣняющійся,—отъ *должнаго* и *возможнаго* правопорядка, описаннаго въ правовыхъ нормахъ. Изученіе послѣдняго создаетъ такъ называемую *нормативную* науку о правѣ.

Наконецъ, важно имѣть въ виду, что изучать соціологически, исторически, политически и нормативно можно самыя различныя правоотношенія, какъ публично-правовыя, такъ

и частно-правовыя. Науки о правѣ дѣлятся не только по той точкѣ зрѣнія, съ которой ведется изученіе (по *методу*), но и по характеру осуществившихся (или только предусмотрѣнныхъ) правоотношеній (т.-е. по свойствамъ изучаемаго *предмета*). Эти два дѣленія суть какъ бы горизонтальное и вертикальное, скрещивающіяся между собою.

Согласно основному дѣленію правоотношеній на публичныя и частныя (признакъ дѣленія: въ публичномъ правоотношеніи одна изъ сторонъ есть союзъ, уполномоченный властвовать надъ другою стороной, см. § 15),—все право распадается на право публичное и частное. Изученіе публичныхъ правоотношеній даетъ *науку публичнаго права*, изученіе частныхъ правоотношеній даетъ *науку частнаго права*. Въ свою очередь въ науку публичнаго права входятъ слѣдующія подчиненныя науки: наука *церковнаго* права (изучаетъ правоотношенія между властвующимъ церковнымъ союзомъ и его членами), наука *государственнаго права* (изучаетъ тѣ основныя правоотношенія между властвующимъ государственнымъ союзомъ и его членами, которыя слагаютъ *государственное устройство*), наука *административнаго права* (изучаетъ тѣ правоотношенія между правительственной властью и гражданами, которыя возникаютъ въ процессѣ управленія), наука *финансоваго права* (изучаетъ правоотношенія, возникающія между государствомъ, властно собирающимъ налоги и ведущимъ свое хозяйство, и гражданами, а также третьими лицами, ссужающими деньги государственной казнѣ), наука *уголовнаго права* (изучаетъ правоотношенія между государствомъ и тѣми гражданами, которые совершаютъ наказуемыя правонарушенія), и наука *судебнаго права* (изучаетъ правоотношенія между судебною властью государства и гражданами). Наука судебнаго права, въ свою очередь, распадается на двѣ части: науку *уголовнаго процесса* (изучаетъ порядокъ судоговоренія при разсмотрѣніи *наказуемыхъ правонарушеній*), и науку *гражданскаго процесса* (изучаетъ порядокъ судоговоренія при разсмотрѣніи споровъ гражданъ о частныхъ полномочіяхъ и обязанностяхъ, см. § 15). Понятно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ властвующій союзъ бываетъ представленъ своими *уполномоченными органами*.

Съ своей стороны наука *частнаго права* также имѣетъ подраздѣленія. Она раздѣляется на четыре большихъ отдѣла

въ зависимости отъ того, на чемъ сосредоточивается *интересъ* людей, стоящихъ въ правоотношеніи Если интересъ сосредоточивается на *обладаніи вещью* (наука частнаго права называетъ ее обычно „объектомъ“ права), то правоотношеніе получаетъ названіе *вещнаго*, а совокупность нормъ, иредусматривающихъ эти правоотношенія, разсматривается подъ именемъ *вещнаго права.* Если интересъ сосредоточивается на *дѣйствіи*, совершить которое *обязалась* одна изъ сторонъ, то правоотношеніе получаетъ названіе *обязательственнаго,* а совокупность нормъ, предусматривающихъ эти правоотношенія, разсматривается подъ именемъ *обязательственнаго права.* Если интересъ сосредоточенъ на отношеніи *кровной родственной* связи между людьми и на возникающихъ отсюда полномочіяхъ и обязанностяхъ, то правоотношеніе называется *семейственнымъ* (соотвѣтственно— *семейное право*). Если же въ центрѣ интереса стоитъ переходъ частныхъ полномочій и обязанностей отъ умершаго къ живому, то юристы говорятъ о *наслѣдственномъ правѣ*[1]).

Особое положеніе занимаетъ наука *международнаго права.* Международное правоотношеніе возникаетъ между двумя *властвующими союзами* (государствами) и поэтому нѣкоторые ученые относятъ и самое правоотношеніе, и нормы, и науку—къ области *публичнаго* права. Однако, государства нерѣдко выступаютъ въ международномъ правоотношеніи, какъ *равныя* стороны, связанныя правомъ (нормами, установленными въдоговорахъ), но не уполномоченныя къ власти другъ надъ другомъ; поэтому другіе ученые предлагаютъ отнести и самыя правоотношенія, и нормы, и науку къ области *частнаго* права. Въ виду того, что международное право еще не окрѣпло и не сложилось окончательно, вопросъ этотъ остается спорнымъ.

Таковы основныя юридическія науки. Къ нимъ слѣдуетъ добавить еще *общую теорію права,* изслѣдующую самую сущность права, и *философію права*, примѣняющую къ *праву* законы этики (построеніе естественнаго права), а къ *наукѣ права* законы логики (вопросъ о предметѣ и методѣ юриспруденціи). Законовѣдѣніе сообщаетъ краткія свѣдѣнія почти изъ всѣхъ этихъ наукъ.

---

[1]) Сравни часть III §§ 56—106.

Часть II.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Составилъ ***В. М. Устиновъ.***

ГЛАВА I.

Верховная власть.

§ 22. Существо верховной власти.

Ст. 4 основныхъ законовъ, утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 года, гласитъ: „Императору Всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть“.

Прежде, по старой редакціи основныхъ законовъ, ст. 1 св. зак. I т., I ч. постановляла: „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный“.

Такимъ образомъ въ новой редакціи основныхъ законовъ отсутствуетъ признакъ *неограниченности* власти Монарха.

Это измѣненіе является результатомъ коренной реформы русскаго государственнаго строя, возвѣщенной манифестомъ 17 октября 1905 года и осуществленной законодательными актами 20 февраля, 23 и 24 апрѣля 1906 года.

Сущность этой реформы сводится къ слѣдующему.

Прежде единоличная воля Монарха являлась безусловно рѣшающей. Содержаніе закона въ конечномъ счетѣ опредѣлялось его свободнымъ усмотрѣніемъ.

Нынѣ, какъ сказано въ ст. 7 основныхъ законовъ: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой“. Смыслъ слова „единеніе“, употребленнаго здѣсь, раскрывается въ ст. 86 осн. зак., по силѣ коей „никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора“.

Такимъ образомъ нынѣ законодательная дѣятельность опредѣляется не исключительно волею Монарха, а совер-

дается по соглашенію Государя съ высшими законодательными установленіями—Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, при чемъ соучастіе въ законодательной работѣ между ними распредѣляется такъ, что Совѣтъ и Дума устанавливаютъ содержаніе закона, а сообщеніе ему обязательной силы исходитъ отъ Монарха. Поэтому Государь можетъ не утвердить, отвергнуть принятый Государственнымъ Совѣтомъ и Думою законопроектъ, но Онъ не можетъ измѣнить собственною единоличною властью его содержанія, равно какъ не можетъ издать законъ безъ одобренія Совѣта и Думы [1]).

§ 23. Права Государя Императора.

Права Государя Императора, какъ главы государства, призваннаго объединять и направлять государственную дѣятельность, распространяются на всѣ области проявленія государственной власти.

I. Права Монарха въ области законодательства.

Такъ, въ области *законодательства* Ему принадлежатъ слѣдующія права:

Созывъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Прежде всего Онъ приводитъ въ движеніе и обусловливаетъ дѣятельность всего законодательнаго механизма. Его указами созываются Государственный Совѣтъ и Государственная Дума, при чемъ законъ не указываетъ срока, къ которому они должны быть созваны. Онъ требуетъ лишь ежегоднаго созыва. Косвенно, однако, законъ ставитъ извѣстные предѣлы усмотрѣнію Монарха въ этомъ вопросѣ. Именно къ началу смѣтнаго періода (1 января) должна быть утверждена государственная роспись расходовъ и доходовъ. Для достиженія этой цѣли въ законѣ 8 марта 1906 года установлено, чтобы разсмотрѣніе Государственной Думой государственной росписи было окончено къ 1 декабря, а внесена на разсмотрѣніе Думы и Совѣта роспись должна быть

---

[1]) Изъятія изъ этого правила указаны ниже въ § 23.

къ 1 октября. Слѣдовательно приблизительно къ этому сроку должны быть созваны эти установленія.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ конституціяхъ (напримѣръ, въ бельгійской, ст. 70) установлено, что палаты собираются по собственному праву, если король не созоветъ ихъ къ опредѣленному сроку. Чаще, почти во всѣхъ конституціяхъ, предусмотрѣно право собранія парламента по собственному почину (или по созыву исполнительной власти—министровъ) въ случаѣ смерти короля или тяжелой его болѣзни, дѣлающей его неспособнымъ къ управленію. Въ русскихъ основныхъ законахъ случаи эти не предусмотрѣны.

Отсрочка засѣданій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Высочайшими указами устанавливается перерывъ въ дѣятельности Думы и Совѣта, а также закрывается ихъ сессія. И здѣсь воля Монарха не обусловлена никакими сроками. Большинство европейскихъ конституцій рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе. Нѣкоторыя (напримѣръ, англійская) вообще не допускаютъ перерыва (отсрочки) засѣданій парламента волею монарха, а лишь по рѣшенію самого парламента. Другія (и такихъ большинство) устанавливаютъ срокъ перерыва (не болѣе 1 мѣсяца—въ Бельгіи, Пруссіи, не болѣе 6 мѣсяцевъ—въ Саксоніи) и, кромѣ того, опредѣляютъ, что въ теченіе одной сессіи король собственной властью можетъ сдѣлать лишь одинъ перерывъ; второй же—лишь съ согласія палаты.

Закрытіе сессій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Что касается закрытія сессіи парламента, то большинство конституцій опредѣляетъ минимальный срокъ. въ теченіе коего сессія должна продолжаться (40 дней—въ Бельгіи, 2 мѣсяца—въ Норвегіи и т. д.). Какъ выше сказано, подобныхъ постановленій въ нашихъ законахъ нѣтъ.

Распущеніе Думы и выборной части Совѣта. Наконецъ Государь Императоръ можетъ до срока окончанія полномочій распустить Государственную Думу и выборную часть Государственнаго Совѣта. Члены Государственной Думы избираются на 5 лѣтъ; выборные члены Государственнаго Совѣта—на 3 или на 9 лѣтъ. Но Высочайшимъ указомъ ихъ полномочія могутъ быть пресѣчены ранѣе. Это право Монарха законъ обусловливаетъ лишь требованіемъ, чтобы

въ указѣ о распущеніи Думы или Совѣта были назначены новые выборы и время созыва новой Думы.

Подобное право досрочнаго распущенія парламента признается за всѣми конституціонными монархами (за исключеніемъ норвежскаго). Но въ конституціяхъ обыкновенно оговорено, въ какой срокъ послѣ распущенія должны быть назначены новые выборы и созваны новыя палаты. Такого срока не указано въ русскихъ основныхъ законахъ.

Назначеніе членовъ Государственнаго Совѣта. Для полноты обрисовки вліянія Государя Императора на дѣятельность законодательнаго аппарата слѣдуетъ отмѣтить, что Онъ назначаетъ по собственному усмотрѣнію половину членовъ Государственнаго Совѣта, который пользуется равными съ Государственной Думой законодательными правами. Равнымъ образомъ Государь назначаетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Право законодательнаго почина. Государь Императоръ имѣетъ весьма важныя права участія въ непосредственномъ опредѣленіи самаго содержанія законодательной дѣятельности. Такъ, у Него имѣется право законодательнаго почина по всѣмъ предметамъ законодательства, т.-е. Онъ имѣетъ право вносить законопроекты на разсмотрѣніе Государственной Думы по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. По отношенію къ обыкновеннымъ законамъ Онъ дѣлитъ право почина съ Государственнымъ Совѣтомъ и съ Государственной Думой, но по отношенію къ законамъ основнымъ починъ пересмотра принадлежитъ только Ему одному (ст. 8 осн. зак.) Равнымъ образомъ только Государю принадлежитъ починъ по предметамъ общеимперскаго законодательства; иначе говоря, только Онъ обладаетъ правомъ вносить проекты касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ лишь Ему одному принадлежитъ починъ пересмотра закона, опредѣляющаго предѣлы общеимперскаго законодательства.

Въ иностранныхъ конституціяхъ повсюду право законодательной инициативы (почина) подѣлено между правитель-

---

[1]) Объ этихъ законахъ см. ниже приложеніе.

ствомъ (короною) и парламентомъ, за исключеніемъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ инціатива принадлежитъ только парламенту [1]). При этомъ теперь нигдѣ болѣе не дѣлается въ этомъ отношеніи различія между обыкновенными и конституціонными законами; иначе говоря, возбужденіе вопроса объ измѣненіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ законовъ равно принадлежитъ какъ королю, такъ и палатамъ.

Тронная рѣчь. При обсужденіи законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ Государь не присутствуетъ. Онъ лишь открываетъ сессію этихъ учрежденій, при чемъ можетъ прочесть такъ называемую тронную рѣчь, въ которой изложитъ свой взглядъ на предстоящую имъ дѣятельность. Въ иностранныхъ государствахъ тронная рѣчь произносится или лично королемъ или по его порученію министрами, при чемъ обыкновенно въ ней развивается планъ проектируемой правительствомъ политики. Палаты высказываютъ свои соображенія по поводу этого плана въ отвѣтномъ адресѣ.

Хотя лично Государь не присутствуетъ при преніяхъ въ законодательныхъ палатахъ, но такъ какъ Онъ назначаетъ по своей волѣ министровъ, которые поэтому могутъ быть проводниками Его воли и убѣжденій, и такъ какъ министры имѣютъ право участвовать въ обсужденіи законопроектовъ какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, то косвенно, чрезъ министровъ, Государь можетъ оказывать вліяніе на опредѣленіе самаго содержанія закона.

Санкція закона. Если законопроектъ одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, то онъ поступаетъ на усмотрѣніе Государя, отъ котораго зависитъ утвердить его, т.-е. сообщить ему обязательную силу, иначе говоря, признать закономъ, подлежащимъ общему исполненію, или отвергнуть. Это право утверждать или не утверждать рѣшенія парламента называется правомъ санкціи.

---

[1]) Въ Англіи у короля остается право инціативы (и притомъ исключительной) лишь по вопросамъ о его личныхъ правахъ (вопросы такъ называемой прерогативы)

Всѣ современныя монархическія конституціи (за исключеніемъ норвежской) признаютъ за монархомъ безусловное право не утверждать постановленія парламента. Это право обыкновенно называется правомъ абсолютнаго вето (латинское veto—запрещаю). Въ отличіе отъ такого абсолютнаго вето республиканскія конституціи устанавливаютъ лишь такъ называемое суспензивное (отсрочивающее) вето въ пользу президента республики. Сущность его заключается въ томъ, что президентъ можетъ потребовать новаго разсмотрѣнія того же закона парламентомъ. Изъ монархическихъ конституцій нынѣ только одна норвежская признаетъ за монархомъ суспензивное вето.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ Англіи вето, т.-е. неутвержденіе королемъ рѣшенія парламента, не примѣнялось съ начала XVIII в. и нѣкоторыми юристами считается отмѣненнымъ обычаемъ.

Единоличная законодательная власть. Въ отступленіе отъ общаго законодательнаго порядка, установленнаго статьями 7 и 86 осн. зак., которыя, какъ выше указано, требуютъ соучастія въ законодательной дѣятельности наряду съ Монархомъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы,— Учрежденіе о Императорской Фамиліи, составляющее раздѣлъ второй основныхъ законовъ и опредѣляющее права, преимущества и обязанности членовъ Императорскаго Дома, можетъ быть измѣняемо и дополняемо только лично Государемъ Императоромъ въ предуказываемомъ Имъ порядкѣ, если эти измѣненія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода (ст. 125 осн. зак.).

Равнымъ образомъ основные законы предоставляютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ военнаго законодательства единоличной волѣ Государя Императора. Такъ ст. 96 опредѣляетъ, что „постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенія и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морскаго вѣдомствъ, по разсмотрѣніи Военнымъ и Адмиралтействъ Совѣтами, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сіи постановленія, положенія и наказы относятся собственно къ однимъ упомянутымъ вѣдомствамъ, не каса-

ются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны или же вызываемый ими расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ Военнаго или Морского Министерства, по принадлежности".

Подобнымъ же порядкомъ издаются постановленія по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ (ст. 97 осн. зак.). Проекты этихъ постановленій вырабатываются Главнымъ Военнымъ и Главнымъ Военно-Морскимъ Судами, но выработанные ими проекты также, какъ и сужденія Военнаго и Адмиралтействъ Совѣтовъ относительно проектовъ постановленій, предусмотрѣнныхъ предшествующій (96) статьей осн. зак., отнюдь не связываютъ воли Государя Императора: Онъ въ правѣ не только ихъ отвергнуть, но и измѣнить и постановить собственную резолюцію.

Сюда же должны быть отнесены полномочія, вручаемыя Государю Императору статьями 117, 118 и 119 осн. зак. Въ силу первой изъ этихъ статей, въ отступленіе отъ общаго правила, по которому всѣ расходы изъ казны на государственныя надобности опредѣляются общимъ законодательнымъ порядкомъ,—„чрезвычайныя сверхсмѣтные кредиты на потребности военнаго времени и на особыя приготовленія, предшествующія войнѣ, открываются по всѣмъ вѣдомствамъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ". Иначе говоря, эти расходы опредѣляются, въ конечномъ счетѣ, единоличнымъ распоряженіемъ Государя Императора.

Ст. 118, постановляя, что государственные займы разрѣшаются общимъ законодательнымъ порядкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что государственные займы на потребности военнаго времени, а равно на покрытіе расходовъ въ случаѣ неутвержденія новой государственной росписи къ началу смѣтнаго періода (1 янв.), разрѣшаются Государемъ Императоромъ въ порядкѣ верховнаго управленія.

Наконецъ ст. 119 гласитъ: „если по заблаговременномъ внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребномъ для пополненія арміи и флота", (такъ называемыхъ новобранцевъ), „законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1 мая, то указомъ Государя Императора призывается на

военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ можетъ въ нѣкоторыхъ, основными законами опредѣленныхъ случаяхъ установлять единоличной властью изъятія изъ дѣйствія общихъ законовъ. Именно, въ силу ст. 14 осн. зак. Имъ устанавливаются ограниченія въ отношеніи права жительства и пріобрѣтенія недвижимаго имущества въ мѣстностяхъ, которыя составляютъ крѣпостные районы и опорные пункты для арміи и флота, а согласно ст. 18 осн. зак. „Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, устанавливаетъ въ отношеніи служащихъ ограниченія, вызываемыя требованіями государственной службы".

Эти отступленія отъ общаго законодательнаго порядка въ пользу единоличной законодательной власти монарха составляютъ особенность русскаго государственнаго строя. Въ конституціонныхъ монархіяхъ Западной Европы подобныя изъятія не встрѣчаются.

II. Права Монарха въ области управленія.

Не менѣе обширны права Государя Императора *въ области управленія*. Ст. 10 осн. зак. постановляетъ: „Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Государства Россійскаго. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него, согласно закону, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣніямъ".

Понятіе управленія. Понятіе управленія очень сложно. Прежде старались его отличить отъ законодательства по существу, по матеріальнымъ признакамъ, опредѣляя управленіе—какъ исполненіе законовъ, какъ примѣненіе законовъ къ разрѣшенію частныхъ случаевъ текущей жизни. Однако столь узкое представленіе далеко не охватывало всей области управленія: лишь менѣе значительная часть дѣятельности управленія заключается въ исполненіи законовъ. Болѣе важная часть состоитъ въ чисто творческой дѣятельности, самостоятельной столько же, по выраженію

нѣмецкаго ученаго Лоренца Штейна, какъ самостоятельны факты жизни. Законъ не можетъ, да, пожалуй, и не долженъ, охватывать и предусматривать всего безконечнаго разнообразія жизни, съ которымъ приходится считаться правительственной власти. Поэтому дѣятельность этой власти въ значительной мѣрѣ всегда остается свободной, творческой, лишь въ своихъ формахъ и предѣлахъ подчиненной закону.

Поэтому по существу трудно провести точное и опредѣленное разграниченіе между областью управленія и законодательства. Гораздо проще устанавливается различіе *по формальнымъ признакамъ*, въ зависимости отъ того порядка, въ которомъ получаютъ разрѣшеніе тѣ или другія дѣла. Соотвѣтственно этому формальному признаку область управленія охватываетъ всю дѣятельность правительства, которая совершается внѣ участія парламента.

Нынѣ, когда въ Россіи установленъ путемъ учрежденія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы прочный законодательный порядокъ, область управленія можетъ быть точно опредѣлена по этому формальному признаку: къ области управленія должны быть отнесены всѣ тѣ мѣропріятія правительства, которыя не нуждаются въ разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой.

Само собой разумѣется, что при такомъ опредѣленіи границы управленія и законодательства остаются измѣнчивыми и зыбкими. Но жизнь рѣдко мирится съ вполнѣ законченными формами. Съ точки же зрѣнія политической цѣлесообразности поддержаніе этихъ временныхъ и условныхъ границъ обезпечивается отвѣтственностью министровъ предъ парламентомъ. А парламентъ, какъ показалъ историческій опытъ, рѣдко мирится съ нарушеніемъ его правъ.

Различіе верховнаго и подчиненнаго управленія. Наши основные законы, какъ выше сказано, устанавливаютъ различіе между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ. Подъ верховнымъ управленіемъ они разумѣютъ личную непосредственную дѣятельность Государя въ области управленія. Эта непосредственность дѣятельности Государя, т.-е. принятіе самолично Государемъ тѣхъ или иныхъ рѣшеній въ этой области отличаетъ верховное управленіе отъ управленія

подчиненнаго, гдѣ извѣстная доля рѣшающей власти предоставляется различнымъ должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Такимъ образомъ основные законы устанавливаютъ внѣшній (формальный) признакъ отличія управленія верховнаго отъ подчиненнаго: дѣятельность Государя противополагается дѣятельности другихъ государственныхъ органовъ, обладающихъ рѣшающей властью.

Но въ виду высокаго положенія Государя верховное управленіе обладаетъ въ нѣкоторой степени и качественными (по внутреннему существу) отличіями отъ управленія подчиненнаго. Оно по преимуществу охватываетъ собою именно свободные творческіе акты, которые заключаются или въ организаціонной дѣятельности или въ установленіи общихъ правилъ и нормъ. Подчиненное же управленіе состоитъ по преимуществу въ исполненіи законовъ и въ осуществленіи предначертаній верховной власти. Въ виду этого подчиненному управленію болѣе соотвѣтствуетъ названіе „власть исполнительная“. Верховное же управленіе должно быть охвачено болѣе широкимъ названіемъ правительственной власти. Впрочемъ, указанное различіе далеко небезусловно. И подчиненное управленіе (собственно высшіе его органы) проявляютъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятельную дѣятельность. Съ другой стороны, и свобода дѣятельности верховнаго управленія имѣетъ границы: такъ же, какъ и дѣятельность подчиненнаго управленія, она подчинена закону, иначе говоря—подзаконна. Законъ опредѣляетъ ея формы и установляетъ ея предѣлы. Въ силу начала подзаконности управленія дѣйствуетъ, какъ общее правило, требованіе, чтобы ни одинъ актъ управленія не противорѣчилъ закону. Лишь въ качествѣ исключенія, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, временно въ порядкѣ верховнаго управленія могутъ быть предпринимаемы мѣры, нарушающія законы (такъ называемые чрезвычайные указы; о нихъ ниже).

Права Государя въ области верховнаго управленія. Въ области верховнаго управленія Государю Императору принадлежатъ слѣдующія права:

1. Онъ является главой правительственной власти и въ качествѣ такового назначаетъ и увольняетъ предсѣдателя Со-

вѣта Министровъ и прочихъ министровъ и можетъ направлять ихъ дѣятельность. Онъ можетъ предсѣдательствовать въ Совѣтѣ Министровъ и въ другихъ совѣтахъ верховнаго управленія (напр., въ Совѣтѣ государственной обороны). Равнымъ образомъ, Онъ назначаетъ и увольняетъ кромѣ министровъ многихъ другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Ему же принадлежитъ право награжденія этихъ и другихъ лицъ орденами, чинами, титулами и другими государственными отличіями.

2. Государь является верховнымъ руководителемъ внѣшнихъ сношеній съ иностранными государствами. Онъ опредѣляетъ направленіе внѣшней политики, объявляетъ войну, заключаетъ миръ и договоры съ иностранными державами.

3 Онъ распоряжается всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами Россіи.

4. Ему принадлежитъ право чеканки монеты и опредѣленіе ея внѣшняго вида.

5. Онъ объявляетъ мѣстности на военномъ или другомъ исключительномъ положеніи.

Эту власть верховнаго управленія Государь осуществляетъ или путемъ непосредственныхъ указаній зависимымъ отъ Него лицамъ и учрежденіямъ или путемъ изданія общихъ обязательныхъ распоряженій или указовъ.

Различіе между указомъ и закономъ. Вопросъ о значеніи указовъ и о предѣлахъ указной власти правительства очень важенъ. То, что выше сказано о неопредѣленности границъ между областями управленія и законодательства, вполнѣ приложимо къ различенію по существу указа и закона. Собственно, съ одной стороны, и указъ можетъ, какъ и законъ, устанавливать общую, для всѣхъ обязательную юридическую норму. Съ другой стороны, и законъ можетъ разрѣшать частный, чисто-техническій вопросъ и не устанавливать нормы права. Нынѣ принято различать ихъ между собою по преимуществу по формальному признаку: закономъ почитается постановленіе, сдѣланное въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. съ одобренія парламента; указомъ—общее распоряженіе правительства, сдѣланное въ порядкѣ исполнительномъ, т.-е, помимо парламента.

Во всѣхъ государствахъ, въ томъ или другомъ объемѣ,

правительству принадлежитъ указная власть. Соблюденіе границъ этой указной власти обезпечивается требованіемъ подписи министра подъ каждымъ указомъ и угрозой отвѣтственности этого министра предъ парламентомъ.

Указы административные и юридическіе. Далеко не всѣ указы имѣютъ одинаковое значеніе. Есть указы, которые издаются лишь въ руководство тѣмъ или другимъ должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ, устанавливая порядокъ и пріемы ихъ дѣятельности и опредѣляя общія правила цѣлесообразнаго осуществленія какой-нибудь отдѣльной задачи управленія. Такіе указы обыкновенно называются *техническими* или *административными*. Въ той или иной мѣрѣ всѣ органы правительственной власти имѣютъ право издавать такіе указы въ руководство подчиненнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ. Право это даже не нуждается въ спеціальномъ разрѣшеніи закона, а скорѣе вытекаетъ изъ обязанности даннаго органа выполнять возложенныя на него закономъ функціи.

Другое дѣло—указы *юридическіе*. Они опредѣляютъ права и обязанности неопредѣленнаго круга лицъ. Такимъ образомъ эти указы вторгаются въ область, которая по существу принадлежитъ законодательной власти. Поэтому самое право изданія такихъ указовъ должно быть поставлено въ болѣе или менѣе тѣсные и во всякомъ случаѣ точные предѣлы. По господствующему среди ученыхъ мнѣнію, это право должно основываться на спеціальномъ полномочіи закона. Общимъ началомъ, опредѣляющимъ границы юридическихъ указовъ, является требованіе ихъ соотвѣтствія съ законами. Изъ него вытекаютъ слѣдующія условія: 1) указы не должны противорѣчить законамъ, и 2) они могутъ или развивать и дополнять положенія законовъ, опредѣляя подробности, въ законахъ не предусмотрѣнныя, или установлять юридическія нормы въ такихъ областяхъ, которыя еще не были затронуты законами.

Однако это требованіе соотвѣтствія съ законами относится лишь къ такъ называемымъ *обыкновеннымъ* указамъ. Но есть указы *чрезвычайные*, которые могутъ нарушать законы. Въ виду опасности для самаго значенія законодательной власти, которую заключаютъ въ себѣ чрезвычай-

ные указы, во многихъ государствахъ они вовсе не допустимы (напр., въ Англіи, въ Бельгіи). Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ такіе указы разрѣшаются, въ конституціяхъ установлены для изданія ихъ слѣдующія ограничительныя условія: 1) наличность исключительныхъ обстоятельствъ; 2) отсутствіе сессіи законодательныхъ палатъ; 3) необходимость предъявленія этихъ указовъ на одобреніе парламента, какъ только онъ соберется; 4) во всякомъ случаѣ эти указы не должны нарушать конституцію и нѣкоторые другіе важнѣйшіе законы.

Указная власть Государя. У насъ Монархъ въ силу основныхъ законовъ можетъ издавать слѣдующія категоріи юридическихъ указовъ:

а) Указы, касающіеся имуществъ, составляющихъ Его личную собственность, такъ называемыхъ государевыхъ, т.-е. принадлежащихъ всегда царствующему императору, и удѣльныхъ, составляющихъ общую собственность всего царствующаго дома (ст. 20 и 21 осн. зак.).

б) Указы относительно дислокаціи войскъ, приведенія ихъ въ военное положеніе и вообще касающіеся до устройства вооруженныхъ силъ и обороны Россіи (ст. 14 осн. зак.).

в) Указы, необходимые для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей управленія и исполненія законовъ.

Всѣ эти указы должны находиться въ соотвѣтствіи съ законами, иначе говоря, развивать положенія закона, а не противорѣчить ему (ст. 11 осн. зак.).

г) Указы, коими пріемлются въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ мѣры, требующія собственно обсужденія въ законодательномъ порядкѣ. Мѣры эти могутъ быть приняты лишь во время прекращенія занятій Государственной Думы, и только въ томъ случаѣ, если онѣ не вносятъ измѣненій ни въ основные законы, ни въ учрежденіе Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, ни въ положеніе о выборахъ въ Совѣтъ или Думу. Дѣйствіе подобной мѣры прекращается, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня открытія засѣданій Думы министерство не внесетъ соотвѣтствующаго законопроекта въ Государственную Думу или если такой законопроектъ будетъ отвергнутъ Думой или Совѣтомъ.

Это—такъ называемые чрезвычайные указы, которые по существу своему могутъ противорѣчить законамъ (ст. 87 осн. зак.). Они вырабатываются Совѣтомъ Министровъ и преподносятся на Высочайшее утвержденіе.

Изъ этого перечисленія категорій Высочайшихъ указовъ видно, что они охватываютъ весьма обширную область. Поэтому существенно необходимы гарантіи, обозпечивающія неприкосновенность законовъ, правъ гражданъ и компетенціи законодательныхъ учрежденій.

Скрѣпа министровъ. Основные законы установили двоякаго рода подобныя гарантіи. Во-первыхъ, всѣ указы должны быть подписаны предсѣдателемъ Совѣта Министровъ или подлежащимъ министромъ (ст. 24 осн. зак.). Министрамъ же могутъ быть предъявляемы Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ запросы относительно закономѣрности ихъ дѣйствій въ порядкѣ, который будетъ ниже изложенъ.

Контроль Сената. Во-вторыхъ, всѣ указы должны быть обнародованы Сенатомъ, а Сенату ст. 92 основныхъ законовъ предписываетъ не обнародовать законодательныхъ постановленій (слѣдовательно и указовъ), изданныхъ съ нарушеніемъ положеній основныхъ законовъ. Указъ же необнародованный, согласно ст. 91 основныхъ законовъ, не подлежитъ и исполненію.

Указы непосредственные и въ порядкѣ верховнаго управленія. Основные законы различаютъ указы, непосредственно издаваемые Государемъ, и указы, изданные въ порядкѣ верховнаго управленія. Непосредственные указы упомянуты подъ лит. а и б. Остальные указы издаются въ порядкѣ верховнаго управленія. Но основные законы не опредѣляютъ, въ чемъ заключается этотъ порядокъ. Надо полагать, что онъ предполагаетъ предварительное разсмотрѣніе указа въ одномъ изъ органовъ верховнаго управленія, какъ-то въ Совѣтѣ Министровъ, въ Совѣтѣ Государственной Обороны и т. д.

III. Судебныя права Государя.

Въ области судебной Государю Императору принадлежатъ слѣдующія права.

1. Судебная власть осуществляется всѣми судебными установленіями отъ имени Государя, и рѣшенія ихъ приводятся въ исполненіе именемъ Его Императорскаго Величества.

2. Нѣкоторые приговоры уголовныхъ судовъ поступаютъ на утвержденіе Монарха, именно тѣ, коими лишаются правъ или ограничиваются въ своихъ правахъ дворяне, чиновники, священнослужители и лица, имѣющія ордена или другіе знаки отличія.

3. Привлеченіе къ судебной отвѣтственности и преданіе суду членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, а также высшихъ должностныхъ лицъ можетъ быть совершено лишь съ Высочайшаго разрѣшенія.

4. Наконецъ, Государю принадлежитъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія (такъ называемая амнистія).

§ 24. Преимущества Государя.

Соотвѣтственно своему первенствующему въ государствѣ положенію монархъ пользуется особыми преимуществами.

1. *Безотвѣтственность монарха.* Такъ особа его объявляется священной и неприкосновенной. Это положеніе высказано у насъ въ ст. 5 основныхъ законовъ. Юридическія послѣдствія его двоякія. Во-первыхъ, монархъ является безотвѣтственнымъ. Это значитъ, что монархъ ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть привлеченъ къ суду и никому не обязанъ давать отчетъ въ томъ, какъ онъ пользуется властью.

Чрезвычайная уголовная охрана. Во-вторыхъ, объявленіе особы монарха священной влечетъ за собою усиленіе уголовныхъ наказаній за преступленія, направленныя противъ него.

2. *Цивильный листъ.* Монархъ имѣетъ право на содержаніе за счетъ государства. Въ конституціонныхъ монархіяхъ содержаніе монарху опредѣляется закономъ при вступленіи его на престолъ на все время царствованія. Законъ этотъ

обыкновенно извѣстенъ подъ именемъ цивильнаго листа (liste civile).

У насъ въ силу ст. 115 основныхъ законовъ суммы, опредѣленныя на содержаніе Императорскаго Двора въ росписи на 1906 г., не подлежатъ обсужденію Государственной Думы и Совѣта. Слѣдовательно, суммы эти не могутъ быть измѣнены Думой или Совѣтомъ. Равнымъ образомъ не подлежатъ обсужденію Думы и Совѣта тѣ измѣненія этихъ суммъ, которыя обусловливаются измѣненіями въ самомъ составѣ Императорской Фамиліи.

3. *Титулъ*. Въ качествѣ почетныхъ преимуществъ монархъ пользуется титуломъ и гербомъ.

Титулъ русскихъ императоровъ складывался постепенно, исторически, въ связи съ постепеннымъ расширеніемъ территоріи русскаго государства.

Въ настоящее время имѣются три формы титула: полная, средняя и краткая.

Полный титулъ употребляется лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ составъ его входитъ перечисленіе всѣхъ земель, изъ которыхъ сложилась Россійская имперія.

Чаще всего употребляется краткій титулъ, который таковъ: „Божіею милостью, Мы (имя государя), Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая и прочая и прочая".

Гербъ. Русскій государственный гербъ представляетъ собою комбинацію византійскаго двухглаваго орла съ московскимъ гербомъ—изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія. Къ этой основной комбинаціи прибавлены разныя символическія изображенія. По количеству этихъ послѣднихъ различаются большой, средній и малый государственные гербы. Малый государственный гербъ есть въ то же время личный гербъ Императора.

§ 25. Преемство престола.

Общія положенія. Верховная государственная власть, приводящая въ движеніе весь государственный механизмъ, по самому существу своему должна дѣйствовать непрерывно. Въ республикахъ личный составъ органовъ верховной вла-

сти возобновляется или пополняется послѣдовательными новыми выборами. Въ монархіяхъ же долженъ быть выработанъ устойчивый порядокъ преемства престола.

Отказъ отъ престола. Престолъ освобождается и является необходимость замѣщенія его новымъ лицомъ въ случаѣ смерти Монарха или въ случаѣ отказа его отъ власти. Русскіе основные законы предусматриваютъ оба эти случая. Они допускаютъ отказъ Монарха отъ престола; точнѣе говоря, они разрѣшаютъ отказъ отъ *наслѣдованія* престола.

Самый отказъ допустимъ при наличности двухъ условій: 1) если вслѣдствіе него не возникаетъ затрудненій въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи престола и 2) разъ онъ вошелъ въ законную силу, онъ долженъ быть безвозвратнымъ (ст. 37 и 38 осн. зак.). Впрочемъ, изъ этихъ двухъ условій только второе имѣетъ юридическую силу и значеніе; первое же является лишь нравственнымъ требованіемъ.

Разные способы замѣщенія престола. Порядокъ замѣщенія освободившагося престола можетъ быть троякій: 1) избраніе народомъ или особой избирательной коллегіей; 2) наслѣдованіе престола по завѣщанію, и, наконецъ, 3) наслѣдованіе по закону.

Народное избраніе. Въ старину практиковался по преимуществу первый способъ. Онъ господствовалъ въ средневѣковыхъ монархіяхъ. Въ новое время ему слѣдовала Польша. И въ Россіи онъ примѣнялся нерѣдко въ прежнее время. Не говоря уже объ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, когда князья часто избирались народнымъ вѣчемъ,—и московское время знаетъ случаи избранія на царство народомъ. Такъ былъ избранъ въ 1598 г. Борисъ Годуновъ; послѣ смерти сына его Ѳеодора былъ избранъ Василій Шуйскій, затѣмъ польскій королевичъ Владиславъ; наконецъ въ 1613 г.—Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Впрочемъ, это были по преимуществу случаи избранія новой династіи въ виду пресѣченія прежде царствовавшей. Но въ послѣдующее время избраніе иногда нарушаетъ обычаемъ установленный порядокъ преемства престола. Такъ, послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича (1682 г.) въ обходъ права на престолъ старшаго его брата—Ивана—духовенство, боярская дума и другіе высшіе чины избрали Петра Але-

ксѣевича. Позднѣе, послѣ смерти Петра Великаго, Синодъ, Сенатъ и генералитетъ выбрали на престолъ его жену Екатерину I. Наконецъ въ 1730 г. верховный тайный совѣтъ избралъ на царство герцогиню Курляндскую Анну Ивановну.

Однако случаи эти представляются исключительными. Избраніе противорѣчитъ самому существу монархической формы правленія, которая необходимо требуетъ вполнѣ устойчиваго и опредѣленнаго порядка преемства престола, ибо только при такомъ порядкѣ монархъ пріобрѣтаетъ то вполнѣ независимое положеніе, которое ставитъ его выше всѣхъ партійныхъ и групповыхъ интересовъ и расчетовъ и позволяетъ ему безпристрастно пещись о пользахъ и нуждахъ всего государства.

Поэтому выборная монархія въ настоящее время нигдѣ болѣе не существуетъ.

Наслѣдованіе по завѣщанію. Равнымъ образомъ и второй способъ преемства престола—наслѣдованіе по завѣщанію—нынѣ совершенно вышелъ изъ употребленія, ибо онъ также недостаточно прочно обезпечиваетъ устойчивость порядка престолонаслѣдія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не соотвѣтствуетъ современнымъ воззрѣніямъ на государство. Въ старину государства разсматривались нерѣдко, какъ частное имущество монарховъ. Государи дѣлили, дарили и завѣщали свои земли. Теперь государство почитается самостоятельнымъ союзомъ публичнаго права. Монархъ является лишь высшимъ органомъ этого союза. Какъ органъ, онъ обязанъ преслѣдовать не свои личные интересы, а лишь интересы всего союза.

Такому положенію монарха въ современномъ государствѣ, очевидно, совершенно не соотвѣтствовало бы право завѣщаніемъ опредѣлять судьбу престола. Вотъ почему теперь вовсе не встрѣчаются завѣщательныя распоряженія престоломъ, и во всѣхъ современныхъ монархіяхъ порядокъ престолонаслѣдія устанавливается исключительно закономъ.

Исторія престолонаслѣдія въ Россіи. Въ Россіи законъ, опредѣляющій порядокъ преемства престола, изданъ императоромъ Павломъ I въ 1797 г. До этого времени единой твердой системы престолонаслѣдія не было. Въ Кіевскій или удѣльный періодъ нашей исторіи престолы, по мѣткому выраженію проф. Сергѣевича, не наслѣдовались, а добыва-

лись Въ Московскій періодъ престолы передавались по духовнымъ грамотамъ (завѣщаніямъ). Но уже ко времени царствованія Ивана III твердо установился обычай единонаслѣдія по началу первородства, такъ что съ этого времени завѣщанія имѣли лишь формальное значеніе. Петръ Великій хотѣлъ возвратиться къ системѣ наслѣдованія по завѣщанію. Мысли свои о необходимости свободнаго выбора монархомъ себѣ преемника онъ поручилъ изложить Ѳеофану Прокоповичу въ книгѣ „Правда воли монаршей". Однако самъ онъ умеръ, не оставивъ завѣщанія. Въ теченіе XVIII в. порядокъ наслѣдованія по началу первородства неоднократно прерывался избраніемъ высшими государственными установленіями и дворцовыми переворотами

Такимъ образомъ упомянутымъ закономъ 1797 г. впервые установлены твердыя основанія наслѣдованія престола.

§ 26. Система престолонаслѣдія.

Системы престолонаслѣдія въ иностранныхъ государствахъ. Системы престолонаслѣдія, господствующія нынѣ въ разныхъ государствахъ, различаются между собою, главнымъ образомъ, въ томъ, допускаютъ ли онѣ и въ какой мѣрѣ права лицъ женскаго пола на престолъ.

Система, примѣняющаяся нынѣ въ Бельгіи, Швеціи, Норвегіи, Италіи, Даніи и Пруссіи, совершенно исключаетъ женщинъ и женскія поколѣнія отъ престола. Она носитъ названіе системы агнатической или салической. Послѣднее названіе ей дано потому, что она раньше и полнѣе развилась во Франціи (салическіе франки).

Противоположная ей система—когнатическая или англійская—допускаетъ и лицъ женскаго пола къ занятію престола, отдавая преимущество лицамъ мужскаго пола лишь въ одной и той же линіи. Эта система, кромѣ Англіи, примѣняется въ Испаніи и Португаліи.

Средняя между этими двумя система призываетъ женщинъ на престолъ лишь въ случаѣ полнаго прекращенія мужскаго потомства. Система эта, называемая германо-голландской, дѣйствуетъ въ Австріи, Баваріи, Вюртембергѣ, Голландіи, Греціи и въ Россіи.

Русская система престолонаслѣдія. Такимъ образомъ въ Россіи имѣютъ право на наслѣдованіе престола лица обоихъ половъ; но лица женскаго пола занимаютъ престолъ лишь за пресѣченіемъ всѣхъ мужскихъ поколѣній. Въ этомъ случаѣ наслѣдство переходитъ къ старшему женскому поколѣнію послѣднецарствовавшаго Императора. Въ женскихъ поколѣніяхъ также лица мужского пола предпочитаются лицамъ женскаго; но то лицо женскаго пола, черезъ которое престолъ перешелъ въ женскія поколѣнія, имѣетъ ближайшее право на занятіе его.

Право на престолъ обусловливается принадлежностью къ нынѣ царствующему Императорскому Дому. Членами царствующаго Дома признаются лица, происшедшія отъ императорской крови въ законномъ бракѣ. Для законности брака, помимо общегражданскихъ условій, требуются еще согласіе Императора и совершеніе брака съ лицомъ равнороднымъ, т.-е. принадлежащимъ къ какому-нибудь царствующему или владѣтельному дому.

Самое наслѣдованіе совершается по праву первородства въ нисходящей линіи послѣднецарствовавшаго Императора. Поэтому престолъ принадлежитъ прежде всего старшему сыну послѣдняго Императора и его мужскому поколѣнію; по прекращеніи этого поколѣнія, престолъ переходитъ въ родъ второго сына Императора и т. д.

Занятіе престола обусловлено исповѣданіемъ православной вѣры. Поэтому женское поколѣніе, царствующее на другомъ престолѣ, должно отъ него отречься, если съ нимъ связано исповѣданіе иной вѣры, кромѣ православной.

Вступленіе на престолъ. Императоръ почитается вступившимъ на престолъ съ момента смерти или отреченія отъ престола своего предшественника. О вступленіи на престолъ возвѣщается особымъ манифестомъ народу, и всѣ подданные мужского пола, достигшіе 12-ти лѣтъ, приводятся къ присягѣ.

Коронація. Надъ воцарившимся Императоромъ совершается въ московскомъ Успенскомъ соборѣ торжественный обрядъ коронованія и мvропомазанія, при чемъ Императоръ самъ возлагаетъ на себя корону въ знакъ полной независимости своей власти. Коронація имѣетъ религіозное, но не юриди-

ческое значеніе: некоронованный Императоръ обладаетъ тѣми же правами и тою же властью, какъ и коронованный.

§ 27. Правительство и опека.

Законный наслѣдникъ вступаетъ на престолъ въ силу закона съ момента кончины его предшественника. Но въ случаѣ его несовершеннолѣтія, въ виду невозможности возложить на него завѣдываніе государственными дѣлами, устанавливаются правительство (регентство) и опека. Задача опеки—воспитаніе малолѣтняго государя; задача правительства—завѣдываніе государственными дѣлами.

Совершеннолѣтіе Императора. Въ виду доказанной историческимъ опытомъ невыгоды слишкомъ продолжительнаго времени регентствъ, почти повсюду совершеннолѣтіе государей признается ранѣе общегражданскаго совершеннолѣтія. Въ большинствѣ конституцій монархъ объявляется совершеннолѣтнимъ въ 18 лѣтъ. По нашимъ основнымъ законамъ совершеннолѣтіе Императора и Наслѣдника престола полагается въ 16 лѣтъ (ст. 40 осн. зак.).

Организація правительства и опеки. Правительство и опека могутъ быть у насъ установлены или завѣщаніемъ или закономъ. Если они установлены завѣщаніемъ, то отъ усмотрѣнія Императора-завѣщателя зависитъ ихъ организація. Въ случаѣ отсутствія завѣщательныхъ распоряженій законъ опредѣляетъ слѣдующій порядокъ. Правительство и опека соединяются въ одномъ лицѣ. Они возлагаются прежде всего на отца или мать Императора, а въ случаѣ ихъ отсутсутствія—на ближайшаго совершеннолѣтняго родственника Императора. Всѣ эти лица теряютъ право на правительство и опеку, если ихъ постигнетъ безуміе, хотя бы временное, или если вдовые вступятъ въ новый бракъ (ст. 43—46 осн. зак.).

При Правителѣ учреждается совѣтъ Правительства изъ шести сановниковъ (особъ первыхъ двухъ классовъ) по выбору Правителя. Помимо этихъ лицъ въ совѣтъ могутъ быть приглашаемы Правителемъ совершеннолѣтніе члены Императорскаго Дома. Однако совѣтъ имѣетъ лишь совѣщатель-

ный голосъ. Рѣшеніе зависитъ отъ Правителя (ст 47, 48, 51 осн. зак.)

§ 28. Учрежденіе о Императорской Фамиліи.

Царствующій Домъ. Лица, принадлежащія къ Царской Фамиліи, въ виду ихъ близости къ Императору, а также въ виду ихъ права на наслѣдованіе престола пользуются особыми преимуществами. Преимущества эти опредѣляются въ Учрежденіи о Императорской Фамиліи, изданномъ Павломъ I въ 1797 г. и затѣмъ подвергнувшемся пересмотру въ 1886 г., при чемъ были значительно сокращены размѣры получаемыхъ членами Фамиліи содержаній.

Членами Императорскаго Дома признаются, какъ выше было сказано, лица, происшедшія отъ императорской крови въ законномъ, разрѣшенномъ Императоромъ бракѣ съ равноднымъ лицомъ, а также ихъ супруги. Размѣры ихъ привилегій какъ почетныхъ, такъ и матеріальныхъ, находятся въ зависимости отъ степени ихъ родства съ Императоромъ, отъ котораго они происходятъ.

Почетныя преимущества членовъ Императорской Фамиліи. Такъ, дѣти и внуки (въ мужскомъ поколѣніи) Императора именуются великими князьями (княгинями, княжнами) и императорскими высочествами; правнуки (мужского поколѣнія) Императора, а также ихъ нисходящее потомство по началу первородства титулуются князьями императорской крови и высочествами; прочія лица носятъ титулъ князей императорской крови и свѣтлостей.

Кромѣ титуловъ, почетныя преимущества членовъ Императорскаго Дома заключаются въ полученіи высшихъ орденовъ,—при рожденіи или при совершеннолѣтіи,—въ пользованіи особыми гербами, сходными съ государственнымъ, флагами и воинскими почестями.

Матеріальныя преимущества. Не менѣе существенны матеріальныя привилегіи членовъ Императорской Фамиліи. Онѣ заключаются въ полученіи ежегоднаго содержанія и единовременныхъ суммъ, какъ изъ средствъ государственнаго казначейства, такъ и изъ удѣльныхъ капиталовъ. Размѣры ежегодныхъ выдачъ, въ зависимости отъ степени род-

ства, колеблются отъ 200 т. р. (императрицѣ) до 20 т. р. (дѣтямъ наслѣдника)—изъ государственнаго казначейства, и отъ 150 т. р. (дѣтямъ Государя) до 10 т. р. (супругамъ правнуковъ)—изъ удѣльныхъ суммъ Что касается единовременныхъ выдачъ, то онѣ совершаются лицамъ женскаго пола при выходѣ замужъ, а лицамъ мужского—при достиженіи совершеннолѣтія. Ихъ размѣры колеблются отъ 1 милл руб. до 30 т. р.

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ особую привилегію великихъ князей (княженъ) и князей, имѣющихъ титулъ высочества, что ихъ совершеннолѣтіе,—въ отступленіе отъ общегражданскаго,—почитается въ 20 лѣтъ или со дня вступленія въ бракъ, если онъ заключенъ ранѣе достиженія этого возраста.

ГЛАВА II.

Народное представительство.

§ 29 Значеніе народнаго представительства.

Сущность новѣйшихъ реформъ. Высочайшимъ манифестомъ 20 февраля 1906 г. въ осуществленіе началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г., установлены основные принципы участія народныхъ представителей въ законодательной дѣятельности. Того же числа было издано новое учрежденіе Государственной Думы, существенно измѣнившее права Думы сравнительно съ первоначально изданнымъ—6 августа 1905 г.—учрежденіемъ Думы. Вмѣстѣ съ тѣмъ того же 20 февраля 1906 г. былъ опубликованъ именной Высочайшій указъ, въ которомъ излагались основныя положенія преобразованія Государственнаго Совѣта на новыхъ началахъ. Въ развитіе этихъ положеній 24 апрѣля 1906 г. было издано новое учрежденіе Государственнаго Совѣта.

Этими законодательными актами вмѣстѣ съ положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу 6 августа 1905 г.,

измѣненнымъ и дополненнымъ 11 декабря 1905 г (и потомъ 3 іюня 1907 г.), были преобразованы самыя основы русскаго государственнаго строя. Поэтому явилась необходимость пересмотра основныхъ законовъ для внесенія въ нихъ необходимыхъ измѣненій. 23 апрѣля 1906 г. основные законы были опубликованы въ новой редакціи.

Значеніе реформы, произведенной этими законами, выражено въ ст. 7 основныхъ законовъ, которая гласитъ: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой".

Эта статья воспроизводитъ начало, которое провозглашено (или подразумѣвается) во всѣхъ монархическихъ конституціяхъ Такъ, напримѣръ, ст. 62 прусской конституціи постановляетъ: „Законодательная власть осуществляется совмѣстно королемъ и обѣими палатами". Ст. 26 бельгійской конституціи гласитъ: „Законодательная власть осуществляется коллективно королемъ, палатою представителей и сенатомъ", и т. д.

Смыслъ слова „единеніе", упомянутаго въ приведенной выше статьѣ нашихъ основныхъ законовъ раскрывается въ ст. 86 основныхъ законовъ, въ силу коей „никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора".

Этимъ положеніемъ, какъ уже указано въ § 1, устанавливается новый, весьма важный принципъ русскаго государственнаго устройства. Отнынѣ законодательная дѣятельность опредѣляется не исключительно волею Монарха, а совершается по соглашенію Государя съ высшими законодательными учрежденіями—Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, при чемъ соучастіе въ законодательной работѣ между ними распредѣляется такъ, что Государственный Совѣтъ и Государственная Дума устанавливаютъ самое содержаніе закона, а сообщеніе закону обязательной для всѣхъ гражданъ силы, путемъ утвержденія рѣшенія упомянутыхъ учрежденій, зависитъ отъ Монарха.

§ 30. Основныя черты исторіи развитія представительныхъ учрежденій въ Англіи.

Развитіе парламента въ Англіи. Представительныя учреженія, которыя нынѣ введены въ русскій государственный строй, первоначально развились въ Западной Европѣ. Ихъ родиной слѣдуетъ считать Англію, гдѣ уже въ XIII в. сложились зачатки современнаго парламента.

Витенагемотъ. Еще ранѣе англо-саксонскіе короли правили страной при содѣйствіи Великаго Совѣта (витенагемотъ), въ составъ котораго, насколько можно судить по довольно сбивчивымъ даннымъ, могъ входить каждый свободный человѣкъ. Впослѣдствіи, послѣ завоеванія Англіи норманнами, королевская власть значительно усилилась. Однако и норманскіе короли сохранили Великій Совѣтъ, но въ составъ его призывались теперь лишь крупнѣйшіе бароны и прелаты (архіепископы, епископы и аббаты).

Великая хартія вольностей. Вся дальнѣйшая конституціонная исторія Англіи сводится къ измѣненію состава этого совѣта и къ расширенію его правъ и значенія. Исторія эта складывалась въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ борьбы бароновъ, опиравшихся на мелкое дворянство (рыцарей, джентри) и на города, съ произвольными распоряженіями представителей королевской власти. Крупнѣйшимъ успѣхомъ бароновъ въ этой борьбѣ было полученіе отъ короля Іоанна Безземельнаго въ 1215 г. такъ называемой Великой хартіи вольностей (Magna Charta libertatum). Этою хартіею устанавливалось обезпеченіе населенія отъ произвольныхъ арестовъ и вообще отъ произвольнаго примѣненія карательной власти короля и его должностныхъ лицъ, а также обезпеченіе отъ произвольныхъ поборовъ со стороны короля. Для охраненія правъ населенія учреждался особый наблюдательный комитетъ изъ 25 бароновъ.

Впослѣдствіи Великая хартія вольностей неоднократно отмѣнялась и потомъ вновь подтверждалась. И до сихъ поръ она является краеугольнымъ камнемъ англійской свободы. Обезпеченныя ею права населенія съ теченіемъ времени были расширены и умножены и получили болѣе надежную защиту, при чемъ наиболѣе дѣятельную охрану и опору они

нашли въ парламентѣ, какъ сталъ называться преобразованный Великій Совѣтъ.

Образованіе парламента. Наиболѣе значительному преобразованію подвергся Великій Совѣтъ въ теченіе XIII ст., когда, на ряду съ призываемыми королемъ членами, стали входить въ его составъ *выборные представители* отъ графствъ и городовъ. Въ XIV ст. единый прежде парламентъ раздѣляется на двѣ палаты, сообразно основному различію своего состава. Верхнюю палату образовали знатнѣйшіе бароны и прелаты, засѣдающіе по личному праву, пріобрѣтенному или по наслѣдству (свѣтскіе лорды), или въ силу занимаемой ими должности (духовные лорды). Въ нижнюю же палату вошли выборные представители общинъ (графствъ и городовъ).

Нынѣшній составъ парламента. Въ основныхъ чертахъ подобная организація парламента сохранилась до нашего времени. Особенно верхняя палата осталась почти неизмѣнной. Лишь со времени присоединенія Шотландіи и Ирландіи составъ ея пополнился 16 шотландскими лордами, избираемыми на 7 лѣтъ, и 28 ирландскими лордами, избираемыми для пожизненнаго засѣданія въ верхней палатѣ. Кромѣ того, въ 1876 г. король получилъ право назначать двухъ пожизненныхъ лордовъ изъ числа судей.

Нижняя палата состоитъ изъ представителей населенія. Но самая система представительства въ теченіе XIX в. значительно измѣнилась. Прежде общины (графства, города, университеты) получали право посылать депутатовъ въ парламентъ въ видѣ особой привилегіи, даруемой королевской властью. Вслѣдствіе этого распредѣленіе числа депутатовъ не было соображено съ количествомъ населенія данной общины и вообще съ ея значеніемъ. Лишь послѣ избирательныхъ реформъ, произведенныхъ въ XIX ст. (1832, 1867 и 1884 гг.), эти недостатки были устранены, и представительство стало опираться, главнымъ образомъ, на численность населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое право участія въ выборахъ было постепенно расширяемо на все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, такъ что нынѣ почти всѣ совер-

шеннолѣтніе мужчины имѣютъ право избирать и быть избираемыми въ парламентъ [1]).

Компетенція парламента. Предѣлы вѣдомства и значеніе парламента съ теченіемъ времени постепенно раздвигались. Вызванный къ жизни по преимуществу слабостью королевской власти, которая, лишенная дѣятельныхъ исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ, принуждена была обращаться непосредственно къ населенію, парламентъ пользовался финансовыми и иными затрудненіями короны для расширенія своихъ правъ и власти. Соглашаясь на новые налоги или на единовременныя субсидіи коронѣ, парламентъ (и именно по преимуществу палата общинъ) обусловливалъ свое согласіе извѣстными уступками со стороны короны. Представители отъ общинъ (коммонеры) являлись въ парламентъ съ жалобами своихъ избирателей на ихъ бѣдствія, съ заявленіями объ ихъ нуждахъ. Кромѣ того, населеніе понемногу привыкло непосредственно направлять въ парламентъ (по преимуществу въ нижнюю палату) всевозможныя ходатайства, съ которыми оно прежде обыкновенно обращалось къ королю. Парламентъ съ своей стороны обращался съ петиціями объ удовлетвореніи нуждъ населенія къ королю.

Законодательная инициатива. Изъ этого обычая обращаться съ петиціями постепенно выработалось право законодательнаго почина (законодательной инициативы), т.-е. право представленія проекта новаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно парламентъ не ограничивался изложеніемъ нуждъ населенія, но и предлагалъ способы ихъ удовлетворенія. А такъ какъ обычнѣйшимъ способомъ являлось изданіе новаго закона, то обыкновенно приходилось парламенту ходатайствовать именно объ изданіи новаго закона. Позднѣе парламентъ сталъ настаивать, чтобы былъ изданъ именно такой законъ, о которомъ онъ просилъ. И, дабы обезпечить эту неизмѣнность, форма петиціи о законѣ была замѣнена формой законопроекта (билля), при чемъ за королевской властью стало признаваться лишь право или цѣликомъ принять

---

[1]) Не пользуются этимъ правомъ тѣ, которые, не обладая недвижимой собственностью, не занимаютъ помѣщенія, оплачиваемаго въ годъ 10 ф. ст.

этотъ законопроектъ, или цѣликомъ его отвергнуть и отрицалось право что-либо въ немъ измѣнить

Такъ сложилась законодательная компетенція парламента, которая постепенно расширялась въ ущербъ праву короля издавать такъ называемые ордонансы, т.-е. праву издавать обязательныя для населенія общія распоряженія съ силою закона помимо парламента. Окончательно отмѣнено это королевское право въ XVII в. актомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „билль о правахъ“ (1689 г.).

Финансовый контроль. Параллельно шло усиленіе и финансовыхъ правъ парламента. Изъ первоначальнаго права согласія на новые налоги и повинности постепенно вытекло право устанавливать и статьи расходованія этихъ средствъ, а также право контроля за тѣмъ, чтобы средства эти были расходуемы именно согласно назначенію. Отсюда сложилось все *бюджетное право* парламента, т.-е право разсмотрѣнія и установленія смѣты государственныхъ расходовъ и доходовъ и право провѣрки отчетовъ объ ея исполненіи

Надзоръ за министрами. Помимо финансоваго контроля парламентъ понемногу добился права контроля надъ всѣмъ управленіемъ страной. Уже въ первоначальную эпоху парламентъ неоднократно обращался къ королю съ просьбами смѣнить министровъ и вообще должностныхъ лицъ, изобличенныхъ въ злоупотребленіяхъ властью. Впослѣдствіи онъ сталъ самъ ихъ судить за незаконныя дѣйствія. Наконецъ въ XVII в. складывается право парламента привлекать къ отвѣтственности и суду министровъ не только за нарушенія закона, но и за дурные совѣты, данные королю, за грубыя политическія ошибки. Такимъ образомъ съ этого времени парламентъ начинаетъ слѣдить не только за законномѣрностью, но и за цѣлесообразностью дѣйствій министровъ.

Кабинетная система. Начиная съ XVIII в., средства контроля парламента за правительствомъ (министрами) значительно усиливаются, потому что для достиженія согласія парламента съ правительствомъ постепенно складывается обычай назначать лишь угодныхъ парламенту министровъ изъ среды выдающихся парламентскихъ дѣятелей, сначала изъ состава разныхъ партій, а впослѣдствіи изъ среды одной партіи, именно той, которая въ данное время имѣетъ

преобладаніе въ парламентѣ. Благодаря такому способу назначенія министровъ, устанавливается ихъ тѣсная зависимость отъ парламента, которая устраняетъ возможность острыхъ конфликтовъ между парламентомъ и министрами, а, слѣдовательно, и необходимость прибѣгать къ процедурѣ преданія ихъ суду.

Министры, избранные изъ состава партіи, располагающей большинствомъ голосовъ въ парламентѣ, могутъ оставаться у власти лишь до тѣхъ поръ, пока они будутъ находить опору и поддержку въ этомъ парламентскомъ большинствѣ, т.-е. пока они будутъ держаться политики, одобряемой этимъ большинствомъ. Въ случаѣ ихъ отступленія отъ этой политики ихъ мѣропріятія не встрѣтятъ поддержки со стороны парламента, и министры принуждены будутъ уступить свои мѣста другимъ министрамъ, болѣе угоднымъ парламенту. При такой системѣ, извѣстной подъ именемъ *кабинетной системы* или *парламентарной формы правленія*, все управленіе страной, поскольку оно направляется министрами, совершается подъ бдительнымъ контролемъ парламента и слѣдуетъ его желаніямъ и указаніямъ

Такимъ образомъ нынѣ англійскій парламентъ не только является органомъ законодательной власти и финансоваго контроля, но и принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи страной, наблюдая за министрами и направляя ихъ дѣятельность.

Характерная черта англійской конституціонной исторіи. Отличительной чертой исторіи англійскаго парламента является постепенное и неуклонное развитіе его правъ, значенія и власти. За исключеніемъ періода царствованія династій Тюдоровъ и Стюартовъ (XVI—XVII вв.) наблюдается все время неизмѣнный ростъ его полномочій и вліянія, постепенное улучшеніе его организаціи и совершенствованіе системы выборовъ. Иначе складывается исторія представительныхъ учрежденій на континентѣ Европы.

§ 31. Основныя черты развитія представительныхъ учрежденій на континентѣ Европы.

Сословное представительство. Исторія народнаго представительства во Франціи, Германіи и большинствѣ другихъ

государствъ Европы начинается съ сословнаго представительства.

Средневѣковое государство было чрезвычайно раздроблено. Помимо дѣленія населенія на сословія, чуть ли не каждая отдѣльная мѣстность (города, провинціи) имѣла особыя права, особые обычаи и самостоятельныя учрежденія. Справедливо поэтому называютъ средневѣковое государство мозаикой самостоятельныхъ корпорацій. Задача объединенія государства выпала на долю монархической власти Первоначально очень слабая, эта власть поневолѣ должна была считаться съ правами и вольностями различныхъ корпорацій и опираться на ихъ поддержку въ своей дѣятельности. Особенно въ вопросахъ объ обложеніи населенія денежными сборами и повинностями она должна была искать согласія отдѣльныхъ сословій и мѣстностей. Поэтому уже издавна сложился обычай созывать собранія представителей сословій для обсужденія различныхъ государственныхъ мѣропріятій. Собранія эти бывали или общія для всего государства (генеральные штаты, Etats généraux, Generalstände) или частныя—по провинціямъ.

Его составъ и характеръ. Собранія эти далеко не всегда и не вездѣ обладали законодательной властью. Въ большинствѣ случаевъ они ограничивались совѣщательною ролью, а короли принимали самостоятельныя рѣшенія. Обычно на этихъ собраніяхъ были представители трехъ сословій: дворянства, духовенства и горожанъ. Но иногда въ позднѣйшую эпоху приглашались и крестьяне. Каждое сословіе совѣщалось отдѣльно и обыкновенно вступало въ особое соглашеніе съ королемъ, при чемъ обычно представители сословій могли вступать лишь въ такое соглашеніе и принимать на сословіе лишь такія обязательства, на которыя ихъ уполномочили ихъ избиратели.

Исчезновеніе сословныхъ сеймовъ. Собранія эти созывались далеко не періодично, а лишь по мѣрѣ нужды. Ихъ сила и значеніе находились въ прямой зависимости отъ большей или меньшей слабости королевской власти. Такъ, во Франціи наибольшее вліяніе имѣли собранія генеральныхъ штатовъ въ эпоху столѣтней войны съ Англіей. По мѣрѣ объединенія государства и усиленія монархической власти зна-

ченіе этихъ сословныхъ представительствъ все ослабѣваетъ. Въ XVII в. они почти повсюду исчезаютъ.

Начало народнаго представительства. Лишь послѣ Великой французской революціи снова появляются на континентѣ Европы представительныя учрежденія, но уже основанныя на новыхъ началахъ. Прежде всего устанавливается непремѣнно періодичность сессій парламента. Такая періодичность вытекаетъ изъ существа дѣла, ибо дѣятельность парламента является необходимой для страны: безъ парламента не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ, а равно не можетъ быть установленъ бюджетъ государства. Такимъ образомъ новыя представительныя учрежденія имѣютъ непремѣнно законодательный, а не законосовѣщательный характеръ.

Наконецъ самая организація ихъ иная. Они составляются (по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ) не изъ представителей отдѣльныхъ сословій, а изъ представителей всего населенія. Поэтому обыкновенно въ основѣ системы выборовъ лежатъ не сословныя раздѣленія населенія, а лишь численность жителей даннаго округа. Вслѣдствіе этого каждый народный представитель обязывается защищать интересы не того или иного сословія, а всей страны. Въ связи съ такимъ характеромъ современнаго представительства находятся запрещенія въ большинствѣ конституцій какихъ-либо обязательныхъ инструкцій представителямъ со стороны избирателей.

На развитіе представительныхъ учрежденій на континентѣ Европы оказали значительное вліяніе политическія событія Франціи. Помимо уже указаннаго значенія первой французской революціи 1789 года, и послѣдующія революціи 1830 г. и особенно 1848 г. способствовали организаціи въ нѣкоторыхъ государствахъ новыхъ парламентовъ или преобразованію уже имѣющихся на болѣе либеральныхъ началахъ.

Какъ общія черты исторіи развитія представительныхъ учрежденій въ разныхъ государствахъ Европы слѣдуетъ отмѣтить: 1) постепенное расширеніе самыхъ основъ представительства, въ смыслѣ пріобщенія къ выборамъ все болѣе широкихъ массъ населенія, и 2) постоянное увеличеніе

правъ, предѣловъ вѣдомства, значенія и вліянія парламентовъ.

§ 32. Основныя черты исторіи участія народа въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ въ Россіи

Вѣче. Въ далекую старину, въ удѣльный періодъ русской исторіи, во многихъ городахъ созывались для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ *вѣча*, т.-е. народныя собранія съ рѣшающей властью. Строго выработанной организаціи такія вѣча никогда не имѣли. Даже самое право участія на нихъ не было сколько-нибудь точно опредѣлено. Повидимому, могъ участвовать каждый взрослый мужчина, при чемъ такое участіе было правомъ, а не обязанностью: участвовалъ всякій, кто хотѣлъ. Порядокъ собранія тоже не былъ точно выработанъ. Единственно, что считалось обязательнымъ, это—требованіе единогласія для рѣшенія вѣча, при чемъ этого единогласія добивались не только убѣжденіемъ, но и силою; поэтому иногда вѣча кончались рукопашной свалкой несогласныхъ сторонъ. Созывались вѣча княземъ или должностными лицами, или самимъ народомъ. Обычнѣйшимъ поводомъ для созыва вѣча была необходимость избранія князя, при чемъ обыкновенно обсуждался и договоръ (рядъ) съ призываемымъ княземъ. Другимъ обычнымъ поводомъ созыва было рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Иногда вѣча привлекали къ своему суду князей и посадниковъ за политическія ошибки и злоупотребленія. Лишь въ Новгородѣ и Псковѣ вѣча рѣшали и другіе вопросы—законодательные и правительственные.

За исключеніемъ этихъ двухъ городовъ, вѣча повсюду исчезаютъ въ XIII в. Ихъ никто не отмѣнялъ; они сами по себѣ вышли изъ употребленія. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что главнѣйшій вопросъ, рѣшаемый вѣчами,—призывъ князя—послѣ татарскаго завоеванія отошелъ отъ народа къ ордынскимъ ханамъ, которые стали распоряжаться престолами. А затѣмъ несомнѣнное вліяніе на исчезновеніе вѣча оказали усиленіе княжеской власти и объединеніе Россіи. Только два наиболѣе могучихъ вѣча—Новгородское и Псковское—были отмѣнены уже великими князьями московскими (въ 1478 и въ 1510 гг.)

Земскіе соборы. Позднѣе, въ XVI в., появляется новая форма участія населенія въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ—земскіе соборы.

Но земскіе соборы значительно отличаются отъ вѣча. Вѣче имѣло власть *окончательнаго рѣшенія*; земскіе же соборы играли лишь *совѣщательную* роль: рѣшеніе вопроса всецѣло зависѣло отъ монарха.

На вѣчѣ могъ принимать участіе каждый свободный взрослый мужчина; земскій же соборъ составлялся изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ, и изъ выборныхъ населеніемъ. Слѣдовательно, здѣсь, въ отличіе отъ вѣча, впервые сказывается начало представительства. Наконецъ участіе въ вѣчѣ было правомъ; участіе же въ земскомъ соборѣ было обязанностью.

Какъ и вѣча, земскіе соборы созывались не періодично, а лишь по мѣрѣ нужды, обыкновенно въ періодъ сложныхъ затрудненій, переживаемыхъ государствомъ. Такъ, чаще всего созывались земскіе соборы въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда государство находилось въ разстройствѣ послѣ продолжительнаго Смутнаго времени. Нерѣдко соборы рѣшали вопросы о войнѣ (съ Польшей, съ Турціей) и о средствахъ для ея веденія. Иногда они созывались для избранія царей на вакантный престолъ. Соборы не ограничивались рѣшеніемъ вопросовъ, ради которыхъ они созывались, но и обращались къ правительству съ челобитными (ходатайствами), въ которыхъ жаловались на разные непорядки и просили объ ихъ устраненіи. Но, въ отличіе отъ англійской парламентской исторіи, изъ этого права „бить челомъ“ царю не выработалось права законодательнаго почина: правительство принимало такія челобитныя лишь къ свѣдѣнію и удовлетворяло ихъ по своему усмотрѣнію. Равнымъ образомъ и постановленія соборовъ не были, какъ сказано выше, обязательными для правительства. Они имѣли лишь освѣдомляющее и совѣщательное значеніе. И нерѣдко бывали случаи, что правительство принимало рѣшенія, несогласныя съ мнѣніями соборовъ.

Составъ земскихъ соборовъ. Обычно составъ земскихъ соборовъ былъ двоякій. Во-первыхъ, въ нихъ принимали участіе поголовно всѣ представители высшей администраціи какъ ду-

ховной (такъ называемый „Освященный Соборъ"), такъ и гражданской (боярская дума, начальники приказовъ) и дворцовои. А, во-вторыхъ, въ нихъ засѣдали выборные представители сословій: служилаго (дворянства), посадскаго и крестьянскаго (отъ послѣдняго, впрочемъ, только въ 1613 г.) Надо, однако, замѣтить, что эта вторая часть состава—выборная—не всегда была надлежаще представлена Случалось, что вмѣсто выборовъ приглашались къ участію въ соборѣ случайно пребывающіе въ Москвѣ жители провинцій. Вообще выборы никогда не были подробно организованы, и составъ собора не былъ строго опредѣленъ и постояненъ. Бывали случаи, что соборъ состоялъ изъ однихъ москвичей.

Порядокъ засѣданіи соборовъ былъ обыкновенно такой: земскій соборъ въ полномъ составѣ выслушивалъ тронную рѣчь, въ которой излагались мотивы созыва и формулировались вопросы, подлежащіе рѣшенію собора. Затѣмъ соборъ разбивался на классы и разряды („статьи)", изъ которыхъ состоялъ; каждая „статья" въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ обсуждала и изготовляла письменный отвѣтъ на тронную рѣчь.

Первый земскій соборъ былъ созванъ въ 1550 г, во время малолѣтства Іоанна Грознаго; послѣдній—въ 1653 г. Съ усиленіемъ монархической власти и выработкой новыхъ органовъ и новыхъ пріемовъ управленія страной земскіе соборы сходятъ съ политической сцены,

Законодательныя комиссіи въ XVIII вѣкѣ. Впослѣдствіи въ теченіе XVIII вѣка неоднократно призывались представители населенія (дворянства и купечества) къ участію въ законодательныхъ комиссіяхъ для составленія Уложенія. Особенно извѣстна многолюдная комиссія, созванная Екатериной II. Работа комиссій этихъ, однако, никакихъ практическихъ результатовъ не имѣла.

Планы Александра I. Въ началѣ XIX вѣка императоръ Александръ I предположилъ кореннымъ образомъ преобразовать русскій государственный строй и ввести въ Россіи конституціонныя начала. Въ осуществленіе этого намѣренія сначала графу Сперанскому, потомъ Новосильцеву было поручено составить проекты русской конституціи. Проектъ графа Сперанскаго получилъ одобреніе императора. Поло-

жено было даже начало его осуществленія образованіемъ въ 1810 г. Государственнаго Совѣта. Этимъ однако дѣло и ограничилось. Равнымъ образомъ и проектъ Новосильцева не былъ осуществленъ, хотя также былъ одобренъ Александромъ I.

Проектъ Лорисъ-Меликова. Значительно позднѣе, въ концѣ царствованія Александра II, въ правящихъ сферахъ опять возникла мысль о желательности привлеченія выборныхъ отъ населенія къ участію въ предварительной разработкѣ законопроектовъ. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ проектъ учрежденія общей комиссіи, составленной изъ членовъ какъ назначенныхъ, такъ и выборныхъ, которая, совмѣстно съ представителями министерствъ, занималась бы составленіемъ законопроектовъ по вопросамъ, намѣченнымъ правительствомъ. Проектъ этотъ не получилъ осуществленія вслѣдствіе событія 1 марта 1881 г.

Новѣйшія реформы. Лишь въ царствованіе Николая II осуществилось призваніе населенія къ дѣятельному участію въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Подъ вліяніемъ неудачъ, постигшихъ Россію въ войнѣ съ Японіей, которыя ясно обнаружили основные недостатки государственнаго строя и вызвали сознаніе необходимости ихъ устраненія, правительство рѣшило приступить къ кореннымъ реформамъ. Уже въ Высочайшемъ указѣ отъ 12 декабря 1904 г. былъ возвѣщенъ цѣлый рядъ реформъ, имѣющихъ цѣлью расширеніе правъ и самодѣятельности населенія, при чемъ разработка подробнаго плана осуществленія этихъ реформъ была возложена на Комитетъ Министровъ.

Далѣе Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1905 г. было повелѣно Совѣту Министровъ приступить къ разсмотрѣнію и обсужденію поступающихъ на Высочайшее имя отъ частныхъ лицъ и учрежденій предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ въ этомъ указѣ впервые признавалось за населеніемъ Россіи право высказываться по вопросамъ, касающимся даже коренныхъ устоевъ русскаго государственнаго строя, и просить объ ихъ измѣненіи.

Въ тотъ же день (18 февраля 1905 г.) было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ предсѣдательствованіе въ особомъ совѣщаніи, которое было учреждено „для обсужденія путей", какъ говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ, „осуществленія мыслей" Монарха о привлеченіи „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній". Иначе говоря, этому совѣщанію поручалось разработать проектъ законосовѣщательнаго учрежденія, составъ котораго избирался бы населеніемъ.

Законы 6 августа 1905 г. Въ осуществленіе этихъ предначертаній Монарха 6 августа 1905 г были обнародованы: „Учрежденіе Государственной Думы" и „Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу". Въ Высочайшемъ манифестѣ, коимъ сопровождалось это обнародованіе, точно опредѣленъ основной характеръ этого новаго учрежденія. Оно характеризуется, какъ „особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ".

Такимъ образомъ этими законодательными актами существо власти неограниченнаго Монарха не было поколеблено: Монархъ оставался единственнымъ законодателемъ, Дума же учреждалась въ качествѣ Его совѣта по вопросамъ законодательства и финансоваго управленія.

Однако на этомъ преобразованіе нашего государственнаго строя не остановилось.

Манифестъ 17 октября 1905 г. Въ манифестѣ 17 октября 1905 г. было провозглашено совершенно новое начало, именно устанавливалось, „какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ Насъ властей".

Этимъ самымъ признавалась необходимость придать Думѣ характеръ не законосовѣщательнаго, а *законодательнаго* учрежденія и признать за ней право контроля надъ закономѣрностью управленія страной.

Эти начала и были развиты въ новомъ учрежденіи Государственной Думы, изданномъ 20 февраля 1906 г., и въ учрежденіи Государственнаго Совѣта, изданномъ 24 апрѣля 1906 г.

§ 33. Система двухъ палатъ.

Законодательными актами 20 февраля и 24 апрѣля 1906 г. въ Россіи учреждено народное представительство по двухпалатной системѣ: установлены двѣ законодательныхъ палаты—Государственный Совѣтъ и Государственная Дума.

За исключеніемъ государствъ сравнительно небольшого объема, какъ Грецiя, Сербія, Болгарія, Люксембургъ и отдѣльные кантоны Швейцаріи, во всѣхъ современныхъ конституціяхъ принята система двухъ палатъ. Такая распространенность этой системы объясняется тѣмъ, что за наличность двухъ палатъ, помимо историческихъ традицій, говорятъ весьма вѣскія теоретическія и практическія соображенія.

Доводы въ пользу двухъ палатъ. Эти соображенія могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Необходимость особой защиты интересовъ высшаго дворянства, для котораго, говоря словами извѣстнаго французскаго политическаго философа—Монтескье, общая свобода была бы рабствомъ. На этомъ принципѣ построены верхнія палаты въ Англіи и въ Венгріи и отчасти въ германскихъ государствахъ. Однако это соображеніе кореннымъ образомъ расходится съ господствующими нынѣ воззрѣніями, которыя высказываются противъ какихъ бы то ни было сословныхъ преимуществъ

2) Необходимость соблюденія принципа раздѣленія властей. Принципъ этотъ, въ силу котораго каждая власть должна встрѣчать сдержку въ другой власти, почитается многими политическими мыслителями необходимымъ для правильной организаціи государственнаго строя, ибо только при немъ имѣется надлежащее обезпеченіе свободы и неприкосновенности правъ гражданъ отъ произвола со стороны того или другого органа власти. Историческій опытъ показалъ, что законодательная власть, сосредоточенная въ од-

ной палатѣ, нерѣдко бываетъ склонна къ деспотизму. Поэтому желательно подѣлить ее между двумя палатами, дабы каждая изъ нихъ сдерживала увлеченія другой.

3) Полезность второй палаты для смягченія и разрѣшенія конфликтовъ между исполнительной и законодательной властями. Въ конституціонной жизни нерѣдки разногласія и столкновенія между правительствомъ и законодательнымъ собраніемъ. Далеко не всѣ конституціи устанавливаютъ законный путь разрѣшенія такихъ столкновеній, Обыкновенно предоставляется самой жизни, реальному соотношенію силъ столкнувшихся сторонъ найти исходъ изъ создавшагося положенія. Въ виду этого представляется цѣлесообразнымъ учрежденіе второй палаты, которая могла бы служить посредникомъ между несогласными сторонами и тѣмъ самымъ способствовать разрѣшенію конфликта.

4) Желательность по возможности всесторонняго разсмотрѣнія законопроектовъ. Законы имѣютъ столь важное значеніе для страны, что подробное и всестороннее ихъ обсужденіе и разсмотрѣніе является настоятельно необходимымъ. Между тѣмъ замѣчено, что въ любомъ собраніи, а, слѣдовательно, и въ законодательной палатѣ, при продолжительной работѣ вырабатывается, несмотря на разнообразіе ея состава и наличность разныхъ партій, извѣстная корпоративная односторонность отправныхъ точекъ зрѣнія. Съ другой стороны, наблюденія надъ дѣятельностью различныхъ парламентовъ показали, что неослабный надзоръ за все осложняющимся управленіемъ министровъ отнимаетъ слишкомъ много времени у палаты и отвлекаетъ значительнѣйшую долю интереса, вниманія и энергіи членовъ ея. Такъ что чисто законодательная работа протекаетъ нерѣдко съ излишней спѣшностью, безъ достаточно глубокаго и сосредоточеннаго къ ней вниманія. Вотъ почему полезна вторая палата, которая, будучи иначе составлена, могла бы подвергать законопроекты обсужденію съ новыхъ точекъ зрѣнія и, не столь отвлекаемая вопросами текущаго управленія, удѣляла бы этому дѣлу все свое вниманіе.

5) Наконецъ въ федераціяхъ (союзныхъ государствахъ) [1])

[1]) На федеративныхъ началахъ организованы напр. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Швейцарія и Германія.

является особая нужда во второй палатѣ для защиты неприкосновенности правъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ федераціи, и поддержки ихъ равнаго вліянія на направленіе дѣятельности союзнаго государства.

§ 34. Организація верхнихъ палатъ.

Въ то время, какъ нижнія палаты повсюду состоятъ изъ народныхъ избранниковъ и отличаются по своему составу другъ отъ друга лишь по системамъ представительства, на которыхъ онѣ основаны, организація верхнихъ палатъ представляетъ значительное разнообразіе.

Пріобрѣтается званіе члена верхней палаты или по наслѣдственному праву, или по назначенію монарха, или въ силу занимаемой должности, или по выборамъ. Обыкновенно составъ верхнихъ палатъ представляетъ комбинацію этихъ различныхъ началъ.

Наслѣдственность. По преимуществу состоятъ изъ наслѣдственныхъ членовъ палата лордовъ въ Англіи и палата магнатовъ въ Венгріи, а также въ значительной части верхнія палаты большинства германскихъ государствъ и Австріи. Наслѣдственное право участія въ законодательномъ собраніи, несомнѣнно, является остаткомъ старины, пережиткомъ феодальныхъ воззрѣній. Оно не мирится съ современными взглядами на существо законодательной власти, которая должна быть направляема въ интересахъ всего государства, а не въ личныхъ интересахъ той или другой знатной фамиліи. Поэтому и участіе въ законодательномъ собраніи не должно быть передаваемо по наслѣдству, а пріобрѣтаемо въ силу признанной способности пользоваться властью въ общемъ интересѣ.

Назначеніе монархомъ. По назначенію монарха составляется итальянскій сенатъ, отчасти испанскій сенатъ, въ большей своей части прусская палата господъ и т. д. При этомъ иногда выборъ монарха ничѣмъ не ограниченъ, а въ другихъ конституціяхъ (напримѣръ, итальянской) онъ обязанъ назначать только лицъ опредѣленныхъ категорій или, какъ въ прусской, только лицъ, рекомендованныхъ опредѣленными корпораціями. Нѣкоторое видоизмѣненіе этого

начала можно усмотрѣть въ правѣ засѣдать въ верхней палатѣ въ силу занимаемой должности, ибо обыкновенно это право связано съ такими высшими должностями, назначеніе на которыя зависитъ непосредственно отъ монарха.

Выборныя палаты. Выборныя верхнія палаты имѣются во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, а также во всѣхъ федеративныхъ республикахъ Стараго и Новаго Свѣта. При этомъ всегда выборы въ верхнюю палату построены на иныхъ началахъ, нежели выборы въ нижнюю.

Это достигается или 1) тѣмъ, что выборы производятся не непосредственно избирателями, а особыми избирательными коллегіями (какъ во Франціи) или провинціальными собраніями (напримѣръ, въ Голландіи); или 2) тѣмъ, что самый составъ избирателей иной: путемъ установленія требованія болѣе зрѣлаго возраста (напримѣръ, Данія) или имущественнаго ценза (избираютъ только плательщики извѣстной суммы налоговъ, напримѣръ, въ Швеціи). Кромѣ того, обыкновенно выборы въ верхнюю палату производятся на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ въ нижнюю, и устанавливается правило частичнаго возобновленія палаты, т.-е. палата не вся сразу избирается вновь, а въ опредѣленной части, обыкновенно по третямъ или въ половинѣ.

Всѣми этими измѣненіями системы выборовъ стараются достигнуть иного состава верхней палаты сравнительно съ нижней, съ иными воззрѣніями, иными знаніями и настроеніями, дабы обезпечить возможно всестороннее и полное разсмотрѣніе законопроектовъ

§ 35. Права верхнихъ палатъ.

Обыкновенно объемъ правъ верхней палаты тотъ же, что и нижней. Безъ ея разсмотрѣнія и одобренія не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ. Она имѣетъ право законодательнаго почина, можетъ дѣлать поправки и дополненія въ законопроектахъ, поступившихъ на ея обсужденіе изъ нижней палаты или предложенныхъ правительствомъ. Равнымъ образомъ она имѣетъ право дѣлать запросы и требовать разъясненія отъ министровъ по вопросамъ текущаго управленія.

Финансовыя ограниченія. Лишь въ области финансоваго законодательства права верхней палаты въ большинствѣ конституцій ограничены. Именно, повсюду установлено правило что финансовые законопроекты, т.-е. установленіе новыхъ налоговъ или мѣры, сопряженныя съ расходованіемъ государственныхъ средствъ, а также государственная смѣта расходовъ и доходовъ (бюджетъ), должны быть вносимы сначала на разсмотрѣніе нижней палаты. Изъ этого правила вытекаетъ лишеніе верхней палаты права законодательнаго почина по финансовымъ вопросамъ. Но нѣкоторыя (наприм., прусская) конституціи (по примѣру Англіи) пошли еще дальше и запрещаютъ верхней палатѣ вносить какія-либо измѣненія въ финансовые законопроекты, такъ что ей приходится или цѣликомъ ихъ принимать или цѣликомъ отвергать. Въ 1911 г. права англійской палаты лордовъ подверглись дальнѣйшему, весьма существенному ограниченію. Нынѣ она лишена возможности парализовать твердо опредѣлившееся рѣшеніе нижней палаты: законопроектъ трижды, въ трехъ послѣдовательныхъ сессіяхъ, принятый палатой общинъ поступаетъ на утвержденіе короля непосредственно, минуя палату лордовъ.

Судъ верхнихъ палатъ. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ государствахъ (Англія, Франція) за верхней палатой признается право, котораго нѣтъ у нижней Именно въ случаяхъ особенно важныхъ государственныхъ преступленій или должностныхъ преступленій министровъ верхняя палата, по предложенію нижней, творитъ судъ. Это право, однако, не имѣетъ большого значенія. Въ Англіи оно вовсе вышло изъ употребленія [1]); во Франціи примѣняется только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. То же надо сказать и о другихъ странахъ, гдѣ имѣется подобное право у верхней палаты.

---

[1]) Вслѣдствіе совершенно своеобразной организаціи суда англійская палата лордовъ до сихъ поръ является высшей судебной инстанціей для нѣкоторыхъ разрядовъ дѣлъ.

ГЛАВА III.

Государственный Совѣтъ.

§ 36. Исторія Государственнаго Совѣта.

Высочайшимъ манифестомъ 20 февраля 1906 г. Государственному Совѣту сообщены права и характеръ законодательнаго учрежденія и возложена на него роль верхней палаты Соотвѣтственно этому новому назначенію кореннымъ образомъ были измѣнены какъ составъ Совѣта, такъ и его компетенція и порядокъ дѣлопроизводства.

Проектъ графа Сперанскаго. До этого времени Государственный Совѣтъ былъ лишь законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Онъ былъ образованъ въ 1810 г. по проекту графа Сперанскаго. Въ первоначальный планъ Сперанскаго входило, какъ выше было сказано, преобразованіе Россіи на конституціонныхъ началахъ. Въ цѣпи задуманныхъ имъ учрежденій Государственному Совѣту опредѣлялась роль совѣта при Монархѣ для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ государственнаго правленія, которые затѣмъ должны были получать окончательное рѣшеніе и исполненіе, соотвѣтственно своему характеру, или въ законодательномъ порядкѣ — чрезъ выборную Государственную Думу, или въ исполнительномъ—чрезъ Министерства, или въ судебномъ—чрезъ Сенатъ. Однако планъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ осуществленъ, и соотвѣтственно этому измѣнилось значеніе и компетенція Государственнаго Совѣта.

Измѣненіе компетенціи Государственнаго Совѣта. Онъ сдѣлался почти исключительно законосовѣщательнымъ установленіемъ. Положимъ, законъ на него возлагалъ разсмотрѣніе и важнѣйшихъ мѣръ управленія. Первоначально его разсмотрѣнію подлежали и отчеты министровъ. Однако фактически онъ этихъ обязанностей не выполнялъ, и съ теченіемъ времени онѣ и юридически (по крайней мѣрѣ разсмотрѣніе отчетовъ министровъ) были отмѣнены.

Равнымъ образомъ и судебныя дѣла, которыя первоначально подлежали въ извѣстныхъ случаяхъ его разсмотрѣ-

нію, послѣ судебной реформы въ 1864 г. въ значительной мѣрѣ отъ него отошли. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ на его сужденіе поступали судебныя дѣла изъ такъ называемыхъ старыхъ департаментовъ Сената. Для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ дѣлъ было образовано въ составѣ Совѣта особое присутствіе. (Оно осталось и донынѣ).

Совѣщательный характеръ. Такимъ образомъ компетенція Совѣта ограничивалась главнымъ образомъ обсужденіемъ законопроектовъ, а также разсмотрѣніемъ государственной росписи расходовъ и доходовъ. Рѣшительной власти Государственный Совѣтъ никогда не имѣлъ, Онъ не постановлялъ рѣшеній, а лишь высказывалъ мнѣнія. Эти мнѣнія не были обязательны для Монарха. Государь могъ не согласиться съ мнѣніемъ Совѣта, измѣнить его и даже постановить собственную резолюцію. Въ случаѣ разногласія въ средѣ Государственнаго Совѣта на усмотрѣніе Государя преподносились мнѣнія какъ большинства, такъ и меньшинства, и даже особыя мнѣнія отдѣльныхъ членовъ, и Монархъ могъ свободно останавливать свое рѣшеніе на любомъ изъ нихъ.

Порядокъ дѣлопроизводства. Всѣ законопроекты вносились на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта министрами съ соизволенія Государя. Государственный Совѣтъ по собственной иниціативѣ не могъ приступать къ разработкѣ тѣхъ или иныхъ законопроектовъ. Лишь иногда онъ давалъ министрамъ порученія разработать какой-нибудь законодательный вопросъ. Но самое осуществленіе этихъ порученій всецѣло зависѣло отъ доброй воли министровъ.

Обычный порядокъ дѣлопроизводства въ Совѣтѣ былъ таковъ: сначала дѣла разсматривались въ департаментахъ (которыхъ было въ послѣднее время четыре), а затѣмъ поступали въ общее собраніе Совѣта, если только департаменты не склоняли министровъ взять ихъ предложенія обратно. Изъ общаго собранія дѣла направлялись въ особыхъ краткихъ меморіяхъ на усмотрѣніе Государя.

Составъ Совѣта. Назначеніе членовъ Государственнаго Совѣта и ихъ ежегодное распредѣленіе по департаментамъ зависѣло отъ Государя. При назначеніи выборъ Монарха не былъ ограниченъ никакими требованіями закона. Однако составъ Совѣта до послѣдней реформы былъ всегда чрезвы-

чайно однообразенъ. Назначенія удостоивались лишь крупнѣйшіе сановники—гражданскіе и военные.

Вотъ почему, когда явилась мысль реформировать Государственный Совѣтъ въ законодательную палату, признана была необходимость пополнить его составъ избранными населеніемъ членами. Эта необходимость была высказана еще во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте, который удостоился Высочайшаго одобренія и былъ обнародованъ одновременно съ манифестомъ 17 октября 1905 г. „Весьма важно сдѣлать,—говорится тамъ,—реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой". Мысль эта была осуществлена въ новомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта, изданномъ 24 апрѣля 1906 г.

§ 37. Нынѣшняя организація Государственнаго Совѣта.

По нынѣ дѣйствующему учрежденію Государственнаго Совѣта составъ его складывается изъ двухъ разнородныхъ частей: половина его членовъ назначается Государемъ, другая половина пополняется выборами населенія.

Назначаемые члены Совѣта. Что касается назначенныхъ членовъ Совѣта, то, какъ и прежде, законъ ничѣмъ не ограничиваетъ выборъ Монарха. Но въ отличіе отъ прежняго учрежденія, новое сообщаетъ имъ большую независимость. Прежде они могли быть въ любой моментъ уволены Монархомъ. Нынѣ имъ дарована несмѣняемость, иначе говоря, они увольняются или по собственной просьбѣ или по приговору суда за совершенныя преступленія.

Выборные члены Совѣта. Выборные члены Совѣта избираются различными разрядами населенія различнымъ порядкомъ.

Такъ, Синодъ избираетъ 6 членовъ Государственнаго Совѣта: трехъ изъ монашествующаго православнаго духовенства и трехъ — отъ бѣлаго православнаго духовенства. Дворяне, приписанные къ дворянскимъ обществамъ, изби-

раютъ 18 членовъ Совѣта; университеты и Академія Наукъ избираютъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ и академиковъ 6 членовъ; представители торговли и промышленности, состоящіе членами купеческихъ управъ и разныхъ торговыхъ и биржевыхъ комитетовъ,—12 членовъ.

Всѣ эти члены Совѣта избираются на 9 лѣтъ, при чемъ ихъ составъ пополняется по третямъ.

Выборы ихъ (кромѣ членовъ отъ духовенства) установлены двухстепенные. На мѣстахъ избираются выборщики, которые съѣзжаются въ Петербургѣ и изъ своей среды избираютъ членовъ Совѣта.

Кромѣ того, въ губерніяхъ, гдѣ введено земское положеніе, губернскія земскія собранія, а, гдѣ оно не введено, особые съѣзды землевладѣльцевъ избираютъ отъ каждой губерніи по одному члену Совѣта изъ числа лицъ, обладающихъ въ предѣлахъ данной губерніи тройнымъ земскимъ цензомъ (т.-е. недвижимой собственностью, стоимостью въ среднемъ въ 45.000 руб.).

Наконецъ Польша посылаетъ 6 членовъ Совѣта, избранныхъ съѣздомъ выборщиковъ въ Варшавѣ, которые, въ свою очередь, избираются губернскими съѣздами крупныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Эти члены Совѣта отъ губерній избираются только на 3 года.

Общими требованіями для права избранія въ члены Государственнаго Совѣта, помимо неопороченности по суду, законъ выставляетъ: 1) достиженіе сорокалѣтняго возраста, 2) полученіе по крайней мѣрѣ средняго образованія и 3) русское подданство.

Разсмотрѣніе правильности выборовъ. Жалобы на неправильность произведенныхъ выборовъ должны быть направляемы въ Государственный Совѣтъ. Въ случаѣ уваженія этихъ жалобъ Совѣтъ отмѣняетъ выборы. И тогда должны состояться новые выборы. Однако подобное рѣшеніе можетъ быть принято лишь большинствомъ не менѣе $^2/_3$ присутствующихъ членовъ. Для рѣшенія же прочихъ дѣлъ требуется простое большинство (болѣе половины голосовъ).

Quorum. Для законности засѣданія требуется присутствіе не менѣе $^1/_3$ членовъ Совѣта.

Однако, если засѣданіе въ виду отсутствія законнаго состава не состоялось, министръ, внесшій дѣло на разсмотрѣніе Совѣта, можетъ требовать назначенія новаго засѣданія, которое считается законнымъ при любомъ числѣ присутствующихъ членовъ.

Публичность. Въ отличіе отъ прежняго учрежденія Государственнаго Совѣта, новое разрѣшаетъ публичность засѣданій Совѣта, т.-е. допускаетъ присутствіе постороннихъ лицъ и представителей печати, а также оглашеніе отчетовъ о засѣданіяхъ. Публичность, однако, касается лишь засѣданій общаго собранія Совѣта и не распространяется на засѣданія комиссій, которыя могутъ быть образованы въ средѣ Совѣта для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ допущеніе публичности зависитъ отъ предсѣдателя Совѣта, который можетъ объявить засѣданіе закрытымъ и тѣмъ преградить доступъ постороннимъ лицамъ. Равнымъ образомъ и общее собраніе Совѣта можетъ постановить рѣшеніе о закрытомъ засѣданіи.

Равноправіе съ Думой. Что касается предѣловъ компетенціи Совѣта и объема его правъ по отношенію къ обсужденію законопроектовъ, внесенію новыхъ законопроектовъ (право законодательнаго почина), разсмотрѣнію государственной росписи, требованію разъясненій отъ министровъ и дѣланію имъ различныхъ запросовъ, то всѣ эти права совершенно тожественны съ правами Государственной Думы, и поэтому все то, что будетъ ниже сказано по этимъ вопросамъ примѣнительно къ Думѣ, должно быть отнесено и къ Совѣту.

Этимъ равенствомъ правъ своихъ съ Государственной Думой Государственный Совѣтъ отличается отъ верхнихъ палатъ другихъ государствъ. Какъ выше указано, права верхнихъ палатъ въ области финансоваго законодательства повсюду ограничены сравнительно съ нижними палатами. Лишь въ одномъ отношеніи права Совѣта болѣе ограничены, нежели Думы. Именно въ то время, какъ предсѣдатель Думы и его товарищи избираются самою Думою изъ своей среды, предсѣдатель и вице-предсѣдатель Совѣта назначаются ежегодно Высочайшею властью и именно изъ среды членовъ Совѣта по назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ уста-

новлено, что всѣ правительственные законопроекты вносятся сначала на разсмотрѣніе Государственной Думы и отсюда уже поступаютъ въ Государственный Совѣтъ.

§ 38. Департаменты и Особыя Присутствія Государственнаго Совѣта и Государственная Канцелярія.

Судебно-административныя функціи Совѣта. Помимо законодательныхъ функцій на Государственный Совѣтъ возложено разсмотрѣніе нѣкоторыхъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Для этого въ составѣ его образованы два департамента и два особыхъ присутствія. Эти органы совершенно отличаются отъ законодательнаго собранія Государственнаго Совѣта. Они состоятъ исключительно изъ членовъ по Высочайшему назначенію и имѣютъ, какъ прежній Государственный Совѣтъ, до реформы 24 апрѣля 1906 года, лишь совѣщательный голосъ, представляя свои положенія на Высочайшее усмотрѣніе.

Преданіе суду высшихъ должностныхъ лицъ и членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Изъ дѣлъ, разсматриваемыхъ первымъ департаментомъ Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ отмѣтить дѣла объ отвѣтственности членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта за дѣянія, совершенныя ими при исполненіи или по поводу исполненія своихъ обязанностей, а также дѣла объ отвѣтственности за должностныя преступленія министровъ, намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ. Дѣла эти возбуждаются по донесеніямъ и жалобамъ, удостоеннымъ Высочайшаго уваженія. Департаментъ, разсмотрѣвъ жалобы, выслушавъ объясненія привлекаемыхъ къ отвѣтственности и произведя въ случаѣ надобности чрезъ одного изъ сенаторовъ предварительное слѣдствіе, постановляетъ или о прекращеніи дѣла, или о преданіи суду, или о наложеніи взысканія безъ суда. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, не можетъ быть примѣнена ни къ членамъ Государственнаго Совѣта, ни къ членамъ Государственной Думы Постановленія эти нуждаются въ Высочайшемъ утвержденіи. Въ случаѣ утвержденія постановле-

нія о преданіи суду дѣло разсматривается Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Кромѣ того первый департаментъ Государственнаго Совѣта разсматриваетъ судебныя и судебно-административныя дѣла, переносимыя сюда изъ Общихъ Собраній Сената въ случаѣ, если при рѣшеніи этихъ дѣлъ въ Общихъ Собраніяхъ не состоялось узаконеннаго числа голосовъ или если съ ихъ рѣшеніемъ не согласился Министръ Юстиціи.

Дѣла второго департамента На второй департаментъ возложено разсмотрѣніе по преимуществу разныхъ кассовыхъ и банковыхъ отчетовъ. Онъ разсматриваетъ также дѣла о разрѣшеніи постройки частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Особыя присутствія. Изъ особыхъ присутствій одно вѣдаетъ дѣла о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ для разныхъ государственныхъ надобностей, а другое занято предварительнымъ разсмотрѣніемъ жалобъ, приносимыхъ на Высочайшее имя на опредѣленія департаментовъ Сената

Надо еще оговорить, что изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта по Высочайшему назначенію имѣются такіе, которые носятъ лишь званіе члена Государственнаго Совѣта и не присутствуютъ ни въ законодательной его части, ни въ департаментахъ, ни въ особыхъ присутствіяхъ.

Государственная Канцелярія. При Государственномъ Совѣтѣ находится Государственная Канцелярія. Во главѣ ея стоитъ Государственный Секретарь, который по своему служебному положенію приравненъ къ министрамъ. На Государственную Канцелярію сверхъ обязанностей по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта какъ въ общемъ его собраніи, такъ и въ департаментахъ и особыхъ присутствіяхъ, возложена также разработка и изданіе свода законовъ и мѣстныхъ узаконеній Россійской Имперіи, а равно и полнаго собранія законовъ.

ГЛАВА IV.

Государственная Дума.

§ 39. Избирательное право.

Активное и пассивное избирательное право. Различаютъ активное и пассивное избирательное право. Подъ активнымъ избирательнымъ правомъ разумѣется право избирать, а подъ пассивнымъ—право быть избираемымъ въ члены представительныхъ учрежденій. Въ настоящее время условія обладанія тѣмъ и другимъ избирательнымъ правомъ обыкновенно тожественны. Но прежде избираемость была обставлена болѣе тяжелыми условіями: обыкновенно требовалось обладаніе бо̀льшимъ имущественнымъ цензомъ и болѣе солиднымъ возрастомъ. Впрочемъ, послѣднее требованіе сохранилось и понынѣ во многихъ конституціяхъ (напримѣръ, Франціи, Италіи, Австріи и т. д.). На обратной точкѣ зрѣнія стоитъ конституція Даніи, гдѣ для избираемости установленъ меньшій возрастъ (25 лѣтъ), нежели для избирателей (30 лѣтъ)

Выше было замѣчено (§ 32), что въ исторіи представительныхъ учрежденій наблюдается постоянное расширеніе избирательнаго права, пріобщеніе къ участію въ выборахъ все бо̀льшихъ круговъ населенія. Постепенно разныя ограниченія, которыми обставлялось избирательное право, отпадаютъ, и устанавливается такъ называемое всеобщее избирательное право,

Всеобщее избирательное право. Въ настоящее время всеобщее избирательное право господствуетъ во многихъ государствахъ Европы (во Франціи, Германіи, Бельгіи, Испаніи, Норвегіи, Швейцаріи, Греціи, Румыніи, Австріи и нѣкоторыхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи), и повсюду въ Америкѣ и Австраліи.

Ограниченія. Однако и при системѣ всеобщаго избирательнаго права допускаются нѣкоторыя ограниченія, именно: зависящія отъ возраста и пола

Полъ. Почти повсюду лишены избирательнаго права женщины. Только въ Новой Зеландіи, нѣкоторыхъ штатахъ

Сѣверной Америки и Австраліи и въ Финляндіи это ограниченіе отмѣнено.

Возрастъ. Всюду установлено требованіе достиженія извѣстнаго возраста. Обыкновенно этотъ возрастъ совпадаетъ съ гражданскимъ совершеннолѣтіемъ. Но есть отступленія и внизъ и вверхъ: отъ 17 лѣтъ (въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи) до 30 лѣтъ [1]) (напр., въ Даніи).

Обычно также требованіе для пользованія избирательнымъ правомъ пребыванія въ теченіе извѣстнаго времени (отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года) въ данномъ избирательномъ округѣ (такъ называемый *цензъ осѣдлости).*

Образованіе. Рѣже требуется полученіе извѣстнаго образованія. Такъ въ Португаліи требуется грамотность; у насъ для выборовъ въ Государственный Совѣтъ—окончаніе средняго образованія (такъ называемый образовательный цензъ)

Состоятельность. Гораздо чаще встрѣчается требованіе извѣстной имущественной состоятельности. Это—такъ называемый имущественный цензъ. Ставки его въ прежнее время были довольно высоки. Нынѣ онѣ значительно понижены. Онъ практикуется въ троякомъ видѣ: требуется а) или обладаніе нѣкоторымъ недвижимымъ имуществомъ (Венгрія, Саксонія и т. д.), или б) уплата извѣстной суммы прямыхъ налоговъ (Швеція, Голландія и т. д.) или в) занятіе квартиры (Англія, отчасти Португалія).

Равное избирательное право. Нѣкоторыя избирательныя системы проводятъ различіе между избирателями, ставя извѣстные разряды избирателей въ привилегированное положеніе. Это достигается двоякимъ путемъ: или 1) нѣкоторые избиратели пользуются бо̀льшимъ числомъ голосовъ сравнительно съ другими (такъ называемый множественный вотумъ или плюральное голосованіе) или 2) нѣкоторые разряды избирателей, голосуя въ особыхъ группахъ, получаютъ право избирать большее количество представителей, сравнительно съ другими группами (классовая или куріальная избирательная система).

---

[1]) У насъ для избранія въ Государственный Совѣтъ установленъ, какъ выше сказано, возрастъ въ 40 лѣтъ.

Такъ, въ Бельгіи нѣкоторые избиратели могутъ имѣть до трехъ голосовъ. Въ Пруссіи же болѣе состоятельные избиратели пользуются значительно большимъ вліяніемъ на выборахъ, нежели менѣе состоятельные.

Такими привилегіями нарушается принципъ равенства избирательнаго права, который требуетъ, чтобы всѣ избиратели имѣли равное число голосовъ и избирали одинаковое (т.-е. пропорціональное ихъ числу) количество представителей. Въ настоящее время почти всюду принято равное избирательное право.

Тайное голосованіе. Равнымъ образомъ почти повсюду введена тайная подача голосовъ вмѣсто прежде довольно распространеннаго яснаго голосованія. Предпочтеніе тайнаго голосованія объясняется тѣмъ, что только при немъ можетъ быть обезпечена независимость избирателя отъ какихъ бы то ни было вліяній.

Прямые и степенные выборы. Самые выборы представителей бываютъ или прямые или степенные. Въ первомъ случаѣ избиратели непосредственно избираютъ представителей; во второмъ они голосуютъ лишь за выборщиковъ, которые уже выбираютъ представителей.

Нынѣ почти повсюду (за исключеніемъ нѣкоторыхъ германскихъ государствъ, напримѣръ, Пруссіи) приняты прямые выборы въ нижнюю палату. Наоборотъ, члены верхнихъ палатъ избираются по преимуществу путемъ двухстепенныхъ выборовъ.

Пропорціональные выборы. Для производства выборовъ страна дѣлится на *избирательные округи.* Въ большинствѣ странъ число избирательныхъ округовъ равняется числу подлежащихъ избранію представителей, такъ что въ каждомъ округѣ избирается одинъ депутатъ. Этой системѣ, извѣстной подъ именемъ *индивидуальной или одноименной системы выборовъ*, противополагается *система выборовъ по спискамъ*, при которой каждый избирательный округъ избираетъ нѣсколькихъ депутатовъ. Каждая изъ этихъ системъ имѣетъ свои преимущества и недостатки. Только послѣдняя система (по спискамъ) допускаетъ введеніе такъ называемыхъ *пропорціональныхъ выборовъ.* Цѣль организаціи пропорціональныхъ выборовъ заключается въ стремленіи доставить

возможность и тѣмъ партіямъ, которыя не обладаютъ большинствомъ голосовъ въ округѣ, провести своихъ кандидатовъ въ числѣ, по возможности, пропорціональномъ численности партіи. Существуетъ нѣсколько различныхъ системъ пропорціональныхъ выборовъ. Всѣ онѣ отличаются значительной сложностью и весьма затрудняютъ процедуру выборовъ. Поэтому онѣ пригодны лишь для болѣе культурныхъ странъ. Въ настоящее время пропорціональные выборы введены въ Бельгіи, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и въ Финляндіи.

§ 40. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

Правила о выборахъ въ Государственную Думу установлены закономъ 3 іюня 1907 г., который измѣнилъ ранѣе дѣйствовавшіе законы 6 авг. и 11 дек. 1906 г.

Условія избирательнаго права. Правила эти устанавливаютъ слѣдующія условія обладанія избирательнымъ правомъ.

Устраняются отъ выборовъ (такъ называемыя отрицательныя условія): 1) женщины [1]); 2) не достигшіе 25-лѣтняго возраста; 3) учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; 4) опороченные по суду; 5) состоящіе подъ опекой; 6) состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; 7) нѣкоторыя должностныя лица; 8) бродячіе инородцы; 9) иностранные подданные.

Призываются къ выборамъ (положительныя условія): во-первыхъ, всѣ лица, обладающія какимъ-либо видомъ имущественнаго ценза, а именно—а) обладающія какой-либо недвижимой собственностью; б) уплачивающія промысловый налогъ (сюда относится весь торгово-промышленный классъ); в) получающія пенсію или жалованье по службѣ государственной, общественной или желѣзнодорожной; г) занимающія на свое имя отдѣльную квартиру. Во-вторыхъ, всѣ крестьяне, приписанные къ сельскимъ обществамъ. И, въ-третьихъ, рабочіе [2]), служащіе на тѣхъ заводахъ, фабрикахъ

---

[1]) Женщины, обладающія недвижимостью, могутъ уполномочивать на участіе въ выборахъ своихъ мужей и сыновей.

[2]) Только въ 38 губерніяхъ съ развитой фабрично-заводской промышленностью.

и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ которыхъ общее число рабочихъ (мужского пола) не менѣе пятидесяти.

Для избирателей въ силу имущественнаго ценза и крестьянъ установленъ цензъ осѣдлости (см. выше § 39) въ 1 годъ; для рабочихъ—въ 6 мѣсяцевъ.

Порядокъ выборовъ. Опредѣляя столь дробно разряды избирателей, законъ и самое осуществленіе избирательнаго права обставляетъ различными условіями для разныхъ разрядовъ.

Только въ крупнѣйшихъ городахъ установлены прямые выборы, прочіе избиратели не пользуются правомъ прямыхъ выборовъ, но самое количество степеней для разныхъ разрядовъ различно. Для большинства избирателей установлены двухстепенные выборы: избиратели выбираютъ выборщиковъ, которые потомъ изъ своей среды избираютъ членовъ Государственной Думы. Но для рабочихъ и для мелкихъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ [1]) установленъ порядокъ трехстепенныхъ выборовъ. Такъ, рабочіе прежде всего выбираютъ уполномоченныхъ (по расчету на 1.000 человѣкъ рабочихъ—одинъ уполномоченный), при чемъ выборы происходятъ въ каждомъ фабрично-заводскомъ предпріятіи въ отдѣльности. Эти уполномоченные на ихъ съѣздѣ (губернскомъ) изъ своей среды избираютъ выборщиковъ, которые уже въ составѣ губернскаго избирательнаго собранія (о немъ ниже) выбираютъ членовъ Государственной Думы.

Мелкіе землевладѣльцы также съѣзжаются сначала на предварительный съѣздъ для выбора уполномоченныхъ [2]), которые потомъ, совмѣстно съ крупными землевладѣльцами, на уѣздномъ съѣздѣ избираютъ выборщиковъ.

Наконецъ, для крестьянъ установлены даже четырехстепенные выборы. Всѣ крестьяне (домохозяева) на сельскомъ сходѣ избираютъ членовъ волостного схода. Каждый волостной сходъ избираетъ двухъ уполномоченныхъ, которые на особомъ

---

[1]) Не обладающихъ полнымъ избирательнымъ цензомъ, т.-е. недвижимостью, стоимостью въ среднемъ въ 15.000 рублей.

[2]) Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется числомъ полныхъ избирательныхъ цензовъ, которое приходится на общую сумму недвижимаго имущества всѣхъ лицъ, явившихся на съѣздъ.

уѣздномъ съѣздѣ избираютъ выборщиковъ для присутствованія въ губернскомъ избирательномъ собраніи и выборовъ членовъ Государственной Думы. Выборы по общему правилу происходятъ по губерніямъ; иначе говоря, каждая губернія является особымъ избирательнымъ округомъ.

Раздѣленіе избирателей на группы. Изъ изложеннаго усматривается, что законъ нашъ раздѣляетъ населеніе для производства выборовъ на различныя группы.

Такихъ группъ установлено пять: уѣздныхъ землевладѣльцевъ, два разряда городскихъ избирателей [1]), крестьянъ и рабочихъ. Каждая изъ этихъ группъ избираетъ порознь и изъ своей среды выборщиковъ на соотвѣтственныхъ особыхъ съѣздахъ.

Лишь въ окончательной стадіи выборнаго производства—въ губернскомъ избирательномъ собраніи соединяются представители всѣхъ этихъ группъ (выборщики) для совмѣстнаго избранія членовъ Государственной Думы. Губернское избирательное собраніе прежде всего избираетъ по одному члену Государственной Думы: а) изъ среды выборщиковъ отъ крестьянъ, б) изъ среды выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ, в) изъ среды выборщиковъ отъ городскихъ избирателей (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ отъ каждаго изъ разрядовъ этихъ избирателей порознь; въ другихъ одного члена Думы отъ обоихъ разрядовъ совмѣстно) и г) изъ среды выборщиковъ отъ рабочихъ (лишь въ шести губерніяхъ, съ особо развитой фабрично-заводской промышленностью). Затѣмъ оно приступаетъ къ выборамъ остального, положеннаго закономъ, числа членовъ Думы отъ данной губерніи уже изъ состава всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ. Этимъ постановленіемъ законъ стремится обезпечить особое представительство каждой группы избирателей въ составѣ Государственной Думы.

Закономъ опредѣлено для каждаго уѣзда (или губерніи) и для каждой группы особо число выборщиковъ, подлежа-

---

[1]) Эти разряды различаются размѣрами и видами имущественнаго ценза, которымъ обладаютъ избиратели: первый разрядъ образуютъ избиратели, обладающіе болѣе крупной недвижимостью или уплачивающіе въ болѣе крупныхъ размѣрахъ промысловый налогъ; во второй разрядъ входятъ остальные городскіе избиратели.

щихъ избранію на групповыхъ съѣздахъ. Въ основу установленія этихъ чиселъ легли различныя соображенія. Во всякомъ случаѣ въ нихъ отнюдь не сказывается надлежащая пропорціональность съ численностью данной группы, и слѣдовательно, нашъ законъ не настаиваетъ на соблюденіи начала равенства избирательнаго права, какъ оно выяснено въ предшествующемъ параграфѣ. Наоборотъ, въ немъ ясно сказывается стремленіе обезпечить большее вліяніе на результаты выборовъ болѣе состоятельнымъ классамъ населенія.

Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено дѣлить избирательные съѣзды землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и уполномоченныхъ отъ волостей на *отдѣленія* по національностямъ избирателей, а относительно первыхъ двухъ родовъ съѣздовъ — также по мѣстностямъ и по разрядамъ избирателей соотвѣтственно роду владѣемаго ценза. Въ этихъ случаяхъ распредѣленіе числа подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣленіями съѣздовъ дѣлается въ соотвѣтствіи съ числомъ уполномоченныхъ или избирателей или съ общей площадью земельной собственности, состоящей во владѣніи лицъ каждой національности, Это распредѣленіе по отдѣленіямъ избирателей и числа выборщиковъ можетъ въ значительной мѣрѣ вліять на результаты выборовъ.

Выборы въ большихъ городахъ. Изъ этого общаго порядка производства выборовъ въ законѣ установлены два разряда исключеній.

Во-первыхъ, крупнѣйшіе города[1]) выдѣлены въ особые избирательные округа. Здѣсь городское населеніе избираетъ, какъ выше было уже указано, непосредственно—путемъ прямыхъ выборовъ — опредѣленное въ законѣ число членовъ Государственной Думы; при чемъ число это подѣлено поровну между обоими разрядами городскихъ избирателей, и каждый разрядъ производитъ выборы отдѣльно отъ другого.

Во-вторыхъ, установлены нѣкоторыя особенности въ производствѣ выборовъ въ Сибири, Польшѣ, на Кавказѣ и въ Финляндіи.

---

[1]) Таковы Петроградъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Рига, Варшава и Лодзь.

Тайное голосованіе. На всѣхъ стадіяхъ выборнаго производства законъ требуетъ закрытой (тайной) подачи голосовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, первой стадіи крестьянскихъ выборовъ — въ волостной сходъ, а также выборовъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, установленіе порядка которыхъ законъ предоставляетъ самимъ рабочимъ даннаго предпріятія.

Избираемость. Вообще въ законѣ не установлено никакихъ различій въ условіяхъ обладанія активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Слѣдовательно, кто имѣетъ право выбирать, тотъ имѣетъ право и быть избраннымъ [1]).

Установлено лишь одно особое условіе для избираемости— знаніе русскаго языка.

Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы лишь лица, выразившія на то согласіе. Лица, занимающія на государственной службѣ какую-нибудь должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ ихъ избранія, обязаны оставить эту должность. Члены Государственной Думы избираются на 5 лѣтъ.

Обжалованіе выборовъ. Жалобы на неправильности въ производствѣ выборовъ уполномоченныхъ и выборщиковъ приносятся въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію, постановленіе которой можетъ быть обжаловано въ губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію и далѣе—въ Сенатъ по первому департаменту. Жалобы же на выборы членовъ Государственной Думы должны быть направляемы въ Государственную Думу, отъ которой зависитъ отмѣна выборовъ, если она найдетъ жалобу основательной. Постановленіе Думы объ отмѣнѣ выборовъ по неправильности ихъ требуетъ большинства въ $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ членовъ Думы [2]),

---

[1]) Есть одно исключеніе изъ этого правила; крестьяне и рабочіе, и не достигнувъ 25 лѣтъ, могутъ принимать участіе въ выборахъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и отъ фабрично-заводскихъ предпріятій. Но уполномоченные должны уже обладать возрастомъ не менѣе 25 лѣтъ.

[2]) Общее число членовъ Государственной Думы—442 чел. Въ 1910 г. къ этому числу присоединены еще 4 члена отъ населенія Великаго Княжества Финляндскаго.

§ 41. Компетенція Государственной Думы.

Компетенція Государственной Думы простирается, какъ и компетенція всякой другой законодательной палаты, на области законодательную, финансовую и административную.

Общія соображенія. Предѣлы компетенціи законодательной палаты вообще едва ли поддаются точному и прочному опредѣленію. Выше уже было сказано, насколько неопредѣленно и почти неопредѣлимо самое понятіе закона по существу, по его особеннымъ матеріальнымъ признакамъ, отличающимъ его отъ административнаго распоряженія (указа); равнымъ образомъ указано было, что области законодательной и правительственной дѣятельности тѣсно переплетаются и во многихъ отношеніяхъ совпадаютъ

Точно эти области отличаются другъ отъ друга лишь по формальнымъ признакамъ: тѣмъ особымъ порядкомъ, въ которомъ совершается, осуществляется законодательная и правительственная дѣятельность.

Конечно, есть мѣропріятія, которыя по существу своему, несомнѣнно, должны быть отнесены къ той или другой области. Изданіе гражданскаго уложенія, очевидно, должно быть сдѣлано законодательной властью, тогда какъ назначеніе того или другого должностнаго лица является необходимо актомъ правительственной власти. Но между подобными ясными по существу дѣйствіями лежитъ широкая область вопросовъ и предметовъ смѣшаннаго характера, которые могутъ быть разрѣшены и той и другой властью. Ибо если, съ одной стороны, необходимо признать за правительственной властью право устанавливать общія обязательныя для населенія нормы, то, съ другой стороны, нельзя не предоставить парламенту возможности рѣшенія чисто техническихъ вопросовъ, не касающихся ничьихъ правъ или обязанностей.

Въ виду этого представляется нецѣлесообразнымъ установленіе перечня разрядовъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію парламента. Перечень такой по необходимости былъ бы неполнымъ и ненадежнымъ: властныя требованія жизни постоянно измѣняли бы его, то расширяя, то сокращая. Ибо, въ концѣ-концовъ, опредѣленіе компетенціи парламента и

правительства зависитъ въ каждый данный моментъ отъ ихъ соглашенія или, за отсутствіемъ его, отъ соотношенія ихъ реальныхъ силъ.

Вотъ почему большинство конституцій отказалось отъ опредѣленія компетенціи парламентовъ, ограничиваясь лишь указаніемъ отдѣльныхъ предметовъ, необходимо подлежащихъ вѣдѣнію законодательной власти.

Ст. 31 Учрежденія Государственной Думы. По существу къ нимъ примыкаетъ и Учрежденіе Государственной Думы. Положимъ, въ ст. 31 учрежденія перечисляются предметы вѣдѣнія Думы. Но пункты первый и седьмой этого перечня лишаютъ его практическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, пунктъ первый относитъ къ компетенціи Думы „предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны", но въ учрежденіи не опредѣлено (да по существу это, какъ мы видѣли, и неопредѣлимо), какіе именно предметы требуютъ изданія закона. Съ другой стороны, седьмой пунктъ относитъ къ вѣдѣнію Думы „дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ", также не опредѣляя ихъ существа.

Изъятія изъ законодательной компетенціи Думы. Съ другой стороны, основные законы устанавливаютъ рядъ изъятій изъ законодательной компетенціи Думы.

Именно 1) Устройство состоящихъ въ вѣдѣніи министра Императорскаго Двора учрежденій и установленій, равно какъ порядокъ управленія ими опредѣляется непосредственно Государемъ (ст. 21 зак. осн.).

2) Учрежденіе о Императорской Фамиліи можетъ быть измѣняемо и дополняемо только лично Государемъ въ порядкѣ, имъ указанномъ, если эти измѣненія не касаются общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны (ст. 125 осн. зак.).

3) Постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенія и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морскаго вѣдомства, по разсмотрѣніи военнымъ или адмиралтействъ-совѣтами, представляются непосредственно Государю, если только

эти постановленія не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны (ст. 96 осн. зак.).

4) Постановленія по военно-судебной и военно-морской судебнымъ частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій (ст. 97 осн. зак.).

Финансовая компетенція Думы. Точно въ законѣ указаны предѣлы компетенціи Думы въ финансовой области.

А именно, на разсмотрѣніе Думы вносятся: 1) Государственная роспись доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій, а также предположенія о сверхсмѣтныхъ ассигнованіяхъ. 2) Отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи. 3) Дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, которыя требуютъ Высочайшаго соизволенія. 4) Дѣла о разрѣшеніи государственныхъ займовъ. 5) Смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о повышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго земскими собраніями и городскими думами.

Административная компетенція Думы. Къ области административной компетенціи Думы относятся дѣла о постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и дѣла объ учрежденіи акціонерныхъ компаній, когда ими испрашиваются какія-нибудь изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ. Наконецъ, къ этой же области относится право контроля Думы надъ законом**ѣ**рностью всего текущаго управленія, осуществляемое ею путемъ запросовъ министрамъ.

Къ компетенціи Думы принадлежитъ также разсмотрѣніе правильности выборовъ членовъ Думы и изданіе наказа Думы, т.-е. правилъ ея внутренняго распорядка, при чемъ эти дѣла Дума рѣшаетъ окончательно: они не нуждаются въ послѣдующемъ разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ и не требуютъ Высочайшаго утвержденія.

§ 42. Права Государственной Думы[1]).

Права Государственной Думы имѣютъ отношеніе или къ внутренней организаціи Думы или къ выполненію возложенныхъ на нее функцій.

I. *Организаціонныя права Думы.* Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть слѣдующія права:

1) Дума сама рѣшаетъ вопросы о правильности избранія своего состава. Она разсматриваетъ жалобы на неправильности, допущенныя во время производства выборовъ, и утверждаетъ или отмѣняетъ выборы.

2) Она избираетъ изъ своей среды на 1 годъ предсѣдателя, который долженъ наблюдать за порядкомъ преній, и двухъ товарищей предсѣдателя, исполняющихъ его обязанности въ случаѣ его отсутствія, и на 5 лѣтъ секретаря (и его товарищей), которому поручается завѣдываніе канцеляріей Думы.

3) Она образуетъ изъ своей среды по своему усмотрѣнію отдѣлы и комиссіи для предварительной разработки подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ.

4) Она вырабатываетъ свой наказъ, т.-е. опредѣляетъ правила своего внутренняго распорядка. Наказъ въ развитіе положеній Учрежденія Государственной Думы устанавливаетъ формы и условія ея дѣятельности.

Въ предѣлахъ осуществленія перечисленныхъ правъ рѣшенія Думы окончательны. Они не поступаютъ на пересмотръ Государственнаго Совѣта и не восходятъ на утвержденіе Монарха.

Всѣ указанныя права составляютъ обычную принадлежность каждой законодательной палаты. Лишь провѣрка правильности производства выборовъ въ члены палаты въ нѣкоторыхъ государствахъ (Англія, Австрія) отнесена къ вѣдѣнію особаго суда.

Больше особенностей сравнительно съ правами другихъ парламентовъ представляютъ права Государственной Думы

---

[1]) Выше было сказано, что Государственный Совѣтъ обладаетъ равными съ Думою правами, поэтому изложенное въ этой главѣ относится и къ Государственному Совѣту, за исключеніемъ п. 2, отд. I.

по отношенію къ осуществленію возложенныхъ на нее функцій.

Права эти можно расположить соотвѣтственно различнымъ областямъ компетенціи Думы.

II. *Законодательныя права Думы.* Въ области законодательной Дума имѣетъ слѣдующія права:

A. Она можетъ вносить поправки (измѣненія и дополненія) въ разсматриваемые ею законопроекты, а равно и отвергать ихъ.

Правомъ внесенія на разсмотрѣніе Государственной Думы и Совѣта законопроектовъ (правомъ законодательнаго почина) обладаютъ слѣдующія лица: a) Государь императоръ; b) министры и главноуправляющіе (съ соизволенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Государя Императора); c) члены Государственнаго Совѣта и d) члены Государственной Думы. По отношенію ко всѣмъ этимъ законопроектамъ права Думы одинаковы: она всѣ ихъ въ правѣ измѣнять, дополнять и отвергать.

Право поправокъ. Право поправокъ, равно какъ и право отверженія, само собою вытекаетъ изъ права разсмотрѣнія законопроектовъ. Поэтому ни въ одной конституціи оно особо не упоминается, какъ само собою разумѣющееся. Наоборотъ, ограниченія этого права должны быть непремѣнно оговорены. И такія ограниченія встрѣчались въ нѣкоторыхъ прежнихъ конституціяхъ (именно въ такихъ, которыя не признавали за палатами права законодательнаго почина) Они въ настоящее время всѣ исчезли. Право поправокъ признается за всѣми законодательными палатами, лишь съ однимъ исключеніемъ: обыкновенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ верхняя палата — невыборная (цѣликомъ или въ большей своей части), она не имѣетъ права вносить поправки въ финансовые законопроекты и въ государственную роспись доходовъ и расходовъ. Учрежденіе Государственнаго Совѣта подобныхъ ограниченій не устанавливаетъ.

Осуществленіе права поправокъ. Предложить любую поправку имѣетъ право каждый изъ членовъ Думы. Обыкновенно законодательныя палаты обставляютъ самое пользованіе правомъ поправокъ нѣкоторыми ограничительными условіями. Въ конституціяхъ этихъ условій нѣтъ, но они

вводятся наказами (регламентами) палатъ. Именно, обыкновенно выставляется требованіе поддержки вносимой поправки извѣстнымъ количествомъ членовъ палаты, особенно если поправка вносится при второмъ или третьемъ чтеніи (разсмотрѣніи) законопроекта.

Б. *Право законодательнаго почина.* Государственная Дума можетъ возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 32 учрежденія Государственной Думы; ст. 43 учрежденія Государственнаго Совѣта), т.-е. имѣетъ право законодательнаго почина (иниціативы).

Обладаніе правомъ законодательнаго почина имѣетъ существенно важное значеніе для законодательной палаты. Только при немъ она получаетъ возможность во всей полнотѣ вліять на развитіе законодательства. Иначе дѣятельность ея находится всецѣло въ зависимости отъ органовъ, имѣющихъ право почина (обыкновенно отъ правительства), и при бездѣятельности ихъ или при ихъ недостаточно энергичной или умѣлой дѣятельности палата является безсильной пополнить пробѣлы законодательства.

Помимо непосредственныхъ вредныхъ послѣдствій такого порядка для страны, законодательство которой при этомъ обыкновенно отличается значительною отсталостью, имѣется еще косвенный вредъ, заключающійся въ томъ, что палата путемъ поправокъ къ внесенному правительствомъ законопроекту стремится возмѣстить отсутствующее право почина, что нерѣдко влечетъ за собою нарушеніе не только цѣльности и стройности законопроекта, но и самаго его смысла Поэтому нынѣ повсюду законодательныя палаты имѣютъ право почина. Въ прежнихъ же конституціяхъ на ряду съ отрицаніемъ этого права нерѣдко встрѣчалось и существенное его ограниченіе, именно за палатами не признавалась такъ называемая учредительная иниціатива.

Учредительная иниціатива. Такъ называется право предлагать измѣненія или полный пересмотръ конституціи. Эти ограниченія особенно были распространены въ конституціяхъ нѣмецкихъ государствъ первой половины XIX в. Послѣ 1848 г. они отпали.

Русскіе основные законы вводятъ именно это послѣднее ограниченіе. Починъ Думы и Совѣта не можетъ простираться на основные законы, пересмотръ которыхъ зависитъ исключительно отъ иниціативы Императора. Законъ 1910 г. о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія внесъ еще одно ограниченіе объема думской иниціативы: проекты этихъ законовъ вносятся, какъ выше указано, также лишь по почину Государя Императора.

Условія осуществленія права почина Самое пользованіе правомъ почина Государственной Думы обставлено рядомъ условій.

Прежде всего предложенія новыхъ законопроектовъ должны быть облечены въ письменную форму. Къ нимъ долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго закона и объяснительная записка. Предложенія эти должны быть подписаны не менѣе, чѣмъ тридцатью членами Думы.

Условія относительно письменной формы и поддержки предложенія извѣстнымъ числомъ членовъ палаты обычны и въ другихъ государствахъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что они обыкновенно введены не конституціей страны, а регламентами палатъ и, слѣдовательно, ихъ измѣненіе зависитъ исключительно отъ воли той или другой палаты. Но нигдѣ не встрѣчается ограниченія права почина членовъ палаты требованіемъ представленія лишь *основныхъ* положеній предлагаемаго закона, какъ это сдѣлано въ Россіи. Обыкновенно въ другихъ странахъ предоставляется членамъ парламента облечь свой починъ въ форму вполнѣ разработаннаго законопроекта или въ форму простого предложенія о желательности законодательной нормировки извѣстнаго вопроса (такъ называемая моція).

У насъ разрѣшена закономъ лишь вторая форма. И это влечетъ за собой обязательность слѣдующаго порядка обсужденія законодательныхъ предложеній членовъ Думы.

Если Дума раздѣлитъ соображенія внесшихъ предложеніе о желательности новаго закона, то поручаетъ министрамъ или главноуправляющимъ разработать соотвѣтствующій законопроектъ. Въ случаѣ отказа министровъ отъ исполненія

такого порученія Дума образуетъ изъ своей среды комиссію для выработки законопроекта.

Осуществленіе права почина Думы обставлено въ законѣ (и на этотъ разъ — въ основныхъ законахъ, ст. 112), еще однимъ ограниченіемъ. Законопроекты, возникшіе по почину Думы или Совѣта и не удостоившіеся Высочайшаго утвержденія, не могутъ быть вновь внесены на законодательное разсмотрѣніе въ теченіе той же сессіи. Если же они были отвергнуты Совѣтомъ или Думой, то внесеніе ихъ на новое разсмотрѣніе въ теченіе той же сессіи можетъ послѣдовать лишь съ Высочайшаго повелѣнія.

III. *Финансовыя права Думы.* Въ области финансовой Думѣ принадлежитъ чрезвычайно важное право разсмотрѣнія государственной росписи расходовъ и доходовъ.

Государственная роспись. Государственная роспись или смѣта предстоящихъ въ теченіе смѣтнаго (бюджетнаго) періода[1]) расходовъ и предполагаемыхъ для покрытія ихъ доходовъ является необходимымъ условіемъ веденія государственнаго хозяйства. Въ росписи предначертывается планъ всей предстоящей государственной дѣятельности и опредѣляются источники необходимыхъ для ея осуществленія средствъ.

Составленіе государственной росписи. Составленіе росписи начинается въ отдѣльныхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, изъ которыхъ каждое вырабатываетъ свою смѣту. Проекты этихъ частныхъ смѣтъ посылаются одновременно въ Государственный Совѣтъ и Государственную Думу, а также — министру финансовъ и государственному контролеру. На основаніи этихъ смѣтъ министръ финансовъ составляетъ проектъ общей росписи. Прежде проектъ росписи, выработанный министромъ финансовъ, непосредственно поступалъ въ Государственный Совѣтъ, при чемъ Государственному Совѣту, въ лицѣ департамента государственной экономіи, приходилось не только разсматривать роспись, но и приводить къ соглашенію взгляды отдѣльныхъ министровъ на разныя части росписи, такъ какъ дѣятельность мини-

[1]) Почти во всѣхъ государствахъ, равно какъ и въ Россіи, бюджетный періодъ установленъ въ 1 годъ. Лишь въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ онъ продолжительнѣе (2—4 года).

стровъ не была объединена. Нынѣ роль объединителя взглядовъ и дѣйствій отдѣльныхъ министровъ, по отношенію ко всему направленію ихъ дѣятельности, возложена Высочайшимъ указомъ 19 октября 1905 г. на Совѣтъ Министровъ, въ которомъ должны быть предварительно обсуждены всѣ предметы, подлежащіе внесенію на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ и проектъ государственной росписи долженъ быть сначала разсмотрѣнъ въ Совѣтѣ Министровъ и лишь затѣмъ препровожденъ, не позднѣе 1 октября предшествующаго смѣтному года, одновременно въ Государственный Совѣтъ и Государственную Думу.

Права Думы при разсмотрѣніи росписи. При разсмотрѣніи росписи Государственная Дума пользуется тѣми же правами, какъ и при разсмотрѣніи законопроектовъ: она можетъ вносить въ отдѣльныя части росписи измѣненія и дополненія; можетъ отказать въ испрашиваемомъ кредитѣ на тотъ или другой предметъ; можетъ, наконецъ, отвергнуть весь проектъ росписи. Эти права, однако, ограничены слѣдующими постановленіями:

а) Назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ принятымъ на себя Россіей обязательствамъ не подлежатъ исключенію или сокращенію (ст. 114 зак. осн.)

б) Кредиты на расходы Министерства Императорскаго Двора вмѣстѣ съ состоящими въ его вѣдѣніи учрежденіями, въ суммахъ, не превышающихъ ассигнованій по государственной росписи на 1906 г., не подлежатъ обсужденію Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Равнымъ образомъ не подлежатъ ихъ обсужденію такія измѣненія этихъ кредитовъ, которыя обусловливаются постановленіями Учрежденія о Императорской Фамиліи, соотвѣтственно происшедшимъ въ ней перемѣнамъ (ст. 115 осн. зак.)

в) Суммы на расходы Собственной Его Величества канцеляріи и канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности, подлежатъ обсужденію въ такихъ лишь частяхъ, въ коихъ суммы эти испрашиваются съ превышеніемъ противъ назначеній росписи 1906 г. (Ук. 8 марта 1906 г., ст. 5).

г) При обсужденіи проекта росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ или Высочайшихъ повелѣній (ук. 8 марта 1906 г. ст. 8). Измѣненіе этихъ суммъ такимъ образомъ зависитъ отъ предварительнаго измѣненія въ законодательномъ порядкѣ соотвѣтствующихъ законовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ государственная роспись необходимо нужна для безостановочнаго хода государственной дѣятельности, то въ законѣ, съ одной стороны, предписаны мѣры къ тому, чтобъ она была во-время утверждена, а съ другой стороны предусмотрѣны мѣры на случай, если она не будетъ утверждена къ началу новаго смѣтнаго года.

Мѣры для своевременнаго утвержденія росписи. Такъ, законъ предписываетъ, чтобы роспись была окончена разсмотрѣніемъ въ Думѣ къ 1 декабря предшествующаго смѣтнаго года и для этого обязываетъ министра финансовъ представить проектъ росписи въ Государственный Совѣтъ и Государственную Думу къ 1 октября. Кромѣ того, такъ какъ утвержденіе росписи можетъ задержаться вслѣдствіе разногласій по поводу отдѣльныхъ кредитовъ между Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, то намѣченъ особый путь соглашенія между этими учрежденіями. Вопросъ, вызвавшій разногласіе, переносится на обсужденіе особой комиссіи, составленной изъ равнаго числа членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, которая свое согласительное предложеніе вноситъ на разсмотрѣніе Думы. Если и послѣ этого соглашеніе не будетъ достигнуто, кредитъ, вызвавшій разномысліе, вносится въ роспись въ цифрѣ назначенія послѣдней, установленнымъ порядкомъ утвержденной росписи. Если, однако, оба установленія согласны увеличить или уменьшить назначеніе, и разномысліе между ними сводится лишь къ цифрѣ его увеличенія или уменьшенія, то принимается цифра, ближайшая къ назначенію послѣдней росписи (см, правила о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи, Высочайше утвержденныя 8 марта 1906 г., ст. 11 и 12).

Послѣдствія несвоевременнаго утвержденія росписи. Если, несмотря на эти мѣропріятія, государственная роспись не бу-

детъ утверждена къ началу смѣтнаго года, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній, при чемъ до утвержденія новой росписи кредиты открываются по постановленію Совѣта Министровъ, въ размѣрахъ дѣйствительной потребности, но въ ихъ совокупности не превышающіе въ мѣсяцъ одной двѣнадцатой общаго по росписи итога расходовъ (ст. 116 осн. зак.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если для покрытія расходовъ, предусмотрѣнныхъ этою временно дѣйствующей прежней росписью, требуются государственные займы, то они разрѣшаются Государемъ Императоромъ въ порядкѣ верховнаго управленія (ст. 118 осн. зак.) [1]).

Помимо разсмотрѣнія государственой росписи, въ компетенцію Думы входитъ разсмотрѣніе отчета государственнаго контролера по исполненію предшествующей государственной росписи.

Право разсмотрѣнія росписи и отчета государственнаго контроля сообщаетъ Государственной Думѣ весьма важное значеніе. Опредѣляя при обсужденіи росписи цѣли и задачи государственной дѣятельности, устанавливая источники и размѣры государственныхъ доходовъ и провѣряя правильность расходованія государственныхъ средствъ, Дума получаетъ возможность осуществлять высшее руководительство всѣмъ направленіемъ государственной дѣятельности и высшій надзоръ за государственнымъ хозяйствомъ.

IV. Административныя Права Думы. Надзоръ же за текущимъ управленіемъ Дума осуществляетъ, возбуждая вопросы объ отвѣтственности министровъ за незакономѣрность дѣйствій какъ ихъ лично, такъ и подвѣдомственныхъ ихъ лицъ и установленій

Надзоръ за текущимъ управленіемъ. Это право надзора за текущимъ управленіемъ имѣется у всѣхъ парламентовъ.

---

[1]) Нормальный порядокъ требуетъ разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ займахъ въ Государственной Думѣ и Совѣтѣ. Соображеніе времени и условій ихъ совершенія возложено на особый Комитетъ Финансовъ, сужденія котораго нуждаются въ Высочайшемъ утвержденіи,

Но предѣлы его различны и зависятъ отъ предѣловъ отвѣтственности предъ парламентомъ министровъ.

Различаютъ двоякаго рода отвѣтственность министровъ: юридическую и политическую.

Отвѣтственность министровъ. При юридической отвѣтственности министры отвѣчаютъ за нарушеніе предписаній закона и отступленія отъ требованій служебнаго долга. Въ случаѣ подтвержденія этихъ обвиненій открывается путь судебнаго преслѣдованія и наказанія (уголовная отвѣтственность) или взысканія убытковъ, причиненныхъ незаконными дѣйствіями министровъ (гражданская отвѣтственность).

При политической отвѣтственности они отвѣчаютъ предъ парламентомъ за самое направленіе ихъ политики, за полезность, своевременность и воообще цѣлесообразность ихъ распоряженій. Результатомъ отвѣтственности въ этихъ случаяхъ является обыкновенно отставка министровъ.

Почти во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ признана уголовная отвѣтственность министровъ. Въ странахъ же съ парламентарной формой правленія (см. выше § 30), напримѣръ, въ Англіи, Франціи, Бельгіи и т. д., установлена на ряду съ ней и политическая отвѣтственность.

Въ Россіи политическая отвѣтственность министровъ установлена только предъ Государемъ Императоромъ. Въ силу ст. 123 зак. осн. министры отвѣчаютъ передъ Монархомъ за общій ходъ государственнаго управленія и каждый изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ за свои дѣйствія и распоряженія. Что касается юридической отвѣтственности министровъ, то по ст. 124 осн. зак. они „подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ“. Главнѣйшимъ изъ этихъ основаній является то правило, что самое привлеченіе къ судебной отвѣтственности министровъ, а равно преданіе ихъ суду можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Однако еще въ манифестѣ 17 октября 1905 года была признана необходимость обезпечить выборнымъ отъ народа возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Монарха властей. И соотвѣтственно этому основные законы (ст. 108) предо-

ставили Государственному Совѣту и Государственной Думѣ обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незаконом*ѣ*рными.

Право запросовъ. Запросъ долженъ быть предъявленъ въ письменной формѣ и снабженъ подписями не менѣе, чѣмъ тридцати членовъ Думы. Если Дума приняла запросъ, то министръ, къ которому обращенъ запросъ, обязанъ дать не позднѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, требуемыя разъясненія или объяснить причины, почему онъ лишенъ возможности это сдѣлать. Если Дума большинствомъ $^2/_3$ ея членовъ не удовлетворится объясненіемъ министра, то дѣло представляется предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благоволеніе (стт. 58—60 учрежденія Государственной Думы; стт. 57—59 учрежденія Государственнаго Совѣта). Далѣе, по усмотрѣнію Государя, можетъ открыться путь привлеченія министровъ къ суду (дисциплинарному или уголовному) черезъ первый департаментъ Государственнаго Совѣта.

Помимо запросовъ о незаконом*ѣ*рности, Дума имѣетъ право обращаться къ министрамъ за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Но министры въ правѣ отказаться отъ сообщенія Думѣ разъясненій по такимъ предметамъ, которые, по соображеніямъ государственнаго порядка, не подлежатъ оглашенію (ст. 40 учрежденія Государственной Думы; ст. 36 учрежденія Государственнаго Совѣта).

Западные парламентскіе порядки знаютъ также двѣ формы обращенія къ министрамъ за разъясненіями: вопросъ и интерпелляцію. Вопросъ имѣетъ цѣлью простое освѣдомленіе палаты о томъ или другомъ предметѣ, входящемъ въ вѣдѣніе министра. Вопросъ можетъ быть предъявленъ устно любымъ членомъ палаты. Министръ въ правѣ на него не отвѣчать. Интерпелляція же требуетъ разъясненія дѣйствій министра и имѣетъ цѣлью ихъ критику. Она облекается въ письменную форму и должна быть поддержана обыкновенно извѣстнымъ числомъ членовъ палаты. Министръ обязанъ на нее отвѣчать въ опредѣленный срокъ.

§ 43. Положеніе Членовъ Государственной Думы.

Иммунитетъ народныхъ представителей Для правильнаго отправленія своихъ обязанностей члены парламента нуждаются прежде всего въ независимости отъ правительства. Призванные отстаивать народные интересы, они должны имѣть возможность высказывать свои сужденія со всею откровенностью, не опасаясь какихъ-либо преслѣдованій за свою дѣятельность въ парламентѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ должна быть обезпечена возможность бозпрепятственно совершать эту дѣятельность, не подвергаясь личному задержанію или вообще какимъ-либо стѣсненіямъ свободы. Совокупность правъ, которыми обладаютъ депутаты для охраны своей независимости, извѣстна подъ именемъ иммунитета народныхъ представителей. Иммунитетъ заключается въ безотвѣтственности и неприкосновенности депутатовъ. Подъ безотвѣтственностью разумѣется свобода отъ привлеченія къ суду за рѣчи и голосованія въ парламентъ. По общему правилу взысканія на депутата за проступки, совершенные имъ при исполненіи своихъ обязанностей, могутъ быть наложены только самой палатой, членомъ которой онъ состоитъ. Неприкосновенность же состоитъ въ томъ, что депутатъ можетъ быть подвергнутъ аресту и вообще стѣсненію своей личной свободы лишь съ разрѣшенія палаты, къ которой онъ принадлежитъ. Изъ этого правила дѣлается обычно лишь то исключеніе, что допускается арестъ депутата въ случаѣ захвата его на мѣстѣ преступленія.

Русское законодательство. Учрежденіе Государственной Думы въ ст. 14 постановляетъ: „Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы“... Вмѣстѣ съ тѣмъ однако ст. 22 того же учрежденія гласитъ: „Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ чиновъ государственнаго

управленія“ [1]). При сопоставленіи этихъ двухъ статей необходимо придти къ выводу, что члены Государственной Думы несутъ отвѣтственность лишь за такіе должностные преступленія и проступки, которые выходятъ за предѣлы пользованія „полной свободы сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы“. Таково напр. взяточничество.

Что касается до непрпкосновенности членовъ Государственной Думы, то она состоитъ прежде всего въ томъ, что члены Думы не могутъ быть подвергнуты лишенію или ограниченію свободы (арестъ, подписка о невыѣздѣ) по распоряженію администраціи, а равно не подлежатъ личному задержанію за долги (ст. 15 учр. Гос. Думы); во-вторыхъ въ томъ, что члены Думы во время ея сессіи могутъ быть арестованы по распоряженію судебной власти лишь съ разрѣшенія Думы за исключеніемъ случая задержанія при самомъ совершеніи преступленія или на слѣдующій день, а также въ случаѣ привлеченія за должностныя преступленія, предусмотрѣнныя выше приведенной ст. 22 (ст. 16 учр. Гос. Думы) [2]).

Несовмѣстимость званія депутата съ занятіемъ государственныхъ должностей. Стремясь охранить независимость депутатовъ отъ правительства, большинство конституцій запрещаютъ имъ занимать оплачиваемыя государственныя должности. Это запрещеніе однако обыкновенно не распространяется на членовъ верхнихъ палатъ и не относится къ министерскимъ должностямъ.

У насъ, какъ выше уже указано, лица, занимающія на государственной службѣ какую-либо должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ ихъ избранія въ члены Государственной Думы, обязаны отказаться отъ этой должности. Равнымъ образомъ, если членъ Государственной Думы получаетъ назначеніе по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, то онъ выбываетъ изъ ея состава. Эти требованія однако не касаются долж-

[1]) Порядокъ этотъ изображенъ выше въ § 38 при изложеніи компетенціи Перваго Департамента Государственнаго Совѣта.

[2]) Эти постановленія относятся и къ членамъ Государственнаго Совѣта по выборамъ.

ностей министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями.

Независимость отъ избирателей. На ряду съ независимостью отъ правительства конституціи стремятся обезпечить независимость членовъ парламента и отъ ихъ избирателей. Поэтому онѣ запрещаютъ избирателямъ связывать депутатовъ какими-либо обязательными инструкціями или наказами (такъ называемый императивный мандатъ) или объявляютъ такія инструкціи недѣйствительными. Обычнымъ мотивомъ этихъ запрещеній служитъ указаніе на то, что каждый депутатъ является представителемъ не только своего избирательнаго округа, но всей страны, и долженъ защищать интересы всего народа.

Наше законодательство стоитъ на такой же точкѣ зрѣнія. Полная свобода сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Государственной Думы, которую устанавливаетъ для членовъ Думы ст. 14 учр. Гос. Думы, несовмѣстима съ какими-либо обязательными наказами со стороны избирателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же ст. 14 постановляетъ, что члены Думы не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями[1]). Однако безусловная независимость депутатовъ относительно избирателей достигнута быть не можетъ, такъ какъ ихъ переизбраніе, по истеченіи срока ихъ полномочій, зависитъ отъ тѣхъ же избирателей. Эта форма зависимости, разумѣется, тѣмъ ощутительнѣй, чѣмъ короче срокъ полномочій депутатовъ. Въ нѣкоторыхъ демократическихъ странахъ онъ очень коротокъ. Такъ въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи члены представительныхъ собраній избираются только на одинъ годъ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—на два года. Въ большихъ европейскихъ государствахъ срокъ этотъ—длиннѣе. Такъ во Франціи члены нижней палаты избираются на 4 года; въ Англіи, Германіи и Австріи—на 5 лѣтъ. Равнымъ образомъ

[1]) Это постановленіе относится и къ членамъ Государственнаго Совѣта по выборамъ.

и въ Россіи члены Государственной Думы избираются на 5 лѣтъ [1]).

Въ старой Англіи зависимость депутатовъ отъ избирателей укрѣплялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что избиратели уплачивали своимъ представителямъ за ихъ службу въ парламентѣ особое вознагражденіе. Такая практика давно вышла изъ обихода. Нынѣ депутаты или вовсе не получаютъ вознагражденія (въ очень немногихъ странахъ) или получаютъ его отъ государства. Послѣдній порядокъ предпочтителенъ, ибо даетъ возможность служить въ парламентѣ и людямъ небогатымъ, и тѣмъ самымъ расширяетъ выборъ избирателей. У насъ члены Государственной Думы получаютъ изъ казны по 350 руб. въ мѣсяцъ, выборные члены Государственнаго Совѣта по 25 руб. за каждый день сессіи [2]).

ГЛАВА V.

Органы верховнаго управленія.

§ 44. Общій характеръ органовъ верховнаго управленія.

Отличіе органовъ верховнаго управленія отъ органовъ управленія подчиненнаго. Власть законодательную Государь Императоръ осуществляетъ въ единеніи, какъ выражается законъ, т.-е. при соучастіи Государственнаго Совѣта и Государственной Думы въ вышеизложенномъ порядкѣ.

Власть же управленія „во всемъ его объемѣ“, по выраженію основныхъ законовъ (ст. 10), принадлежитъ Государю.

Слова эти означаютъ, что въ области управленія власть Императора не связана властнымъ соучастіемъ другихъ органовъ, какъ въ области законодательства,—что во всѣхъ

---

[1]) Срокъ этотъ можетъ быть пресѣченъ, какъ выше указано, Высочайшимъ указомъ о роспускѣ Государственной Думы. Кромѣ того членъ Думы (а равно и членъ Гос. Совѣта по выборамъ) до срока утрачиваетъ свои полномочія въ случаѣ наступленія условій, которыя препятствуютъ самому избранію въ Гос. Думу,—какъ то: банкротства, судимости, лишенія ценза утраты русскаго подданства и т. д.

[2]) Члены Гос. Совѣта по назначенію, какъ лица, состоящія на государственной службѣ, получаютъ опредѣленное по штатамъ жалованье.

вопросахъ управленія Ему принадлежитъ высшее руководительство и право окончательнаго и притомъ самостоятельнаго рѣшенія. Но для осуществленія этой власти Онъ нуждается въ содѣйствіи различныхъ органовъ.

Наши законы различаютъ управленіе верховное отъ управленія подчиненнаго.

Существо этого различія (см. выше, 9 стр.) состоитъ въ томъ, что верховное управленіе имѣетъ характеръ творческой самостоятельной дѣятельности, только въ формахъ и предѣлахъ своихъ ограниченной закономъ, и заключается по преимуществу въ установленіи общихъ нормъ и руководящихъ началъ, тогда какъ управленіе подчиненное есть по существу своему дѣятельность подзаконная, заключающаяся по преимуществу въ исполненіи законовъ и предначертаній верховной власти.

Соотвѣтственно этому различію опредѣляется различіе устройства и задачъ органовъ верховнаго и подчиненнаго управленій.

Законъ говоритъ, что въ управленіи верховномъ Монархъ дѣйствуетъ непосредственно, т.-е. Онъ лично, и притомъ исключительно Онъ постановляетъ окончательныя рѣшенія вопросовъ, входящихъ въ область верховнаго управленія, тогда какъ въ управленіи подчиненномъ извѣстная степень власти ввѣряется отъ Него, согласно закону, нѣкоторымъ лицамъ и установленіямъ.

Въ виду непосредственной дѣятельности Монарха въ области верховнаго управленія, органы, содѣйствующіе Ему здѣсь, несутъ обязанности или чисто исполнительныя или совѣщательныя.

Исполнительные органы. Исполнительные органы призваны приводить въ исполненіе распоряженія Монарха. Сюда относятся канцелярія и дворъ. Въ зависимости отъ широты круга непосредственной дѣятельности Монарха учрежденія эти могутъ имѣть большее или меньшее развитіе. Въ Россіи въ разныя царствованія личная канцелярія Императора то разросталась, то сокращалась.

Въ настоящее время она распадается на слѣдующія учрежденія. Собственная Его Императорскаго Величества канцелярія (личная канцелярія въ тѣсномъ смыслѣ), съ со-

стоящими при ней комитетомъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ и комитетомъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ; затѣмъ канцелярія по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и канцелярія по учрежденіямъ вѣдомства Императрицы Маріи. Кромѣ того, къ исполнительнымъ органамъ верховнаго управленія должны быть причислены Императорская главная квартира, имѣющая значеніе въ особенности во время путешествій Императора по исполненію разныхъ Его порученій, и Министерство Императорскаго Двора.

Совѣщательные органы. Совѣщательные органы имѣютъ назначеніемъ содѣйствовать Монарху въ принятіи рѣшеній по различнымъ вопросамъ верховнаго управленія. Соотвѣтственно разнообразію отраслей этого управленія, имѣются различные совѣщательные органы для разныхъ категорій дѣлъ.

По вопросамъ общаго управленія такимъ органомъ является Совѣтъ Министровъ; по дѣламъ военнаго управленія—Военный Совѣтъ; по дѣламъ морского вѣдомства—Адмиралтействъ-Совѣтъ; по вопросамъ о развитіи вооруженныхъ силъ имперіи и объединеніи дѣятельности высшаго военнаго и морского управленій — Совѣтъ Государственной Обороны; по вопросамъ финансовой политики и совершенія государственныхъ займовъ — Комитетъ Финансовъ, по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи (призрѣніе и воспитаніе)—Опекунскій Совѣтъ.

Всѣ эти совѣты имѣютъ одинаковую въ основныхъ чертахъ организацію. Они состоятъ изъ членовъ по Высочайшему назначенію. Кромѣ того, въ ихъ составъ входятъ, въ силу занимаемой должности, нѣкоторые министры (соотвѣтственно ихъ компетенціи). Государь назначаетъ предсѣдателя совѣта, который участвуетъ въ засѣданіи на правахъ члена, если Государь лично предсѣдательствуетъ. Совѣты лишены рѣшающей власти. Они представляютъ свои мнѣнія на усмотрѣніе Императора, который можетъ утвердить мнѣнія какъ большинства, такъ и меньшинства, а равно постановить Собственную резолюцію.

Совѣтъ Министровъ. Изъ всѣхъ этихъ совѣтовъ наиболѣе значеніе и вліяніе имѣетъ Совѣтъ Министровъ.

Его компетенція шире всѣхъ другихъ совѣтовъ. Кромѣ того, онъ является не только совѣщательнымъ органомъ, но обладаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ рѣшительной властью. Этотъ двойственный его характеръ объясняется его составомъ: всѣ его члены—министры, а министерская дѣятельность также носитъ двоякій характеръ. Министры являются связующимъ звеномъ между верховнымъ и подчиненнымъ управленіемъ. Каждый изъ нихъ, съ одной стороны, совѣтникъ Монарха и исполнитель Его воли; съ другой — глава цѣлой отрасли подчиненнаго управленія съ значительной долею рѣшающей власти. Въ виду этого и Совѣтъ Министровъ на ряду съ дѣлами, поступающими на Высочайшее усмотрѣніе, разсматриваетъ дѣла, по которымъ онъ ставитъ окончательныя рѣшенія.

Наконецъ Совѣтъ Министровъ обладаетъ большею самостоятельностью въ виду особаго юридическаго положенія министровъ. Дѣло въ томъ, что всѣ акты верховной власти имѣющіе общее значеніе, должны быть снабжены подписью того или другого министра[1]), которымъ Государственный Совѣтъ и Государственная Дума могутъ предъявить запросъ о закономѣрности ихъ дѣйствій.

§ 45. Совѣтъ Министровъ.

Совѣтъ Министровъ былъ кореннымъ образомъ преобразованъ Высочайшимъ указомъ 19 октября 1905 года. Можно сказать, что указъ этотъ создалъ совершенно новое учрежденіе, сохранившее лишь имя, общее съ прежнимъ Совѣтомъ Министровъ.

Въ основу этой реформы положена была мысль о необходимости укрѣпленія единства въ дѣятельности министровъ.

Комитетъ Министровъ. Мысль о необходимости нѣкотораго объединенія дѣятельности министровъ возникла одновременно съ учрежденіемъ министерствъ (въ 1802 г.). Тогда же для этой цѣли былъ образованъ Комитетъ Министровъ, въ которомъ должны были предварительно обсуждаться всѣ дѣла, подлежащія докладу Государю. Однако вскорѣ послѣ

[1]) Такая министерская подпись называется въ нашихъ законахъ скрѣпою, на Западѣ Европы—контрасигнацей.

образованія компетенція Комитета значительно измѣнилась. Доклады министровъ болѣе не вносились на его обсужденіе; за то на него были возложены дѣла законодательнаго характера и административныя дѣла, превышающія власть отдѣльныхъ министровъ. Значеніе Комитета все росло, и компетенція его все раздвигалась. Особенно послѣ 80-хъ гг. прошлаго вѣка значительно расширился кругъ его законодательной дѣятельности. Наконецъ, въ 1904 году на него была возложена разработка важнѣйшихъ реформъ, возвѣщенныхъ Высочайшимъ указомъ 12 декабря 1904 года.

Послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы дѣла законодательнаго характера отпали отъ Комитета Министровъ. Нѣсколько позднѣе значеніе его было окончательно уничтожено преобразованіемъ Совѣта Министровъ. Поэтому Комитетъ Министровъ вскорѣ послѣ этой реформы былъ упраздненъ.

Прежній Совѣтъ Министровъ. Въ виду того, что Комитетъ Министровъ не служилъ къ объединенію дѣятельности министровъ, въ 1861 году былъ учрежденъ для этой цѣли Совѣтъ Министровъ. Совѣтъ Министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя долженъ былъ заниматься выработкой общаго плана управленія и законодательныхъ реформъ. Онъ не имѣлъ ни опредѣленной компетенціи, ни опредѣленныхъ дней засѣданія и очень рѣдко функціонировалъ.

Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1905 г. впервые на Совѣтъ Министровъ возложена была вполнѣ опредѣленная задача: разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Высочайшее имя отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія. Одновременно съ обнародованіемъ учрежденія Государственной Думы, 6 августа 1905 г., эта обязанность была съ Совѣта снята, и онъ попрежнему остался съ неопредѣленной компетенціей.

Лишь въ новѣйшую эпоху коренныхъ реформъ нашего государственнаго строя былъ вновь поставленъ на очередь вопросъ о необходимости объединенія дѣятельности министровъ. Мысль эта, высказанная еще бывшимъ министромъ

внутреннихъ дѣлъ Булыгинымъ, была развита во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте, одобренномъ Государемъ и обнародованномъ одновременно съ манифестомъ 17 октября 1905 года. Здѣсь было указано, что для осуществленія провозглашенныхъ манифестомъ реформъ необходимымъ условіемъ является однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Въ осуществленіе этой мысли 19 октября 1905 г. были обнародованы новыя правила организаціи Совѣта Министровъ.

Организація Совѣта Министровъ. По этимъ правиламъ Совѣтъ Министровъ состоитъ исключительно изъ министровъ и главноуправляющихъ (въ составъ прежняго Совѣта и особенно Комитета Министровъ входили и другіе высшіе сановники).

Предсѣдатель Совѣта назначается Государемъ Императоромъ изъ среды министровъ или другихъ лицъ. Но Государь имѣетъ право и лично предсѣдательствовать въ Совѣтѣ.

Компетенція Совѣта Министровъ. На Совѣтъ возлагается направленіе и объединеніе дѣйствій министровъ. Поэтому всѣ важнѣйшія мѣропріятія, проектируемыя тѣмъ или другимъ министромъ, должны быть обсуждаемы въ Совѣтѣ и предпринимаемы съ его разрѣшенія. Такъ, на разсмотрѣніе Совѣта должны быть вносимы министрами: 1) всѣ законопроекты и вообще всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта; 2) всѣ имѣющія общее значеніе мѣры управленія; 3) всѣ предположенія о замѣщеніи главныхъ должностей высшаго и мѣстнаго управленія; 4) подлежащіе представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе всеподданнѣйшіе доклады, имѣющіе общее значеніе или касающіеся другихъ вѣдомствъ [1]). Кромѣ того, на Совѣтъ Министровъ перенесена значительная часть компетенціи прежняго Комитета Министровъ. Она состоитъ по преимуществу изъ административныхъ дѣлъ, касающихся нѣсколькихъ вѣдомствъ и превышающихъ власть отдѣльнаго министра.

Всѣ дѣла въ Совѣтѣ должны быть рѣшаемы единогласно. Если не состоялось единогласнаго заключенія, предсѣдатель

[1]) Эти дѣла вносятся по усмотрѣнію предсѣдателя Совѣта Министровъ

Совѣта испрашиваетъ указаній Государя о дальнѣйшемъ направленіи дѣла.

Задача объединенія дѣятельности правительства сказывается и въ значеніи и правахъ предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Эта должность по существу своему новая. Въ прежнемъ Совѣтѣ Министровъ предсѣдательствовалъ Государь.

Предсѣдатель упраздненнаго Комитета Министровъ не имѣлъ участія въ текущей правительственной дѣятельности.

Нынѣ же предсѣдателю Совѣта Министровъ принадлежитъ роль главнаго руководителя общимъ направленіемъ политики министерствъ. Поэтому даже въ томъ случаѣ, когда онъ лично не завѣдуетъ отдѣльной частью государственнаго управленія, онъ имѣетъ право участвовать по дѣламъ всѣхъ вѣдомствъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и заступать каждаго изъ министровъ. Онъ докладываетъ Государю по дѣламъ Совѣта, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія. Къ нему предварительно поступаютъ доклады Государю всѣхъ министровъ, и онъ ихъ направляетъ на разсмотрѣніе Совѣта или, по соглашенію съ подлежащимъ министромъ, предоставляетъ министру вносить ихъ непосредственно на разсмотрѣніе Государя, при чемъ лично можетъ присутствовать при этомъ докладѣ. Ему обязаны министры безотлагательно доставлять свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся событіяхъ государственной жизни и вызванныхъ ими мѣрахъ и распоряженіяхъ, а равно и всѣ другія свѣдѣнія и объясненія, которыхъ онъ потребуетъ.

Основанная на указанныхъ началахъ нынѣшняя организація Совѣта Министровъ въ существенныхъ чертахъ сходна съ организаціей *кабинета министровъ* въ другихъ государствахъ [1]).

Составъ кабинета. Всюду министры назначаются монархомъ (въ республикахъ—президентомъ республики). Но выборъ монарха не вездѣ одинаково свободенъ. Предѣлы его устанавливаются не столько законами, сколько сложивши-

---

[1]) Предсѣдатель (президентъ) кабинета (во Франціи совѣта) министровъ называется также первымъ министромъ (премьеромъ).

мися обычаями. Въ зависимости отъ этихъ обычаевъ составъ кабинета можетъ быть двоякій: или изъ среды парламентскихъ дѣятелей или изъ другихъ лицъ, по преимуществу высшихъ чиновниковъ.

Въ первомъ случаѣ на министерскіе посты приглашаются обыкновенно выдающіеся члены той партіи, которая въ данный моментъ располагаетъ большинствомъ голосовъ въ парламентѣ (по крайней мѣрѣ, въ нижней палатѣ). Въ этомъ случаѣ монархъ ограничивается назначеніемъ перваго министра, которому и поручаетъ составить кабинетъ, при чемъ выборъ его ограниченъ фактическимъ соотношеніемъ партій въ парламентѣ. Для образованія болѣе или менѣе прочнаго министерства онъ можетъ пригласить только такого парламентскаго дѣятеля, который можетъ разсчитывать на поддержку парламента (нижней палаты), а таковымъ является только вождь (лидеръ) преобладающей въ парламентѣ политической партіи Получивъ порученіе составить кабинетъ, премьеръ приглашаетъ на министерскія должности дѣятелей, раздѣляющихъ его политическую программу. Такимъ образомъ составляется *солидарное* министерство, члены котораго согласны въ основныхъ вопросахъ и задачахъ предстоящей имъ дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ они имѣютъ общую политическую программу, то они совмѣстно (солидарно) отвѣчаютъ передъ парламентомъ, и въ случаѣ, если дѣятельность одного изъ министровъ вызвала неодобреніе парламента, обыкновенно весь кабинетъ выходитъ въ отставку. Вообще кабинетъ можетъ находиться у власти только до тѣхъ поръ, пока его политика встрѣчаетъ поддержку въ парламентѣ, иначе говоря, пока онъ проводитъ программу парламентскаго большинства. Если же кабинетъ отступаетъ отъ этой программы или если распадается парламентское большинство, которое его поддерживало, то онъ долженъ уступить мѣсто новому кабинету. При такой системѣ, которая называется *кабинетной системой* или *парламентарнымъ режимомъ*, между парламентомъ и правительствомъ (министерствомъ) устанавливается тѣсная связь, и вся внутренняя и внѣшняя политика направляется согласно желаніямъ и указаніямъ парламентскаго большинства. Такая система установилась съ конца XVIII вѣка въ

Англіи. Теперь она господствуетъ, кромѣ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи, Италіи, Венгріи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Въ тѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ, гдѣ парламентарный режимъ не установился, кабинетъ составляется по свободному усмотрѣнію монарха—по преимуществу изъ лицъ, выдающихся своими профессіональными знаніями и способностями на государственной службѣ. Въ этомъ случаѣ кабинетъ проводитъ программу, независимую отъ взглядовъ и убѣжденій той или иной парламентской партіи, какъ бы внѣпартійную, отражающую въ большей или меньшей степени взгляды самого монарха или наиболѣе вліятельнаго изъ министровъ. Естественно, что пребываніе у власти такого кабинета зависитъ не отъ перемѣнъ въ соотношеніи силъ парламентскихъ партій, а по преимуществу отъ воли монарха, который только при острыхъ длящихся конфликтахъ парламента съ министерствомъ можетъ признать цѣлесообразнымъ смѣнить министровъ и, слѣдовательно, измѣнить направленіе политики кабинета.

ГЛАВА VI.

Центральные органы подчиненнаго управленія.

§ 46. Значеніе органовъ подчиненнаго управленія.

Органы верховнаго управленія опредѣляютъ цѣли и задачи государственной дѣятельности и намѣчаютъ способы ихъ осуществленія. Самое же осуществленіе падаетъ на долю органовъ подчиненнаго управленія. Однако изъ этого нельзя заключить, что дѣятельность этихъ послѣднихъ органовъ ограничивается простымъ исполненіемъ предначертаній органовъ верховнаго управленія. Жизнь настолько разнообразна, что нѣтъ возможности заранѣе предусмотрѣть всѣ ея проявленія. Съ другой стороны, слишкомъ подробная регламентація и нежелательна, ибо она излишне стѣсняетъ са-

модѣятельность гражданъ. Поэтому органы подчиненнаго управленія, имѣющіе непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, необходимо должны обладать извѣстной степенью распорядительной власти для рѣшенія различныхъ вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ ни законами, ни указами органовъ верховнаго управленія.

Но существенное отличіе дѣятельности органовъ подчиненнаго управленія отъ дѣятельности органовъ верховнаго управленія заключается въ томъ, что дѣятельность первыхъ должна быть строго подзаконной, и самая рѣшающая (дискреціонная) власть ихъ можетъ быть отправляема лишь на основаніи спеціальнаго уполномочія закона и въ предѣлахъ, закономъ указанныхъ, тогда какъ дѣятельность органовъ верховнаго управленія является въ значительной мѣрѣ самостоятельной и свободной, ограниченной лишь въ предѣлахъ своихъ условіемъ непротиворѣчія закону.

Такъ какъ дѣятельность органовъ подчиненнаго управленія должна быть основана на законѣ, а съ другой стороны, при отступленіи отъ закона или неправильномъ его толкованіи и примѣненіи, могутъ быть нарушены разнообразныя права и интересы населенія, то для обезпеченія законности управленія требуется установить *систему надзора* за нимъ.

Такой надзоръ осуществляется различными способами.

Во-первыхъ, выше было указано, что Государственный Совѣтъ и Государственная Дума имѣютъ право предъявлять запросы министрамъ о незаконномѣрности дѣйствій ихъ и подчиненныхъ имъ лицъ.

Во-вторыхъ, всѣ должностныя лица за должностныя преступленія и проступки отвѣчаютъ передъ уголовнымъ судомъ, а за болѣе мелкія служебныя упущенія—передъ особымъ дисциплинарнымъ судомъ,

Въ-третьихъ, лица, *интересы* коихъ пострадали отъ того или иного распоряженія администраціи, могутъ его обжаловать, въ порядкѣ инстанцій, непосредственному начальству того лица, отъ имени котораго сдѣлано это распоряженіе.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, если дѣйствіями администраціи нарушаются *права* частныхъ лицъ или учрежденій, то пострадавшіе имѣютъ право обратиться въ особыя установленія — административные суды, отъ которыхъ зависитъ

отмѣна незаконом'ѣрныхъ распоряженій административныхъ властей.

Такимъ образомъ въ области подчиненнаго управленія на ряду съ органами дѣйствительнаго управленія—администраціи—существуютъ спеціальные органы надзора за нимъ, административные суды.

Въ зависимости отъ предѣловъ ихъ компетенціи тѣ и другіе органы дѣлятся на центральные и мѣстные.

Министерства служатъ центральными органами администраціи; Сенатъ является центральнымъ органомъ административной юстиціи или, иначе говоря, высшей инстанціей административнаго суда.

§ 47. Министерства.

Министерства были образованы въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Первоначальное ихъ учрежденіе 1802 года было въ 1811 г. значительно измѣнено. Это учрежденіе 1811 г., составленное по преимуществу гр. Сперанскимъ, дѣйствуетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и донынѣ.

До образованія министерствъ отдѣльными отраслями управленія завѣдывали различныя *коллегіи*, учрежденныя еще Петромъ I. Коллегіальный образъ рѣшенія дѣлъ соотвѣтствовалъ основной задачѣ тогдашней администраціи, которая сводилась, главнымъ образомъ, къ регламентаціи дѣятельности частныхъ лицъ. Съ другой стороны, въ это время область управленія не была точно обособлена отъ области законодательной и судебной, и при такомъ смѣшеніи разсмотрѣніе дѣлъ коллегіей въ большей степени обезпечивало права частныхъ лицъ.

Въ эпоху Александра I предположено было вполнѣ выдѣлить законодательныя и судебныя дѣла изъ вѣдѣнія министерствъ, и, слѣдовательно, одно изъ основаній сохраненія коллегій отпадало. Съ другой стороны, расширеніе задачъ управленія требовало подвижности, энергіи и быстроты въ рѣшеніи дѣлъ, т.-е. свойствъ, которыми рѣдко обладаетъ коллегія. Вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе государственной дѣятельности вызывало необходимость установленія болѣе живой и непосредственной связи Монарха съ органами подчиненнаго

управленія, нежели формальная связь съ коллегіями. Всѣ эти соображенія и привели къ замѣнѣ коллегіальнаго управленія—управленіемъ единоличнымъ, въ лицѣ министровъ.

Въ основу образованія министерствъ легла такъ называемая *реальная система:* каждое министерство завѣдуетъ извѣстной отраслью управленія на всемъ пространствѣ Россіи. Реальная система управленія противополагается *областной*, при которой все управленіе той или другой части государства сосредоточивается въ рукахъ одного лица или учрежденія. По областному принципу во многихъ иностранныхъ государствахъ образованы министерства колоній, завѣдующія всѣми отраслями колоніальной администраціи.

Разграниченіе вѣдомствъ различныхъ министровъ только въ основныхъ чертахъ является болѣе или менѣе устойчивымъ. Отдѣльныя же отрасли нерѣдко передавались въ вѣдѣніе то того, то другого министерства, или даже составляли кругъ вѣдомства особаго министерства. Такъ, у насъ одно время существовало особое министерство почтъ и телеграфовъ, а теперь этимъ дѣломъ завѣдуетъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Наоборотъ, прежде завѣдываніе торговлей и промышленностью входило въ компетенцію Министерства Финансовъ, а теперь эта отрасль народнаго хозяйства поручена вѣдѣнію новаго Министерства Торговли и Промышленности.

Первоначально, при Александрѣ I, было образовано 8 министерствъ. Теперь же имѣются 12, а именно слѣдующія: Иностранныхъ дѣлъ, Военное, Морское, Финансовъ, Внутреннихъ дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Путей Сообщенія, Юстиціи, Торговли и Промышленности, Императорскаго Двора, Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія и Государственный Контроль.

Всѣ министерства организованы строго *бюрократически*, т.-е. вся дѣйствительная власть управленія сосредоточена въ рукахъ министра, назначаемаго по непосредственному избранію Государя.

Права министра опредѣляются двойственностью его положенія: съ одной стороны, онъ ближайшій совѣтникъ Монарха, съ другой—начальникъ отдѣльнаго вѣдомства.

Въ качествѣ совѣтника Монарха онъ принимаетъ участіе въ дѣятельности органовъ верховнаго управленія.

Такъ, онъ непремѣнно входитъ въ составъ Совѣта Министровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые изъ министровъ являются ex officio (въ силу занимаемой должности) членами и другихъ совѣтовъ верховнаго управленія. Каждый министръ имѣетъ право личнаго доклада Государю. Докладъ этотъ предварительно, однако, долженъ быть сообщенъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, который можетъ передать его на обсужденіе Совѣта. Каждый министръ имѣетъ право присутствовать на засѣданіяхъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и долженъ быть выслушанъ Думой или Совѣтомъ всякій разъ, какъ онъ о томъ заявитъ; но участвовать въ голосованіяхъ министры могутъ только въ томъ случаѣ, если они состоятъ членами Думы или Совѣта.

Всѣ министры имѣютъ право, съ Высочайшаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соизволенія, вносить законопроекты на разсмотрѣніе Государственной Думы [1]).

Министры (или предсѣдатель Совѣта Министровъ) обязаны скрѣплять своей подписью всѣ акты верховной власти, имѣющіе общее значеніе, и могутъ подвергнуться запросамъ со стороны Государственной Думы и Государственнаго Совѣта о законномѣрности своихъ дѣйствій.

Въ качествѣ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ министры обладаютъ слѣдующими правами:

1) Въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, они имѣютъ право издавать въ соотвѣтствіи съ закономъ обязательныя для населенія правила касательно извѣстныхъ предметовъ (такъ называемые юридическіе указы).

2) Они могутъ издавать обязательныя для подчиненныхъ имъ лицъ и мѣстъ предписанія для болѣе цѣлесообразнаго исполненія законовъ и вообще возложенныхъ на нихъ обязанностей и задачъ (такъ называемые административные указы).

---

[1]) Въ виду того, что министры вносятъ въ Гос. Думу законопроекты лишь съ Высочайшаго соизволенія, они лично не обладаютъ правомъ законодательнаго почина: они лишь осуществляютъ иниціативу Государя Императора.

3) Они руководятъ дѣятельностью всѣхъ подчиненныхъ имъ лицъ и учрежденій также путемъ отдѣльныхъ распоряженій и указаній. Законныя распоряженія министра должны быть безпрекословно выполняемы.

4) Отъ нихъ зависитъ опредѣленіе на службу и увольненіе большей части служащихъ какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства, такъ и въ мѣстныхъ. Это право они осуществляютъ относительно высшихъ чиновъ путемъ представленія на Высочайшее благоволзрѣніе, относительно низшихъ—путемъ назначенія собственною властью.

5) Многіе министры пользуются правомъ дѣлать распоряженія непосредственно въ отношеніи частныхъ лицъ. Особенно широко это право у министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ наложеніе разныхъ административныхъ взысканій и ограниченій на такъ называемыхъ небла гонадежныхъ лицъ.

Ближайшими помощниками министра являются *товарищи министра*, которые, въ случаѣ отсутствія министра, исправляютъ его обязанности; по его порученію, они являются на засѣданія Государственнаго Совѣта, Государственной Думы и Сената и даютъ разъясненія, и вообще исполняютъ порученія министра

Всѣ дѣла, подлежащія рѣшенію министра, предварительно разсматриваются и подготовляются къ докладу въ канцеляріи, *департаментахъ* или *главныхъ управленіяхъ*, на которые распадается министерство. Во главѣ этихъ учрежденій стоятъ директора или начальники, которые и являются главными докладчиками дѣлъ министру, но обыкновенно въ то же время и обладаютъ нѣкоторой долей рѣшающей власти для рѣшенія менѣе важныхъ дѣлъ. Кромѣ того, почти во всѣхъ министерствахъ имѣются еще *совѣты министра*, на разсмотрѣніе коихъ поступаютъ нѣкоторыя дѣла по требованію закона, а прочія—по усмотрѣнію министра. Изъ дѣлъ первой категоріи слѣдуетъ отмѣтить дѣла о составленіи проектовъ новыхъ законовъ и указовъ и составленіе финансовой смѣты министерства.

Кромѣ того, въ составѣ нѣкоторыхъ министерствъ образованы *особые совѣты* для разсмотрѣнія спеціальныхъ дѣлъ. Составляются эти совѣты различно: или только изъ чинов-

никовъ даннаго вѣдомства, или изъ представителей разныхъ министерствъ, или, наконецъ, совмѣстно съ чиновниками приглашаются и представители нѣкоторыхъ классовъ населенія (таковъ, напримѣръ, совѣтъ торговли и мануфактуръ). Всѣ эти совѣты не имѣютъ рѣшающей власти. Окончательное рѣшеніе зависитъ отъ министра.

§ 48. Правительствующій Сенатъ.

Сенатъ учрежденъ въ 1711 г. Петромъ I. Первоначально онъ былъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, разрѣшающимъ дѣла какъ управленія, такъ и законодательныя и судебныя. Въ теченіе XVIII в. значеніе Сената то выростало, то падало. Во всякомъ случаѣ до эпохи Александра I онъ сохранилъ за собою функціи дѣйствительнаго управленія. Съ образованіемъ министерствъ компетенція Сената ограничилась дѣлами по надзору за органами подчиненнаго управленія и дѣлами судебными. До судебной реформы 1864 г. многія судебныя дѣла могли восходить на разсмотрѣніе Сената. Со времени этой реформы Сенатъ былъ преобразованъ въ высшій *кассаціонный судъ*. Для разсмотрѣнія кассаціонныхъ дѣлъ въ составѣ его были образованы два кассаціонныхъ департамента (гражданскій и уголовный). Дѣла же, поступавшія въ Сенатъ изъ старыхъ судовъ, по мѣрѣ закрытія этихъ судовъ, постепенно сокращались и соотвѣтственно упразднялись департаменты Сената, вѣдавшіе эти дѣла. Въ настоящее время сохранился еще одинъ Судебный департаментъ для разсмотрѣнія послѣднихъ дѣлъ этой категоріи, а также дѣлъ по межеванію и дѣлъ, поступающихъ изъ коммерческихъ судовъ.

Кромѣ этихъ департаментовъ, въ *составѣ Сената* имѣются еще 3 департамента: 1) департаментъ герольдіи, вѣдающій дѣла о правахъ состоянія дворянства и почетнаго гражданства, и 2) два департамента (первый и второй), рѣшающіе по преимуществу дѣла административной юстиціи. Изъ нихъ второй департаментъ вѣдаетъ почти исключительно дѣла по надзору за органами крестьянскаго управленія; *а компетенція перваго департамента* простирается на всѣ остальные органы администраціи. Вообще кругъ вѣдомства перваго департамента не только шире другихъ департаментовъ,

но составляетъ какъ бы общее правило: если въ законѣ точно не указано, что дѣло подлежитъ разсмотрѣнію иного департамента Сената, то оно является подвѣдомственнымъ первому департаменту.

Въ частности изъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ первомъ департаментѣ, отмѣтимъ слѣдующія:

1) Обнародованіе законовъ. Эта обязанность Сената пріобрѣла въ послѣднее время особенное значеніе, ибо теперь въ силу ст. 92 зак. осн. Сенатъ не долженъ обнародовать законодательныя постановленія, изданныя съ нарушеніемъ порядка, установленнаго основными законами. 2) Разсмотрѣніе жалобъ частныхъ лицъ на министровъ и на губернскія мѣста, а также на постановленія земскихъ собраній и городскихъ думъ. 3) Разсмотрѣніе жалобъ земскихъ и городскихъ управъ на постановленія губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій. 4) Разъясненіе сомнѣній по примѣненію законовъ, въ частности по примѣненію положенія о выборахъ въ Государственную Думу.

Вообще надзоръ за законностью управленія сосредоточенъ по преимуществу въ первомъ департаментѣ.

Общаго собранія всего Сената не бываетъ. Но нѣкоторые департаменты составляютъ общія собранія и соединенныя присутствія для разсмотрѣнія извѣстныхъ дѣлъ.

Въ департаментахъ рѣшаются дѣла окончательно Только въ томъ случаѣ, если не составилось при рѣшеніи дѣлъ, узаконеннаго большинства голосовъ[1]) или если министръ юстиціи или министръ, по вѣдомству котораго разсматривается дѣло, не согласился съ мнѣніемъ большинства, дѣло переносится въ общее собраніе, составленное изъ департаментовъ перваго, второго и геральдіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ допускается обжалованіе частными лицами рѣшеній департаментовъ. Жалобы приносятся на Высочайшее имя черезъ канцелярію прошеній. Отсюда онѣ поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе особаго присутствія при Государственномъ Совѣтѣ. Если особое при-

---

[1]) Большинство дѣлъ рѣшается нынѣ простымъ большинствомъ, нѣкоторыя требуютъ большинства въ $^2/_3$ голосовъ присутствовавшихъ сенаторовъ, а дѣла по обнародованію законовъ—даже единогласія.

сутствіе признаетъ основательность жалобы, то по Высочайшему повелѣнію дѣло должно быть разсмотрѣно вновь въ общемъ собраніи Сената. Если же и въ общемъ собраніи не составится узаконеннаго большинства голосовъ, или если министръ юстиціи не согласится съ его рѣшеніемъ, дѣло переносится въ первый департаментъ Государственнаго Совѣта.

Сенаторы назначаются Государемъ изъ особъ первыхъ трехъ классовъ (слѣдовательно, имѣющихъ чинъ не ниже тайнаго совѣтника) и опредѣляются къ присутствованію въ томъ или другомъ департаментѣ или въ общемъ собраніи. Для назначенія въ сенаторы, кромѣ кассаціонныхъ департаментовъ, не установлено никакихъ условій. Предсѣдательство въ департаментахъ и въ общемъ собраніи возлагается ежегодно Государемъ на одного изъ сенаторовъ, который называется первоприсутствующимъ. Только въ первомъ департаментѣ не назначается первоприсутствующаго, а предсѣдательствуетъ старшій по чину сенаторъ.

Въ департаментахъ и общемъ собраніи Сената могутъ присутствовать по дѣламъ ихъ вѣдомства министры или ихъ товарищи, а также главные начальники губерній по дѣламъ ихъ губерній.

Для надзора за порядкомъ производства дѣлъ и правильностью рѣшеній при каждомъ департаментѣ состоитъ особый *оберъ-прокуроръ*, находящійся подъ начальствомъ министра юстиціи. Надзоръ за правильностью рѣшеній общихъ собраній возложенъ на министра юстиціи, который носитъ званіе генералъ-прокурора.

§ 49. Св. Правительствующій Синодъ.

Синодъ учрежденъ, какъ и Сенатъ, Петромъ Великимъ. Основная цѣль этого учрежденія выражена была Петромъ I въ духовномъ регламентѣ, въ которомъ устанавливался порядокъ дѣлопроизводства духовной коллегіи, какъ первоначально назывался Синодъ.

Цѣль эта заключалась въ желаніи устранить возможность двоевластія и опасность раздора между свѣтской и духовной властью, которыя были всегда налицо при суще-

ствованіи въ Россіи независимаго отъ свѣтской власти патріаршества.

Осуществлялась эта цѣль путемъ подчиненія церкви государству черезъ включеніе церковнаго управленія въ строй государственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ подъ контролемъ свѣтской власти.

Этой задачей опредѣлялась первоначальная *организація* Синода, которая въ существенныхъ чертахъ сохранилась и донынѣ.

Въ настоящее время Синодъ состоитъ изъ членовъ постоянныхъ и временныхъ. И тѣ и другіе назначаются Государемъ Императоромъ изъ лицъ чернаго и бѣлаго духовенства. При Синодѣ состоитъ оберъ-прокуроръ, который является представителемъ Синода въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ и черезъ котораго вообще сносится Синодъ съ разными мѣстами и лицами. Онъ всегда назначается изъ свѣтскихъ лицъ и осуществляетъ надзоръ за правильностью дѣлопроизводства въ Синодѣ.

Синодъ является высшею административной и судебной инстанціей по всѣмъ дѣламъ русской православной Церкви. Онъ слѣдитъ, чтобы всѣ іерархи исполняли свои обязанности въ духѣ православія. Ему принадлежитъ забота объ искорененіи расколовъ и суевѣрій и попеченіе о распространеніи православія среди инородцевъ. На него возложена цензура духовныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завѣдуетъ духовными учебными заведеніями и церковно-приходскими школами.

Инославное церковное управленіе вѣдѣнію Синода не подлежитъ. Надзоръ за нимъ сосредоточенъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

ГЛАВА VII.

Мѣстные органы.

§ 50. Губернская администрація.

Для непосредственнаго осуществленія на мѣстахъ различныхъ задачъ государственнаго управленія почти всѣ министерства имѣютъ свои мѣстные органы. Дѣятельность этихъ органовъ ограничивается предѣлами извѣстнаго рай-

она, при чемъ нѣкоторыя вѣдомства имѣютъ мѣстныя учрежденія, простирающія свою дѣятельность на спеціальные округи, каковы, напр., округи для управленія горнаго, путей сообщенія или народнаго просвѣщенія. Другія вѣдомства пользуются для этой цѣли общимъ раздѣленіемъ Россіи на губерніи и уѣзды.

Современная организація губернской администраціи ведетъ свое начало отъ Учрежденія о губерніяхъ, изданнаго въ 1775 г. Екатериной II. Нѣкоторыя изъ установленій, введенныхъ этимъ учрежденіемъ, сохранились до сихъ поръ.

Главнымъ административнымъ органомъ въ губерніи является *губернаторъ*, назначаемый Государемъ по представленію министра внутреннихъ дѣлъ.

Положеніе губернатора двойственное. Съ одной стороны, онъ является представителемъ высшей правительственной власти въ губерніи, съ другой — онъ служитъ органомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ качествѣ перваго губернаторъ завѣдуетъ обнародованіемъ законовъ, издаетъ обязательныя постановленія, касающіяся общественнаго благочинія, порядка и безопасности [1]) и надзираетъ за всѣми находящимися въ губерніи административными учрежденіями и должностными лицами.

Для осуществленія надзора губернаторъ обязанъ дѣлать ежегодныя общія обозрѣнія губерніи и представлять о состояніи губерніи ежегодные Всеподданнѣйшіе отчеты. Онъ имѣетъ право производить ревизіи разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Онъ можетъ вызывать къ себѣ для объясненій всѣхъ служащихъ въ губерніи лицъ. Самое назначеніе на службу и перемѣщеніе съ одной должности на другую по распоряженію мѣстнаго начальства не можетъ состояться безъ его согласія. Губернатору принадлежитъ надзоръ и за органами самоуправленія. Отъ него зависитъ утвержденіе постановленій земскихъ собраній и городскихъ думъ, а также утвержденіе должностныхъ лицъ, избранныхъ или приглашенныхъ на земскую или городскую службу.

Въ качествѣ органа Министерства Внутреннихъ Дѣлъ губернаторъ завѣдуетъ мѣстной полиціей и вѣдаетъ всѣ дѣла,

[1]) Эти постановленія не должны противорѣчить законамъ.

входящія въ компетенцію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Сюда относится попеченіе о народномъ продовольствіи, о народномъ здравіи, объ общественномъ призрѣніи, объ общественной безопасности и т. д.

Всѣ эти дѣла губернаторъ разрѣшаетъ по общему правилу при содѣйствіи *губернскаго правленія*. Губернское правленіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, нѣсколькихъ совѣтниковъ, губернскаго врачебнаго инспектора, губернскаго инженера, губернскаго архитектора, губернскаго землемѣра и асессора. Оно имѣетъ лишь совѣщательное значеніе. Окончательное рѣшеніе зависитъ отъ губернатора. Лишь такъ называемыя судныя дѣла (о преданіи суду чиновниковъ, о сомнѣніи въ законахъ и т. д.) губернское правленіе рѣшаетъ окончательно по большинству голосовъ.

Кромѣ губернаторовъ, иногда назначаются *генералъ-губернаторы* или главные начальники губерніи. Власть ихъ можетъ простираться на нѣсколько губерній. Права ихъ по управленію въ общемъ одинаковы съ правами губернаторовъ, но они назначаются по непосредственному избранію и особому личному къ нимъ довѣрію Государя и пользуются нѣкоторыми преимуществами, которыя усиливаютъ ихъ власть и значеніе. Такъ, они могутъ представлять непосредственно Государю о дѣлахъ управляемаго ими края и получать непосредственно отъ Государя повелѣнія; затѣмъ всѣ сношенія мѣстныхъ учрежденій съ центральными и обратно совершаются черезъ ихъ посредство, и, наконецъ, никакая новая мѣра или новый законъ, касающіеся ввѣреннаго имъ края, не могутъ состояться безъ предварительнаго истребованія заключенія генералъ-губернатора.

Степень власти и значенія генералъ-губернатора значительно усиливается, когда съ его должностью соединяется, какъ это нерѣдко бываетъ, должность командующаго войсками данной мѣстности, особенно если въ этой мѣстности объявлено военное или другое исключительное положеніе.

Нѣкоторые города, имѣющіе особое значеніе (столицы и крупные портовые города), выдѣлены изъ вѣдѣнія губернаторовъ въ особыя *градоначальства*, во главѣ которыхъ по-

ставлены градоначальники съ правами, въ общемъ совпадающими съ правами губернаторовъ. При нихъ нѣтъ совѣщательнаго учрежденія, соотвѣтствующаго губернскому правленію. Лишь при петроградскомъ градоначальникѣ имѣется особое совѣщательное присутствіе.

Помимо этихъ органовъ общей администраціи, въ губерніяхъ имѣются учрежденія, завѣдующія отдѣльными отраслями управленія.

Такъ, *казенная палата* вѣдаетъ по преимуществу дѣла о прямыхъ налогахъ. Она находится въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ и состоитъ изъ управляющаго, его помощника и начальниковъ отдѣленій. При ней состоятъ губернскія и уѣздныя казначейства, для пріема и храненія казенныхъ суммъ и производства расходовъ, а также податные инспектора, назначаемые министромъ финансовъ для содѣйствія казенной палатѣ по приведенію въ извѣстность цѣнности и доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію въ доходъ казны, и податныя присутствія, губернскія и уѣздныя (въ крупнѣйшихъ городахъ—и городскія), завѣдующія дополнительнымъ процентнымъ и раскладочнымъ сборомъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Кромѣ того при казенныхъ палатахъ образуются губернскія и городскія по квартирному налогу присутствія.

Губернское акцизное управленіе завѣдуетъ поступленіемъ косвенныхъ налоговъ (акцизовъ). Оно состоитъ также въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и образуется изъ управляющаго, ревизоровъ, техниковъ, контролеровъ и чиновника по судебной части.

Управленіе земледѣліемъ и государственными имуществами (имѣется въ каждой губерніи) завѣдуетъ землеустройствомъ крестьянъ и государственными имуществами, находится въ вѣдѣніи главнаго управленія земледѣлія и землеустройства и состоитъ изъ управляющаго, лѣсныхъ ревизоровъ, землемѣровъ и другихъ чиновниковъ [1]).

Контрольная палата наблюдаетъ за правильностью губернскаго денежнаго хозяйства. Она подчиняется непосред-

---

[1]) Забота о землеустройствѣ специально возложена на особыя *губернскія и уѣздныя землеустроительныя комиссіи* смѣшаннаго состава.

ственно государственному контролеру и состоитъ изъ управляющаго, его помощника, ревизоровъ и другихъ чиновъ.

Всѣ эти учрежденія организованы строго бюрократически. Вся власть сосредоточена въ рукахъ управляющаго. Подчиненные ему чиновники подготовляютъ дѣла для доклада ему и исполняютъ его распоряженія. Нѣкоторыя дѣла обсуждаются предварительно въ общихъ присутствіяхъ, членами которыхъ состоятъ старшіе чиновники.

Полиція, уѣздная и городская, находится въ непосредственномъ подчиненіи губернатору и губернскому правленію. Уѣздная полиція сосредоточена въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, которое состоитъ изъ уѣзднаго исправника и его помощника Ему подчинены становые пристава, находящіеся во главѣ становъ, на которые, въ полицейскомъ отношеніи, распадается уѣздъ, и нижніе полицейскіе чины: урядники, стражники, сотскіе, десятскіе. Въ губернскихъ и крупнѣйшихъ уѣздныхъ городахъ имѣется особая городская полиція, состоящая, подъ начальствомъ полицеймейстера, изъ участковыхъ приставовъ и другихъ чиновъ. Столичная полиція имѣетъ болѣе сложную организацію

Изложенная организація губернской администраціи подвержена на *окраинахъ* Россіи (въ Сибири, Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, на Кавказѣ, въ Привислинскомъ краѣ) нѣкоторымъ особенностямъ. Главнѣйшая изъ этихъ особенностей заключается въ стремленіи къ усиленію власти главнаго начальника края.

Такъ во главѣ управленія Кавказомъ поставленъ *намѣстникъ* Государя съ добавочными полномочіями, превышающими обычную власть генералъ-губернатора и командующаго войсками округа. Такъ, онъ можетъ пріостановить исполненіе указа Сената или общаго распоряженія министра, доводя объ этомъ до свѣдѣнія подлежащаго министра, а также принимать рядъ серьезныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ частнымъ лицамъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ подчиненъ непосредственно Государю. При намѣстникѣ состоятъ два его помощника, одинъ по военной, другой по гражданской части, а также совѣтъ, складывающійся изъ мѣстныхъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Подобнымъ же образомъ и во главѣ управленія десяти губерній Царства Польскаго стоитъ генералъ-губернаторъ съ добавочными полномочіями. При немъ учреждены должности двухъ его помощниковъ и совѣщаніе, состоящее подъ его предсѣдательствомъ изъ его помощниковъ, губернаторовъ, попечителя учебнаго округа и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ

Отчасти такою же расширенной властью обладаютъ также генералъ-губернаторы Иркутскій, Пріамурскій, Туркестанскій и Степной.

Что касается прочихъ установленій на окраинахъ, то они иногда нѣсколько отступаютъ отъ общаго типа губернскихъ учрежденій. Такъ, въ сибирскихъ губерніяхъ вмѣсто губернскаго правленія имѣется общее присутствіе губернскаго управленія, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ мѣстныхъ представителей различныхъ вѣдомствъ. Акцизныя управленія находятся далеко не во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ. Наконецъ, вмѣсто уѣздовъ, онѣ дѣлятся на округа, находящіеся въ завѣдываніи окружныхъ полицейскихъ управленій, состоящихъ подъ начальствомъ окружнаго исправника, изъ его помощника и земскихъ засѣдателей. На ряду съ губерніями на окраинахъ, въ менѣе культурныхъ краяхъ, образованы въ качествѣ административныхъ единицъ *области* съ болѣе упрощенной организаціей управленія. Во главѣ нѣкоторыхъ областей поставлены военные губернаторы, подчиненные военному министру. Въ Европейской Россіи имѣется область Войска Донского, также находящаяся въ завѣдываніи военнаго министерства. Во главѣ ея мѣстнаго управленія поставленъ наказной атаманъ, пользующійся правами по части гражданской—генералъ-губернатора, а по части военной—командующаго войсками военнаго округа.

Дальнѣйшая рѣзкая особенность мѣстнаго управленія окраинъ заключается въ отсутствіи органовъ мѣстнаго самоуправленія (особенно—земскаго самоуправленія).

§ 51. Земское и городское самоуправленіе.

Во всѣхъ культурныхъ государствахъ болѣе или менѣе широкая сфера мѣстнаго управленія выдѣляется изъ вѣдѣ-

нія органовъ администраціи и поручается завѣдыванію представителей мѣстнаго населенія, иначе говоря, возлагается на органы самоуправленія. Двумя, главнымъ образомъ, особенностями отличаются органы самоуправленія отъ органовъ администраціи: большей независимостью своего состава и большей самостоятельностью своего положенія. Большая независимость состава органовъ самоуправленія обусловлена тѣмъ, что они состоятъ изъ представителей мѣстнаго общества, избранныхъ населеніемъ на опредѣленный срокъ, а не изъ чиновниковъ, зависимыхъ отъ своего начальства.

Большая самостоятельность ихъ положенія вытекаетъ изъ того, что они не подчинены непосредственно высшимъ органамъ управленія и не являются исполнителями чьихъ-либо предначертаній, но самостоятельно вѣдаютъ дѣла, входящія въ кругъ ихъ компетенціи.

Этими особенностями обусловливается цѣлесообразность самоуправленія. Чиновники, обыкновенно случайно попадающіе въ данную мѣстность, плохо знакомые съ ея особенностями, не имѣющіе связи съ мѣстнымъ обществомъ и стремящіеся къ повышенію и, слѣдовательно, къ перемѣщенію въ центральныя учрежденія, естественно, не могутъ относиться къ исполняемому дѣлу съ такимъ живымъ интересомъ, какъ мѣстные дѣятели. Съ другой стороны, органы администраціи, обязанные исполнять предначертанія высшихъ органовъ управленія, не могутъ столь гибко приноравливаться къ безконечному разнообразію жизненныхъ явленій, какъ органы самоуправленія, обладающіе въ значительной мѣрѣ самостоятельной распорядительной властью. Предоставленіе же такимъ органамъ администраціи равной свободы усмотрѣнія повлекло бы за собой, во избѣжаніе злоупотребленій, необходимость слишкомъ сложной системы надзора, тогда какъ дѣятельность органовъ самоуправленія, зависящихъ отъ мѣстнаго общества, въ достаточной мѣрѣ контролируется общественнымъ мнѣніемъ.

Въ виду этого во всѣхъ странахъ система самоуправленія получила бо́лѣе или менѣе широкое развитіе. Но классической страной самоуправленія является Англія, гдѣ оно развилось и ранѣе и шире другихъ государствъ.

Въ Россіи самоуправленіе было организовано въ царствованіе Александра II. Земскія учрежденія были введены въ 1864 г., а городское самоуправленіе—въ 1870 г. Впослѣдствіи въ эпоху Александра III и земскія и городскія общественныя учрежденія подверглись коренному преобразованію въ направленіи сокращенія ихъ самостоятельности и подчиненія ихъ болѣе разностороннему надзору со стороны правительства. Нынѣ дѣйствуютъ съ нѣкоторыми измѣненіями положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. и городовое положеніе 1892 года.

Основной единицей системы *земскаго самоуправленія* служитъ уѣздъ. Губернскія земскія учрежденія складываются изъ представителей уѣздныхъ земствъ.

Въ основу организаціи *выборовъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ* положено раздѣленіе избирателей на три сословныя группы: крестьянъ, дворянъ и лицъ прочихъ (такъ называемыхъ городскихъ) сословій (за исключеніемъ духовенства). Законъ опредѣляетъ число гласныхъ, подлежащихъ избранію отъ каждой группы. Распредѣленіе это всюду сдѣлано въ пользу преобладанія гласныхъ отъ дворянъ; лишь въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ преобладаютъ крестьяне.

Крестьяне избираютъ собственно не уѣздныхъ гласныхъ, а кандидатовъ, по одному отъ каждаго волостного схода. Эти кандидаты собираются на особый съѣздъ для выбора изъ своей среды положеннаго закономъ числа гласныхъ. Лица прочихъ сословій для полученія избирательнаго права должны обладать имущественнымъ цензомъ. Цензъ этотъ заключается въ обладаніи опредѣленнымъ въ законѣ количествомъ десятинъ земли (по особому расписанію на каждый уѣздъ) или вообще недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для уплаты налоговъ не ниже 15 тысячъ руб., или промышленнымъ заведеніемъ цѣною не менѣе 15 тысячъ руб. Впрочемъ и лица, владѣющія указаннымъ цензомъ не въ полномъ размѣрѣ (однако не менѣе $^1/_{10}$ его), могутъ участвовать въ выборахъ, но не лично, а черезъ уполномоченныхъ. Для выборовъ такихъ уполномоченныхъ они собираются на *избирательные съѣзды* (особые для дворянъ и городскихъ обывателей), на коихъ избираютъ столько уполномоченныхъ, сколько приходится полныхъ цензовъ на имущество явив-

шихся на съѣздъ въ совокупности. Не имѣютъ права участвовать въ выборахъ: опороченные по суду и иностранные подданные. Не достигшіе 25 лѣтъ и женщины участвуютъ въ выборахъ только черезъ уполномоченныхъ. Выборы отъ дворянъ и городскихъ избирателей совершаются на особыхъ для каждаго изъ этихъ сословій *избирательныхъ собраніяхъ*. Выборы происходятъ закрытою подачею голосовъ путемъ баллотировки шарами. Всѣ земскіе гласные избираются на три года. Они составляютъ *уѣздное земское собраніе*, въ составъ котораго входятъ еще: 1) предсѣдатель и члены уѣздной управы; 2) городской голова главнаго города уѣзда; 3) депутатъ отъ духовнаго вѣдомства и 4) представители вѣдомства земледѣлія и удѣльнаго, если въ уѣздѣ имѣются казенныя или удѣльныя земли.

Предсѣдателемъ уѣзднаго земскаго собранія состоитъ уѣздный предводитель дворянства.

Губернское земское собраніе состоитъ изъ губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными собраніями въ опредѣленномъ закономъ числѣ. Кромѣ того, въ составъ губернскаго собранія входятъ: 1) всѣ уѣздные предводители дворянства; 2) предсѣдатель и члены губернской управы; 3) предсѣдатели уѣздныхъ управъ; 4) депутатъ отъ духовнаго вѣдомства; 5) управляющіе мѣстнымъ управленіемъ земледѣлія и удѣльнымъ управленіемъ. Предсѣдательствуетъ въ губернскомъ собраніи губернскій предводитель дворянства, если Государемъ не будетъ назначено особое лицо.

Земскія собранія бываютъ очередныя и чрезвычайныя. Очередныя созываются разъ въ годъ по распоряженію управъ съ разрѣшенія губернатора, уѣздныя—не позднѣе октября, губернскія—не позднѣе декабря. Чрезвычайныя собранія назначаются и разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Земскія собранія являются распорядительными органами. Исполненіе же возлагается на *управы—уѣздныя и губернскую*. Управы состоятъ изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, которые избираются подлежащимъ земскимъ собраніемъ изъ числа гласныхъ или изъ числа лицъ, имѣющихъ право участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ.

Избранные предсѣдатели и члены управъ подлежатъ утвержденію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ

(предсѣдатель губернской управы). Въ случаѣ неутвержденія назначаются новые выборы, въ которыхъ не имѣютъ права участвовать неутвержденные. Въ случаѣ вторичнаго неутвержденія вакантныя должности замѣщаются по назначенію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть избранными.

Земскія учрежденія *вѣдаютъ дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ*, какъ выражается законъ. Сюда относятся: земскія повинности, дороги, земская почта, лѣчебныя и благотворительныя заведенія, народное продовольствіе, взаимное земское страхованіе, предупрежденіе скотскихъ падежей, предупрежденіе и тушеніе пожаровъ и лучшее устроеніе селеній, народное образованіе и воспособленіе земледѣлію, промышленности и торговлѣ

Для выполненія этихъ обязанностей земскія учрежденія могутъ облагать мѣстное населеніе сборами.

По общему правилу губернскія и уѣздныя учрежденія вѣдаютъ одни и тѣ же дѣла; различіе заключается лишь въ районѣ ихъ дѣятельности: первыя рѣшаютъ дѣла, если они касаются всей губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ; вторыя—дѣла, касающіяся только ихъ уѣзда. Но есть дѣла, которыя отнесены къ исключительному вѣдѣнію губернскихъ земствъ. Таковы: 1) изданіе обязательныхъ постановленій; 2) представленіе ходатайствъ правительству о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ; 3) дѣла по взаимному земскому страхованію и нѣкоторыя другія.

Дѣятельность земскихъ учрежденій поставлена подъ бдительный *надзоръ администраціи.*

Выше было указано, что губернаторъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) утверждаетъ выборы предсѣдателей и членовъ управъ. Кромѣ того, онъ утверждаетъ и назначенія на земскую службу всѣхъ другихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него зависитъ преданіе суду и возбужденіе дисциплинарной отвѣтственности предсѣдателей и членовъ управъ. Наконецъ онъ имѣетъ право производить ревизіи дѣлопроизводства управъ. Такимъ образомъ исполнительные органы земскаго самоуправленія находятся въ тѣсной зависимости отъ губернатора.

Равнымъ образомъ и земскія собранія въ значительной мѣрѣ зависимы отъ губернатора. Такъ губернаторъ разрѣшаетъ созывъ очередныхъ собраній, открываетъ сессію губернскаго собранія, допускаетъ продолженіе срока сессіи сверхъ установленнаго въ законѣ числа дней. Наконецъ, и это самое важное, всѣ постановленія земскихъ собраній подлежатъ контролю губернатора. Нѣкоторыя постановленія нуждаются въ утвержденіи губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Если губернаторъ не считаетъ возможнымъ утвердить постановленіе собранія, онъ передаетъ его на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія [1]), гдѣ дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ. Однако, если губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, онъ представляетъ дѣло на рѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ остальныя постановленія земскихъ собраній (т.-е. неподлежащія утвержденію) губернаторъ имѣетъ право остановить. Поводомъ къ остановкѣ можетъ послужить не только незаконность постановленій, т.-е. ихъ несогласіе съ закономъ, но и нецѣлесообразность или, какъ выражается законъ, несоотвѣтствіе государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явное нарушеніе интересовъ мѣстнаго населенія. Окончательное рѣшеніе вопроса объ отмѣнѣ незаконныхъ постановленій зависитъ отъ Сената, а нецѣлесообразныхъ—прежде зависѣло отъ Комитета Министровъ и (въ рѣдкихъ случаяхъ) отъ Государственнаго Совѣта, теперь — отъ Совѣта Министровъ и Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Земское положеніе въ западныхъ губерніяхъ. Крупными особенностями отличается организація земскихъ учрежденій, введенная въ 1911 г. въ губерніяхъ Витебской, Волынской, Кіевской, Минской, Могилевской и Подольской. Здѣсь для избранія уѣздныхъ земскихъ гласныхъ избиратели, за исключеніемъ крестьянъ, дѣлятся не на сословныя группы,

---

[1]) Это присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя губернской земской управы и одного члена, избираемаго губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ числа гласныхъ или членовъ управы.

а на два отдѣленія по національностямъ, при чемъ законодатель стремится обособить лицъ польскаго происхожденія и дать преобладаніе на выборахъ и въ земскихъ собраніяхъ лицамъ русскаго происхожденія. Тотъ же принципъ проводится и относительно состава губернскихъ земскихъ собраній: каждое уѣздное земское собраніе для избранія губернскихъ гласныхъ дѣлится на два отдѣленія, между которыми законъ въ особомъ расписаніи распредѣляетъ число подлежащихъ избранію гласныхъ.

Что касается организаціи *городского самоуправленія*, то кругъ компетенціи городского общественнаго управленія и порядокъ надзора за нимъ въ общемъ одинаковы съ земскими учрежденіями. Но право участія въ выборахъ городскихъ гласныхъ обусловлено нѣсколько меньшимъ имущественнымъ цензомъ. Именно требуется обладаніе недвижимостью, оцѣненной въ зависимости отъ размѣровъ города отъ 3 тысячъ рублей (въ столицахъ) до 300 рублей, или владѣніе торгово-промышленнымъ заведеніемъ, требующимъ выборки гильдейскаго свидѣтельства [2]).

Городскіе избиратели не дѣлятся для производства выборовъ на сословныя группы, какъ при земскихъ выборахъ, а составляютъ одно избирательное собраніе. Впрочемъ, большой городъ можетъ быть раздѣленъ для производства выборовъ на нѣсколько избирательныхъ участковъ. Городскіе гласные избираются на 4 года. Они составляютъ городскую думу, которая изъ своей среды избираетъ городского голову (въ столицахъ, въ Одессѣ и въ Ригѣ еще товарища городского головы) и членовъ городской управы. Городской голова состоитъ предсѣдателемъ городской управы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предсѣдательствуетъ на засѣданіяхъ думы. Лишь въ большихъ городахъ, по ходатайству думы, можетъ быть учреждена должность особаго предсѣдателя думы. Въ отличіе отъ земскихъ собраній, городскія думы засѣдаютъ постоянно; ихъ засѣданія назначаются по мѣрѣ надобности.

Земское и городское самоуправленіе распространено не

[2]) Въ Петроградѣ участвуютъ въ выборахъ также квартиронаниматели, занимающіе на свое имя квартиру цѣною не менѣе 1.200 руб. въ годъ. Квартиронаниматели допущены къ участію въ выборахъ городскихъ гласныхъ также въ губерніяхъ Царства Польскаго.

на всю Россію. Окраины, какъ выше указано, его лишены. Въ Сибири, нѣкоторой части Кавказа и Прибалтійскомъ краѣ дѣйствуетъ городское положеніе 1892 г., но нѣтъ земскихъ учрежденій [1]).

ГЛАВА VIII.

Населеніе.

§ 52. Права и обязанности русскихъ подданныхъ.

Населеніе Россіи въ отношеніи правъ и обязанностей распадается на два главныхъ разряда: россійскіе подданные и иностранцы.

Изъ среды русскихъ подданныхъ закономъ выдѣлены въ особую правовую группу *инородцы*. Къ инородцамъ законъ нашъ причисляетъ и *евреевъ* и подвергаетъ ихъ значительнымъ правовымъ ограниченіямъ. Наиболѣе существенное изъ этихъ ограниченій заключается въ запрещеніи жить внѣ опредѣленной черты осѣдлости. Это запрещеніе не распространяется лишь на немногіе разряды евреевъ (напр., на получившихъ ученую степень, на купцовъ первой гильдіи). Въ старину евреи почти повсюду подвергались стѣсненіямъ въ правахъ, но съ ростомъ цивилизаціи эти ограниченія отпадали. Собственно инородцы (сибирскіе инородцы, самоѣды, кочевые инородцы Ставропольской губ., калмыки), въ силу болѣе или менѣе яркихъ своеобразностей ихъ быта, представляютъ болѣе или менѣе значительныя особенности какъ въ отношеніи управленія ими, такъ и въ отношеніи ихъ правъ и обязанностей.

Нужно сказать, что основные законы въ новой редакціи не упоминаютъ объ ограниченіяхъ правъ инородцевъ. По отношенію же къ *иностранцамъ* основные законы говорятъ, что они пользуются всѣми правами русскихъ подданныхъ съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ закономъ.

---

[1]) Въ Прибалтійскомъ краѣ сохранились нѣкоторыя старыя сословныя установленія (ландтаги, конвенты и пр.), вѣдающія, помимо сословныхъ дѣлъ, также и дѣла общаго характера.

Эти ограниченія касаются, главнымъ образомъ, такъ называемыхъ политическихъ правъ. Такъ, иностранцы не участвуютъ въ выборахъ въ Государственную Думу, въ Государственный Совѣтъ, въ органы самоуправленія и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ иностранцы не несутъ и, такъ сказать, политическихъ обязанностей, напримѣръ, не отбываютъ воинской повинности.

Русское подданство пріобрѣтается рожденіемъ отъ русскаго подданнаго, затѣмъ для женщинъ сообщается бракомъ съ русскимъ подданнымъ и, наконецъ, получается путемъ *натурализаціи*. Для натурализаціи иностранные подданные должны водвориться въ Россіи и прожить въ ней не менѣе 5 лѣтъ. Послѣ этого срока они могутъ подать прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Впрочемъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ натурализація можетъ быть пріобрѣтена и ранѣе истеченія 5 лѣтъ.

Основные законы устанавливаютъ слѣдующія *обязанности русскихъ подданныхъ:* платить установленные закономъ налоги и пошлины, а также защищать престолъ и отечество, для чего мужское населеніе объявляется, безъ различія состоянія, подлежащимъ воинской повинности. *Всеобщая воинская повинность* введена у насъ въ эпоху великихъ реформъ Александра II. Однако всеобщность повинности не означаетъ поголовности. Ежегодно въ законодательномъ порядкѣ (т.-е. черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ и съ утвержденія Государя) устанавливается число подлежащихъ призыву на военную службу. Число это обыкновенно меньше числа всѣхъ достигшихъ въ данномъ году призывнаго возраста (20 л.). Поэтому поступленіе на военную службу является результатомъ вынутія жребія. Отбывается воинская повинность сначала на дѣйствительной службѣ, потомъ въ запасѣ и наконецъ въ ополченіи. Срокъ дѣйствительной службы—3 года и 3 мѣсяца въ пѣхотѣ и пѣшей артиллеріи, 5 лѣтъ во флотѣ и 4 года въ прочихъ родахъ оружія; срокъ состоянія въ запасѣ—флота 5 лѣтъ, прочихъ родовъ оружія—13 или 15 лѣтъ; въ ополченіи—5 лѣтъ.

Законъ знаетъ изъятія, отсрочки и льготы по отбыванію воинской повинности.

Изъятію подлежатъ больные и немощные. Отсрочкой пользуются для лѣченія болѣзни, для завершенія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ дѣлъ или для окончанія образованія. Наконецъ льготы получаются или въ силу семейнаго положенія, или въ силу полученнаго образованія. Перваго рода льготы освобождаютъ отъ отбыванія воинской повинности на дѣйствительной службѣ. Ими пользуются тѣ, на кого законъ смотритъ, какъ на единственныхъ работоспособныхъ мужчинъ въ семьѣ (напримѣръ, единственный сынъ). Льготы по образованію не освобождаютъ отъ вступленія на дѣйствительную военную службу, но лишь вліяютъ на срокъ отбытія ея.

На ряду съ указаніемъ главнѣйшихъ обязанностей наши основные законы перечисляютъ и *основныя права русскихъ подданныхъ*. Сюда относятся обезпеченіе неприкосновенности личности и признаніе свободы совѣсти, слова, печати, собраній и союзовъ.

Права эти издавна были провозглашены, какъ священныя и неотъемлемыя права человѣка и гражданина. Въ настоящее время они являются достояніемъ каждой цивилизованной страны, и пользованіе ими обезпечено въ той или иной мѣрѣ въ любой конституціи. И это вполнѣ понятно, ибо наличность этихъ правъ служитъ необходимымъ условіемъ для развитія общественной самодѣятельности, необходимымъ основаніемъ для возвышенія и углубленія человѣческаго достоинства.

Провозглашеніе этихъ правъ у насъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что до него наше законодательство было построено на совершенно противоположныхъ началахъ. Подобныя права вообще не признавались за русскими подданными. Изданіе газеты, организація того или иного общества или собранія требовали спеціальнаго разрѣшенія подлежащихъ властей, которое разсматривалось, какъ изъятіе изъ общаго воспрещенія. А перемѣна исповѣданія православной вѣры вообще не допускалась и даже каралась, какъ преступленіе. Что же касается до обезпеченія личности отъ произвольныхъ арестовъ и наказаній, налагаемыхъ не судомъ, то хотя въ судебныхъ уставахъ 1864 г. этотъ принципъ былъ провозглашенъ, но примѣненіе его было обставлено много-

численными исключеніями въ пользу различныхъ административныхъ властей. Лишь въ недавнее время законодательство наше стало въ этой области приближаться къ западно-европейскимъ образцамъ. Поворотный пунктъ можно усмотрѣть уже въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 г. А манифестомъ 17 октября 1905 г. возложено было на правительство „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ".

Однако для того, чтобы эти начала получили дѣйствительное значеніе, требуется пересмотръ и отмѣна прежнихъ законовъ, противорѣчащихъ имъ.

Такъ, утвержденіямъ основныхъ законовъ (ст. 72), что никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступное дѣяніе иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ, что (ст. 73) никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, что (ст. 74) никто не можетъ быть судимъ и наказанъ иначе, какъ за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя дѣйствовавшими во время совершенія сихъ дѣяній уголовными законами, и что (ст. 75) жилище каждаго неприкосновенно,— утвержденіямъ этимъ не соотвѣтствуютъ сохранившіяся по прежнимъ законамъ права разныхъ административныхъ властей (министра внутреннихъ дѣлъ, губернаторовъ, жандармскаго начальника) на производство арестовъ, наложеніе разныхъ взысканій, наказаній и ограниченій въ правахъ и на совершеніе въ домахъ обысковъ и выемокъ.

Смыслу ст. 76 осн. зак., въ силу коей каждый россійскій подданный имѣетъ *право свободно избирать мѣсто жительства* и занятіе и безпрепятственно выѣзжать за предѣлы государства, противорѣчитъ существующая паспортная система, которая стѣсняетъ свободу передвиженія особенно сельскихъ обывателей [1]). Въ частности выѣздъ за границу не свободенъ, такъ какъ обусловленъ разрѣшеніемъ разныхъ административныхъ органовъ, отъ которыхъ зависитъ выдача заграничнаго паспорта.

---

[1]) Указомъ 5 октября 1906 г. внесены нѣкоторыя облегченія.

Ст. 78 осн. зак. признаетъ за русскими подданными *право устраивать собранія* въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ, мирно и безъ оружія. Это право въ настоящее время регулируется временными правилами, изданными 4 марта 1906 г. Правила эти различаютъ собранія непубличныя и публичныя. Непубличныя допускаются свободно. Публичныя нуждаются въ разрѣшеніи или въ заявленіи. Только собранія подъ открытымъ небомъ требуютъ разрѣшенія губернатора или начальника мѣстной полиціи. Прочія собранія устраиваются такъ называемымъ явочнымъ порядкомъ: требуется лишь представить заявленіе за три дня до дня собранія о мѣстѣ, времени и предметѣ его, а также указать его устроителей. Собраніе не допускается, если оно противно законамъ или общественной нравственности или угрожаетъ общественному спокойствію и безопасности. Губернатору или начальнику мѣстной полиціи предоставляется назначать для присутствованія на публичномъ собраніи должностное лицо, которое наблюдаетъ за порядкомъ въ собраніи и имѣетъ право въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрыть его.

Собранія не могутъ происходить вблизи отъ мѣста пребыванія Государя и мѣста засѣданій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы во время ихъ сессіи, а равно въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ, перечисленныхъ въ законѣ.

Ст. 79 осн. зак. опредѣляетъ, что каждый можетъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, *высказывать изустно* и *письменно свои мысли*, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами.

Провозглашенная здѣсь свобода печати регулируется въ отношеніи печати періодической (газеты и журналы) временными правилами, изданными 24 ноября 1905 [1]).

Правила эти отмѣнили предварительную цензуру, внесеніе залоговъ при разрѣшеніи на изданіе газеты, а равно и право наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ. Нынѣ повременная печать отвѣтствуетъ лишь по суду. Самое изданіе газеты не нуждается въ предварительномъ разрѣшеніи: оно предпринимается явочнымъ порядкомъ, путемъ подачи заявленія, за двѣ недѣли до выхода въ свѣтъ

[1]) Они были нѣсколько измѣнены и дополнены указомъ 18 марта 1906 г.

изданія, губернатору или градоначальнику. Въ заявленіи долженъ быть указанъ редакторъ, издатель, названіе, цѣна, городъ и сроки выхода изданія, а также его программа, наконецъ, типографія, гдѣ будетъ печататься изданіе. Изданіе не допускается лишь въ случаѣ его противорѣчія закону или правиламъ нравственности. Каждый нумеръ по отпечатаніи долженъ быть представленъ особому должностному лицу по дѣламъ печати, которое можетъ на него наложить арестъ, если усмотритъ въ немъ признаки преступнаго дѣянія. О своемъ распоряженіи оно должно довести до свѣдѣнія суда, отъ котораго зависитъ или оставить распоряженіе объ арестѣ въ силѣ или отмѣнить. Что касается неповременной печати (книги и брошюры), то она регулируется указомъ 26 апрѣля 1906 г. Указъ этотъ и по отношенію къ этимъ изданіямъ отмѣняетъ предварительную цензуру, но, однако, требуетъ представленія по отпечатаніи извѣстнаго количества экземпляровъ мѣстному комитету или инспектору по дѣламъ печати. При чемъ изданія объемомъ свыше пяти печатныхъ листовъ одновременно могутъ быть выпущены въ свѣтъ, а прочія должны быть задержаны въ типографіи отъ 2 до 7 дней, въ зависимости отъ ихъ объема. Отъ комитета или инспектора зависитъ наложеніе ареста на изданіе, но они о своемъ распоряженіи должны довести до свѣдѣнія суда, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе.

Ст. 80 осн. зак. провозглашаетъ *право образовывать общества и союзы* въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ.

Право это регулируется закономъ 4 марта 1906 г. Законъ этотъ касается лишь обществъ, не преслѣдующихъ цѣли полученія прибыли, и отличаетъ отъ обществъ союзы, подъ которыми онъ разумѣетъ соединеніе двухъ или нѣсколькихъ обществъ. И тѣ и другія образуются явочнымъ порядкомъ, путемъ подачи соотвѣтствующаго заявленія губернатору или градоначальнику. Но союзы, а также общества, имѣющія отдѣленія, должны имѣть уставъ и могутъ быть во всякое время закрыты по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, если онъ признаетъ ихъ дѣятельность угрожающею общественному спокойствію и безопасности. Если губернаторъ не считаетъ возможнымъ допустить открытіе общества или союза, онъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе особаго губерн-

скаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія. Въ отказѣ въ удовлетвореніи заявленія должны быть точно указаны основанія его. Въ особое положеніе поставлены общества, образуемыя служащими въ правительственныхъ установленіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ телефонныхъ предпріятіяхъ.

Наконецъ ст. 81 осн. зак. устанавливаетъ, что россійскіе подданные пользуются *свободою вѣры*. Предѣлы свободы вѣры установлены нынѣ, главнымъ образомъ, указомъ 17 апрѣля 1905 г. Указъ этотъ призналъ ненаказуемымъ отпаденіе отъ православія въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе и разрѣшилъ свободное исповѣданіе вѣры (общественныя богомоленія, постройку храмовъ и т. д.) послѣдователямъ такъ называемыхъ раскольническихъ вѣроученій (старообрядцамъ и сектантамъ), за исключеніемъ послѣдователей изувѣрныхъ ученій.

Всѣ эти постановленія терпятъ значительныя ограниченія въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ или иномъ исключительномъ положеніи.

§ 53. Раздѣленіе на сословія.

Почти во всѣхъ конституціяхъ установленъ принципъ *равенства всѣхъ гражданъ* передъ закономъ. Въ нашихъ основныхъ законахъ это начало не провозглашено. Это объясняется тѣмъ, что въ Россіи сохраняются еще остатки сословныхъ различій.

Подъ *сословіями* разумѣются особыя группы населенія, отличающіяся другъ отъ друга своимъ юридическимъ положеніемъ, своими правами и обязанностями.

Въ прежнее время раздѣленіе на сословія было почти повсемѣстнымъ явленіемъ. Оно вызывалось условіями развитія государственной и общественной жизни. Съ конца XVIII вѣка подъ вліяніемъ распространенія идеи о равенствѣ человѣческаго достоинства, а также въ силу требованій экономическаго развитія сословія начинаютъ распадаться, и сословныя различія исчезаютъ изъ законодательства.

Въ Россіи сословное начало никогда не имѣло того значенія, какъ на западѣ Европы. У насъ сословія не столько сложились исторически сами собой, сколько были образо-

ваны правительствомъ. Въ Московской Руси правительство укрѣпляло за отдѣльными группами населенія извѣстныя права и обязанности для обезпеченія правильности несен я государственной (по преимуществу военной) службы и уплаты податей. Отчасти на этой же точкѣ зрѣнія стояло законодательство и XVIII вѣка. Особенно сильное развитіе сословность получила въ эпоху Екатерины II. Впослѣдствіи, особенно реформами Александра II, сословное начало было значительно расшатано. Оно было вновь нѣсколько укрѣплено законодательствомъ эпохи Александра III.

Въ настоящее время въ законѣ упомянуты *слѣдующія сословія*: дворяне, духовенство, почетные граждане, купцы, мѣщане, цеховые и крестьяне. Однако въ дѣйствительности имѣющими значеніе сословными отличіями въ правахъ и обязанностяхъ пользуются только *дворяне и крестьяне*.

§ 54. Права дворянства

Дворяне раздѣляются на *потомственныхъ и личныхъ*. Собственно всѣ привилегіи дворянства касаются нынѣ лишь потомственныхъ дворянъ. Личное дворянство есть не болѣе какъ званіе [1]).

Потомственное дворянство *сообщается* рожденіемъ отъ потомственнаго дворянина и (для женщинъ) бракомъ съ потомственнымъ дворяниномъ. Кромѣ того, оно *пріобрѣтается* пожалованіемъ Государя Императора, достиженіемъ на дѣйствительной государственной службѣ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полковника и капитана I ранга, а также полученіемъ нѣкоторыхъ орденовъ.

Правовыя преимущества дворянства заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ преобладаніи въ земскомъ самоуправленіи; 2) въ исключительномъ правѣ на занятіе нѣкоторыхъ государственныхъ должностей (таковы должности предводителей дворянства) и въ преимуществѣ передъ лицами другихъ сословій при назначеніи на нѣкоторыя другія должности, напр. земскихъ начальниковъ; 3) въ нѣкоторыхъ льготахъ

[1]) Выше было указано (§ 51), что дворяне пользуются нѣкоторыми преимуществами въ земскомъ самоуправленіи. Эти преимущества распространяются и на личныхъ дворянъ.

дворянскаго землевладѣнія (черезъ учрежденіе государственнаго дворянскаго банка), и 4) въ корпоративной организаціи, имѣющей нѣкоторыя права общегосударственнаго значенія [1]).

Корпоративная организація дворянъ не распространяется на всю Россію, а охватываетъ лишь дворянъ каждой губерніи въ отдѣльности. Къ *дворянскому обществу* данной губерніи принадлежатъ всѣ потомственные дворяне, занесенные въ мѣстную родословную книгу. Но участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ съ правомъ голоса на выборахъ могутъ только: 1) дворяне, обладающіе полнымъ земскимъ цензомъ въ предѣлахъ данной губерніи, 2) бывшіе предводители дворянства и 3) имѣющіе чинъ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Органами дворянскаго общества служатъ: 1) дворянскія собранія, 2) дворянское депутатское собраніе, 3) дворянская опека и 4) предводители дворянства.

Дворянскія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя. Обыкновенныя собранія созываются разъ въ три года.

Въ *компетенцію дворянскихъ собраній* входятъ: 1) выборы губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, депутатовъ и засѣдателей въ дворянскую опеку; 2) установленіе складокъ (денежныхъ сборовъ) на дворянскія или общегосударственныя нужды, и 3) возбужденіе ходатайствъ передъ правительствомъ.

Послѣднее право еще въ недавнее время имѣло большое значеніе. Тогда какъ земство имѣетъ право ходатайствовать только передъ министерствомъ и только о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, дворянство можетъ обращаться непосредственно къ Государю и ходатайствовать и по предметамъ общегосударственнаго значенія. Нынѣ послѣ учрежденія Государственной Думы это право въ значительной степени утратило свое значеніе.

Дворянское депутатское собраніе ведетъ дворянскую родословную книгу и формулярные списки лицъ, служащихъ

---

[1]) Кромѣ того, имѣются привилегированныя учебныя заведенія для дворянъ (таковы Александровскій лицей и училище правовѣдѣнія).

по дворянскимъ выборамъ. *Дворянская опека* вѣдаетъ опекунскими дѣлами мѣстнаго дворянства.

Что касается *предводителей дворянства*, то должность ихъ имѣетъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, они призваны завѣдывать внутренними дѣлами дворянскаго общества, а во-вторыхъ, они являются органами общей администраціи.

Въ качествѣ послѣднихъ предводители предсѣдательствуютъ въ земскихъ собраніяхъ и участвуютъ на правахъ члена или предсѣдателя въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ смѣшанныхъ присутствіяхъ, разсматривающихъ различныя дѣла какъ чисто-административныя, такъ и характера административной юстиціи.

§ 55. Крестьянское общественное управленіе.

Сословная обособленность крестьянъ сказывается, главнымъ образомъ, въ томъ, что 1) они имѣютъ особое общественное управленіе; 2) что они подчинены власти особыхъ административныхъ мѣстъ и лицъ, и 3) что они подвѣдомы особому суду, который при рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ руководствуется не общими законами, а мѣстными обычаями.

Каждый крестьянинъ, если онъ пользуется надѣломъ долженъ быть приписанъ къ *сельскому обществу*. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ приписаться непосредственно къ волости. Пріемъ (а равно и увольненіе) въ сельское или волостное общество зависитъ отъ сельскаго или волостного схода [1]). Органами сельскаго общества служатъ сельскій сходъ и сельскій староста. *Сельскій сходъ* составляется изъ всѣхъ домохозяевъ даннаго общества. Такимъ образомъ его организація построена на такъ сказать вѣчевомъ началѣ.

Сельскій сходъ вѣдаетъ всѣ дѣла, касающіяся сельскаго общества, и избираетъ сельскаго старосту, кандидатовъ въ волостные судьи и другихъ сельскихъ должностныхъ лицъ (напримѣръ, сборщиковъ податей), а также участниковъ во-

[1]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ увольненіе можетъ быть, вопреки постановленію сходовъ, разрѣшено уѣзднымъ съѣздомъ. Высочайшимъ указомъ 5 окт. 1906 г. какъ пріемъ, такъ и увольненіе значительно облегчены.

лостного схода. Для дѣйствительности постановленій („приговоровъ“) схода требуется присутствіе на немъ $^1/_2$ всего числа домохозяевъ, а для нѣкоторыхъ дѣлъ—и $^2/_3$. Приговоры постановляются простымъ большинствомъ (болѣе половины), но нѣкоторыя дѣла (по преимуществу касающіяся пользованія общинной землей и раскладки податей) требуютъ большинства $^2/_3$. Наиболѣе важные приговоры должны быть изложены письменно.

Сельскій староста избирается на 3 года; онъ созываетъ сельскій сходъ и предсѣдательствуетъ на немъ, наблюдаетъ за исполненіемъ его приговоровъ и вообще несетъ сельскую полицейскую службу. Онъ имѣетъ право подвергать крестьянъ своего общества взысканіямъ: штрафу до 1 руб. или аресту до 2 дней. Сельскій староста состоитъ по должности членомъ волостного правленія.

Служба по крестьянскимъ выборамъ обязательна: отказываться отъ нея могутъ только прослужившіе полный срокъ по выборамъ, больные и достигшіе возраста свыше 60 лѣтъ.

Волость состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ [2]). Органами волости служатъ: волостной сходъ, волостной старшина, волостное правленіе, волостной писарь и волостной судъ.

Волостной сходъ имѣетъ представительный характеръ: участники его избираются сельскими сходами по одному на каждые 10 дворовъ. Волостной сходъ вѣдаетъ дѣла, касающіяся всей волости, избираетъ волостного старшину и волостного писаря, а также кандидатовъ въ уѣздные земскіе гласные и уполномоченныхъ для участія въ выборахъ членовъ Государственной Думы. Относительно законности приговоровъ волостного схода дѣйствуютъ тѣ же правила, что и относительно приговоровъ сельскихъ сходовъ.

Всѣ приговоры какъ сельскихъ, такъ и волостныхъ сходовъ представляются земскому начальнику. Изъ нихъ нѣкоторые онъ утверждаетъ собственною властью, другіе препровождаетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе уѣзднаго съѣзда или губернскаго присутствія.

---

[2]) Допустимы исключенія изъ этого правила: при многолюдствѣ сельскаго общества оно можетъ одно образовывать волость.

Волостной старшина созываетъ волостной сходъ и предсѣдательствуетъ на немъ. Онъ состоитъ предсѣдателемъ волостного правленія и является вообще высшимъ исполнительнымъ органомъ волости. Онъ имѣетъ право налагать тѣ же дисциплинарныя взысканія, какъ и сельскій староста, на всѣхъ членовъ волости.

Волостное правленіе складывается изъ волостного старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ и волостного писаря. Оно имѣетъ по преимуществу значеніе совѣщательнаго органа при волостномъ старшинѣ, и поэтому почти нигдѣ не играетъ сколько-нибудь видной роли. Лишь нѣкоторыя дѣла требуютъ, по закону, постановленія правленія.

Волостной судъ состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ судей. Они назначаются земскимъ начальникомъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ сельскими сходами (по одному отъ каждаго схода), при чемъ одного изъ нихъ уѣздный съѣздъ утверждаетъ предсѣдателемъ. Волостной судъ разсматриваетъ мелкія уголовныя и гражданскія дѣла всѣхъ приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ или волости лицъ. При разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ онъ руководствуется уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, но налагаетъ наказанія въ меньшемъ размѣрѣ, а при разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ сообразуется съ мѣстными обычаями. Жалобы на рѣшенія волостного суда приносятся земскому начальнику, который препровождаетъ ихъ въ уѣздный съѣздъ.

Законъ 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, который постепенно входитъ въ силу въ отдѣльныхъ губерніяхъ, коснулся и волостного суда. Онъ ограничилъ нѣсколько компетенцію этого суда и улучшилъ его организацію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ этотъ законъ, волостной судъ состоитъ изъ предсѣдателя, двухъ членовъ и двухъ кандидатовъ къ нимъ, которые избираются на трехлѣтній срокъ изъ своей среды собраніемъ выборщиковъ, избираемыхъ въ свою очередь сельскими обществами по расчету одинъ выборщикъ на каждые сто дворовъ. На должность волостныхъ судей могутъ быть избраны лишь крестьяне-домохозяева, грамотные, достигшіе 35 лѣтъ и неопороченные по суду. Они получаютъ опредѣленное по закону содержаніе. Дѣло-

производствомъ волостного суда завѣдуетъ секретарь, назначаемый мѣстнымъ мировымъ судьей.

Жалобы на рѣшенія волостного суда разсматриваются въ *верхнемъ сельскомъ судѣ*, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи изъ всѣхъ предсѣдателей волостныхъ судовъ даннаго судебно-мирового участка. Рѣшенія верхняго сельскаго суда почитаются окончательными. Они могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ—въ мировой съѣздъ.

Надзоръ и притомъ не только за крестьянскими общественными установленіями и должностными лицами, но и вообще за всѣми членами сельскихъ обществъ возложенъ на *земскихъ начальниковъ*.

Въ Высочайшемъ указѣ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ (1889 г.) отмѣчается, что въ лицѣ ихъ создается близкая къ народу твердая правительственная власть, которая соединяетъ въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по храненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Поэтому на земскаго начальника возложенъ не только надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія, но и попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка.

Для осуществленія этихъ задачъ *земскому начальнику* присвоены слѣдующія права. Всѣ приговоры сходовъ, а равно и всѣ рѣшенія волостного суда представляются на его разсмотрѣніе. Всѣ крестьянскія должностныя лица подчинены ему. Онъ имѣетъ право смѣщать волостныхъ и сельскихъ писарей, а прочихъ должностныхъ лицъ временно устранять отъ службы и представлять объ ихъ увольненіи уѣздному съѣзду. Наконецъ всѣ прочіе сельскіе обыватели также подчинены его власти и обязаны исполнять его законныя распоряженія и требованія.

Власть земскаго начальника усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, помимо исполненія административныхъ обязаностей, онъ является еще судьей съ компетенціей,

приблизительно равной компетенціи мирового судьи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ законъ 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, судебныя дѣла изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ и переданы выборнымъ мировымъ судьямъ, и съѣздамъ мировыхъ судей.

Дальнѣйшей инстанціей надзора за крестьянскимъ управленіемъ служитъ *уѣздный съѣздъ*. Уѣздный съѣздъ раздѣляется на административное и судебное присутствія.

Судебное присутствіе является по преимуществу апелляціонной инстанціей для судебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ земскими начальниками и волостными судами [1]). Дѣла же по надзору за крестьянскими установленіями вѣдаетъ административное присутствіе. Оно состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя изъ всѣхъ земскихъ начальниковъ уѣзда, исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и податныхъ инспекторовъ. Постановленія уѣзднаго съѣзда могутъ быть обжалованы въ *губернское присутствіе*, которое состоитъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружнаго суда и двухъ непремѣнныхъ членовъ. Сверхъ того въ составъ губернскаго присутствія приглашаются на правахъ членовъ для разсмотрѣнія административныхъ дѣлъ—управляющій казенной палатой, начальникъ управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ и предсѣдатель губернской земской управы.

Наконецъ высшей инстанціей надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ служитъ второй департаментъ Сената.

Въ губерніяхъ Царства Польскаго деревни и колоніи такъ же, какъ и въ Россіи, образуютъ сословныя сельскія общества, которыя управляются сельскимъ сходомъ, состоящемъ изъ всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ (женщины не исключаются) и избираемымъ этимъ сходомъ *солтысомъ*. Но слѣдующей административной единицей, въ отличіе отъ русской сословной волости, является здѣсь всесословная сельская *гмина*, въ составъ которой входятъ помимо крестьянъ-собственниковъ и всѣ прочіе землевладѣльцы, жи-

[1]) Это присутствіе упразднено въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ законъ 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда.

вущіе въ ея предѣлахъ. Гминное управленіе составляютъ гминный сходъ и гминный войтъ. Гминный сходъ составляется изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ домохозяевъ гмины, владѣющихъ извѣстнымъ земельнымъ цензомъ (не менѣе 3 морговъ=$^1/_2$ десятины). Сходъ избираетъ на 3 года двухъ кандидатовъ на должность гминнаго войта, изъ которыхъ одного уѣздный начальникъ (должностное лицо, положеніе котораго соотвѣтствуетъ положенію уѣзднаго исправника въ Россіи) допускаетъ къ отправленію должности. Гминный войтъ является предсѣдателемъ гминнаго схода и исполнителемъ его рѣшеній, а также органомъ полицейской власти въ гминѣ.

Такой же всесословный характеръ имѣетъ волость въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Ея органами служатъ: 1) общій волостной сходъ, созываемый волостнымъ старшиной разъ въ годъ для избранія должностныхъ лицъ; 2) сходъ выборныхъ, избранныхъ общимъ сходомъ на 3 года, для рѣшенія другихъ дѣлъ; 3) волостной старшина съ помощниками и 4) волостной судъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Финляндія.

Основные законы въ ст. 1 провозглашаютъ государство Россійское единымъ и нераздѣльнымъ. Но въ составѣ его совершенно особое положеніе занимаетъ Финляндія. Ст. 2 осн. зак. гласитъ: „Великое княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“. Такимъ образомъ эта статья признаетъ за Финляндіей такъ называемую *автономію*. Автономія заключается въ томъ, что управленіе краемъ и отношенія между его гражданами опредѣляются собственными законами края.

Предѣлы Финляндской автономіи установлены закономъ 1910 г. Законъ этотъ опредѣлилъ, что „въ порядкѣ, установленномъ особымъ законодательствомъ (автономно) издаются въ Финляндіи законы, относящіеся „къ однимъ

только внутреннимъ дѣламъ этого края". Всѣ же прочіе законы издаются въ порядкѣ общаго законодательства, т.-е. черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ съ утвержденія Государя Императора. Въ виду однако того, что понятіе законовъ, „относящихся къ однимъ только внутреннимъ дѣламъ края" недостаточно опредѣленно, законъ 1910 г. точно перечисляетъ предметы, охватываемые „общимъ законодательствомъ". Почти всѣ предметы эти относятся къ области публичнаго права. Такъ, сюда входятъ: участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ, отбываніе финляндцами воинской повинности, права въ Финляндіи русскихъ подданныхъ и иностранцевъ, основныя начала строя управленія Финляндіи, правила о публичныхъ собраніяхъ, обществахъ, союзахъ и печати, денежныя системы, таможенная часть, пути и средства сообщенія (мореплаваніе, желѣзныя дороги, почта, телефоны). За этими изъятіями простирается сфера автономіи Финляндіи. Такимъ образомъ мѣстнымъ законодательнымъ порядкомъ опредѣляется почти вся область частнаго права и уголовнаго законодательства, а также значительная часть экономическаго и административнаго строя. Нужно однако оговорить, что предѣлы финляндской автономіи не навсегда зафиксированы закономъ 1910 г. Они могутъ подвергнуться измѣненіямъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, при чемъ, какъ выше указано, соотвѣтствующіе законопроекты могутъ быть внесены на разсмотрѣніе Государственной Думы только по почину Государя Императора.

При предварительномъ разсмотрѣніи законопроектовъ, касающихся Финляндіи, въ Совѣтѣ Министровъ запрашиваются заключенія о нихъ Финляндскаго Сената, а при поступленіи ихъ въ Государственную Думу—заключенія Финляндскаго сейма.

Что касается до финляндскихъ законовъ, издаваемыхъ въ порядкѣ особаго законодательства, то они вырабатываются *сеймомъ* Великаго Княжества Финляндскаго и нуждаются въ утвержденіи Монарха. Сеймъ былъ образованъ еще со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи (1809 г.), но въ 1906 г. онъ былъ совершенно преобразованъ. По нынѣ дѣйствующему сеймовому уставу (отъ 7/20 іюля

1906 г.) сеймъ образуетъ одну палату, состоящую изъ двухсотъ депутатовъ, избранныхъ населеніемъ всеобщимъ, прямымъ, тайнымъ и равнымъ голосованіемъ по системѣ пропорціональныхъ выборовъ. Женщины имѣютъ право какъ избирать, такъ и быть избранными въ сеймъ. Депутаты избираются на 3 года и получаютъ опредѣленное вознагражденіе отъ казны. Личность ихъ неприкосновенна. Сеймъ созывается къ 1 февраля и закрывается по истеченіи девяноста дней, Высочайшими повелѣніями. Впрочемъ, отъ Монарха зависитъ установить и иные сроки. Сеймъ можетъ быть распущенъ Государемъ до истеченія срока его полномочій (3 года), но въ такомъ случаѣ, послѣ новыхъ выборовъ, сеймъ долженъ вновь собраться не позднѣе, какъ черезъ 3 мѣсяца послѣ роспуска.

Органами высшаго управленія Финляндіи являются: министръ статсъ-секретарь Финляндіи въ Петербургѣ и генералъ-губернаторъ и Императорскій сенатъ въ Гельсингфорсѣ.

Всѣ дѣла, требующія доклада Государю (въ томъ числѣ и законопроекты, принятые сеймомъ), передаются генералъ-губернаторомъ министру статсъ-секретарю для представленія Государю. Съ 1908 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Совѣта Министровъ установлено, что одновременно съ этимъ генералъ-губернаторъ препровождаетъ подобныя дѣла и въ Совѣтъ Министровъ. Если Совѣтъ Министровъ найдетъ, что данное дѣло затрагиваетъ и интересы имперіи, то составляетъ о немъ свое заключеніе, безъ котораго дѣло не можетъ быть доложено Государю. Въ случаѣ разногласія министра статсъ-секретаря съ упомянутымъ заключеніемъ, онъ или финляндскій генералъ-губернаторъ представляютъ всеподданнѣйшій докладъ объ этомъ дѣлѣ не иначе, какъ совмѣстно съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ или другимъ имперскимъ министромъ.

Генералъ-губернаторъ (какъ и статсъ-секретарь) назначается Государемъ и стоитъ во главѣ всей администраціи Финляндіи. Онъ состоитъ предсѣдателемъ Сената и является посредникомъ между нимъ и Монархомъ.

Сенатъ состоитъ изъ двухъ департаментовъ: судебнаго, являющагося высшей судебной инстанціей, а также орга-

номъ надзора за низшими судами, и хозяйственнаго, за вѣдующаго гражданскимъ управленіемъ и народнымъ хозяйствомъ. Послѣдній департаментъ состоитъ изъ девяти экспедицій, соотвѣтствующихъ министерствамъ. Начальники ихъ назначаются Государемъ изъ состава сенаторовъ хозяйственнаго департамента. Всѣ сенаторы назначаются Государемъ на три года изъ числа финляндскихъ гражданъ, но могутъ быть назначены вновь.

Въ административномъ отношеніи Финляндія дѣлится на восемь губерній. Во главѣ губернскаго управленія стоятъ губернаторы, назначаемые Монархомъ по представленію генералъ-губернатора и подчиненные Сенату, при нихъ—губернское правленіе. Губерніи дѣлятся на уѣзды съ коронными фогтами во главѣ, а уѣзды на ленсманскіе участки—съ коронными ленсманами.

Своеобразно самоуправленіе общинъ, городскихъ и сельскихъ, въ Финляндіи. Оно построено на началѣ всесословности, иначе говоря, всѣ лица (безъ различія пола), живущія въ предѣлахъ данной общины и удовлетворяющія извѣстнымъ условіямъ (недвижимая собственность или промыселъ, финляндское гражданство, платежъ общинныхъ сборовъ, правоспособность, неопороченность по суду), принимаются членами общины и обладаютъ правомъ голоса въ общинныхъ дѣлахъ. Эти дѣла рѣшаются или на общинныхъ собраніяхъ, гдѣ могутъ принимать участіе всѣ имѣющіе право голоса, или (въ болѣе обширныхъ общинахъ) на собраніяхъ уполномоченныхъ. Исполнительнымъ органомъ служитъ въ сельскихъ общинахъ общинная управа, предсѣдатель и члены которой избираются на 3 года общиннымъ собраніемъ, а въ городахъ—магистратъ, предсѣдатель коего (бургомистръ) назначается Высочайшей властью изъ числа трехъ кандидатовъ, избранныхъ общиннымъ собраніемъ (ратушнымъ собраніемъ), а члены (ратманы) избираются тѣмъ же собраніемъ и утверждаются губернаторомъ.

Часть III.

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Составилъ ***И. Б. Новицкій.***

ОТДѢЛЪ I.

СЕМЕЙСТВЕННОЕ ПРАВО.

ГЛАВА I.

Понятіе и содержаніе семейственнаго права.

§ 56. Понятіе семьи и семейственнаго права.

Семьею называется союзъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ, и лицъ, происходящихъ отъ нихъ, или принятыхъ ими на положеніе дѣтей (усыновленныхъ). Въ бытовыхъ отношеніяхъ составъ семьи нерѣдко шире; такъ иногда въ семьѣ живутъ и другіе родственники (братья и сестры мужа или жены, племянники). Но съ точки зрѣнія закона эти лица коренными членами семьи не считаются: такъ, напримѣръ, опредѣляя льготы по семейному положенію при отбываніи воинской повинности, законъ исходитъ изъ понятія семьи, какъ союза мужа, жены и дѣтей, а сверхъ этихъ лицъ принимаетъ во вниманіе дѣда и бабку, но не дядю, племянника и другихъ родственниковъ. Отношенія между членами семьи основаны въ значительной своей части на религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ; для права здѣсь нѣтъ широкаго поля дѣйствія: многія постановленія закона въ этой области представляютъ изъ себя лишь нравственныя сентенціи, осуществленіе которыхъ гражданскому суду не подъ силу (примѣромъ такихъ нормъ можетъ служить ст. 106 нашихъ гражданскихъ законовъ, гласящая, что мужъ обязанъ *любить* жену, какъ собственное тѣло, *уважать* ее и т. д.). Однако было бы ошибочно думать, что область семейныхъ отношеній не можетъ вовсе подлежать нормировкѣ права: поскольку здѣсь идетъ дѣло не о чувствахъ,

не о внутреннемъ настроеніи членовъ семьи, а объ ихъ внѣшнемъ поведеніи, главнымъ образомъ объ имущественныхъ отношеніяхъ, нормы права могутъ имѣть руководящее значеніе. *Совокупность юридическихъ нормъ, регулирующихъ отношенія, вытекающія изъ семейнаго союза, составляетъ семейственное право.*

§ 57. Содержаніе семейственнаго права.

Семья образуется въ результатѣ союза мужа и жены; такимъ образомъ семейственное право опредѣляетъ прежде всего отношенія, касающіяся брака, а именно: оно опредѣляетъ условія для заключенія брака, отношенія, возникающія между мужемъ и женою, условія прекращенія брака. Если отъ брака родятся дѣти, образуется новый союзъ—родителей и дѣтей, также подлежащій (въ указанныхъ въ предыдущемъ параграфѣ границахъ) нормировкѣ права. Наконецъ въ область семейственнаго права входятъ отношенія, предназначенныя замѣнять кровное родство; таковы институты усыновленія съ одной стороны, опеки и попечительства, съ другой.

ГЛАВА II

Отдѣльные институты семейственнаго права.

§ 58. Бракъ.

Понятіе. Бракъ можно разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія—физіологической, религіозно-нравственной, экономической, юридической. Въ законовѣдѣніи подлежитъ разсмотрѣнію лишь послѣдняя сторона дѣла. Въ юридическомъ смыслѣ бракъ представляетъ собою соглашеніе, союзъ мужчины и женщины, т.-е. *договоръ*, облеченный въ установленную форму и вызывающій правовыя послѣдствія. Такъ какъ бракомъ кладется основаніе новой семьѣ, кладется новый камень въ государственномъ зданіи, то понятно само собою, что государство не можетъ предоставить въ брачномъ правѣ полную свободу вступающимъ въ союзъ лицамъ.

Напротивъ, государство ставитъ извѣстныя условія, безъ которыхъ бракъ не можетъ вызвать правовыхъ послѣдствій, и обратно—само опредѣляетъ тѣ случаи, когда брачный союзъ можетъ быть расторгнутъ. Въ этомъ заключается коренное отличіе брака отъ другихъ юридическихъ договоровъ.

Условія заключенія брака. Для того, чтобы союзъ мужчины и женщины могъ вызвать правовыя послѣдствія, требуется наличность ряда *условій*, выставляемыхъ законодательствомъ для дѣйствительности брака.

Первое и самое важное условіе брака, вытекающее изъ его договорнаго характера, есть свободное и сознательное *согласіе* на бракъ жениха и невѣсты. Согласіе вынужденное или несознательное (напримѣръ, со стороны сумасшедшаго) не дѣлаетъ брака законнымъ. Это естественное и необходимое условіе брака не всегда, однако, было съ достаточною силою проведено въ русскомъ законодательствѣ и особенно русской жизни. Въ практикѣ допетровской эпохи было принято при обрученіи заключать особое условіе, что если одна изъ сторонъ откажется отъ своего слова, и бракъ не состоится, отказавшаяся сторона должна понести извѣстныя невыгодныя послѣдствія, предусмотрѣнныя въ соглашеніи, напр. уплатить другой сторонѣ извѣстную сумму денегъ. Этимъ создавалось косвенное давленіе на волю лицъ, вступающихъ въ бракъ. Петръ Великій впервые обратилъ должное вниманіе на эту сторону дѣла, и съ цѣлью обезпечить свободу согласія на бракъ, между прочимъ, лишилъ всякаго юридическаго значенія обрядъ обрученія, предшествующій заключенію брака.

Кромѣ согласія на бракъ жениха и невѣсты, требуется еще *согласіе ихъ родителей.* Впрочемъ, несоблюденіе этого условія не дѣлаетъ брака недѣйствительнымъ, а лишь подвергаетъ ослушника наказанію: именно, по жалобѣ родителей сынъ или дочь, вступившіе самовольно въ бракъ, подвергаются тюремному заключенію на срокъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ и лишаются права наслѣдовать по закону въ имѣніи того изъ родителей, котораго они оскорбили своимъ ослушаніемъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ условій заключенія брака является достиженіе брачнаго *возраста*. Для мужчинъ бракъ дозволяется съ 18 лѣтъ, для женщинъ съ 16 лѣтъ[1]). Предѣльный возрастъ для заключенія брака опредѣленъ нашимъ законодательствомъ въ 80 лѣтъ. Если бракъ заключенъ лицомъ, не достигшимъ минимальнаго возраста, онъ можетъ быть расторгнутъ по просьбѣ несовершеннолѣтняго супруга. Но если оба супруга желаютъ продолжать супружество по достиженіи требуемаго закономъ возраста, ихъ бракъ дѣйствителенъ (требуется лишь подтвержденіе его въ церкви по установленному чинополоненію).

Далѣе для дѣйствительности брака необходимо, чтобы оба брачущіеся *не состояли* уже въ другомъ бракѣ (это не касается магометанъ-мужчинъ). Сверхъ того, лицамъ православнаго вѣроисповѣданія воспрещается заключать бракъ послѣдовательно болѣе трехъ разъ. Воспрещаются браки между близкими родственниками (до 4 степени включительно), браки монашествующихъ, вдовыхъ священнослужителей и т. п.

Совершеніе брака. По дѣйствующему въ Россіи праву браки лицъ христіанскихъ исповѣданій должны совершаться въ формѣ церковнаго вѣнчанія, которому предшествуетъ удостовѣреніе приходскаго духовенства въ отсутствіи препятствій къ совершенію брака. Бракъ совершается въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей, о чемъ и составляется подробная запись въ метрическую книгу. Браки нехристіанъ совершаются по правиламъ ихъ религіи. Извѣстный на западѣ такъ называемый *гражданскій* бракъ, совершаемый не въ церковной формѣ, а передъ гражданскою властью, не имѣетъ силы въ Россіи.

Прекращеніе брака. Бракъ, какъ полное общеніе всей жизни супруговъ, естественно оканчивается лишь со смертью одного изъ нихъ. Однако законодательство допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ расторженіе брака (разводъ) и при жизни обоихъ супруговъ, если физическая или нравствен-

---

[1]) Для природныхъ жителей Закавказья, развивающихся ранѣе сѣверянъ, установлено требованіе достиженія 15 лѣтъ для мужчины и 13 лѣтъ для женщины.

ная цѣль брака становится не осуществимою. Русское законодательство знаетъ слѣдующіе поводы для развода: 1) прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ; 2) лишеніе одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія; 3) безвѣстное отсутствіе супруга въ теченіе 5 лѣтъ; 4) вступленіе обоихъ супруговъ, если они бездѣтны, въ монашество и др. Дѣла о разводѣ подлежатъ вѣдѣнію не общихъ судовъ, а исключительно духовныхъ.

Для лютеранъ допускаются, сверхъ перечисленныхъ, слѣдующія причины къ разводу: сумасшествіе, заразная или отвратительная болѣзнь, развратная жизнь и т. п. У католиковъ бракъ считается принципіально нерасторжимымъ: допускается лишь временное разлученіе супруговъ. Для нехристіанъ поводы къ разводу опредѣляются ихъ вѣроисповѣданіемъ; но въ случаѣ обращенія одного изъ супруговъ въ христіанство обратившемуся дозволяется просить о разводѣ.

§ 59. Юридическія отношенія между супругами.

Бракъ, какъ общеніе двухъ лицъ, порождаетъ между ними извѣстныя отношенія—личныя и имущественныя. Что касается *личныхъ* отношеній супруговъ, то здѣсь нужно, во-первыхъ, указать, что если жена принадлежала до брака къ низшему состоянію (сословію) по сравненію съ мужемъ, она получаетъ положеніе послѣдняго, наоборотъ, если жена принадлежала къ высшему состоянію, чѣмъ мужъ, она не сообщаетъ своихъ сословныхъ правъ мужу, но и сама ихъ не теряетъ. Далѣе, мужъ имѣетъ право требовать, чтобы жена жила при немъ, такъ что мѣсто жительства семьи опредѣляется мѣстомъ жительства мужа. Больше того, мужъ даже не можетъ отказаться отъ своей власти: акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ, недѣйствительны. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда совмѣстная жизнь представляется для одного изъ супруговъ невыносимой, требованіе другого супруга о возстановленіи совмѣстной жизни удовлетворенію не подлежитъ[1]).

[1]) Это установлено новымъ закономъ 12 марта 1914 года.

Исходя изъ права личной власти мужа надъ женою, законъ не позволяетъ женѣ заключать нѣкоторыя сдѣлки безъ разрѣшенія мужа; напримѣръ, замужнія женщины (за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда онѣ живутъ отдѣльно отъ мужей), не могутъ наниматься на работы, поступать на службу и т. п. безъ согласія мужей. Съ другой стороны, какъ глава семьи, мужъ долженъ и содержать жену, по мѣрѣ своихъ средствъ и возможности; отъ этой обязанности мужъ освобождается, если жена живетъ отдѣльно отъ него, при чемъ совмѣстная жизнь оказалась невыносимой по винѣ жены. Что касается *имущественнаго* положенія супруговъ, то наше право въ этомъ отношеніи довольно своеобразно. Законодательства нѣкоторыхъ западныхъ государствъ исходятъ изъ той идеи, что въ соотвѣтствіи съ тѣмъ нравственнымъ общеніемъ, какое устанавливается бракомъ, необходимо должно быть и общеніе имущественное. Основываясь на этой точкѣ зрѣнія, нѣкоторыя западныя законодательства соединяютъ болѣе или менѣе прочно имущества мужа и жены въ одну массу, управленіе которой принадлежитъ мужу на правахъ опекуна.

Въ противоположность этому, русское законодательство исходитъ изъ идеи полной самостоятельности обоихъ супруговъ Именно, оно признаетъ между супругами полную *раздѣльность* имущества: какъ мужъ, такъ и жена могутъ имѣть свою отдѣльную собственность и ею свободно распоряжаться. Въ силу этого ни одинъ изъ супруговъ не обязанъ отвѣчать за долги другого. Однако въ виду затруднительности доказать по поводу каждой вещи, кому изъ супруговъ она принадлежитъ, русское право (по общему правилу) исходитъ изъ предположенія, что имущество принадлежитъ тому супругу, съ котораго производятъ взысканіе, пока не будетъ доказано, что имущество принадлежитъ другому супругу [1]).

Не выдѣляется изъ общей массы и такъ называемое *приданое*, имѣющее у насъ больше бытовое, чѣмъ юридическое значеніе. Оно можетъ быть собственностью какъ мужа, такъ и жены.

---

[1]) Такое предположеніе не дѣлается относительно платья и бѣлья каждаго изъ супруговъ.

§ 60. Юридическія отношенія между родителями и дѣтьми.

Родительская власть принадлежитъ отцу, и только за его смертью—матери. На родителяхъ прежде всего лежитъ обязанность давать дѣтямъ „пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное по своему состоянію“ (ст. 172 закон. гражд.), а такъ какъ моральное вліяніе легче проявить при совмѣстномъ жительствѣ, то дѣти обязаны жить при родителяхъ. Послѣднимъ предоставлено, однако, право отдавать дѣтей въ какое-либо учебное или воспитательное заведеніе Дѣти обязаны почтительно относиться къ родителямъ; отсюда вытекаетъ, что они должны спокойно выносить родительское внушеніе, такъ что иски о личной обидѣ отъ дѣтей на родителей не принимаются. Родителямъ предоставлено право употреблять противъ строптивыхъ и испорченныхъ дѣтей домашнія исправительныя мѣры, а въ случаѣ безуспѣшности таковыхъ—даже просить о заключеніи дѣтей безъ суда въ тюрьму на срокъ 2—4 мѣсяцевъ.

Въ *имущественныхъ* отношеніяхъ между родителями и дѣтьми въ Россіи господствуетъ такая же раздѣльность, какъ и между супругами; дѣти могутъ имѣть свое собственное имущество, при чемъ на время ихъ несовершеннолѣтія родители управляютъ этимъ имуществомъ на правѣ опекунскомъ.

§ 61. Установленіе и прекращеніе родительской власти.

Родительская власть возникаетъ въ силу законнаго рожденія ребенка, узаконенія и усыновленія. *Законнымъ* считается ребенокъ, родившійся отъ двухъ лицъ, состоящихъ въ законномъ бракѣ. Если и зачатіе и рожденіе ребенка произошло въ законномъ бракѣ, то законъ предполагаетъ законность ребенка, пока мужъ или его наслѣдники (когда мужъ умеръ, не успѣвъ воспользоваться своимъ правомъ) не докажутъ противоположнаго. Однако опроверженіе законности ребенка допускается лишь въ теченіе года, при томъ подъ условіемъ, что мужъ не расписывался при рожденіи ребенка въ метрической книгѣ.

Для того, чтобы ребенокъ, рожденный внѣ брака, получилъ юридическое положеніе законнаго, должно быть совершено *узаконеніе*. Внѣбрачныя дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей. Формально узаконеніе выражается въ особомъ опредѣленіи суда, постановляемомъ по просьбѣ родителей или самого узаконяемаго. Однако послѣдствія узаконенія наступаютъ не съ момента опредѣленія суда, а со дня вступленія родителей узаконяемаго въ бракъ. Возможно узаконеніе также по особому Высочайшему указу по просьбѣ родителей ребенка. Чтобы понять значеніе узаконенія, нужно замѣтить, что незаконныя дѣти до 1902 года были у насъ совершенно безправны; законъ 1902 года даетъ внѣбрачнымъ (по выраженію закона) дѣтямъ нѣкоторыя права, но очень ограниченныя; именно, внѣбрачный ребенокъ можетъ требовать себѣ отъ отца пропитанія, имѣетъ нѣкоторыя права на наслѣдство послѣ матери. Съ момента же узаконенія онъ получаетъ всѣ личныя и имущественныя права законныхъ дѣтей.

Наконецъ родительская власть можетъ быть установлена также посредствомъ *усыновленія*. Съ помощью этого института права законныхъ дѣтей даются не только внѣбрачному ребенку усыновителя[1]), но и постороннимъ лицамъ; послѣднее возможно лишь при условіи, что усыновитель своихъ дѣтей не имѣетъ, такъ что цѣль института въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы дать выходъ чувствамъ отеческой любви и привязанности бездѣтныхъ людей. Усыновлять могутъ какъ женатые, такъ и холостые[2]), лишь бы усыновитель достигъ 30 лѣтъ, и былъ старше усыновляемаго, по крайней мѣрѣ, на 18 лѣтъ. Усыновленіе производится постановленіемъ суда. Въ результатѣ усыновленія возникаетъ родительская власть со всѣми ея послѣдствіями; но между усыновленнымъ и родственниками усыновителя родство не признается, вслѣдствіе чего усыновленный, наслѣдующій (и то съ нѣкоторыми ограниченіями) послѣ усыновителя, не наслѣдуетъ послѣ его родственниковъ (развѣ только состоитъ съ ними въ кровномъ родствѣ).

---

[1]) Это стало возможно лишь по закону 1902 года.

[2]) Кромѣ тѣхъ, кто по своему сану обреченъ на безбрачіе.

Прекращается родительская власть смертью родителя или лишеніемъ его всѣхъ правъ состоянія, а равно поступленіемъ сыновей на службу, для дочерей—выходомъ замужъ. Достиженіе совершеннолѣтія юридически родительской власти не прекращаетъ, но фактически, конечно, совершенно ослабляетъ ее.

§ 62. Опека и попечительство. Правоспособность и дѣеспособность лица.

Если лицо, не достигшее достаточно зрѣлаго возраста и нуждающееся еще въ попеченіи, утрачиваетъ своего естественнаго защитника и воспитателя—родителя, то законъ восполняетъ этотъ пробѣлъ, создавая для малолѣтняго попеченіе искусственно въ лицѣ приставляемаго къ нему опекуна или попечителя. Опекунами могутъ быть лица обоего пола, за исключеніемъ расточителей, лицъ, подвергшихся ограниченію въ правахъ, несостоятельныхъ, лицъ, извѣстныхъ суровыми поступками, а также имѣвшихъ ссору съ родителями подопечнаго. Изъ числа способныхъ къ опекѣ лицъ можетъ быть указано опредѣленное лицо въ завѣщаніи родителя несовершеннолѣтняго. Если такого указанія нѣтъ, опекунскія права передаются оставшемуся въ живыхъ родителю, а если они оба умерли, опекунъ назначается правительствомъ. Порядокъ назначенія различается въ зависимости отъ сословія подопечнаго: для дворянъ опекунскія дѣла вѣдаютъ дворянскія опеки, для городскихъ обывателей—сиротскіе суды и т. д.

Юридическое положеніе опекуна. Обязанности опекуна выражаются, съ одной стороны, въ попеченіи о личности опекаемаго, а съ другой—въ охраненіи его имущественныхъ интересовъ. Въ первомъ отношеніи опекунъ долженъ замѣнить собою малолѣтнему родителя, въ силу чего и пользуется правами личной родительской власти, какъ право на уваженіе, повиновеніе и пр. Съ своей стороны опекунъ долженъ давать малолѣтнему надлежащее воспитаніе и содержаніе.

Что касается *имущественныхъ* отношеній, то опекунъ является управителемъ всего имущества подопечнаго, бывшаго налицо въ моментъ учрежденія опеки, а также

и поступившаго впослѣдствіи. Все имущество подопечнаго опекунъ принимаетъ по описи, и съ этого момента отвѣчаетъ за заботливое къ нему отношеніе. На обязанности опекуна лежитъ совершеніе всевозможныхъ сдѣлокъ, необходимыхъ въ интересахъ опекаемаго. Если требуется совершить отчужденіе, то если дѣло идетъ о движимомъ имуществѣ необходимо согласіе опекунскихъ установленій, а для отчужденія и залога недвижимости—разрѣшеніе Сената Точно такъ же и для отдачи имѣнія въ аренду на срокъ, конецъ котораго истекаетъ по достиженіи опекаемымъ 17-лѣтняго возраста, требуется разрѣшеніе Сената. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ опекуны представляютъ въ опекунскія установленія отчеты годовые и общій—по окончаніи опеки. Въ вознагражденіе за свои труды опекунъ имѣетъ право на особый гонораръ, состоящій изъ 5% съ чистаго дохода малолѣтняго.

Правоспособность и дѣеспособность лица. Такимъ образомъ, пока лицо не достигло такого возраста, что его можно признать способнымъ къ свободному распоряженію имуществомъ, къ рѣшенію различныхъ вопросовъ, возникающихъ въ дѣловой жизни,—у него всегда есть какой-то защитникъ интересовъ: или естественный—отецъ, или спеціально назначенный—опекунъ, попечитель. Такіе защитники въ первые годы жизни малолѣтняго по всѣмъ вопросамъ, касающимся его, принимаютъ рѣшенія безъ участія самого малолѣтняго. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, что малолѣтній, будучи *правоспособнымъ*, однако *недѣеспособенъ* (см. часть I, § 12).

Въ русскомъ гражданскомъ правѣ, какъ и въ другихъ гражданскихъ законодательствахъ, *правоспособность* отдѣльныхъ субъектовъ не одинакова. Такъ, прежде всего, правоспособность юридическаго лица значительно меньше, по сравненію съ физическимъ лицомъ. Достаточно сказать, что вся сфера семейнаго права недоступна для юридическихъ лицъ. Съ другой стороны, и физическія лица не всѣ правоспособны въ одинаковой мѣрѣ. Неправоспособныхъ людей теперь нѣтъ; съ момента рожденія каждый человѣкъ правоспособенъ; однако размѣры правоспособности человѣка не всегда одинаковы. Такъ, напримѣръ, *иностранные подданные* не могутъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (пограничныхъ) пріобрѣтать какія бы то ни было права на дома и земли: если

иностранцу въ этихъ губерніяхъ достается такое имущество по наслѣдству, онъ долженъ въ теченіе 3 лѣтъ продать его русскому подданному. Въ иныхъ случаяхъ ограниченія устанавливаются не на основаніи подданства, а для лицъ опредѣленной *національности* или *религіи*. Такъ, въ 9 западныхъ губерніяхъ[1]) лица польскаго происхожденія ограничены въ правѣ пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія, снимать ихъ въ долгосрочную аренду и пр. По закону 1905 года лицамъ польскаго происхожденія разрѣшается пріобрѣтать въ собственность и пожизненное владѣніе, арендовать, а равно принимать въ залогъ земельныя имущества въ названныхъ губерніяхъ исключительно отъ лицъ польскаго же происхожденія. Еще значительнѣе ограничена правоспособность *евреевъ*. Для нихъ установлена такъ называемая черта осѣдлости, за предѣлами которой могутъ жить лишь тѣ евреи, которые поставлены въ привилегированное положеніе, благодаря образованію, капиталу и т. п.; при чемъ еврей, не имѣющій права жительства въ извѣстной мѣстности, не можетъ тамъ пріобрѣтать дома и земли. Иногда на правоспособность вліяетъ *сословіе*. Напримѣръ: право учреждать заповѣдныя имѣнія принадлежитъ только потомственнымъ дворянамъ

Наконецъ, нѣсколько ограничены въ правоспособности— лица женскаго *пола:* въ наслѣдствѣ послѣ умершихъ родственниковъ они не всегда получаютъ равныя съ мужчинами доли.

Точно также и *дѣеспособностью* не всѣ люди надѣлены въ равной степени. Первой причиной неравенства въ этомъ отношеніи является, какъ отмѣчено выше, *возрастъ*. Вполнѣ дѣеспособнымъ человѣкъ признается лишь по достиженіи 21 года. Частичное признаніе дѣеспособности начинается раньше. Именно, полная недѣеспособность продолжается до 14 лѣтъ: за это время опекунъ замѣняетъ собой малолѣтняго при совершеніи всякаго рода сдѣлокъ, воля малолѣтняго во вниманіе не принимается.

Съ достиженіемъ 14 лѣтъ воля несовершеннолѣтняго получаетъ нѣкоторое признаніе; между прочимъ, ему предоставля-

[1]) Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской.

ется самому испросить себѣ попечителя, вмѣсто опекуна, но съ тѣми же правами, какія принадлежатъ и опекунамъ. Гораздо важнѣе достиженіе 17 лѣтъ: съ этого времени несовершеннолѣтній самъ вступаетъ въ *управленіе* своимъ имѣніемъ: однако дѣлать долги, давать письменныя обязательства, совершать различныя сдѣлки, *не вытекающія непосредственно изъ управленія имуществомъ*, ему не предоставлено. Такимъ образомъ, несовершеннолѣтній можетъ единолично принимать мѣры къ поддержанію въ цѣлости имущества, заботиться объ его эксплоатаціи и т. д.; если же актъ имѣетъ въ виду рѣшеніе окончательной судьбы имущества или вообще задачу, выходящую за предѣлы понятія „управленія“, то для дѣйствительности такого акта необходимо согласіе попечителя.

Кромѣ малолѣтства, причиной недѣеспособности лица можетъ быть также состояніе его *здоровья*. Дѣеспособность предполагаетъ въ субъектѣ наличность сознательной воли, способность принимать рѣшенія въ предвидѣніи возможныхъ послѣдствій того или иного дѣянія. Подобнаго предположенія не можетъ быть сдѣлано въ случаѣ болѣзненнаго состоянія субъекта, лишающаго его возможности сознавать значеніе своихъ поступковъ. Для вопроса о дѣеспособности важны два вида болѣзни — *сумасшествіе* и *глухонѣмота*.

Конечно, объявить *душевно-больного* человѣка безусловно недѣеспособнымъ было бы не вполнѣ справедливо, такъ какъ возможны случаи періодическаго помѣшательства съ довольно продолжительными свѣтлыми промежутками, въ которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ психіатровъ, имѣется достаточно ясное сознаніе и твердая воля. Съ другой стороны, допустить душевно-больныхъ къ дѣловой жизни, предоставивъ заинтересованнымъ опровергать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствительность заключенныхъ сдѣлокъ, значило бы внести шаткость и неустойчивость въ гражданско-правовыя отношенія. Въ виду этого лишеніе душевно-больныхъ дѣеспособности обставляется извѣстными условіями.

По русскому праву для того, чтобы сумасшедшій былъ лишенъ дѣеспособности, необходимо офиціальное удосто-

вѣреніе его болѣзни. Съ этою цѣлью по требованію заинтересованныхъ лицъ или губернской власти во врачебномъ отдѣленіи губернскаго правленія производится освидѣтельствованіе. Если губернское правленіе придетъ къ заключенію, что данный субъектъ, дѣйствительно, ненормаленъ, оно отправляетъ протоколъ освидѣтельствованія въ Сенатъ, который дѣлаетъ распоряженіе объ учрежденіи опеки, послѣ чего въ сенатскихъ объявленіяхъ помѣщается соотвѣтствующая публикація. Съ этого момента больной отдается подъ надзоръ ближайшихъ родственниковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ—въ домъ для умалишенныхъ; къ имуществу сумасшедшаго назначаются опекуны изъ числа его ближайшихъ наслѣдниковъ. Если отданный подъ опеку впослѣдствіи выздоровѣетъ, повторяется та же процедура для снятія опеки. Для того, чтобы лишить силы какую-нибудь сдѣлку, заключенную душевно-больнымъ до учрежденія надъ нимъ опеки, требуется спеціальное доказательство ненормальности субъекта въ моментъ совершенія этой сдѣлки.

Такимъ образомъ для признанія субъекта недѣеспособнымъ вслѣдствіе сумасшествія необходимо офиціальное о томъ объявленіе. Что касается *глухонѣмыхъ*, то здѣсь наше законодательство считаетъ предположеніе объ отсутствіи у нихъ нормальной воли настолько обоснованнымъ, что требуется спеціальное освидѣтельствованіе для того, чтобы глухонѣмой могъ *освободиться* отъ опеки,—другими словами, получить признаніе своей дѣеспособности. Если результатъ такого освидѣтельствованія получается неудовлетворительный, глухонѣмой на всю жизнь оставляется подъ опекою на положеніи малолѣтнихъ.

ОТДѢЛЪ II.

ПРАВА ИМУЩЕСТВЕННЫЯ.

ГЛАВА I.

Общія понятія.

§ 63. Объектъ права. Права вещныя и обязательственныя.

Громадное большинство человѣческихъ потребностей не можетъ быть удовлетворено безъ господства человѣка, въ большей или меньшей степени, надъ предметами внѣшняго міра. Это приходится наблюдать не только относительно болѣе грубыхъ физическихъ потребностей—въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и пр., но и относительно потребностей, такъ сказать, высшаго порядка: умственныхъ, эстетическихъ и т. п. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ нуждается въ цѣломъ рядѣ матеріальныхъ объектовъ (напр. въ бумагѣ, краскахъ, чернилахъ и т. п.).

Однако эта нужда въ вещахъ, въ матеріальныхъ объектахъ, можетъ удовлетворяться разными способами. Напримѣръ. Иванова интересуетъ какая-нибудь книга, у него есть потребность въ прочтеніи ея. Для достиженія этой цѣли передъ нимъ открыто нѣсколько путей: онъ можетъ купить себѣ интересующую его книгу, можетъ записаться въ библіотеку и получить ее тамъ, можетъ попросить у кого-нибудь изъ знакомыхъ одолжить книгу. По видимости, какой-бы путь Ивановъ ни избралъ, результатъ будетъ одинъ: книга добыта и прочтена. Однако въ правовомъ смыслѣ возникаютъ неодинаковыя отношенія, въ зависимости отъ того, какимъ путемъ добыта книга. Если Ивановъ пріобрѣлъ себѣ книгу, онъ получилъ возможность

непосредственнаго удовлетворенія своего интереса; между нимъ и нужной для него вещью нѣтъ никого. Если же онъ беретъ книгу изъ библіотеки или у знакомыхъ для прочтенія, у него права на книгу нѣтъ; есть только извѣстное соглашеніе съ кѣмъ-то о предоставленіи ему пользоваться книгой; но если такое соглашеніе будетъ нарушено, можно ставить вопросъ, не обязанъ ли отступившій отъ своего слова вознаградить Иванова, но и только; добиться полученія самой вещи средствъ нѣтъ Ивановъ непосредственно на нее права не получилъ, онъ лишь выговорилъ отъ того, кто стоитъ между нимъ и вещью, обязательство предоставить ему (на извѣстныхъ условіяхъ) эту вещь. Поэтому, въ первомъ случаѣ говорятъ, что Ивановъ пріобрѣлъ *вещное* право, или что объектомъ его права служитъ *вещь;* во второмъ—его право называютъ *обязательственнымъ*, или что объектомъ его права служитъ *дѣйствіе* лица, ибо дѣло идетъ лишь о личномъ обязательствѣ (предоставить вещь для пользованія). Такимъ образомъ, въ зависимости отъ объекта, имущественныя права распадаются на двѣ основныя категоріи — права вещныя и обязательственныя,

Субъективное вещное право есть именно *непосредственное господство лица надъ вещью.* Субъектъ вещнаго права осуществляетъ свои правомочія *независимо* отъ какого-либо третьяго лица, такъ какъ предметомъ его права является *вещь.*

Въ связи съ этимъ переходъ вещи изъ рукъ одного лица къ другому не оказываетъ серьезнаго вліянія на судьбу вещнаго права: право въ этомъ случаѣ такъ *связано* съ вещью, что слѣдуетъ за нею. Напримѣръ, если я имѣю вещное право пользоваться имѣніемъ моего сосѣда для того, чтобы рубить лѣсъ, брать воду и т. п. для нуждъ моего хозяйства, для меня совершенно безразлично, остается ли собственникомъ имѣнія то лицо, при которомъ мое право возникло, или же это имѣніе перешло къ другому лицу: и въ томъ и въ другомъ случаѣ я получаю признаніе моего права, потому что оно, такъ сказать, лежитъ на самой вещи. Напротивъ, если я вступаю въ чисто личное *(обязательственное)* соглашеніе съ собственникомъ имѣнія о томъ же

предметѣ, я не получаю никакого права на его вещь, а могу лишь *требовать* отъ него *лично* предоставленія мнѣ тѣхъ выгодъ, о которыхъ мы условились; какъ только это лицо перестало быть собственникомъ участка, для меня закрывается возможность этимъ участкомъ пользоваться, развѣ только новый хозяинъ подчинится соглашенію, существовавшему между мною и прежнимъ собственникомъ, или вступитъ со мной въ аналогичное новое соглашеніе.

Въ этомъ, повторяемъ, заключается коренное различіе между вещнымъ и обязательственнымъ правомъ. Отсюда, какъ естественное послѣдствіе, вытекаетъ и другая разница между обѣими категоріями. Такъ какъ въ вещномъ правѣ субъектъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ самой вещи, то всякій членъ общежитія можетъ своимъ поведеніемъ нарушить это право, при чемъ для управомоченнаго безразлично, кто нарушаетъ его право; какъ принято говорить, вещное право защищается противъ *всякаго третьяго* нарушителя; другими словами, вещныя права по своей защитѣ *абсолютны*. Напротивъ, обязательственное право даетъ своему субъекту лишь право на дѣйствіе *опредѣленнаго* лица, отъ котораго, слѣдовательно, и зависитъ исполненіе или неисполненіе дѣйствія. Если кто-нибудь отниметъ вещь у лица, обязавшагося предоставить ее мнѣ, такъ что исполненіе обязательства становится невозможнымъ, я не могу обращаться съ какими-либо претензіями къ отнявшему вещь, но могу лишь сводить счеты съ тѣмъ, кто передо мною обязанъ. Такимъ образомъ, въ силу характера обязательственнаго права его нарушителемъ можетъ быть *только извѣстное лицо* (при договорѣ—лицо, заключающее его, при правонарушеніи—причинитель ущерба и т. д.), противъ котораго единственно и дается искъ (такъ называемая *относительная* защита).

Въ заключеніе необходимо упомянуть, что вещными и обязательственными правами не исчерпываются всѣ имущественныя права. Такъ, напримѣръ, жизнь выдвинула въ новое время цѣлый рядъ отношеній въ видѣ авторскаго права, привилегій на промышленныя изобрѣтенія и т. п. Вытекающія отсюда субъективныя права не подходятъ ни подъ категорію вещныхъ, ни обязательственныхъ правъ, но несомнѣнно имѣютъ между прочимъ и имущественную цѣнность для субъекта; ихъ можно назвать правами исключительными.

§ 64. Понятіе имущества.

Потребности человѣка удовлетворяются, какъ выяснено въ предыдущемъ параграфѣ, въ однихъ случаяхъ путемъ непосредственнаго господства надъ вещами, въ иныхъ случаяхъ—черезъ содѣйствіе другихъ лицъ, въ формѣ права одного лица на дѣйствіе другого. Отсюда двѣ основныя категоріи хозяйственныхъ благъ: матеріальные объекты, т.-е. вещи, и дѣйствія другихъ лицъ, разумѣется, поскольку эти дѣйствія допускаютъ денежную оцѣнку. Эти двѣ категоріи хозяйственныхъ благъ—вещи и права, на дѣйствія другихъ лицъ—составляютъ положительную часть имущества, т. наз. активъ. Но конечно, съ другой стороны субъектъ и самъ можетъ быть обязанъ къ выполненію тѣхъ или иныхъ дѣйствій имущественнаго характера въ пользу разныхъ лицъ, имѣющихъ соотвѣтственныя права по отношенію къ нему. Такія обязанности также входятъ въ понятіе имущества, составляя его отрицательную часть, т. наз. пассивъ.

ГЛАВА II.

Вещныя права.

§ 65. Понятіе права собственности.

Наиболѣе широкое изъ всѣхъ правъ на вещь называется правомъ собственности. Невозможно перечислить отдѣльныя правомочія, которыми пользуется собственникъ: его власть простирается всюду, гдѣ законодатель, въ интересахъ общаго блага, не установилъ спеціальнаго ограниченія. Всего яснѣе эта мысль выражена въ Швейцарскомъ Уложеніи: „собственникъ вещи,—читаемъ въ ст. 641 Швейц. Улож.,— въ правѣ свободно располагать вещью въ границахъ закона“ [1]).

---

[1]) Ср. Франц. Код., 544 ст.: Право собственности есть право пользоваться и распоряжаться вещами безъ всякаго ограниченія, съ тѣмъ однако, чтобы не дѣлать изъ нихъ употребленія, законами или особыми правилами воспрещеннаго. Герм. Ул. § 903: Собственникъ вещи властенъ, насколько тому не препятствуютъ законъ или права третьихъ лицъ, распоряжаться вещью по своему усмотрѣнію и устранять другихъ отъ всякаго на нее воздѣйствія.

Такимъ образомъ, хотя право собственности и не есть безграничное господство надъ вещью, но оно предоставляетъ своему субъекту *наиболѣе полное*—по сравненію съ другими правами—господство надъ вещью. По существу и въ русскомъ законодательствѣ право *собственности* состоитъ въ *возможности наиболѣе полнаго—въ предѣлахъ законныхъ ограниченій—господства надъ вещью*. Законъ упоминаетъ *важнѣйшія* правомочія, предоставляемыя правомъ собственности; они выражаются во *владѣніи*, т.-е. фактическомъ обладаніи вещью, *пользованіи*, т.-е. возможности эксплоатаціи вещи для удовлетворенія какой-либо потребности или извлеченія выгоды и т. п., и въ *распоряженіи*, т.-е. въ возможности опредѣлять судьбу своего права, передавать, уничтожать вещь и т. д.

Терминъ „собственность“ впервые появляется въ Россіи при Екатеринѣ Великой, но самое существо собственности какъ права, наиболѣе широкаго среди вещныхъ правъ, было, конечно, фактически извѣстно и ранѣе. Какъ и у многихъ другихъ народовъ, появленію частной собственности и у насъ предшествовала собственность родовая и общинная Быстрѣе эволюція частной собственности совершалась въ отношеніи движимостей. Что касается недвижимостей, то въ московскомъ княжествѣ нѣтъ еще почвы для полнаго развитія частной индивидуальной собственности. На ряду съ общиннымъ и родовымъ характеромъ институтъ собственности въ эту эпоху пропитанъ въ сильной степени государственнымъ началомъ; отсюда и явилась чрезвычайно пестрая картина поземельныхъ отношеній, различавшихся для помѣстій, т.-е. участковъ земли, данныхъ въ качествѣ жалованья за службу, вотчинъ родовыхъ, купленныхъ и т. д. Только въ императорскую эпоху понятіе собственности постепенно освобождается отъ государственно-правовой окраски, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе развивается индивидуальная собственность[1]).

Дѣйствующее русское право различаетъ два вида права собственности: *полное*, когда всѣ правомочія, вытекающія изъ права собственности, сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, и

[1]) *Побѣдоносцевъ*. Курсъ I, § 16—17.

неполное, когда право собственника ограничено (во владѣніи, пользованіи или распоряженіи) правами другихъ лицъ на его вещь; напр.: имѣніе собственника находится въ пожизненномъ пользованіи кого-либо и т. п. Какъ будетъ выяснено дальше, и право полной собственности не означаетъ еще ея неограниченности.

§ 66. Составные элементы права собственности. А. Владѣніе.

Въ русскихъ гражданскихъ законахъ терминъ „владѣніе“ употребляется въ различныхъ смыслахъ. Иногда законъ употребляетъ его, какъ синонимъ права собственности, приближаясь въ этомъ случаѣ къ обиходному языку, въ которомъ словами „домовладѣлецъ“, „землевладѣлецъ“ и т. п. обозначаютъ собственника дома или земли. Въ другихъ случаяхъ владѣніе, по смыслу закона, не покрываетъ собой собственности, а должно обозначать лишь одинъ изъ трехъ главныхъ элементовъ собственности, именно, фактическое обладаніе вещью. Въ этомъ значеніи, владѣніе можетъ быть отдѣлено отъ собственности и уступлено другому лицу по какому-нибудь договору или иному акту, такъ что одно лицо окажется собственникомъ, не имѣющимъ фактически вещи въ своемъ обладаніи, другое—будетъ имѣть фактическое обладаніе, не имѣя на вещь права собственности.

Надо однако замѣтить, что фактъ владѣнія вещью принимается во вниманіе и охраняется закономъ даже независимо отъ того, было ли законное основаніе для того, чтобы вещь оказалась въ рукахъ даннаго лица.

Потребность въ твердомъ порядкѣ, въ устойчивости отношеній вынуждаетъ законодателя давать признаніе не только правамъ, пріобрѣтеннымъ установленными для того способами, но и простому фактическому обладанію вещами, независимо отъ того, управомоченъ ли обладатель вещи или нѣтъ. Такое *фактическое обладаніе* вещью, снабженное *защитою*, а иногда и иными юридическими послѣдствіями, также носитъ названіе *владѣнія* (въ спеціальномъ смыслѣ).

Само собою разумѣется, что юридическимъ владѣніемъ нельзя назвать тѣ отношенія человѣка къ вещи, когда обладаніе вещью происходитъ совершенно безсознательно (напр.,

вещь находится въ рукахъ спящаго, душевно-больного и т. п.) или безъ намѣренія пользоваться ею для себя, въ своихъ интересахъ (напр., носильщикъ на станціи желѣзной дороги беретъ вещи пассажира, чтобы внести ихъ въ вагонъ). Подобные случаи, въ отличіе отъ юридическаго владѣнія принято называть *держаніемъ*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо владѣетъ вещью сознательно, при томъ съ намѣреніемъ пользоваться ею для себя, государственная власть даетъ защиту, не взирая на то, какъ попала къ данному лицу вещь. Ст. 531 гражданскихъ законовъ гласитъ: *Всякое*, даже и незаконное владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому и сдѣланы надлежащія по закону, о передачѣ онаго, распоряженія". Изъ этого постановленія видно, что по русскому праву дается защита всякому фактическому обладателю вещи,— разумѣется, *въ своемъ интересѣ*. Въ процессѣ о владѣніи вопросъ о правомѣрности вовсе не поднимается: судъ основываетъ свое рѣшеніе *исключительно на фактической* сторонѣ дѣла. Въ нашемъ процессуальномъ законодательствѣ содержится, между прочимъ, прямое постановленіе, предписывающее при разрѣшеніи споровъ о владѣніи не входить въ разсмотрѣніе документовъ, удостовѣряющихъ *право* собственности на имѣніе. Такимъ образомъ для того, чтобы получить защиту по иску о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, требуется, чтобы лицо имѣло фактическое владѣніе, и чтобы это владѣніе было нарушено какимъ-либо насильственнымъ или самовольнымъ дѣйствіемъ. При наличности этихъ условій можно въ 6-мѣсячный срокъ (а въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ новый законъ о мѣстномъ судѣ—въ теченіе года) съ момента нарушенія просить защиты у мѣстнаго мирового судьи, независимо отъ размѣра стоимости имущества[1]). Если потерпѣвшій пропуститъ вышеназванный срокъ, дѣло становится подсуднымъ окружнымъ судамъ, и здѣсь, по толкованію Сената, владѣльческій искъ теряетъ свою характерную особенность, отрѣшенность отъ вопроса о правѣ.

---

[1]) По общему же правилу дѣла разбираются мировымъ судьею лишь въ томъ случаѣ, если цѣна иска не превышаетъ 500 руб. (по новому закону о мѣстномъ судѣ—1000 руб.).

Такая владѣльческая защита, отрѣшенная отъ вопроса о правѣ, явилась у насъ впервые въ Екатерининскомъ „Учрежденіи о губерніяхъ“ 1775 г., предписывавшемъ земскимъ капитанамъ и исправникамъ, „буде, гдѣ окажется насильство, изслѣдовать на мѣстѣ безъ многаго письменнаго производства и то единственно въ ясность приводить, учинился ли такой случай или нѣтъ, и свидѣтелей допрашивать, и буде что у кого отнято, а оно налицо находится, тотчасъ возвращать“. Такимъ образомъ, уже Екатерина II при искахъ о владѣніи рекомендуетъ изслѣдовать лишь *фактическую* сторону дѣла („учинился ли такой случай“), не касаясь вовсе вопроса о правѣ. Въ этомъ видѣ владѣніе защищается и въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ, которое какъ сказано, охраняетъ даже и незаконное владѣніе. Эта особенность владѣльческаго иска, какъ бы противорѣчащая назначенію судовъ, призванныхъ возстановлять нарушенныя *права*, вызывала не мало попытокъ объяснить ее Одни ученые видятъ объясненіе въ томъ, что защита фактическаго владѣнія вытекаетъ изъ необходимости бороться съ насиліемъ вообще, другіе утверждаютъ, что, защищая владѣльца, право имѣетъ въ виду интересы собственника, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ право собственности и владѣніе совпадаютъ въ одномъ лицѣ и т. д.

Хотя защищается отъ насилія и самоуправства всякое владѣніе, тѣмъ не менѣе различаютъ владѣніе *законное* и *незаконное, добросовѣстное* и *недобросовѣстное*. Изъ выраженія ст. 609 гражд. зак. („Всякій, владѣвшій *незаконно* чужимъ имуществомъ, не смотря на то, *добросовѣстное или недобросовѣстное было сіе владѣніе*, обязанъ по окончательному рѣшенію суда, немедля возвратить имущество настоящему хозяину онаго и т. д.) видно, что свойства добросовѣстности или недобросовѣстности владѣнія относятся лишь къ владѣнію незаконному. Что касается признаковъ различія владѣнія законнаго и незаконнаго, то ст. 524 опредѣляетъ *законное* владѣніе, какъ такое, когда имущество пріобрѣтено *способами, въ законахъ дозволенными*. Однако изъ другихъ мѣстъ X тома (зак. гражд.) видно, что дозволеннаго закономъ способа пріобрѣтенія недостаточно еще для законности владѣнія; такъ, въ ст. 529 владѣніе, пріобрѣтенное

по наслѣдству, или покупкой, т.-е. способами дозволенными, признается, при извѣстныхъ условіяхъ, добросовѣстнымъ слѣд. незаконнымъ. Отсюда приходится заключить, что для признанія владѣнія законнымъ требуется еще, чтобы лицо, передавшее вещь, само имѣло право передавать ее. Незаконное владѣніе бываетъ *подложное*, когда оно основано на подложномъ актѣ или иномъ обманѣ, *насильственное*, если его начало было сопряжено съ какимъ-нибудь насиліемъ противъ прежняго владѣльца, и *самовольное*, когда лицо владѣетъ, хотя и безъ насилія, но вопреки закону.

Различіе владѣнія добросовѣстнаго и недобросовѣстнаго, являющихся, какъ выяснено, подвидами незаконнаго владѣнія состоитъ въ слѣдующемъ. Если лицо владѣетъ вещью на самомъ дѣлѣ не по праву, но имѣетъ достаточныя основанія считать себя управомоченнымъ, владѣніе признается *добросовѣстнымъ;* напримѣръ, лицо пріобрѣло вещь по куплѣ-продажѣ, между тѣмъ какъ оказывается, что продавецъ, вопреки предположеніямъ покупателя, самъ не имѣлъ на нее права и т. п. Если же такого основанія считать себя законнымъ владѣльцемъ не было, владѣніе признается *недобросовѣстнымъ*. Тотъ или иной характеръ владѣнія отражается на размѣрѣ отвѣтственности владѣльца, если ему приходится возвращать вещь собственнику.

§ 67. Составные элементы права собственности. Б. Пользованіе. Вещи движимыя и недвижимыя.

Пользованіемъ называется извлеченіе изъ имущества тѣхъ выгодъ, какія оно можетъ представить. Пользоваться своей вещью собственникъ можетъ или лично или черезъ посредство другихъ лицъ, которымъ онъ—безвозмездно или за плату—уступитъ на извѣстный срокъ эксплоатацію вещи. Способы пользованія по общему правилу избираются самимъ собственникомъ по его усмотрѣнію. Однако полной свободы въ этомъ отношеніи ему не дается.

Защищая частные интересы отдѣльныхъ лицъ, гражданское право не можетъ все-таки отрѣшиться отъ точки зрѣнія *общаго блага*. Признавая собственность сферою непосредственнаго и наиболѣе широкаго воздѣйствія на вещь, право

не можетъ, однако, оставить осуществленіе этого права совершенно неограниченнымъ, такъ какъ подобная безпредѣльность власти собственника вредно отразилась бы на интересахъ другихъ членовъ общежитія. Въ силу этихъ соображеній законодательства всегда и всюду суживаютъ область господства собственника, устанавливаютъ тѣ или иныя *ограниченія*, иногда въ интересахъ того или другого опредѣленнаго лица, иногда въ интересахъ цѣлаго общества. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ русскомъ законодательствѣ ограниченія собственности дѣлятся на двѣ категоріи—*право участія общаго* и *право участія частнаго:* первое устанавливается въ интересахъ всего общества, второе охраняетъ интересы отдѣльныхъ лицъ.

Въ вопросѣ объ ограниченіяхъ права собственности важное значеніе имѣетъ различіе вещей *движимыхъ и недвижимыхъ*.

Къ первой категоріи относятся вещи, которыя безъ существеннаго измѣненія своего первоначальнаго характера могутъ передвигаться (напр., животныя) или быть передвигаемы (напр., различные предметы домашней обстановки). Къ недвижимостямъ же принадлежатъ тѣ вещи, которыя или вовсе неспособны къ передвиженію (напр., участокъ земли), или терпятъ при подобномъ передвиженіи очень серьезныя измѣненія, дѣлающія невозможнымъ существованіе прежней вещи (напр., зданіе). По русскому закону недвижимыми имуществами признаются „земли и всякія угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякія строенія и пустыя дворовыя мѣста, а также желѣзныя дороги“. Это перечисленіе носитъ лишь примѣрный характеръ; можно вообще сказать, что къ недвижимостямъ относится земля и все, что связано съ нею настолько прочно, что безъ существеннаго измѣненія не можетъ быть отъ нея отдѣлено. Движимый или недвижимый характеръ вещи принимается во вниманіе въ разныхъ отношеніяхъ; такъ, напримѣръ, вслѣдствіе бо̀льшей важности вещей недвижимыхъ въ глазахъ государственной власти пріобрѣтеніе права на недвижимость обставляется болѣе сложными формальностями, чѣмъ пріобрѣтеніе права на движимую вещь. Отражается характеръ вещи и на содержаніи права пользованія. Всѣ

важнѣйшія ограниченія права собственности касаются только правъ на *недвижимости*. Эти ограниченія сводятся къ слѣдующимъ.

Право участія общаго. Къ числу ограниченій, установленныхъ „въ пользу *всѣхъ безъ изъятія*“, наше законодательство относитъ слѣдующія:

a) Владѣльцы земель, по которымъ проходятъ большія дороги, не должны препятствовать проходу и проѣзду по этимъ дорогамъ, не должны скашивать и вытравлять траву, растущую на большой дорогѣ

b) Прибрежные собственники обязаны оставлять изъ своего владѣнія бечевникъ Этимъ именемъ называется пространство по берегу рѣки, озера и т. п., предназначенное для надобностей судоходства.

c) Прибрежный собственникъ не долженъ строить на судоходныхъ рѣкахъ мельницъ, плотинъ и какихъ-либо перегородокъ, мѣшающихъ движенію судовъ. Черезъ малыя несудоходныя рѣки воспрещается строить мосты на козлахъ, жердяхъ и слабыхъ сваяхъ; дозволяется лишь строить постоянные мосты, не мѣшающіе сплаву бревенъ и дровъ, или содержать разводные мосты

Право участія частнаго. Сюда относятся преимущественно тѣ ограниченія, которыя устанавливаются въ интересахъ *сосѣдей*

a) Воспрещается прибрежному владѣльцу поднимать запрудами рѣчную воду и тѣмъ затоплять луга и пашни сосѣда или останавливать дѣйствіе его мельницы. Равнымъ образомъ, прибрежный владѣлецъ не можетъ примыкать плотины къ противоположному берегу безъ согласія владѣльца этого берега.

b) Строящій домъ на самой межѣ своего двора не долженъ дѣлать оконъ на дворъ или крышу сосѣда безъ его согласія, и др.

§ 68. Составные элементы права собственности. B. Распоряженіе. Вещи внѣоборотныя. Имущества родовыя и благопріобрѣтенныя.

Распоряженіе вещью выражается въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ея судьбы; напр., продажа вещи, передача ея въ подарокъ и т. п. Право распоряженія можетъ быть огра-

ничено или даже вовсе отнято у собственника по разнымъ причинамъ: въ виду нахожденія собственника подъ опекой, въ виду спеціальнаго запрещенія компетентной власти и пр. Вліяетъ на право распоряженія, между прочимъ, характеръ самой вещи. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія такъ называемыя *вещи, изъятыя изъ оборота.* Нѣкоторыя изъ нихъ вообще не могутъ быть объектомъ частнаго права собственности: такъ, небесныя свѣтила, воздухъ въ его необъятномъ цѣломъ, текущія воды, не могутъ быть захвачены человѣкомъ въ исключительное обладаніе по чисто-физическимъ, естественнымъ причинамъ; крѣпости, публичные памятники и т. п не могутъ быть объектомъ права частныхъ лицъ по соображеніямъ государственнымъ и т. п. Другія вещи могутъ находиться въ частной собственности, но съ ограниченіями въ правѣ распоряженія; таковы: освященныя иконы (онѣ не подлежатъ, между прочимъ, продажѣ съ публичнаго торга), взрывчатыя вещества, яды и др. предметы.

Далѣе, съ точки зрѣнія права распоряженія имуществомъ важно противоположеніе имуществъ *родовыхъ* и *благопріобрѣтенныхъ.* Это различіе, существующее только въ русскомъ законодательствѣ, касается лишь *недвижимостей.*

Дѣйствующее право признаетъ недвижимости родовыми въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если имущество пріобрѣтено путемъ наслѣдованія по закону; 2) если имущество получено, хотя и по духовному завѣщанію, но такимъ лицомъ, которое въ моментъ открытія наслѣдства имѣло бы и по закону право наслѣдованія, и 3) если имущество пріобрѣтено покупкою отъ родственниковъ, къ которымъ оно дошло изъ того же рода. Между двумя первыми случаями и третьимъ есть существенная разница: когда лицо получаетъ недвижимость по наслѣдству, то здѣсь имущество *впервые* пріобрѣтаетъ родовой характеръ, между тѣмъ купля-продажа не можетъ придать имуществу этого свойства вновь, а можетъ лишь *сохранить* за нимъ родовой характеръ при наличности другихъ необходимыхъ условій, а именно: чтобы покупщикъ и продавецъ принадлежали къ одному роду, и чтобы имѣніе досталось продавцу отъ кого-нибудь изъ членовъ того же рода. Имущества, не подходящія ни подъ одну изъ трехъ названныхъ категорій, носятъ названіе

благопріобрѣтенныхъ. Различіе родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществъ выражается практически въ ограниченіяхъ, которыя возлагаются закономъ на собственника родового имущества. Такъ, запрещается дарить родовыя имѣнія кому-либо, помимо ближайшихъ наслѣдниковъ по закону. Завѣщать родовое имущество по общему правилу также нельзя; исключеніе допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ оставляетъ такое имущество не постороннимъ лицамъ, а своимъ родственникамъ, внося только частичныя измѣненія въ законный порядокъ наслѣдованія; напр., имѣя нѣсколькихъ сыновей, которые должны бы раздѣлить имѣніе поровну, онъ все оставляетъ одному; или будучи бездѣтнымъ, но имѣя брата, собственникъ обходитъ его и все имѣніе завѣщаетъ болѣе дальнему родственнику и т. п. Для продажи родового имѣнія запрещенія въ законѣ нѣтъ, однако, родственникамъ продавца предоставляется право въ теченіе трехъ лѣтъ выкупить имѣніе, уплативъ, конечно, покупателю уплаченную имъ цѣну, а также издержки, понесенныя по совершенію договора продажи и употребленныя на поддержаніе и улучшеніе имѣнія.

Отъ родовыхъ имѣній слѣдуетъ отличать *заповѣдныя*, которыя учреждаются потомственными дворянами для обезпеченія фамиліи. Заповѣдное имѣніе переходитъ отъ одного лица къ другому въ порядкѣ, установленномъ учредительнымъ актомъ, и никакимъ распоряженіямъ со стороны собственника не подлежитъ.

§ 69. Пріобрѣтеніе права собственности.

Способомъ пріобрѣтенія права называется совокупность тѣхъ фактовъ, посредствомъ которыхъ право пріобрѣтается. Теорія гражданскаго права различаетъ два вида способовъ пріобрѣтенія права: *первоначальные*, когда право лица возникаетъ и существуетъ независимо отъ его предыдущей судьбы (напримѣръ, лицо подчиняетъ своей власти дикое животное, выдѣлываетъ совершенно новую вещь и т. д.), и *производные*, когда право субъекта основывается на правѣ предшественника, и въ силу этого обладаетъ тѣми свойствами, какими оно было снабжено въ лицѣ предыдущаго субъекта (такъ называемое *преемство*, successio).

Такое раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности не вполнѣ чуждо и русскому гражданскому праву, различающему „первыхъ пріобрѣтателей имущества“ и „получившихъ свою власть отъ перваго пріобрѣтателя послѣдующими передачами“ [1]).

Разсмотримъ важнѣйшіе способы пріобрѣтенія права собственности.

1. Завладѣніе. Этимъ терминомъ означается *захватъ никому не принадлежащей вещи съ намѣреніемъ присвоить ее себѣ* Такимъ образомъ для завладѣнія существенны 3 момента: a) вещь должна быть захвачена, т.-е. лицо должно получить фактическое обладаніе ею; b) этотъ захватъ долженъ имѣть мѣсто не случайно, не по ошибкѣ, а именно съ намѣреніемъ присвоить вещь себѣ, и, наконецъ, c) вещь должна быть безхозяйною, не имѣть собственника, такъ какъ, если я присвоиваю себѣ чужое имущество, я не дѣлаюсь въ силу этого собственникомъ.

Впрочемъ, не всякая вещь, не имѣющая хозяина, способна быть предметомъ завладѣнія. Наше законодательство ставитъ нѣкоторыя ограниченія. Именно, всѣ недвижимости, съ принадлежащими къ нимъ движимыми имуществами, въ случаѣ если онѣ не принадлежатъ, по выраженію закона, никому въ особенности, считаются собственностью государства. Точно также наслѣдства, заключаются ли они въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ, переходятъ въ казну, если никто изъ наслѣдниковъ въ теченіе 10 лѣтъ не явился за ихъ полученіемъ.

2. Находка. Утрачивая фактическое обладаніе вещью, собственникъ тѣмъ самымъ не утрачиваетъ, конечно, своего права на нее. Поэтому логически слѣдовало бы признать, что находка чужой вещи не можетъ служить способомъ пріобрѣтенія права собственности. Однако, практически подобное рѣшеніе неудобно: при послѣдовательномъ проведеніи такого взгляда цѣлый рядъ вещей оказался бы изъятымъ изъ обращенія за неизвѣстностью ихъ хозяевъ. Въ виду этого современныя законодательства признаютъ, что въ

[1]) Т. X, ч. I, ст: 420.

нѣкоторыхъ случаяхъ находка можетъ служить способомъ пріобрѣтенія права собственности на вещь.

По русскому законодательству для этого требуется наличность слѣдующихъ условій: a) вещь должна быть „обрѣтена“, т.-е. нужно ею *овладѣть;* b) посредствомъ находки можетъ быть пріобрѣтено право собственности только на дѣйствительно *потерянную* вещь; вслѣдствіе этого, правила о находкѣ не распространяются на вещи, забытыя хозяиномъ, а также на умышленно спрятанныя (въ частности, *кладъ;* онъ поступаетъ въ собственность хозяину имущества, въ которомъ кладъ оказался); c) далѣе для находки существенна *неизвѣстность хозяина* вещи. Если я подниму вещь, утерянную на моихъ глазахъ лицомъ, идущимъ впереди меня, я не могу сдѣлаться ея собственникомъ; d) наконецъ, требуется соблюденіе нѣкоторыхъ *формальностей.* Именно, нашедшій чужую вещь долженъ заявить о находкѣ мѣстной полиціи, которая принимаетъ мѣры къ розысканію хозяина вещи. Если вещь стоитъ дороже 100 руб., производится публикація въ газетахъ, если дешевле — выставляется объявленіе у дверей полицейскаго управленія. Если хозяинъ вещи явится, вещь возвращается ему, но съ обязательствомъ уплатить въ качествѣ вознагражденія находчику третью часть ея цѣны. Если же въ теченіе 6 мѣсяцевъ со времени объявленія или публикаціи хозяинъ не явится, вещь поступаетъ въ собственность находчика [1]).

3 Приращеніе. Если двѣ вещи разныхъ собственниковъ соединяются такъ, что раздѣленіе вещей или невозможно или связано съ порчею вещей, то хозяинъ вещи, имѣющей *главное* хозяйственное значеніе, получаетъ право собственности и на присоединившуюся вещь, въ силу приращенія.

Напримѣръ, все, что посажено и посѣяно, связывается органически съ почвою, и въ силу этого, какъ составная часть земли, по общимъ правиламъ о приращеніи дѣлается собственностью хозяина земли. При этомъ на собственника

---

[1]) Эти правила не примѣняются къ случаямъ, когда домашнія животныя уйдутъ изъ стадъ или дворовъ и окажутся на чужой землѣ или въ чужомъ стадѣ; они подлежатъ возврату законнымъ владѣльцамъ съ соблюденіемъ особыхъ правилъ о пригульномъ скотѣ (X т. ст 539, прим. 1-е и приложеніе къ нему).

земли возлагается обязанность вознагражденія за стоимость растеній, сѣмянъ и т. п.

Въ иномъ положеніи находятся такъ называемыя *принадлежности*.

Если вещь, имѣющая *самостоятельное* существованіе, предназначена по своему *экономическому* характеру возвышать значеніе другой вещи, то послѣдняя называется главною вещью, а первая—въ отношеніи къ ней получаетъ названіе *принадлежности* (напримѣръ, ключъ есть принадлежность замка). Принадлежности надо *отличать отъ составныхъ* частей вещи; *составныя части вещей* не имѣютъ самостоятельнаго существованія, а съ другой стороны, та вещь, въ составъ которой входитъ другая, считается безъ нея незаконченною, не способною выполнять свое экономическое назначеніе (напримѣръ, матеріалы, изъ которыхъ состоитъ зданіе, отдѣльныя части какой-нибудь машины). Юридическое значеніе этой разницы между составною частью вещи и принадлежностью выражается въ слѣдующемъ. Такъ какъ составная часть не есть самостоятельная вещь, то въ отношеніи къ ней не можетъ возникнуть самостоятельнаго права: кому принадлежитъ вся вещь, тому и принадлежатъ ея составныя части. Наоборотъ, принадлежность есть особая вещь, и потому можетъ быть объектомъ отдѣльнаго субъективнаго права. Впрочемъ, въ случаѣ сомнѣнія юридическое положеніе главной вещи распространяется и на принадлежности. Указанныя положенія теоріи не проведены однако ясно въ русскомъ правѣ: русскій законъ не разграничиваетъ рѣзко принадлежностей и составныхъ частей вещи; такъ, къ числу принадлежностей онъ относитъ, напримѣръ, части зданія, составляющія внутреннюю отдѣлку, и тѣ украшенія, которыя невозможно отдѣлить отъ зданія безъ поврежденія, какъ-то „мраморные, краснаго дерева и другого рода полы; мраморные, мѣдные или чугунные камины, дорогіе обои, зеркала въ стѣнахъ“ и т. п. (ст. 389 зак. гражд.).

4. *Давность*. Субъективныя гражданскія права предоставляются отдѣльнымъ лицамъ прежде всего въ ихъ частномъ интересѣ, вслѣдствіе чего и пользованіе или непользованіе этими правами зависитъ обыкновенно отъ ихъ усмотрѣнія. Однако послѣдовательное и безусловное проведеніе указан-

наго начала невозможно съ точки зрѣнія общественнаго интереса, который и въ гражданскомъ правѣ, какъ уже неоднократно указывалось выше, долженъ имѣть существенное значеніе. Общество не можетъ равнодушно относиться къ изъятію изъ оборота, по капризу собственниковъ или инымъ причинамъ, цѣлаго ряда хозяйственныхъ благъ. Далѣе, интересы оборота не допускаютъ, чтобы права или какія-нибудь дѣйствія отдѣльныхъ лицъ можно было оспаривать черезъ любой промежутокъ времени. При такихъ условіяхъ многіе дѣйствительно управомоченные не могли бы опровергнуть совершенно неосновательныхъ споровъ только потому, что дѣло, о которомъ начался процессъ, имѣло мѣсто такъ давно, что исчезли всѣ доказательства: свидѣтели успѣли умереть, письменные документы затеряны и т. д. Всякое лицо, обладающее имуществомъ, вынуждено было бы тогда находиться вѣчно насторожѣ, подъ страхомъ утраты своего имущества. Подобное неопредѣленное положеніе не можетъ быть терпимо съ точки зрѣнія прочности оборота и интересовъ народнаго хозяйства. Въ виду этого всѣми законодательствами устанавливается тотъ или иной срокъ, по истеченіи котораго управомоченный субъектъ лишается возможности жаловаться въ судъ на нарушеніе его права. Этотъ институтъ носитъ названіе *исковой давности*. Разрушительному дѣйствію давности подлежитъ, конечно, не всякое право: ея область составляютъ главнымъ образомъ права имущественныя. Общій давностный срокъ въ Россіи принятъ *десятилѣтній*, считая съ того момента, когда лицо получило основаніе предъявить искъ по поводу своего права.

Отъ описаннаго только что института давности исковой, или погасительной, необходимо отличать давность *пріобрѣтательную*, выражающуюся въ томъ, что владѣніе вещью въ теченіе установленнаго промежутка времени, при наличности извѣстныхъ условій, дѣлаетъ владѣльца собственникомъ этой вещи. Обращаясь къ русскому законодательству, необходимо замѣтить, что въ качествѣ способа пріобрѣтенія права собственности, давность явилась у насъ совершенно неожиданно при составленіи свода законовъ. Хотя составители этого памятника и не имѣли полномочій мѣнять дѣйствовавшія нормы, однако они незамѣтно изъ многочисленныхъ

указовъ, разсматривавшихъ исковую давность, создали давность пріобрѣтательную. Явившись такимъ неестественнымъ образомъ, русская давность и по условіямъ оказалась институтомъ какъ бы незаконченнымъ. Именно въ то время, какъ всѣ законодательства запада ставятъ непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія права собственности по давности, чтобы владѣніе опиралось на какое-нибудь законное основаніе, и чтобы владѣлецъ добросовѣстно считалъ себя управомоченнымъ,—русское право по истеченіи давностнаго срока признаетъ право собственности за любымъ владѣльцемъ, вовсе не касаясь вопроса объ его добросовѣстности. Условія пріобрѣтательной давности сводятся у насъ къ слѣдующимъ.

Прежде всего, конечно, требуется владѣніе, притомъ *„въ видѣ собственности“*. Это означаетъ, что владѣлецъ долженъ имѣть вещь не отъ чужого имени, а относиться къ ней такъ, какъ будто онъ и есть собственникъ, онъ долженъ по внѣшности походить на собственника. Въ силу этого не можетъ пріобрѣсти собственности по давности, напримѣръ, арендаторъ, такъ какъ онъ основываетъ свое владѣніе на правѣ другого лица, напротивъ, воръ всѣмъ своимъ поведеніемъ показываетъ, что онъ владѣетъ, „въ видѣ собственности“. Далѣе, владѣніе должно быть *„безспорное, спокойное и непрерывное“*. Изъ этихъ трехъ свойствъ опредѣлено въ законѣ лишь первое, въ смыслѣ отсутствія исковыхъ притязаній отъ постороннихъ лицъ. Что касается признаковъ спокойствія и безпрерывности, то, за отсутствіемъ прямыхъ указаній законодателя, они понимаются не всѣми юристами одинаково. Наиболѣе правильнымъ, повидимому, надо признать тотъ взглядъ, что подъ спокойствіемъ владѣнія законъ разумѣетъ *фактическую* ненарушимость владѣнія, а подъ непрерывностью — сохраненіе владѣнія въ теченіе давностнаго срока въ рукахъ одного лица, или хотя и нѣсколькихъ лицъ, но связанныхъ между собою актомъ правопреемства (напримѣръ, наслѣдодатель и наслѣдникъ). Пріобрѣвшій вещью при наличности перечисленныхъ условій въ теченіе *10 лѣтъ* становится собственникомъ. Въ теченіе этого срока допускаются промежутки, раздѣляющіеся на *перерывъ* и *пріостановку* давности. Давность считается пріо-

остановившеюся, когда есть какое-нибудь законное препятствіе къ ея теченію. Такимъ препятствіемъ можетъ служить, напримѣръ, несовершеннолѣтіе того субъекта, чье право погашается; само собою разумѣется, что тѣмъ самымъ отсрочивается и пріобрѣтеніе права собственности тѣмъ лицомъ, которое владѣетъ вещью несовершеннолѣтняго. Если право, по которому уже начала течь давность, переходитъ къ несовершеннолѣтнему, теченіе давности пріостанавливается впредь до совершеннолѣтія субъекта. Такимъ образомъ, достигнувъ совершеннолѣтія, субъектъ будетъ имѣть для предъявленія иска въ своемъ распоряженіи ту часть давностнаго срока, какая оставалась въ моментъ перехода къ нему права, и только, если оставшійся срокъ очень малъ, ему дается 2 года для того, чтобы предупредить невыгодныя послѣдствія давности. Къ несовершеннолѣтнимъ приравнены закономъ умалишенные и глухонѣмые. Пріостанавливается давность также для лицъ, находящихся въ плѣну или на службѣ въ заграничныхъ походахъ. Слѣдовательно, въ случаѣ пріостановки давности истекшее время не пропадаетъ; оно засчитывается въ общій десятилѣтній срокъ, когда отпадаетъ препятствіе, пріостановившее теченіе давности. Не то имѣемъ при *перерывѣ* давности. Въ этомъ случаѣ все истекшее время до прервавшаго давность обстоятельства уничтожается, такъ что, если это обстоятельство отпадетъ, теченіе давности начинается вновь. Перерывъ давности наступаетъ, напримѣръ, въ случаѣ утраты лицомъ, въ пользу котораго течетъ давность, владѣнія, въ случаѣ предъявленія управомоченнымъ иска въ надлежащее судебное мѣсто и т. д.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что, кромѣ вещей, изъятыхъ вообще изъ оборота, по русскому праву нельзя пріобрѣсти права собственности по давности также и на нѣкоторыя другія вещи, въ силу спеціальнаго воспрещенія въ законѣ; къ числу такихъ, изъятыхъ отъ дѣйствія давности, вещей, принадлежатъ заповѣдныя имѣнія, межи (или границы между отдѣльными имѣніями). Одно время Сенатъ относилъ сюда же и церковныя имущества, но въ послѣднее время этотъ неправильный взглядъ оставленъ Сенатомъ[1]).

[1]) Рѣш. Сен. № 12—1893 г., рѣш. 20 февр. 1902 г.

5. *Передача. Укрѣпленіе правъ на имущество.* Въ числѣ правомочій, входящихъ въ содержаніе права собственности, находится, между прочимъ, возможность передачи права другому лицу. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя законодательства (напримѣръ, германское), ставятъ необходимымъ условіемъ для перенесенія права собственности передачу фактическаго обладанія вещью, наличность же одного соглашенія о передачѣ права считаютъ недостаточною: traditionibus dominia rerum, non nudis pactis transferuntur. Другія законодательства (напримѣръ, французское) смотрятъ на дѣло проще и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи движимостей допускаютъ передачу права путемъ простого соглашенія (договора). Русское законодательство не содержитъ по данному вопросу совершенно ясныхъ указаній, вслѣдствіе чего не всѣ юристы смотрятъ на дѣло одинаково. Судебная практика держится въ общемъ того взгляда, что для передачи права собственности на движимую вещь передача фактическаго владѣнія не требуется, право переходитъ въ моментъ состоявшагося *соглашенія* о перенесеніи права; точно такъ же и относительно недвижимостей, сенатская практика считаетъ рѣшающимъ моментъ окончательнаго совершенія договора [1]).

Въ подтвержденіе взгляда Сената по вопросу о передачѣ права собственности на *движимое* имущество можно привести ст. 711, т. X, ч. I: „Движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами, безъ всякихъ письменныхъ актовъ, *по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ*“: о передачѣ самой вещи не говорится. Правда, послѣднее упоминаніе содержится въ ст. 993 и 1510 [2]), но здѣсь лишь описывается, въ чемъ должна состоять передача, и не указывается, есть ли это *необходимый* моментъ въ передачѣ права, или нѣтъ.

---

[1]) Передача правъ на недвижимость облекается въ довольно сложную форму: актъ, совершенный у нотаріуса, долженъ еще быть утвержденъ старшимъ нотаріусомъ; съ этимъ послѣднимъ моментомъ Сенатъ и связываетъ перенесеніе права. Рѣш. № 121—1881 г., № 96—1886 г., и др.; относительно движимостей № 283—1879 г., № 125—1880 г. и др.

[2]) Ст. 993. Передача подареннаго движимаго имущества совершается врученіемъ даримой вещи тому, кому оная назначается, и поступленіемъ въ его распоряженіе. Ст. 1510. Передача отъ продавца покупщику продан-

Что касается *недвижимостей*, то въ виду большей важности ихъ для общества, всѣ законодательства устанавливаютъ болѣе прочные и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе гласные способы передачи права собственности (такъ называемое *укрѣпленіе вещныхъ правъ на недвижимости*). Особенно интересно въ этомъ отношеніи законодательство германское. Въ средніе вѣка для передачи права на недвижимость здѣсь считалось необходимымъ торжественное объявленіе передачи публично, съ совершеніемъ установленныхъ обрядовъ. Позднѣе объявленіе перехода стали совершать въ письменной формѣ, посредствомъ записи въ особыя поземельныя книги. Значеніе такой записи съ теченіемъ времени подвергалось измѣненіямъ, но остался въ силѣ основной принципъ, что передача вещнаго права на недвижимость дѣйствительна лишь при условіи внесенія въ поземельную книгу. Менѣе требовательно французское законодательство. Гражданскій кодексъ Наполеона, дѣйствующій понынѣ, связываетъ моментъ передачи права съ совершеніемъ продажи или иного договора, на основаніи котораго передается право. Позднѣйшими узаконеніями и практикою введены, правда, въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія; именно, стали признавать, что по договору пріобрѣтается право лишь въ отношеніи уступающаго; что же касается третьихъ лицъ, то для нихъ передача получаетъ обязательное значеніе только при условіи записи въ книгу. Такимъ образомъ и во Франціи въ концѣ концовъ проводится та же система.

Обращаясь теперь къ отечественному праву, приходится прежде всего отмѣтить, что письменное начало, или такъ называемая система вотчинной записки, небезызвѣстно было въ допетровскомъ русскомъ правѣ. Именно, уже въ XVI вѣкѣ за совершеніемъ акта о передачѣ права на недвижимость слѣдовала обыкновенно такъ называемая „справка“, т.-е. отмѣтка о переходѣ земли въ книгахъ приказа. Но особенно важное значеніе такая отмѣтка въ книгахъ получила по уло-

---

наго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ самаго сего имущества или постýпленіемъ онаго въ его распоряженіе.—Что касается ст. 563, 568, 570, 581 уст. судопр. торг., на которыя ссылаются иногда въ подтвержденіе необходимости передачи, то онѣ аргументомъ служить не могутъ въ виду спеціально торговаго ихъ характера.

женію царя Алексѣя Михайловича: въ этомъ памятникѣ мы находимъ постановленіе [1]), что если одно лицо продастъ свою вотчину послѣдовательно двумъ лицамъ, то „тою вотчиною владѣти тому, за кѣмъ она въ *книгѣ записана*“. Такимъ образомъ моментомъ перехода права на недвижимость служила запись въ книгѣ.

Первое отступленіе отъ этого порядка сдѣлалъ Петръ Великій, пріурочившій переходъ права къ моменту совершенія акта; понятно, что тѣмъ самымъ справка лишена была всякаго значенія. Новая перемѣна была произведена Екатериною II въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года. По этому закону взамѣнъ прежней справки установлена явка акта въ судъ для повѣрки, послѣ чего совершается вводъ во владѣніе и особая формальность — „отказъ“, имѣющая цѣлью безповоротно укрѣпить право за лицомъ, провладѣвшимъ имуществомъ въ теченіе 2 лѣтъ послѣ ввода. Эта послѣдняя формальность очень скоро вышла изъ употребленія. Что касается ввода во владѣніе, то онъ уцѣлѣлъ донынѣ, хотя и не имѣетъ существеннаго значенія для перехода права. Вообще передача права на недвижимость по *дѣйствующему* русскому праву представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всякій актъ о передачѣ правъ на недвижимое имущество долженъ быть совершенъ *крѣпостнымъ порядкомъ* т.-е. актъ совершается мѣстнымъ нотаріусомъ и представляется затѣмъ на утвержденіе старшаго нотаріуса того судебнаго округа, гдѣ имущество находится. Утвердивъ актъ и внеся его въ свои книги, старшій нотаріусъ даетъ сторонамъ выпись изъ своей книги, которую пріобрѣтатель предъявляетъ въ окружный судъ для совершенія *ввода во владѣніе*. Этимъ именемъ называютъ торжественное объявленіе судебнымъ приставомъ въ присутствіи свидѣтелей о новомъ собственникѣ; для этой цѣли прочитывается актъ, по которому передается право, и составляется такъ называемый вводный листъ, содержащій въ себѣ имя новаго владѣльца и указаніе, отъ кого и по какому акту дошло къ нему имѣніе. О совершеніи ввода сообщается старшему нотаріусу, который долженъ сдѣлать соотвѣтствующую

[1]) XVII гл. ст. 34.

отмѣтку въ своихъ книгахъ. Съ этимъ днемъ отмѣтки въ книгахъ старшаго нотаріуса ст. 1432 Уст. Гражд. Суд. связываетъ „начало дѣйствительной передачи и укрѣпленія права на имущество“. Между тѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго законодательства передача права пріурочивается къ моменту окончательнаго совершенія крѣпостного акта о передачѣ права на недвижимость. Такъ, въ примѣч. къ ст. 699, т. X, ч. I, купля-продажа упоминается среди способовъ пріобрѣтенія права на имущество. Еще яснѣе выражена та же мысль въ 1416 ст., X т, ч. I, по которой въ случаѣ послѣдовательной продажи имѣнія двумъ лицамъ, имѣніе утверждается за тѣмъ изъ нихъ, чья купчая крѣпость совершена прежде: если бы право переходило лишь въ моментъ ввода, время совершенія купчей не имѣло бы значенія. Точно такъ же и нотаріальное положеніе въ цѣломъ рядѣ статей связываетъ съ совершеніемъ крѣпостныхъ актовъ переходъ права собственности. Большинство юристовъ, а также и сенатская практика, считаютъ моментомъ перехода права собственности *окончательное совершеніе крѣпостного* акта, основываясь на томъ, что *ни одна статья нашихъ законовъ не устанавливаетъ обязательности ввода.* Къ этому необходимо добавить, что по новому закону о мѣстномъ судѣ 1912 года (введенному пока только въ нѣсколькихъ губерніяхъ) вводъ во владѣніе окончательно получаетъ значеніе акта *необязательнаго* [1]; право переходитъ съ момента совершенія крѣпостного акта.

§ 70. Прекращеніе права собственности.

Право собственности даннаго субъекта можетъ прекратиться или вслѣдствіе *передачи его другому* лицу или безъ такого перехода, напримѣръ, вслѣдствіе *гибели* вещи, *отреченія* собственника отъ своего права и т. п. Среди другихъ способовъ прекращенія права собственности слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, конфискацію и экспропріацію. Подъ именемъ *конфискаціи* разумѣютъ отнятіе государствомъ собственности въ видахъ наказанія субъекта. Конфискація можетъ распространяться на все имущество (общая конфиска-

[1]) Ст. 1432 Уст. Гр. Суд. этимъ закономъ отмѣняется.

ція) или на отдѣльныя вещи (частичная конфискація). *Экспропріаціею* называется принудительное возмездное изъятіе недвижимаго имущества изъ частной собственности на общеполезныя цѣли. Послѣднее условіе очень существенно и прямо оговорено въ законѣ. Что касается вознагражденія за отчуждаемое принудительно право, то его размѣръ опредѣляется или обоюднымъ (собственника и представителя власти) соглашеніемъ или выясняется посредствомъ спеціальной описи и оцѣнки. Для того, чтобы осуществить принудительное отчужденіе, требуется именной Высочайшій указъ.

§ 71. Защита права собственности.

Собственникъ вещи, въ случаѣ какихъ-либо посягательствъ на его право, въ чемъ бы они ни выразились и отъ кого бы ни исходили, получаетъ защиту отъ государственной власти. Если фактическое владѣніе вещью вовсе утрачено собственникомъ, онъ получаетъ право вытребовать ее отъ всякаго, въ чьихъ рукахъ она окажется. При этомъ существенно важное значеніе имѣетъ, каково было владѣніе того лица, отъ котораго собственнику приходится требовать свою вещь. *Недобросовѣстный* владѣлецъ обязанъ вознаградить собственника имущества за всякое уменьшеніе цѣнности и за всякій вредъ, причиненный вещи въ продолженіе его владѣнія: не отвѣчаетъ недобросовѣстный владѣлецъ лишь за такое событіе, котораго нельзя было предотвратить даже при достаточной заботливости, напримѣръ, эпизоотическая болѣзнь скота. Съ другой стороны, законодатель не желаетъ обогащать собственника на счетъ недобросовѣстнаго владѣльца, почему позволяетъ послѣднему, напр., взять изъ имѣнія все, что имъ туда перенесено или перевезено, если это можно сдѣлать безъ ущерба для имѣнія. Въ случаѣ невозможности отдѣлить вещи, принадлежащія владѣльцу, онѣ поступаютъ въ распоряженіе собственника безвозмездно, хотя бы недобросовѣстный владѣлецъ былъ вызванъ къ этимъ издержкамъ необходимостью. Помимо этого, недобросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить всѣ доходы, какъ полученные съ имущества за время владѣнія, такъ и тѣ, которые могли быть получены; при этомъ имѣется въ виду, конечно, доходъ чистый, т.-е.

недобросовѣстный владѣлецъ можетъ вычесть сумму расходовъ, необходимыхъ для извлеченія дохода. Гораздо ограниченнѣе отвѣтственность *добросовѣстнаго* владѣльца. Онъ отвѣчаетъ за произвольное поврежденіе, уменьшающее цѣну имущества, но не за случайный ущербъ, причиненный ему; даже небрежность не можетъ быть поставлена добросовѣстному владѣльцу въ вину, если она имѣла мѣсто прежде объявленія имѣнія спорнымъ. Далѣе за сдѣланныя издержки, вызванныя необходимостью, добросовѣстный владѣлецъ можетъ требовать отъ собственника вознагражденія. Если расходы на поддержаніе или улучшеніе вещи, хотя и не вызваны были необходимостью, но, несомнѣнно, полезны, то добросовѣстному владѣльцу предоставляется право на ихъ возмѣщеніе въ томъ случаѣ, если собственникъ пожелаетъ всѣ эти улучшенія, приспособленія и т. п. оставить за собою. Какъ быть, если собственникъ не желаетъ ихъ принимать, въ законѣ не указано. Наконецъ, если издержки были сдѣланы владѣльцемъ на такія цѣли, что онѣ не возвышаютъ хозяйственной цѣнности имѣнія, ему разрѣшается устроенныя имъ приспособленія взять обратно, если это можно сдѣлать безъ ущерба для имѣнія. Что касается плодовъ съ имѣнія, то добросовѣстный владѣлецъ долженъ передать собственнику лишь плоды, полученные имъ съ момента объявленія спора.

§ 72. Общая собственность.

Понятіе собственности, въ качествѣ исключительнаго и возможно полнаго господства надъ вещью, не допускаетъ одновременнаго существованія этого права въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ на одну и ту же вещь. Однако, вполнѣ возможно такое явленіе, что одна и та же вещь состоитъ въ *общей собственности* нѣсколькихъ лицъ, взаимно другъ друга ограничивающихъ. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ собственности какого-либо юридическаго лица, при общей собственности мы имѣемъ передъ собою всегда *нѣсколькихъ* субъектовъ. Всѣ они обладаютъ правомъ собственности на *всю* вещь, но такъ какъ одновременное осуществленіе его всѣми субъектами не возможно, то при его осуществленіи право каждаго собственника встрѣчаетъ ограниченія въ со-

отвѣтствующей пропорціи. Понятіе общей собственности извѣстно и русскому праву. Такое отношеніе можетъ возникнуть вслѣдствіе совмѣстнаго пріобрѣтенія какимъ-нибудь способомъ права собственности на одинъ и тотъ же предметъ, вслѣдствіе нераздѣлимаго соединенія вещей разныхъ собственниковъ или на основаніи спеціальнаго соглашенія. Съ момента возникновенія общей собственности пользованіе и распоряженіе имуществомъ зависитъ отъ общаго согласія всѣхъ собственниковъ. Всѣ доходы съ вещи дѣлятся между ними пропорціонально съ долею каждаго, также распредѣляются и всѣ издержки на имущество. Каждый собственникъ можетъ и самостоятельно распорядиться своею долею; однако, другіе собственники пользуются въ этомъ случаѣ правомъ преимущественной покупки, при нежеланіи ихъ воспользоваться этимъ правомъ можетъ явиться покупателемъ постороннее лицо. Въ этомъ случаѣ прекращается прежнее отношеніе общей собственности и возникаетъ новое. Равнымъ образомъ, общая собственность прекращается въ случаѣ раздѣла, т.-е. выхода одного или всѣхъ собственниковъ изъ отношенія общности.

Отъ общей собственности нужно отличать *общинную* собственность, т.-е. тѣ случаи, когда субъектомъ права является община, какъ единое цѣлое. Въ этихъ случаяхъ отдѣльный человѣкъ (если только не произведенъ выдѣлъ его изъ общины), собственникомъ не признается; ему даютъ лишь возможность пользоваться въ той или иной мѣрѣ общиннымъ имуществомъ (напр., русскій крестьянинъ, если онъ не выдѣляется изъ общины, пользуется извѣстной площадью земли, отведенной ему впредь до новаго передѣла)

§ 73. Права на чужія вещи.

Право собственности не есть единственное вещное право бываютъ еще такъ называемыя права на чужую вещь. Существенное отличіе ихъ отъ собственности выражается въ томъ, что субъектъ права на чужую вещь не имѣетъ такого широкаго, полнаго господства надъ вещью, какое имѣетъ собственникъ надъ своею вещью: въ то время какъ для послѣдняго законъ оговариваетъ спеціальныя ограни-

ченія власти, для перваго обыкновенно болѣе или менѣе точно обозначается сфера господства; границы ея во всякомъ случаѣ *значительно уже* по сравненію съ собственностью. Однако, и эти ограниченныя права предоставляютъ все-таки *непосредственное* господство надъ вещью, въ чемъ и заключается ихъ отличіе отъ обязательственныхъ правъ

Къ числу правъ на чужую вещь относятся прежде всего *сервитуты*.

Сервитутомъ называется право пользоваться *чужою* вещью въ *опредѣленномъ* отношеніи. Изъ этого опредѣленія видно, что съ установленіемъ сервитута получается два вещныхъ права на одну и ту же вещь—собственника и субъекта сервитутнаго права. При этомъ надо замѣтить, что, поскольку одновременное осуществленіе своихъ правъ обоими управомоченными невозможно, собственность уступаетъ сервитуту: установивъ на свою вещь право другого лица, собственникъ долженъ дать этому лицу возможность осуществлять его право. Такимъ образомъ собственникъ можетъ пользоваться вещью постольку, поскольку это не мѣшаетъ осуществленію сервитута. Но это стѣсненіе собственника нельзя отожествлять съ изложенными выше законными ограниченіями права собственности: при сервитутѣ стѣсненіе собственника является результатомъ обладанія кѣмъ-то самостоятельнымъ гражданскимъ правомъ; наоборотъ, законному ограниченію собственности можетъ не соотвѣтствовать чье-либо самостоятельное право

Въ наукѣ гражданскаго права различаютъ сервитуты *личные* и *реальные*. Сервитуты послѣдней категоріи тѣсно связаны съ такъ называемой *господствующей* вещью, т.-е. съ тѣмъ имѣніемъ, *въ пользу* котораго они устанавливаются; вслѣдствіе этого реальные сервитуты принадлежатъ лицу, какъ обладателю извѣстнаго имѣнія; съ переходомъ имѣнія въ другія руки переносится и сервитутное право. Напротивъ, личный сервитутъ принадлежитъ опредѣленному субъекту, какъ таковому, внѣ зависимости отъ обладанія какимъ либо имуществомъ.

Устанавливается сервитутъ по общему правилу волею собственника вещи, выразится ли она въ формѣ сдѣлки между живыми или посредствомъ духовнаго завѣщанія. Если

рѣчь идетъ о недвижимости, то для установленія сервитутнаго права требуется облеченіе сдѣлки въ крѣпостную форму. *Прекращаются* сервитуты прежде всего съ гибелью вещи, на которую распространялось право, а также въ случаѣ прекращенія интереса, для удовлетворенія котораго былъ установленъ сервитутъ. Будучи правомъ на чужую вещь, сервитутъ прекращается, когда его субъектъ пріобрѣтаетъ служащую вещь въ собственность. Существованіе личныхъ сервитутовъ прекращается, кромѣ того, смертью управомоченнаго. Наконецъ, подобно всѣмъ имущественнымъ правамъ, сервитуты допускаютъ отреченіе отъ нихъ въ лицѣ субъекта.

Русское право упоминаетъ о слѣдующихъ важнѣйшихъ категоріяхъ сервитутовъ.

1. *Пользовладѣніе*, или узуфруктъ [1]). Этотъ видъ сервитута предоставляетъ субъекту *право пользованія вещью и ея плодами*, но такъ, чтобы существо вещи отъ этого пользованія не измѣнялось (salva rei substantia). Такъ, напримѣръ, если я отдаю въ пользованіе фруктовый садъ, пользовладѣлецъ не имѣетъ права вырубить его и превратить въ огородъ и т. п. При установленіи пользовладѣнія имѣніе передается управомоченному лицу по описи, согласно которой онъ или его наслѣдники обязаны и возвратить имущество по окончаніи сервитута. Пользователь обязанъ предохранять отъ разстройства предоставленное ему имущество, своевременно исполнять необходимый текущій (но не капитальный) ремонтъ, уплачивать своевременно повинности и налоги.

Пользовладѣніе—сервитутъ *личный*, и въ силу этого прекращается со смертью управомоченнаго (впрочемъ, оно можетъ быть установлено и на опредѣленный срокъ). Какъ личный сервитутъ, пользовладѣніе не можетъ быть передано управомоченнымъ другому лицу. Не совсѣмъ согласуется съ этимъ возможность залога имѣнія пользовладѣльцемъ (въ случаѣ спеціальнаго предоставленія ему такого

[1]) Постановленія, касающіяся пользовладѣнія, относятся къ спеціальному случаю, когда одинъ изъ супруговъ завѣщаетъ другому въ пожизненное владѣніе родовое имѣніе. Однако, по аналогіи эти правила можно распространить и на всѣ другіе случаи пользовладѣнія.

права завѣщателемъ, установившимъ пользовладѣніе): субъектъ залоговаго права въ концѣ концовъ, можетъ добиваться продажи заложеннаго имущества. Напротивъ, вполнѣ согласно съ природою временнаго пользованія вещью разрѣшеніе пользовладѣльцу отдавать имѣніе внаемъ, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ видовъ пользованія вещью Но для того, чтобы арендные договоры не обезцѣнили имѣнія и тѣмъ не повредили интересамъ собственника, наше законодательство ставитъ въ видѣ непремѣннаго условія, чтобы арендная плата уплачивалась ежегодно, при томъ не впередъ, а по истеченіи года. Съ другой стороны, законъ заботится и объ арендаторѣ: именно, если договоръ заключенъ пользовладѣльцемъ съ согласія собственника, онъ остается въ силѣ вплоть до срока, хотя бы пользовладѣлецъ умеръ ранѣе этого; если же договоръ заключенъ безъ согласія собственника, то въ случаѣ смерти пользовладѣльца онъ обязателенъ для собственника въ теченіе 3 лѣтъ.

2. *Право угодій въ чужихъ имуществахъ*, т.-е. право заниматься въ чужихъ земляхъ пчеловодствомъ, звѣриной охотой, рыбной ловлей и пр.; а также право въѣзда въ лѣсъ, состоящее, по опредѣленію закона, въ пользованіи строевымъ и дровянымъ лѣсомъ отъ чужихъ дачъ. Размѣръ пользованія опредѣляется домашними нуждами управомоченнаго: рубить лѣсъ для продажи не дозволяется. Предметомъ этого сервитута могутъ быть какъ частные, такъ и казенные лѣса: послѣдніе предоставлялись нѣкогда въ цѣляхъ заселенія обширныхъ пустопорожнихъ пространствъ. Позднѣе, когда право въѣзда стало пагубно отражаться на лѣсахъ, начали прибѣгать къ выдѣламъ опредѣленныхъ участковъ въѣзжимъ владѣльцамъ въ собственность, но уже съ лишеніемъ прежняго сервитутнаго права на весь лѣсъ. Кромѣ такого выдѣла, право въѣзда прекращается въ случаѣ уничтоженія лѣса, на который былъ установленъ сервитутъ.

3. Сервитутное право можетъ также состоять въ правѣ собственника одного берега, примкнуть къ противоположному берегу плотину своей мельницы (чего безъ согласія собственника противоположнаго берега сдѣлать нельзя). Для полученія вещнаго права необходимо совершеніе этого до-

говора въ крѣпостной формѣ. Подобнымъ же образомъ строющій домъ на межѣ своего двора можетъ получить право дѣлать окна во дворъ сосѣда.

II. Въ категорію правъ на чужія вещи нужно отнести также и *право застройки*, введенное закономъ 1912 года. Подъ этимъ названіемъ разумѣется право лица пользоваться въ теченіе извѣстнаго срока (не менѣе 36 л. и не болѣе 99 л.) чужой землей (за вознагражденіе) подъ постройку зданій. Такое право не носитъ личнаго характера, оно связано съ даннымъ имуществомъ, можетъ быть продаваемо, закладываемо и т. п. По истеченіи срока, на который было предоставлено право застройки, возведенныя строенія (если не было на этотъ счетъ иного соглашенія) или сносятся застройщикомъ или остаются въ пользу собственника земли.

ГЛАВА III.

Обязательственное право.

§ 74. Содержаніе и виды обязательствъ.

Обязательствомъ называютъ такое юридическое отношеніе, въ силу котораго одно лицо получаетъ *право требовать отъ другого совершенія или несовершенія какого-нибудь дѣйствія*. Лицо, имѣющее подобное право, называется *вѣрителемъ*, или кредиторомъ; лицо, обязанное къ совершенію или несовершенію какого-нибудь дѣйствія, именуется *должникомъ*. Какъ уже выяснялось въ § 63, существеннымъ признакомъ обязательственнаго права въ отличіе отъ вещнаго является то обстоятельство, что его субъектъ не получаетъ непосредственнаго господства надъ матеріальными предметами внѣшняго міра, необходимыми ему для удовлетворенія какой-либо потребности. Онъ имѣетъ лишь право *на дѣйствіе* должника, которое и послужитъ удовлетвореніемъ интереса вѣрителя. Такимъ образомъ субъектъ обязательственнаго права, если и получаетъ иногда господство надъ вещами, то только черезъ посредство должника, обязаннаго субъекта.

Въ связи съ этимъ находится и *относительный* характеръ защиты обязательственнаго права. Его нарушителемъ мо-

жетъ быть лишь то лицо, которое должно было совершить какое-нибудь дѣйствіе или воздержаться отъ совершенія опредѣленнаго дѣйствія; лицо это всегда извѣстно при самомъ возникновеніи обязательства, и только къ нему и можетъ быть направлено исковое требованіе субъектомъ нарушеннаго обязательственнаго права.

Содержаніе обязательства должно быть прежде всего *возможно:* невозможнаго дѣйствія нельзя ни отъ кого требовать. Невозможность можетъ быть естественная (напр., обязательство представить несуществующую вещь), юридическая (обязательство представить вещь, изъятую закономъ изъ обращенія) и нравственная (обязательство совершить что-либо безнравственное считается невозможнымъ). Далѣе, обязательство должно быть выражено *достаточно ясно*, такъ чтобы можно было найти руководящія нити для исполненія. Въ этихъ предѣлахъ оно можетъ быть и неопредѣленнымъ; напр., вполнѣ допустимо обязательство предоставить кредитору ту или другую изъ двухъ вещей (такъ называемое *альтернативное* обязательство). Такимъ образомъ, требуется только, чтобы обязательство поддавалось опредѣленію, было *опредѣлимо.*

Обязательства раздѣляются на *дѣлимыя и недѣлимыя.* То или иное свойство обязательства зависитъ отъ свойства дѣйствія, составляющаго его предметъ. Если исполненіе дѣйствія по частямъ лишаетъ обязательство значенія, обязательство называется недѣлимымъ: напр., обязательство передать лошадь; если же и частичное исполненіе можетъ въ конечномъ результатѣ дать желательный результатъ, обязательство признается дѣлимымъ; напримѣръ, обязательство вывезти 100 возовъ снѣга, уплатить сумму денегъ и проч. Изъ дѣлимости обязательства не слѣдуетъ однако, что должникъ можетъ въ этомъ случаѣ исполнять обязательство по частямъ: безъ согласія кредитора подобная разсрочка недопустима. Значеніе дѣлимости проявляется при переходѣ обязательства къ нѣсколькимъ лицамъ (напр., послѣ кредитора или должника наслѣдуютъ нѣсколько человѣкъ): дѣлимое обязательство переходитъ тогда на каждаго въ соотвѣтствующей долѣ; въ случаѣ же недѣлимости создается такъ называемое *солидарное* обязательство, когда нѣсколько

лицъ являются сразу всѣ кредиторами (активная солидарность) или должниками (пассивная солидарность). При активной солидарности каждый кредиторъ можетъ взыскивать весь долгъ полностью, и уплата, произведенная одному изъ вѣрителей, погашаетъ все обязательство: дѣло остальныхъ кредиторовъ считаться съ ихъ товарищемъ, осуществившимъ свое право раньше другихъ. Точно такъ же при пассивной солидарности, кредиторъ можетъ требовать исполненія всего обязательства отъ каждаго изъ должниковъ. Надо замѣтить кстати, что солидарность, кромѣ указаннаго случая наслѣдованія недѣлимаго обязательства, можетъ возникнуть и по особой волѣ сторонъ, или же въ силу прямого велѣнія закона, напр., въ случаѣ причиненія убытковъ преступнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ лицъ и т. п.

Наконецъ, необходимо упомянуть о различіи обязательствъ *односторонних*ъ и *двусторонних*ъ. Именно, иногда отношеніе таково, что одна сторона имѣетъ право, а другая несетъ обязанность; въ другихъ случаяхъ обѣ стороны имѣютъ и права и обязанности. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ обязательство одностороннее; напримѣръ, при займѣ кредиторъ имѣетъ право требовать уплаты, а должникъ обязанъ это требованіе исполнить; во второмъ случаѣ передъ нами обязательство двустороннее; такъ, при куплѣ-продажѣ продавецъ имѣетъ право требовать уплаты стоимости вещи и обязанъ передать покупателю вещь; покупатель имѣетъ право требовать передачи вещи и обязанъ уплатить ея цѣну.

§ 75. Возникновеніе обязательствъ.

Главнѣйшихъ путей для возникновенія обязательства два: свободное соглашеніе сторонъ, направленное на установленіе обязательства, т.-е. *договоръ*, и *правонарушеніе*, когда для лица, нарушившаго чужое право, возникаетъ обязанность вознаградить потерпѣвшаго за понесенный ущербъ. На ряду съ этими двумя важнѣйшими источниками обязательства, *законъ* устанавливаетъ еще *другіе*, не подходящіе подъ какую-нибудь опредѣленную категорію; напр., удерживающій какую-либо цѣнность изъ чужого имущества безъ достаточнаго основанія обязанъ возвратить ее.

§ 76. Понятіе обязательственнаго договора.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію обязательственнаго договора, необходимо познакомиться съ понятіемъ объ юридической сдѣлкѣ вообще. Человѣческое дѣйствіе, вызванное сознательною волею субъекта и снабженное юридическими послѣдствіями, называется *юридическимъ дѣйствіемъ*. Юридическія дѣйствія распадаются на двѣ категоріи: дѣйствія *недозволенныя*, и въ силу этого преслѣдуемыя правомъ (напримѣръ, кража, поврежденіе чужого имущества виновнымъ образомъ и т. п.) и *дозволенныя* дѣйствія. Эта вторая группа, въ свою очередь, дѣлится на два класса. Юридическія послѣдствія, которыми снабжается дозволенное дѣйствіе, могутъ быть нежелательны для дѣйствовавшаго (какова, напримѣръ, обязанность возмѣщенія ущерба, причиненнаго при эксплоатаціи какого-либо предпріятія—независимо отъ виновности хозяина) или, по крайней мѣрѣ, не быть непосредственнымъ его намѣреніемъ (напримѣръ, авторскій гонораръ писателя и пр.), или же, напротивъ, лицо ставитъ себѣ прямою цѣлью достигнуть съ помощью своего дѣйствія извѣстныхъ юридическихъ послѣдствій (напримѣръ, продажа вещи, сдача въ аренду и пр.). Послѣдній родъ дѣйствій носитъ названіе *юридической сдѣлки*. Такимъ образомъ, подъ именемъ *юридической сдѣлки* разумѣютъ *дозволенное закономъ дѣяніе, совершаемое для достиженія извѣстнаго юридическаго послѣдствія, желательнаго для лица дѣйствующаго*.

Если юридическая сдѣлка содержитъ изъявленіе воли только одной стороны, то она называется *односторонней* (напримѣръ, завѣщаніе); если же сдѣлка возникаетъ въ результатѣ встрѣчныхъ волеизъявленій двухъ сторонъ (лицъ можетъ быть и больше), она носитъ названіе *двусторонней* сдѣлки; таковы всѣ договоры. Итакъ, *договоръ* предполагаетъ изъявленіе воли съ двухъ сторонъ, соглашающихся по поводу какого-нибудь предмета. Съ помощью договора можно установить самыя разнообразныя отношенія; такъ, договоромъ жениха и невѣсты устанавливаются семейныя отношенія, соглашеніемъ двухъ лицъ о передачѣ фактическаго обладанія вещью устанавливается вещное право и т. д. Поэтому спеціально *обязательственный договоръ* слѣдуетъ опре-

дѣлить, какъ соглашеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ, устанавливающее какое-либо *обязательство*.

§ 77. Условія дѣйствительности договоровъ.

Дѣйствіе тогда только можетъ быть названо юридическимъ, если оно явилось продуктомъ сознательной воли лица дѣйствовавшаго.

Это обстоятельство является необходимымъ условіемъ и для дѣйствительности договоровъ: недостаточно, чтобы два лица пришли къ соглашенію по поводу извѣстнаго предмета; требуется еще, чтобы каждымъ изъ нихъ воля была выражена сознательно и свободно. Этого нѣтъ, когда лицо дѣйствовало подъ вліяніемъ принужденія, обмана или заблужденія.

Подъ *принужденіемъ* надо разумѣть угрозы, психическое воздѣйствіе, при посредствѣ котораго отъ лица вымогаютъ изъявленіе воли. Въ этомъ случаѣ человѣкъ находится подъ впечатлѣніемъ страха, а потому его рѣшеніе нельзя признать принятымъ свободно. Для того, чтобы можно было сослаться на принужденіе и добиваться признанія изъявленія воли недѣйствительнымъ, въ иностранныхъ законодательствахъ требуется обыкновенно, чтобы угроза была противозаконною, при томъ серьезною: если лицо испугалось безъ достаточнаго основанія, или страхъ вызванъ какою-нибудь ничтожною угрозою, изъявленіе воли остается въ силѣ. Русскій законъ упоминаетъ о серьезности угрозъ исключительно по поводу уголовной отвѣтственности за принужденіе къ браку: ст. 1550 Уложенія о наказ. говоритъ объ угрозахъ такого рода, что „угрожаемый могъ и долженъ былъ считать себя въ опасности. Что же касается всѣхъ другихъ сдѣлокъ (въ томъ числѣ и обязательственныхъ договоровъ), то 702 ст. гражд. законовъ опредѣляетъ принужденіе такъ: „Принужденіе бываетъ, когда кто-либо, бывъ захваченъ во власть другого, принуждается къ отчужденію имущества или ко вступленію въ обязательства насильственно, страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть его лицо или имущество“. Такимъ образомъ серьезность зла, которымъ угрожаютъ, и основатель-

ность страха не упомянуты прямо нашимъ общимъ закономъ; этотъ пробѣлъ восполняется судебной практикой.

Другимъ препятствіемъ къ признанію воли лица дѣйствительною служитъ *обманъ*. Это понятіе мы имѣемъ въ томъ случаѣ, если кто-нибудь намѣренно вводитъ другого въ заблужденіе и тѣмъ причиняетъ ему ущербъ. Наши гражданскіе законы не знаютъ общаго постановленія по этому поводу. Но изъ спеціальныхъ статей, касающихся брака, купли-продажи и др., можно по аналогіи вывести, что всякая сдѣлка, заключенная подъ вліяніемъ обмана, можетъ быть лишена своей силы.

Наконецъ, воля лица не получаетъ дѣйствительнаго значенія, если она сложилась вслѣдствіе *заблужденія*, т.-е. неправильнаго представленія о какихъ-нибудь фактахъ или полнаго незнанія о чемъ-либо. Чтобы лицо могло сослаться на свое заблужденіе, необходимо прежде всего, чтобы рѣчь шла о какихъ-нибудь фактахъ, но не о нормахъ права, такъ какъ никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона. Съ другой стороны и фактическое заблужденіе не всегда принимается во вниманіе. Именно, теорія гражданскаго права и большинство законодательствъ требуютъ, чтобы заблужденіе касалось обстоятельства, существеннаго въ данномъ случаѣ. Сюда относятъ заблужденіе по поводу характера сдѣлки (напримѣръ, нѣкто предполагаетъ, что ему подарена вещь, между тѣмъ, его контрагентъ имѣлъ въ виду продажу и т. п.); существенный характеръ можетъ имѣть также заблужденіе въ лицѣ, въ предметѣ сдѣлки. Наоборотъ, къ категоріи несущественнаго относятъ по общему правилу заблужденіе въ мотивахъ, которыми руководствуется лицо при заключеніи сдѣлки. Наше законодательство и по данному вопросу не знаетъ общаго постановленія, упоминая о заблужденіи лишь по поводу завѣщанія, теряющаго силу, если оно составлено съ очевидною ошибкою въ лицѣ или въ завѣщаемомъ имуществѣ. Однако, судебная практика и въ этомъ отношеніи восполнила пробѣлъ въ законодательствѣ, признавъ по аналогіи для всякой сдѣлки существенное заблужденіе достаточнымъ основаніемъ для лишенія сдѣлки силы.

Изъ предыдущаго видно, что воля, лежащая въ основѣ

договора, какъ и всякой юридической сдѣлки, должна быть свободна и сознательна. Но одного рѣшенія воли для права недостаточно; необходимо еще, чтобы эта воля была какънибудь выражена вовнѣ, чтобы было *волеизъявленіе*. Способовъ изъявленія воли очень много; въ большинствѣ случаевъ они могутъ облекаться въ ту или иную *форму*, въ зависимости отъ желанія сторонъ. Однако, для нѣкоторыхъ сдѣлокъ законодатель считаетъ необходимымъ точное соблюденіе опредѣленной, имъ предписанной формы; подобныя сдѣлки называются *формальными*, въ отличіе отъ неформальныхъ сдѣлокъ, при которыхъ воля можетъ быть выражена въ *той или иной* формѣ. У насъ формальный характеръ носятъ, напримѣръ, сдѣлки по поводу недвижимостей, совершаемыя такъ называемымъ крѣпостнымъ порядкомъ. Этотъ порядокъ выражается въ томъ, что сдѣлка, заключенная у мѣстнаго нотаріуса, представляется затѣмъ на утвержденіе старшему нотаріусу.

Бываютъ случаи, когда внѣшнее выраженіе воли, волеизъявленіе, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному содержанію воли лица. Такое *несоотвѣтствіе* можетъ быть неумышленнымъ, и тогда примѣняются общія положенія о заблужденіи и обманѣ. Но иногда оно прямо входитъ въ намѣреніе лица, изъявляющаго волю. Особенно важное значеніе имѣетъ случай такъ называемой *симуляціи*, или притворства, когда подъ видомъ одной сдѣлки желаютъ въ сущности заключить тайно совсѣмъ иную. Напримѣръ, лицо, желающее совершить дареніе, не дозволяемое въ данномъ случаѣ правомъ, дѣлаетъ видъ, что оно продаетъ имущество своему контрагенту; однако, изъ ничтожнаго размѣра покупной цѣны, нисколько несоотвѣтствующаго стоимости проданной вещи, видно, что серьезнаго намѣренія совершить куплюпродажу стороны не имѣли. Симулированная сдѣлка признается недѣйствительною, такъ какъ здѣсь нѣтъ истиннаго намѣренія заключить именно ту сдѣлку, о которой по внѣшности шла рѣчь. Съ другой стороны, и та сдѣлка, которую хотѣли провести подъ флагомъ симулированной, обыкновенно также не получаетъ силы за отсутствіемъ какого-либо требуемаго закономъ элемента: сдѣлку, не заключающую въ себѣ ничего противозаконнаго, едва ли кто станетъ прикры-

вать, провозить контрабандою. Какихъ-либо прямыхъ постановленій по этому поводу въ русскомъ законодательствѣ не содержится.

Предыдущее изложеніе такимъ образомъ показываетъ, что въ составѣ договора, какъ и вообще юридической сдѣлки, можетъ оказаться наличность такихъ фактовъ, которые лишатъ сдѣлку силы, сдѣлаютъ ее недѣйствительной. Недѣйствительность сдѣлки возможна двоякая, а именно: сдѣлка можетъ быть *ничтожною* или же только *оспариваемою*. Въ случаѣ ничтожности, сдѣлки какъ бы нѣтъ; она сама собою признается несуществующей, не вызывающей обычныхъ своихъ послѣдствій. Наоборотъ, оспариваемая сдѣлка имѣетъ силу до тѣхъ поръ, пока судъ *по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ* не установитъ ея порочности, лишающей ея значенія.

Это важное различіе не проведено, однако, въ нашемъ законодательствѣ, упоминающемъ о недѣйствительности, о ничтожности сдѣлки—безъ строгаго соблюденія какой-либо точной терминологіи. Изъ сопоставленія отдѣльныхъ частей нашихъ законовъ можно признать, что безусловно ничтожными являются по русскому праву сдѣлки: 1) совершенныя неправоспособнымъ или недѣеспособнымъ лицомъ, 2) клонящіяся къ достиженію запрещенной закономъ цѣли, или даже прямо воспрещенныя закономъ, 3) заключенныя безъ соблюденія установленной формы. Къ числу оспариваемыхъ сдѣлокъ въ русскомъ правѣ могутъ быть отнесены сдѣлки: 1) заключенныя безъ сознательной и свободной воли, т.-е. когда субъектъ находился подъ вліяніемъ заблужденія, угрозъ или обмана; 2) сдѣлки, незаконно нарушающія права третьихъ лицъ.

§ 78. Заключеніе договоровъ. Представительство.

Для заключенія договора, какъ уже сказано, требуется свободное соглашеніе обѣихъ сторонъ. Моментъ окончательнаго соглашенія опредѣлить обыкновенно нетрудно, если обѣ стороны находятся вмѣстѣ. Но съ развитіемъ средствъ сообщенія, въ настоящее время договоры очень нерѣдко за-

ключаются людьми, находящимися въ разныхъ мѣстахъ. Въ этихъ случаяхъ лицо, сдѣлавшее предложеніе заключить сдѣлку, должно выждать срокъ, оговоренный въ предложеніи или необходимый по обстоятельствамъ случая для того, чтобы другая сторона могла дать отвѣтъ. Однако, самое заключеніе договора относится къ моменту *полученія отвѣта* лицомъ, сдѣлавшимъ предложеніе. До этого момента лицо, выразившее согласіе вступить въ сдѣлку, можетъ измѣнить свое рѣшеніе: необходимо лишь, чтобы другая сторона узнала о томъ до полученія утвердительнаго отвѣта. Въ русскомъ законодательствѣ по этому вопросу не имѣется никакихъ постановленій.

По поводу заключенія договоровъ необходимо изложить краткія свѣдѣнія объ институтѣ *представительства*. Мы уже знаемъ, что не всѣ правоспособныя лица обладаютъ въ то же время дѣеспособностью. Такъ, несовершеннолѣтніе, сумасшедшіе и др., будучи правоспособными, не могутъ, однако, (вполнѣ или отчасти) своими дѣйствіями вызывать юридическія послѣдствія. Очевидно, что если право не желаетъ превращать правоспособность этихъ лицъ въ пустой звукъ, оно должно дозволить совершеніе юридическихъ дѣйствій вмѣсто этихъ лицъ кому-нибудь другому (законному представителю, опекуну). Такъ въ право проникаетъ принципъ, что иногда дѣйствуетъ одно лицо, а юридическія послѣдствія его дѣйствій падаютъ на другое. Разъ подобное правило принято законодательствомъ для указанныхъ случаевъ, когда имѣется юридическая невозможность для субъекта дѣйствовать самому, то нѣтъ основаній не распространить его и на случаи фактической невозможности или затруднительности для дѣеспособнаго лица самому заключить сдѣлку.

Такое явленіе, когда юридическія дѣйствія, совершаемыя однимъ лицомъ отъ имени другого, вызываютъ послѣдствія въ лицѣ этого послѣдняго, и называется *представительствомъ*. Какъ видно изъ предыдущаго, представительство можетъ быть законное, когда представитель выступаетъ на основаніи уполномочія, даваемаго ему по закону, и договорное, когда оно основано на соглашеніи двухъ лицъ между собою. Характерною чертою представительства, отличающею его

отъ простого посредничества при заключеніи сдѣлки, а также отъ всякаго рода фактическаго содѣйствія, является то, что представитель всегда совершаетъ *юридическое дѣйствіе*. Вслѣдствіе этого представитель долженъ быть во всякомъ случаѣ дѣеспособенъ. Съ другой стороны, представитель отличается отъ комиссіонера тѣмъ, что въ то время, какъ послѣдній заключаетъ сдѣлку за свой счетъ и лишь потомъ переноситъ ея послѣдствія на другого, представитель дѣйствуетъ отъ имени представляемаго, такъ что и юридическія послѣдствія возникаютъ прямо и непосредственно въ лицѣ послѣдняго. При посредствѣ представителей можно не только вступать въ обязательственные договоры, но и совершать самыя разнообразныя сдѣлки. Конечно, юридическія дѣйствія, имѣющія въ высшей степени личный характеръ, какъ, напримѣръ, заключеніе брака, совершеніе завѣщанія— не допускаютъ представительства.

§ 79. Составные элементы договоровъ.

Въ составѣ договора можно различать: 1) элементы, безусловно *необходимые* для его существованія (существенные элементы), 2) элементы, которые обыкновенно присутствуютъ въ сдѣлкахъ этого рода, но по особому соглашенію сторонъ могутъ быть и исключены (естественные, или *обыкновенные* элементы) и 3) элементы совершенно *случайные*, включаемые по спеціальному желанію сторонъ.

Среди этой послѣдней категоріи особенно важны *условія и сроки*. Подъ именемъ *условія* разумѣютъ такую оговорку въ сдѣлкѣ, съ помощью которой наступленіе послѣдствій сдѣлки ставится въ зависимость отъ наступленія или ненаступленія какого-нибудь будущаго событія, относительно котораго неизвѣстно, наступитъ оно или нѣтъ (напримѣръ, нѣкто, собираясь начать промышленное предпріятіе, вступаетъ въ сдѣлки съ различными поставщиками подъ условіемъ, что задуманное предпріятіе осуществится и т. п.). Такимъ образомъ, условіе есть оговорка, включаемая въ сдѣлку самими сторонами; предметомъ этой оговорки служитъ неизвѣстное будущее событіе. Условія дѣлятся на нѣсколько разрядовъ; наиболѣе важно различіе условій

отлагательныхъ и отмѣнительныхъ. Подъ именемъ отлагательнаго разумѣютъ такое условіе, которое откладываетъ наступленіе юридическихъ послѣдствій до осуществленія извѣстнаго факта, такъ что до этого момента сдѣлка находится въ неопредѣленномъ состояніи. (Напримѣръ, лицо пріобрѣтаетъ домъ на случай, если получитъ наслѣдство отъ извѣстнаго лица; или: рестораторъ снимаетъ помѣщеніе подъ условіемъ, что ему дано будетъ отъ администраціи разрѣшеніе на открытіе ресторана). Если условіе не исполняется, сдѣлка такъ и не получаетъ юридическихъ послѣдствій; если же условіе наступаетъ, она пріобрѣтаетъ полную юридическую силу. Отмѣнительное условіе мы имѣемъ въ томъ случаѣ, если сдѣлка съ самаго ея заключенія производитъ юридическія послѣдствія, но въ случаѣ наступленія условленнаго обстоятельства теряетъ всякую силу (напримѣръ, я продаю вещь подъ условіемъ расторженія договора, если она понадобится черезъ нѣкоторое время мнѣ самому). Въ отличіе отъ условія — *срокомъ* называется оговорка, съ помощью которой наступленіе или продолженіе послѣдствій сдѣлки ставится въ зависимость отъ наступленія или ненаступленія какого-нибудь будущаго событія, относительно котораго *заранѣе извѣстно*, что оно наступитъ. (Напримѣръ, обязательство передать имущество къ 1 января 1916 года; передача права послѣ смерти настоящаго субъекта). Такимъ образомъ судьба срочныхъ сдѣлокъ не вызываетъ никакихъ сомнѣній, рѣчь идетъ лишь о моментѣ, съ котораго начнется или которымъ кончится сила сдѣлки.

Русское законодательство не даетъ сколько-нибудь пространныхъ постановленій въ этой области, ограничиваясь однимъ разрѣшеніемъ включать въ договоръ по обоюдному согласію сторонъ „всякія условія, законамъ не противныя, какъ-то условія о срокѣ, о платежѣ, о неустойкѣ, объ обезпеченіяхъ и тому подобныя“ [1]).

§ 80. Обезпеченіе договоровъ.

Если должникъ не исполняетъ принятаго на себя обязательства, у кредитора остается въ рукахъ лишь одно сред-

[1]) X, 1530.

ство—обратить взысканіе на имущество должника и вознаградить себя за убытки, понесенные отъ неисправности должника. Однако, можетъ оказаться, что это средство не дастъ кредитору желательнаго удовлетворенія вслѣдствіе несостоятельности должника. Въ виду этого вѣрителю выгодно при самомъ заключеніи договора или установить какой-нибудь вспомогательный источникъ удовлетворенія на случай неисполненія его требованія или выдѣлить изъ всей имущественной массы должника нѣкоторую часть такъ, чтобы ея цѣнность шла на удовлетвореніе именно даннаго требованія; другими словами, является потребность такъ или иначе *обезпечить* исполненіе договора. Главнѣйшіе способы обезпеченія обязательствъ слѣдующіе: задатокъ, неустойка, поручительство и залогъ.

Задатокъ имѣетъ громадное распространеніе въ практикѣ. Этимъ именемъ называется сумма, уплачиваемая при заключеніи договора, въ счетъ будущаго исполненія. Обезпечивающая функція задатка выражается въ томъ, что если давшій его не исполнитъ своей обязанности, онъ теряетъ уплаченную сумму. Если неисполненіе договора послѣдовало по винѣ принявшаго, онъ долженъ вернуть задатокъ Задатокъ можетъ имѣть, впрочемъ, и другое значеніе; такъ, онъ можетъ играть также роль внѣшняго выраженія окончательнаго совершенія договора; кромѣ того, задатокъ можетъ быть установленъ съ цѣлью выразить въ точной цифрѣ вознагражденіе за убытки, въ случаѣ неисполненія договора, и тѣмъ избавиться отъ болѣе или менѣе затруднительнаго доказыванія размѣра убытковъ. И необходимо замѣтить, что въ нашихъ гражданскихъ законахъ мы не находимъ статьи, которая придавала бы задатку значеніе исключительно средства обезпеченія.

Неустойка также можетъ имѣть значеніе не только способа обезпеченія договора, но и средства опредѣленія размѣра вознагражденія противной стороны въ случаѣ неисполненія. Подъ именемъ неустойки разумѣютъ присоединенное къ главному обязательству дополнительное соглашеніе, на основаніи котораго должникъ, оказавшійся неисправнымъ, обязуется уплатить извѣстную сумму. При этомъ, по точному смыслу нашего закона, платежъ неустойки является

не замѣною исполненія, а только осложненіемъ, которое должникъ несетъ *помимо* исполненія. Обыкновенно условіе о неустойкѣ вводится въ договоръ по желанію сторонъ. Бываютъ, однако, случаи такъ называемой законной неустойки, когда неустойка имѣетъ мѣсто независимо отъ соглашенія сторонъ. Именно, законною неустойкою обезпечиваются заемныя обязательства между частными лицами, обязательства съ казною, а также обязательство по перевозкѣ, принятой на себя желѣзною дорогою.

Поручительство. Поручительствомъ называется добавочное соглашеніе, въ силу котораго при неисполненіи обязательства главнымъ должникомъ отвѣчаетъ другое лицо, именуемое поручителемъ. Такимъ образомъ отвѣтственность поручителя возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если не исполнитъ обязательства главный должникъ. Поручитель можетъ принять на себя отвѣтственность за весь долгъ или же только за извѣстную часть его: въ первомъ случаѣ поручительство называется полнымъ, во второмъ—частичнымъ. Кромѣ этого различія, наше законодательство дѣлитъ еще поручительство на простое и срочное, т.-е. поручитель можетъ или ручаться за то, что должникъ вообще заплатитъ, или за то, что онъ заплатитъ въ срокъ. Если поручительство было простое, вѣритель можетъ взыскивать съ поручителя, когда все имущество должника подвергнуто продажѣ, и выручки все-таки не хватило для удовлетворенія вѣрителя; при срочномъ же поручительствѣ вѣритель можетъ искать съ поручителя тотчасъ по обнаруженіи неисправности должника.

Наиболѣе вѣрнымъ способомъ обезпеченія обязательства является установленіе *залогового права*. Этимъ именемъ обозначается право кредитора, въ случаѣ неисполненія въ срокъ его требованія, удовлетворить себя изъ имущественной цѣнности заложеннаго предмета. Для достиженія этой цѣли кредитору давалось первоначально право присвоить себѣ заложенную вещь въ случаѣ неисправности должника; болѣе развитое право предоставляетъ ему только право продажи вещи, и лишь въ крайнихъ случаяхъ (напримѣръ, за невозможностью найти покупателя) передаетъ кредитору заложенную вещь въ собственность. Послѣдней точки зрѣнія

придерживается въ общемъ и наше законодательство, хотя многія его нормы сохраняютъ на себѣ слѣды прежняго порядка, по которому съ момента просрочки должника кредиторъ становился собственникомъ заложенной вещи.

Русское право употребляетъ различные термины, смотря по роду вещей, служащихъ обезпеченіемъ обязательства. Именно, если въ обезпеченіе требованія дается движимость, нашъ законъ называетъ отношеніе обыкновенно „закладомъ“; если же рѣчь идетъ о недвижимости, употребляется терминъ „залогъ“.

Такъ какъ залоговое право можетъ повлечь за собою продажу вещи, то устанавливать залогъ предоставляется лишь лицу, способному къ отчужденію вещи. Такимъ образомъ, даже собственникъ не можетъ закладывать имущества, если оно находится подъ запрещеніемъ. Точно такъ же и относительно объекта залогового права можно установить, что къ залогу способно все то, что можетъ быть продано.

Такъ какъ залоговое право предоставляетъ своему субъекту возможность получить имущественное удовлетвореніе изъ цѣнности заложеннаго объекта, то вполнѣ мыслимо съ теоретической точки зрѣнія установленіе на одну и ту же вещь залоговыхъ правъ нѣсколькихъ лицъ. Нашъ X томъ, очевидно, подъ вліяніемъ стараго положенія залога, когда при неисполненіи требованія кредиторъ получалъ заложенную вещь въ собственность, не допускаетъ второго залога на одну и ту же вещь [1]). Однако, практика, основываясь на буквальномъ текстѣ нѣкоторыхъ статей закона, употребляющихъ терминъ „закладная“ во множественномъ числѣ, признала вполнѣ возможнымъ установленіе нѣсколькихъ залоговыхъ правъ на одну вещь и тѣмъ удовлетворила насущную потребность оборота [2]).

Въ случаѣ существованія на одно и то же имущество нѣсколькихъ залоговыхъ правъ порядокъ удовлетворенія опредѣляется временемъ установленія залога: вѣритель, въ пользу котораго залоговое обезпеченіе было установлено

---

[1]) X, 1630, п 2.

[2]) X, 1643, Уст Гр. Суд. 1215, Рѣш. Гражд. Деп. № 88 — 1889 г. и др.

раньше другого, и удовлетворенъ будетъ прежде этого послѣдняго.

По отношенію къ залогу недвижимостей, чрезвычайно важно обезпечить достаточную *публичность* его установленія, дабы всякій, оказывающій кредитъ подъ недвижимость, могъ знать, получаетъ ли онъ при этомъ дѣйствительное обезпеченіе, или же данная недвижимость обременена уже ранѣе установленными залогами и другими ограниченіями въ такой степени, что въ случаѣ обращенія на нее взысканія, вся ея стоимость уйдетъ на покрытіе этихъ предыдущихъ залоговъ [1]). Такимъ образомъ, для того, чтобы кредитныя операціи съ обезпеченіемъ недвижимостью могли не внушать какихъ-либо опасеній лицамъ, вступающимъ въ гражданско-правовыя дѣловыя отношенія, должна быть обезпезпечена гласность сдѣлокъ, совершаемыхъ по поводу той или иной недвижимости, и дана возможность всякому лицу въ нужный для него моментъ достовѣрно установить правовое положеніе интересующаго его имѣнія (т.-е. дѣйствительно ли оно принадлежитъ такому-то лицу, каковъ объемъ его права, не установлено ли сервитутовъ, нѣтъ ли на имѣніи ранѣе установленныхъ залоговъ и т. п.). Западныя законодательства удовлетворили этой потребности посредствомъ введенія такъ называемыхъ ипотечныхъ или поземельныхъ книгъ [2]). Именно, судебное учрежденіе даннаго округа имѣетъ спеціальную книгу, въ которой каждая недвижимость этого округа занесена на особый листъ, на которомъ помѣчаются всѣ юридическія сдѣлки, касающіяся этой недвижимости, при чемъ безъ внесенія въ эту книгу сдѣлки, касающіяся недвижимыхъ имуществъ, юридической силы не имѣютъ. Такимъ образомъ, всякое заинтересованное лицо, осмотрѣвъ въ судѣ соотвѣтствующій листъ поземельной книги, получаетъ сразу полное впечатлѣніе объ юридическомъ положеніи имущества, видитъ, кому оно при-

[1]) По отношенію къ движимымъ имуществамъ обычно практикуется закладъ, сопровождающійся передачею вещи кредитору немедленно по установленіи залога, вслѣдствіе чего третьи лица не могутъ, по общему правилу, быть въ заблужденіи, заложена ли данная вещь или нѣтъ.

[2]) Названіе „ипотечная книга“ происходитъ отъ слова ипотека (hypotheca), что значитъ „залогъ“.

надлежитъ, какія на немъ лежатъ ограниченія, обезцѣнивающія его, и т. д. У насъ, въ Россіи, такихъ книгъ не существуетъ [1]). Залогъ недвижимостей совершается у насъ въ формѣ крѣпостного акта (т.-е. совершаемаго у нотаріуса и утверждаемаго старшимъ нотаріусомъ — такъ называемая закладная крѣпость).

Что касается заклада движимыхъ вещей, то русскій законъ позволяетъ совершать закладной актъ и дома, но требуетъ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей (подпись 2 свидѣтелей, составленіе описи закладываемыхъ вещей, передача вещей за печатями залогодателя и свидѣтелей).

Съ момента установленія залога собственникъ ограничивается въ своемъ правѣ распоряженія; если же объектомъ залогового права является движимость, переданная залогопринимателю, то собственникъ не можетъ и пользоваться вещью. Но, съ другой стороны, и залогопріниматель не имѣетъ права пользоваться вещью, которая отдается ему лишь на храненіе. Въ случаѣ неисполненія главнаго обязательства, онъ можетъ требовать продажи вещи, при чемъ вырученная сумма идетъ прежде всего на удовлетвореніе его требованія. Если вырученныхъ отъ продажи денегъ не хватаетъ, русское право—въ отличіе отъ иностранныхъ—не даетъ залоговому вѣрителю права обратить взысканіе на какое-либо другое имущество [2]).

На ряду съ изложенными общими правилами о залогѣ, наше законодательство знаетъ еще *спеціальные* виды залога недвижимостей въ разнаго рода *кредитныхъ* установленіяхъ. Здѣсь лицо, желающее заложить имѣніе, беретъ отъ нотаріуса свидѣтельство, удостовѣряющее, что имѣніе принадлежитъ именно данному лицу, и что никакихъ запрещеній на немъ не значится. По представленіи свидѣтельства въ кредитное установленіе выдается заемная сумма, погашеніе которой разсрочивается обыкновенно на рядъ лѣтъ.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что еще въ 3 Государственную Думу Министерствомъ Юстиціи были внесены соотвѣтствующіе законопроекты.

[2]) Т. XVI, ч. II, ст. 315; впрочемъ, допускается исключеніе въ пользу казны и кредитныхъ установленій.

§ 81. Главнѣйшіе виды обязательственныхъ договоровъ.

I У Иванова есть старинные дорогіе часы. Его знакомый Филипповъ, у котораго есть рѣдкая гравюра извѣстнаго мастера, предлагаетъ уступить ему часы, а вмѣсто нихъ взять гравюру. Ивановъ соглашается: отдаетъ часы, получаетъ гравюру. Но возможно, что Ивановъ, нуждаясь въ деньгахъ, соглашается уступить часы лишь за деньги; тогда Филипповъ сбываетъ за ту же цѣну свою гравюру въ другія руки, а потомъ пріобрѣтаетъ понравившіеся ему часы.

Конечный хозяйственный результатъ для Филиппова въ обоихъ случаяхъ одинаковый: вмѣсто одной вещи онъ получаетъ другую. Но есть разница въ способахъ, которыми онъ этой цѣли достигаетъ: въ первомъ случаѣ онъ непосредственно обмѣниваетъ вещь на вещь, почему договоръ носитъ названіе *мѣны;* во второмъ—онъ обмѣниваетъ вещь на деньги, а затѣмъ обратно—деньги на вещь: такія сдѣлки носятъ названіе *купли-продажи.*

Было нѣкогда время, когда для людей былъ доступенъ только первый путь Именно, потребность получать вещи, производимыя другими, явилась у людей раньше, чѣмъ изобрѣтены были деньги, такъ что единственнымъ средствомъ удовлетворить эту потребность служилъ въ то время непосредственный обмѣнъ одной вещи на другую. Съ появленіемъ денегъ громадное развитіе получилъ договоръ купли-продажи, мѣна же отступила на второй планъ.

Наше законодательство отличается въ настоящемъ вопросѣ нѣкоторою особенностью. Именно, дозволяя вполнѣ свободно мѣняться движимостями, нашъ законъ воспрещаетъ обмѣнъ недвижимостями. Только въ видѣ изъятія изъ общаго правила допускается мѣна недвижимостями, напр., для доставленія удобнаго выгона посадамъ и городамъ, для миролюбиваго раздѣла общихъ дачъ, для поземельнаго устройства крестьянъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Договоръ какъ мѣны, такъ и купли-продажи, долженъ привести къ тому, что съ момента совершенія договора право собственности на вещь переходитъ къ пріобрѣтателю, но подъ условіемъ исправнаго исполненія и съ его стороны

взаимнаго обязательства. Поэтому обмѣнивать и продавать дозволяется лишь то имущество, которое принадлежитъ данному лицу, и отчужденіе котораго не воспрещено закономъ.

Если же послѣ совершенія договора и передачи вещи окажется, что обмѣнявшій или продавшій вещь самъ не былъ ея собственникомъ, и на этомъ основаніи третье лицо оспариваетъ право пріобрѣтателя,—продавшій (или обмѣнявшій) вещь долженъ возмѣстить пріобрѣтателю весь понесенный имъ ущербъ (такъ называемая „очистка“, по терминологіи X тома) Но для того, чтобы подобная отвѣтственность продавца (а также промѣнявшаго вещь) возникла, необходимо чтобы третье лицо отняло вещь у покупателя именно въ силу недостатка въ правѣ продавца, а не какихъ-нибудь послѣдующихъ обстоятельствъ. Продавецъ освобождается отъ обязанности очистки, если онъ спеціальною оговоркою въ договорѣ сложилъ съ себя эту отвѣтственность[1]), или если покупщикъ лишился вещи вслѣдствіе неправильной или неискусной защиты своего права.

Помимо отвѣтственности за неприкосновенность передаваемаго права, продавецъ (а также вступающій въ договоръ мѣны) отвѣчаетъ и за недостатки вещи, особенно, если они такъ значительны, что вещь не можетъ быть употреблена для намѣченной цѣли, или если продавецъ обѣщалъ по договору опредѣленныя качества вещи, которыхъ потомъ не оказалось.

Что касается *формы* обѣихъ сдѣлокъ, то для мѣны или купли-продажи вещей движимыхъ законъ не устанавливаетъ какихъ-либо особыхъ требованій, такъ что для силы договора достаточно простого словеснаго соглашенія. Напротивъ, при куплѣ-продажѣ недвижимостей установлена обязательная форма, неисполненіе которой лишаетъ всю сдѣлку дѣйствительности. Именно, актъ о продажѣ (такъ называемая купчая крѣпость), совершаемый у нотаріуса, представляется затѣмъ старшему нотаріусу для утвержденія, и только съ этого послѣдняго момента договоръ считается окончательно заключеннымъ.

---

[1]) Таковая оговорка не можетъ получить силы, если продавецъ намѣренно включилъ ее, зная, что вещь не его

Иногда прежде чѣмъ заключить договоръ продажи, данныя лица заключаютъ предварительное соглашеніе о томъ, что въ будущемъ вещь должна быть продана. Такой договоръ называется *запродажею*. Съ момента заключенія этого договора вещь не считается еще проданною, но возникаетъ лишь обязательство впослѣдствіи продать ее. Договоръ запродажи требуетъ непремѣннаго облеченія въ письменную форму — составленія такъ называемой запродажной записи. Обыкновенно дѣйствіе договора запродажи подкрѣпляется задаткомъ, почему законъ и содержитъ особыя правила для этого случая. Задатокъ можетъ быть или оговоренъ въ запродажной записи или установленъ отдѣльно въ задаточной распискѣ. Въ послѣднемъ случаѣ требуется указаніе времени ея выдачи, условій договора, а равно срока, въ теченіе котораго договоръ долженъ быть заключенъ. Если въ установленный срокъ (а при его отсутствіи—въ теченіе года) не будетъ заключенъ договоръ купли-продажи, то стороны могутъ въ теченіе слѣдующаго года осуществлять свои права по задаточной распискѣ. Именно, если отъ заключенія договора уклоняется давшій задатокъ, онъ теряетъ его окончательно, если же договоръ не состоится по винѣ получившаго задатокъ, онъ обязанъ вернуть его въ двойномъ размѣрѣ.

Помимо этихъ послѣдствій неисполненіе договора налагаетъ на контрагента обязанность возмѣстить весь ущербъ, понесенный противною стороною. Перечисленныхъ невыгодныхъ послѣдствій не наступаетъ, если договоръ не заключенъ вслѣдствіе уважительнаго препятствія, какъ-то: лишеніе свободы, прекращеніе сообщеній, болѣзнь контрагента или его близкихъ и т. п.

Разновидностью купли-продажи является такъ называемый договоръ *поставки*. Этимъ именемъ называется договоръ, по которому одно лицо обязывается въ назначенный срокъ передать вещи опредѣленнаго качества и количества, а другое—заплатить за это извѣстную сумму денегъ.

Отъ купли-продажи, поставка отличается своимъ *массовымъ* характеромъ, такъ что получается характеръ предпріятія: предметомъ купли-продажи можетъ служить и передача одной-двухъ вещей, предметомъ поставки служитъ

передача болѣе или менѣе значительной партіи вещей. Договоръ поставки подчиняется, въ общемъ, правиламъ о куплѣ-продажѣ, кромѣ *формы* совершенія договора; именно, поставка должна быть облечена непремѣнно въ письменную форму, свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе этого договора не принимаются.

II. Петрову понадобился фракъ. Не желая тратиться на покупку фрака, который, быть можетъ, никогда больше не понадобится, онъ рѣшилъ взять его изъ магазина напрокатъ. Когда объ этомъ узналъ его пріятель Павловъ, онъ предложилъ Петрову воспользоваться его фракомъ Одинаковое ли положеніе сложится въ томъ случаѣ, если Петровъ осуществитъ свое первоначальное намѣреніе или если воспользуется любезностью пріятеля?

Цѣль, къ которой стремится Петровъ, сводится къ тому, чтобы получить возможность временно воспользоваться чужой вещью. Эта цѣль одинаково достигается, обратится ли онъ въ магазинъ или воспользуется фракомъ пріятеля. Но, очевидно, магазинъ не можетъ отпускать вещей изъ любезности; наоборотъ, пріятель, навѣрное, обидѣлся бы, если бы Петровъ предложилъ ему вознагражденіе. Въ этомъ различіе между обѣими сдѣлками: первая изъ нихъ (состоящая въ томъ, что одно лицо обязуется предоставлять другому *пользованіе* вещью въ теченіе извѣстнаго времени, а это другое лицо обязуется уплачивать за то извѣстное *вознагражденіе* и по истеченіи срока пользованія вернуть эту вещь) носитъ названіе *имущественнаго найма*, или проката (въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ употребляютъ также терминъ „аренда“), вторая—(когда лицо обязуется предоставлять вещь въ *безвозмездное пользованіе*) именуется *ссудою*. Въ обоихъ случаяхъ получившій чужую вещь для пользованія долженъ относиться къ вещи бережно, такъ, какъ обыкновенно относится къ своему имуществу хорошій хозяинъ, и пользоваться имуществомъ сообразно экономическому его назначенію (напримѣръ, нельзя пользоваться верховой лошадью для перевозки воды или дровъ, барскимъ особнякомъ для устройства прачечной и т. п.), а по окончаніи договора вернуть вещь въ исправности. Наниматель обязанъ, кромѣ того, аккуратно уплачивать условленное вознагражде-

ніе за пользованіе вещью; если размѣръ вознагражденія не опредѣленъ въ договорѣ точно, онъ опредѣляется мѣстнымъ заведеннымъ порядкомъ.

Отдавать имущество внаемъ или въ ссуду можетъ лишь собственникъ или пожизненный пользователь. Договоръ можетъ быть заключенъ или безъ указанія срока, и тогда онъ можетъ быть расторгнутъ въ каждый данный моментъ, или на точно опредѣленный срокъ, который для найма недвижимостей не можетъ превышать 36 лѣтъ. Существуютъ, однако, исключенія изъ этого общаго правила; такъ, казенныя земли подъ устройство дачъ могутъ быть сдаваемы на срокъ до 99 лѣтъ, и др.

Прекращается наемъ по различнымъ причинамъ. Сюда слѣдуетъ отнести гибель нанятой вещи, истеченіе срока найма, неисполненіе одной стороной своей обязанности. Особенное значеніе имѣетъ вопросъ о судьбѣ договора найма въ томъ случаѣ, когда хозяинъ вещи отчуждаетъ свое имущество. Такъ какъ договоръ найма есть обязательственное отношеніе, имѣющее, слѣдовательно, чисто личное значеніе, то съ строго теоретической точки зрѣнія съ переходомъ имущества къ новому собственнику наемъ долженъ былъ бы прекратиться. Однако такое рѣшеніе не соотвѣтствовало бы потребностямъ жизни, вслѣдствіе чего многія законодательства распространяютъ обязательность договора найма и на пріобрѣтателя имѣнія, сданнаго внаемъ. Наше законодательство не разрѣшаетъ категорически этого вопроса. Судебная практика твердо держится того взгляда, что продажа имѣнія, сданнаго внаймы, не уничтожаетъ договора найма.

Договоръ ссуды можетъ быть заключенъ въ любой формѣ, лишь бы было выражено соглашеніе о предоставленіи вещи однимъ лицомъ въ безвозмездное пользованіе другого. Форма договора имущественнаго найма различна, смотря по характеру отдаваемаго внаемъ имущества. Если предметомъ найма служитъ движимость, договоръ заключается словесно, если сдается недвижимость—письменно; впрочемъ, городскія строенія и земли могутъ на короткіе сроки сдаваться и словесно. Кромѣ того, существуетъ особая форма для найма земли крестьянами: если земля снимается на срокъ не свыше 3 лѣтъ, то на всякую сумму, если свыше 3 лѣтъ, то на

сумму до 300 рублей,— наемъ можетъ быть совершенъ въ словесной формѣ, со внесеніемъ лишь въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи.

III. Предположимъ теперь, что пріятель Петрова, согласившись дать ему на время свой фракъ, предложилъ также ссудить нѣкоторую сумму денегъ. Вполнѣ ли однородны будутъ отношенія между ними по поводу фрака и денегъ? Нѣтъ, разница подсказывается самымъ характеромъ вещей, о которыхъ идетъ рѣчь. Деньги, какъ принято называть,— вещи *замѣнимыя*; тотъ или другой рубль, та или другая десятирублевая бумажка будутъ даны, значенія не имѣетъ· одна монета или бумажка можетъ быть замѣнена другой одноцѣнной. Къ той же категоріи замѣнимыхъ вещей относится, напр., крупа извѣстнаго сорта: если нужно взять изъ этого сорта фунтъ крупы, то безразлично, какія именно крупинки будутъ даны. Если подобныя вещи берутся однимъ лицомъ у другого, то обязанность возврата не можетъ состоять въ томъ, чтобы вернуть тѣ самыя вещи, которыя взяты: воспользовавшись предоставленной ему денежной суммой, нашъ Петровъ не можетъ, очевидно, потомъ отыскать тѣ самыя монеты, какія ему были даны; онъ возвращаетъ лишь такую же сумму денегъ [1]); точно также хозяйка, взявшая у сосѣдки чашку крупы, должна вернуть столько же и того же сорта, но все-таки не ту самую крупу, ибо та уже использована. Напротивъ, когда пріятель давалъ Петрову надѣть фракъ, предполагалось, что будетъ возвращенъ этотъ же самый фракъ: предметомъ соглашенія была вещь не замѣнимая, а *индивидуально опредѣленная*, которую безъ особаго соглашенія замѣнить другою, хотя бы и равноцѣнною, нельзя.

Такимъ образомъ, въ существѣ этихъ двухъ отношеній получилась большая разница. И надо замѣтить, что если въ быту одинаково говорятъ „ссудите мнѣ фракъ“ и „ссудите мнѣ 25 руб.“, то, съ точки зрѣнія закона, только пер-

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что лица, вступающія въ договоръ, могутъ замѣнимую вещь обозначить индивидуальными признаками, напр., кредитные билеты переномеровать и условиться, что должны быть возвращены эти же самые билеты. Но для этого требуется спеціальное выраженіе воли данныхъ лицъ.

вая сдѣлка, когда дается индивидуально опредѣленная вещь въ безвозмездное пользованіе съ обязательствомъ вернуть по окончаніи срока пользованія ту же вещь, назыв. ссудой, вторая сдѣлка, въ силу которой лицо, взявшее извѣстное количество *заимныхъ* вещей, обязывается возвратить *такое же количество такихъ же вещей* (но не тѣ же самыя вещи) именуется *займомъ*. Договоръ займа носитъ односторонній характеръ, т.-е. одно лицо (кредиторъ, заимодавецъ) получаетъ изъ него право, другое (должникъ)—только обязанность.

Въ отношеніи займа законодатель обращаетъ серьезное вниманіе, между прочимъ, на побудительные мотивы и цѣли заключенія договора и лишаетъ заемъ силы, если онъ преслѣдуетъ безнравственную или противозаконную цѣль, или же направленъ въ ущербъ третьимъ лицамъ.

По этимъ соображеніямъ наше законодательство признаетъ договоръ о возвратѣ займа ничтожнымъ, если оказывается, что должникъ на самомъ дѣлѣ не бралъ ничего взаймы: такія безденежныя заемныя обязательства принимаются нерѣдко съ цѣлью лишить истинныхъ кредиторовъ извѣстной имущественной цѣнности; точно такъ же ничтоженъ заемъ, совершенный по игрѣ или для игры съ вѣдома о томъ заимодавца и др.

Заемъ получаетъ свою силу лишь по передачѣ занятыхъ вещей должнику. Но для доказательства совершившагося займа требуется облеченіе его въ *письменную* форму—домашнимъ или нотаріальнымъ порядкомъ.

При заключеніи займа по желанію сторонъ можетъ быть включено въ договоръ условіе о процентахъ. Чтобы эта возможность не послужила для кредиторовъ средствомъ эксплоатаціи должниковъ, законодательство устанавливаетъ ограниченія. Такъ, если размѣръ % превышаетъ 6%, должникъ спустя 6 мѣсяцевъ по заключеніи займа можетъ возвратить занятый капиталъ даже раньше срока; если же по займу, заключенному должникомъ въ особенно затруднительныхъ обстоятельствахъ, выговорено свыше 12%, то условіе о процентахъ не имѣетъ силы, самый же заемъ считается дѣйствительнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ теченіе процентовъ устанавливается самимъ закономъ.

IV. Если вещь отдается кому-нибудь на *храненіе*, то говорятъ о договорѣ *поклажи*. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ займа и ссуды, въ этомъ договорѣ приниматель вещи не получаетъ права пользованія ею, а долженъ лишь хранить ее. Въ связи съ этою обязанностью на принявшаго вещь возлагается обязанность своевременно принимать мѣры противъ грозящей гибели или порчи вещи, поскольку эти мѣры не мѣшаютъ ему хранить собственное имущество (такъ, напримѣръ, принявшій вещь на храненіе не отвѣчаетъ, если онъ при пожарѣ или иномъ несчастномъ случаѣ спасалъ прежде всего свои вещи и *вслѣдствіе этого* не могъ спасти принятой на храненіе чужой вещи). По наступленіи срока, а если отдавшій вещь пожелаетъ, то и раньше, поклажепринимать долженъ вернуть вещь въ цѣлости. Съ своей стороны, онъ можетъ требовать отъ своего контрагента возмѣщенія расходовъ, понесенныхъ имъ по храненію вещи, если, конечно, они были необходимы или, по крайней мѣрѣ, полезны для дѣла. Въ зависимости отъ соглашенія, храненіе по договору поклажи можетъ быть или платнымъ, или безвозмезднымъ.

Договоръ поклажи не можетъ быть доказываемъ съ помощью свидѣтельскихъ показаній, онъ требуетъ для доказательной силы непремѣннаго совершенія *письменнаго* акта (такъ называемой *сохранной расписки*). Исключеніе допускается лишь въ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ, при пожарѣ, наводненіи и пр. (при такъ называемомъ depositum miserabile), когда совершеніе письменной формы не требуется.

Прекращается договоръ поклажи, во-первыхъ, исполненіемъ, затѣмъ гибелью вещи. Въ случаѣ смерти одного изъ контрагентовъ договоръ распространяется и на его наслѣдниковъ, но съ слѣдующими особенностями. Въ случаѣ смерти поклажепринимателя наслѣдники обязаны въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства произвести вызовъ покладчиковъ; не явившіеся въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 6 мѣсяцевъ лишаются своего права. Въ случаѣ смерти покладчика его наслѣдники для сохраненія права требовать возврата вещи должны въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства также сдѣлать соотвѣтствующее объявленіе.

V. Всѣ разсмотрѣнные до сихъ поръ примѣры имѣли между собой то общее, что во всѣхъ нихъ шла рѣчь о передачѣ извѣстныхъ *вещей* отъ одного лица къ другому, въ полную ли собственность, во временное ли пользованіе, или только на храненіе. Бываютъ, однако, такіе виды договоровъ, гдѣ дѣло идетъ не о передачѣ вещей, или, по крайней мѣрѣ, не только о передачѣ вещей, но и о выполненіи однимъ лицомъ нѣкотораго *труда* для другого, или совмѣстно съ другимъ лицомъ. *Примѣръ.* Сидоровъ, желая завести лошадей, уговорился съ Смирновымъ о постройкѣ для него каменной конюшни и экипажнаго сарая, а затѣмъ нанялъ себѣ Федотова въ качествѣ кучера. Каковы обязательства, возникшія изъ этихъ двухъ сдѣлокъ? Смирновъ долженъ выполнить для Сидорова опредѣленную работу; долженъ работать и Федотовъ. Сидоровъ обязанъ уплатить Смирнову условленную сумму денегъ; точно такъ же онъ обязанъ платить жалованье и кучеру. Въ этомъ сходство обоихъ отношеній. Но есть и различія. Смирновъ долженъ выполнить нѣчто законченное, своего рода предпріятіе; въ этомъ цѣль договора. Если онъ договорился съ Смирновымъ 1 августа и обязался закончить работу 1 октября, отъ него зависитъ, начать ли работу немедленно и выполнять ее равномѣрно въ предѣлахъ условленнаго срока, или пропустить недѣлю-другую, мѣсяцъ, а потомъ прислать усиленную партію рабочихъ и наверстать упущенное время: важно лишь, чтобы *результатъ*, итогъ работы былъ представленъ къ условленному сроку. Въ иномъ положеніи находится кучеръ: онъ не можетъ свою работу съ одного дня переносить на другой; по смыслу договора отъ него желали не общаго итога, результата работы, какъ въ договорѣ съ Смирновымъ, а отдѣльныхъ періодически повторяющихся *услугъ* опредѣленнаго рода. Первый договоръ (въ которомъ одно лицо принимаетъ на себя обязательство выполнить для другого, за извѣстное отъ него вознагражденіе, нѣкоторую работу, исполнить предпріятіе—по выраженію ст. 1737 зак. гражд.). носитъ названіе *подряда*, второй договоръ (по которому одно лицо обязуется за извѣстное вознагражденіе выполнять для другого опредѣленныя личныя услуги)—называется договоромъ *личнаго найма*, или найма услугъ.

Изъ указаннаго основного различія обоихъ договоровъ вытекаетъ также, что личный трудъ подрядчика не является необходимымъ; онъ можетъ поставить за себя управляющаго, который самостоятельно будетъ руководить рабочими, вообще, рѣшать вопросы о способахъ исполненія подряда; договоръ личнаго найма, какъ ясно и изъ названія, имѣетъ въ виду услуги даннаго лица, которое не въ правѣ замѣнить себя другимъ. Конечно, предполагается, что нанявшійся для извѣстныхъ услугъ способенъ ихъ выполнить; въ случаѣ неискуснаго или небрежнаго исполненія услугъ наниматель можетъ требовать отъ нанявшагося вознагражденія за причиненный этимъ ущербъ. Въ виду того, что договоръ личнаго найма ставитъ нанявшагося больше, чѣмъ какой-либо другой договоръ, въ положеніе зависимости отъ нанявшаго, законъ воспрещаетъ заключать этотъ договоръ на срокъ больше 5 лѣтъ; этимъ же объясняется требованіе закона, чтобы замужнія женщины (если только онѣ не живутъ отдѣльно отъ мужей) заключали договоръ личнаго найма лишь съ согласія мужей. Относительно *формы* договора найма нашъ законъ говоритъ лишь, что этотъ договоръ *можетъ* быть заключенъ въ письменной формѣ съ засвидѣтельствованіемъ у нотаріуса, но не касается вопроса о томъ, является ли соблюденіе этой формы необходимостью; въ виду этого надо признать, что договоръ личнаго найма можетъ заключаться и въ словесной формѣ. Форма договора подряда должна быть непремѣнно письменная.

Прекращается договоръ подряда исполненіемъ условленной работы, а также въ случаѣ невозможности исполненія; личный наемъ, кромѣ послѣдняго случая, прекращается также смертью сторонъ, истеченіемъ срока. Если договоръ заключенъ безсрочно, онъ можетъ быть расторгнутъ когда-угодно; впрочемъ, для прекращенія найма фабричныхъ рабочихъ требуется увѣдомленіе другой стороны, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до прекращенія договора.

На ряду съ этими общими правилами существуетъ рядъ спеціальныхъ положеній для нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ найма, какъ то: наемъ приказчиковъ, сельскихъ рабочихъ и проч.

VI. Если два или нѣсколько лицъ соединяютъ свои средства для достиженія какой-нибудь общей цѣли, то такой договоръ носитъ названіе *товарищества*. Средства, предоставляемыя товарищами на общее дѣло, могутъ быть различны: можно принять участіе въ товариществѣ своимъ имуществомъ или его долею, или же личнымъ трудомъ. Въ силу общенія, между товарищами распредѣляются какъ убытки, такъ и выгоды дѣла: товарищество, въ которомъ одни участники получаютъ выгоды, другіе же только несутъ ущербъ, недопустимо. Различаются слѣдующіе виды товариществъ: а) *полное* товарищество, когда каждый товарищъ участвуетъ въ дѣлѣ всѣмъ своимъ имуществомъ, отвѣчая за всѣ долги товарищей, б) товарищество *на вѣрѣ*, въ которомъ часть членовъ являются полными товарищами, остальные же участвуютъ въ дѣлѣ лишь опредѣленнымъ взносомъ, и в) *акціонерныя* товарищества, гдѣ всѣ товарищи участвуютъ лишь въ размѣрѣ опредѣленнаго вклада—акціи. По своей *цѣли* товарищества раздѣляются на цѣлый рядъ категорій; наиболѣе важно различіе товариществъ торговыхъ, производящихъ торговыя сдѣлки въ видѣ промысла, и гражданскихъ. Относительно *формы* совершенія договора въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ единообразія; болѣе сложная форма требуется для заключенія торговаго товарищества (письменный договоръ и регистрація).

Изъ договора товарищества возникаютъ права и обязанности для каждаго члена. Каждый товарищъ обязанъ сдѣлать извѣстный взносъ имуществомъ или личнымъ трудомъ. Если размѣръ взноса въ договорѣ не предусмотрѣнъ, взносы предполагаются равные для всѣхъ. Въ связи съ этимъ онъ получаетъ въ соотвѣтствующей долѣ право на распоряженіе дѣлами, на участіе въ прибыли, а съ другой стороны несетъ соотвѣтствующую долю отвѣтственности за долги.

Прекращается товарищество рѣшеніемъ его членовъ, а также несостоятельностью, такъ какъ въ этомъ случаѣ становится невозможнымъ достиженіе цѣли договора. Кромѣ того, смерть одного изъ товарищей прекращаетъ весь договоръ.

VII. Иногда два или нѣсколько лицъ вступаютъ въ такого рода соглашеніе, что одно изъ нихъ беретъ на себя

за извѣстное вознагражденіе рискъ невыгодныхъ послѣдствій, связанныхъ для другого съ наступленіемъ какого-нибудь случайнаго событія. Такой договоръ называется *страховымъ*; лицо, желающее обезпечить какой-нибудь свой интересъ, именуется страхователемъ, лицо, соглашающееся этотъ интересъ обезпечить—страховщикомъ. Особенно часто заключается страховой договоръ для обезпеченія лица отъ невыгодныхъ послѣдствій, наступающихъ вслѣдствіе пожара градобитія, увѣчья, а также смерти опредѣленнаго лица (такъ называемое страхованіе жизни). Отличительная особенность, присущая договору страхованія, выражается въ моментѣ *риска*, которому подвергается страховщикъ. Цѣль обезпеченія себя отъ наступленія имущественнаго ущерба достигалась первоначально съ помощью такъ называемаго взаимнаго страхованія, когда извѣстный кругъ лицъ образуетъ союзъ, каждый изъ участниковъ котораго дѣлаетъ свой взносъ въ общую кассу, изъ которой въ случаѣ наступленія имущественнаго ущерба онъ и получаетъ свое вознагражденіе. Съ теченіемъ времени, стали появляться спеціальныя предпріятія, которыя берутъ на себя страхованіе противъ того или иного имущественнаго ущерба. Расчетъ страховщика основывается на данныхъ статистики, показывающихъ, что при массовомъ заключеніи подобныхъ сдѣлокъ ущербъ наступаетъ въ такомъ незначительномъ сравнительно числѣ случаевъ, что по его возмѣщеніи возможно полученіе извѣстнаго барыша. Такъ какъ для веденія страхового предпріятія требуется очень значительный оборотный капиталъ, а съ другой стороны, такъ какъ весь рискъ тяжело нести на себѣ отдѣльному человѣку, то страховщикомъ бываетъ обыкновенно юридическое лицо. Въ качествѣ страхователя можетъ заключать договоръ собственникъ и вообще лицо, имѣющее какой-либо имущественный интересъ въ застрахованной вещи. Заключается договоръ обыкновенно такимъ образомъ, что страховщикъ съ помощью особыхъ бланковъ оповѣщаетъ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ заключаетъ страховые договоры. Если страхователь принимаетъ эти условія, онъ вноситъ премію, послѣ чего ему выдается полисъ, т.-е. письменный актъ страхового договора. Съ этого момента договоръ считается заклю-

ченнымъ, и на страховщика переносится обязанность вознаградить страхователя, если онъ докажетъ наступившій для него ущербъ. Конечно, если этотъ ущербъ причиненъ по винѣ третьяго лица, то, возмѣстивъ его страхователю, страховщикъ можетъ затѣмъ обратиться къ виновному съ требованіемъ о возмѣщеніи уплаченной суммы. На страхователѣ, помимо обязанности платить условленную по договору премію, лежитъ еще обязанность заботиться о сохраненіи своего имущества, такъ какъ ущербъ, наступившій по небрежности собственника, не можетъ считаться тою случайностью, обезпечить отъ которой должно по своей идеѣ страхованіе. Если предусмотрѣнное въ договорѣ несчастное событіе наступаетъ, страхователь долженъ въ самый короткій срокъ увѣдомить о томъ страховщика, такъ какъ опредѣлить истинный размѣръ убытковъ можно лишь тогда, если со времени ихъ причиненія прошло немного времени. Наконецъ, на страхователѣ лежитъ обязанность извѣщать о всѣхъ перемѣнахъ въ состояніи имущества, такъ какъ для страхователя весьма важно знать, не увеличился ли вслѣдствіе этихъ перемѣнъ рискъ, который лежитъ на немъ.

Прекращается страховой договоръ вслѣдствіе его исполненія, истеченія срока, на который онъ былъ заключенъ и т. п.

По аналогіи съ страхованіемъ имущества за послѣднее время развиваются другія страховыя сдѣлки, напримѣръ, страхованіе жизни, т.-е. договоръ, по которому страховщикъ за извѣстные періодическіе платежи обязуется уплатить указанному въ договорѣ третьему лицу условленную сумму денегъ въ случаѣ смерти его контрагента. Встрѣчаются и иные виды страхованія, какъ-то: страхованіе стипендіи, приданаго и пр.

VIII. Совсѣмъ особый характеръ носитъ договоръ *даренія*. Этимъ именемъ называется безвозмездный договоръ, съ помощью котораго дарителъ увеличиваетъ за свой счетъ имущество одаряемаго, чтобы проявить по отношенію къ нему свою щедрость. Безвозмездность является характерною чертою этого договора, отличающею его отъ другихъ сходныхъ отношеній. Возможны самые разнообразные способы проявленія щедрости: можно отдать свою вещь въ собственность, установить право пользованія ею, принять на себя обязательство,

простить долгъ и т. п. Въ силу спеціальнаго распоряженія закона, не могутъ быть даримы помимо ближайшихъ родственниковъ родовыя имѣнія; также изъяты отъ даренія заповѣдныя имѣнія. Что касается формы даренія, то она предписана лишь на случай даренія недвижимости, которое должно совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, посредствомъ составленія такъ называемой дарственной записи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дареніе можетъ быть расторгнуто.

Главный случай этого рода — возвратъ дара вслѣдствіе неблагодарности одареннаго, выразившейся въ какомъ-либо явно непочтительномъ дѣйствіи въ отношеніи дарителя. Далѣе, можетъ быть оспорено дареніе, совершенное несостоятельнымъ лицомъ въ пользу своей супруги или близкихъ родственниковъ за послѣднія 10 лѣтъ передъ объявленіемъ несостоятельности; въ этомъ случаѣ законъ ограждаетъ интересы кредиторовъ, у которыхъ должникъ такими дареніями можетъ вырвать болѣе или менѣе значительную часть имущества.

§ 82. Обязательства изъ правонарушеній.

Правонарушеніемъ называется недозволенное дѣйствіе, нарушающее какой-либо, взятый подъ защиту права, интересъ другого лица, вслѣдствіе чего обладатель этого интереса терпитъ ущербъ. Такъ какъ каждый въ правѣ требовать, чтобы посторонніе не нарушали его интересовъ, огражденныхъ закономъ, то изъ правонарушенія вытекаетъ для потерпѣвшаго право требовать возмѣщенія причиненнаго ему ущерба.

Въ теоріи гражданскаго права намѣчаются двѣ главныя точки зрѣнія по этому вопросу. Одинъ взглядъ ставитъ эту обязанность правонарушителя къ возмѣщенію въ тѣсную зависимость отъ его *виновности*, т.-е. субъективнаго его настроенія, возлагая болѣе тяжелую отвѣтственность на лицо, причинившее ущербъ умышленно или по грубой небрежности по сравненію съ причинившимъ его вслѣдствіе легкой неосторожности, и совершенно освобождая нарушителя отъ отвѣтственности, когда съ его стороны не было рѣшительно

никакой вины. За послѣднее время начинаетъ выдвигаться другой взглядъ на дѣло. Начинаютъ признавать достаточнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ наличность *объективнаго факта причиненія ущерба,* независимо отъ субъективнаго настроенія лица, причинившаго убытки; обязанность же къ возмѣщенію ущерба и размѣръ возмѣщенія ставятъ въ зависимость отъ соціально-экономическаго положенія обѣихъ сторонъ.

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній къ *русскому* законодательству, необходимо признать, что оно ставитъ обязанность возмѣщенія ущерба въ связь съ субъективнымъ принципомъ виновности: вредъ и убытки, происшедшіе отъ случайнаго событія, возмѣщенію не подлежатъ Виновное причиненіе убытковъ, въ свою очередь, можетъ или соединяться въ то же время съ уголовнымъ преступленіемъ или наступить отдѣльно отъ послѣдняго: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ нашъ законъ возлагаетъ на виновнаго обязанность вознаградить за всѣ непосредственно причиненные его дѣяніемъ вредъ и убытки; при этомъ подъ понятіемъ убытковъ, не опредѣленнымъ въ законѣ, практика понимаетъ какъ лишеніе извѣстной имущественной цѣнности, бывшей уже въ рукахъ у потерпѣвшаго, такъ и неполученіе выгоды, на которую онъ съ достаточнымъ основаніемъ могъ разсчитывать. Кромѣ указаннаго общаго правила, наше законодательство даетъ еще рядъ спеціальныхъ примѣненій его къ отдѣльнымъ видамъ правонарушеній, каковы: лишеніе жизни, поврежденіе здоровья, поврежденіе имущества и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство расширяетъ обязанность вознагражденія въ томъ смыслѣ, что заставляетъ отвѣчать извѣстное лицо внѣ зависимости отъ того, виновно ли оно лично въ наступленіи ущерба, или нѣтъ. Въ этой категоріи случаевъ нужно упомянуть прежде всего объ отвѣтственности предпринимателя за своихъ служащихъ и помощниковъ, хозяина за прислугу и т. д. Далѣе родители и опекуны отвѣчаютъ за убытки, причиненные малолѣтними или сумасшедшими, находящимися на ихъ попеченіи.

Для того, чтобы получить удовлетвореніе по иску объ убыткахъ, необходимо со стороны истца по общему правилу установленіе причинной связи между фактомъ правонару-

шенія и виновностью отвѣтчика. Нечего и говорить, какъ трудно бываетъ обыкновенно доказать эту связь, при чемъ эта затруднительность все возрастаетъ, чѣмъ сложнѣе обстановка, при которой произошло правонарушеніе. Законодатель приходитъ на помощь потерпѣвшимъ лишь въ одной категоріи случаевъ, именно при отвѣтственности желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ предпріятій за вредъ и убытки, происшедшіе вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья, имѣвшихъ мѣсто при эксплоатаціи предпріятія. Здѣсь отъ потерпѣвшаго требуется только доказать самый фактъ причиненія ему ущерба; дѣло желѣзнодорожнаго или иного правленія доказывать, что убытки наступили не по винѣ агентовъ дороги или вслѣдствіе неодолимой силы. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ истецъ сталкивается съ очень серьезнымъ затрудненіемъ въ смыслѣ доказыванія, влекущимъ нерѣдко за собою проигрышъ всего дѣла.

§ 83. Неосновательное обогащеніе.

Всякое человѣческое дѣйствіе заставляетъ предполагать, что его авторъ имѣлъ достаточное основаніе къ тому, чтобы поступить именно такъ, а не иначе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ, однако, оказаться, что лицо руководилось въ своемъ поведеніи такимъ основаніемъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, или которое почему-либо не осуществилось. Такъ, наслѣдникъ, разбираясь въ документахъ умершаго завѣщателя, находитъ актъ, по которому покойный обязался уплатить какому-нибудь третьему лицу извѣстную сумму. Такъ какъ долги умершаго лица переходятъ по закону на его наслѣдника, послѣдній уплачиваетъ названную въ документѣ сумму въ увѣренности, что онъ исполняетъ этимъ лежащую на немъ обязанность. Однако, черезъ нѣкоторое время ему попадаетъ въ руки другая расписка, изъ которой оказывается, что долгъ былъ своевременно погашенъ покойнымъ, такъ что платежъ наслѣдника основанъ на заблужденіи, и кредиторъ, получившій его, имѣетъ эту сумму *безъ достаточнаго* на то *основанія*. Другой случай. Отецъ, выдавая дочь замужъ, желаетъ установить за нею приданое, и съ этою цѣлью за нѣсколько дней передъ свадьбою

передаетъ часть своего имущества будущему зятю. Между тѣмъ бракъ разстраивается, и то основаніе, которое побудило отца невѣсты передать извѣстное имущество жениху, оказывается не осуществившимся.

Въ подобныхъ случаяхъ, когда одно лицо получаетъ безъ достаточнаго основанія какое-либо обогащеніе за счетъ другого, и говорятъ о *неосновательномъ обогащеніи*. Само собою понятно, что право не можетъ смотрѣть на такіе факты безучастно: въ силу элементарнаго требованія справедливости все, что находится въ чьихъ-либо рукахъ изъ чужого имущества безъ достаточнаго основанія, должно быть возвращено по принадлежности. Такъ неосновательное обогащеніе становится рядомъ съ договоромъ и правонарушеніемъ источникомъ обязательствъ.

Русское законодательство не знаетъ института неосновательнаго обогащенія. Однако, судебная *практика*, исходя изъ положенія, что всякій ущербъ въ имуществѣ (кромѣ случайнаго) даетъ право на вознагражденіе, признала иски изъ неосновательнаго обогащенія вполнѣ допустимыми и у насъ.

§ 84. Передача обязательствъ.

Заключенное между извѣстными лицами обязательство можетъ затѣмъ *перейти* къ другимъ лицамъ. Перемѣна возможна какъ въ лицѣ вѣрителя, такъ и въ лицѣ должника Въ случаѣ перехода права требовать по обязательству отъ одного вѣрителя къ другому, этотъ послѣдній получаетъ право въ томъ же объемѣ, въ какомъ оно было у предшественника; должникъ сохраняетъ противъ новаго вѣрителя всѣ тѣ возраженія, какія онъ имѣлъ противъ стараго. Точно такъ же при замѣнѣ одного должника другимъ, послѣдній отвѣчаетъ совершенно такъ же, какъ отвѣчалъ прежній должникъ. Передача обязательственнаго права другому кредитору возможна и безъ согласія должника; но замѣна одного должника другимъ безъ согласія кредитора не допускается.

§ 85. Прекращеніе обязательствъ.

Нормальнымъ способомъ прекращенія обязательства надо признать *исполненіе* его, совершенное надлежащимъ образомъ, въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащее время.

Подъ *мѣстомъ исполненія* разумѣютъ то мѣсто, гдѣ должникъ обязанъ исполнить свой долгъ, а вѣритель—принять исполненіе. Въ случаѣ отсутствія спеціальныхъ указаній, мѣстомъ исполненія считается мѣсто жительства должника.

Время исполненія можетъ быть спеціально оговорено сторонами. Если такой оговорки нѣтъ, вѣритель можетъ требовать исполненія обязательства въ любой моментъ по его возникновеніи. Указанный въ договорѣ срокъ исполненія истолковывается обыкновенно въ интересахъ должника: это значитъ, что вѣритель не можетъ требовать исполненія обязательства до наступленія срока, но должникъ, если пожелаетъ, можетъ освободиться и ранѣе (исключеніе составляетъ, напр., процентный заемъ, когда преждевременный платежъ нарушаетъ интересы вѣрителя).

Если должникъ и по истеченіи срока не исполняетъ обязательства, несмотря на напоминаніе вѣрителя, онъ совершаетъ *просрочку*, въ силу чего на него возлагается безусловная отвѣтственность за цѣлость предмета обязательства, равно обязанность возмѣстить вѣрителю весь ущербъ, который онъ несетъ отъ неисполненія въ срокъ обязательства. Возможна просрочка и со стороны вѣрителя; именно она имѣетъ мѣсто, когда вѣритель уклоняется отъ принятія исполненія, вполнѣ отвѣчающаго его праву. Въ этомъ случаѣ должникъ можетъ внести предметъ исполненія въ судъ, или иное присутственное мѣсто, и тѣмъ сложить съ себя отвѣтственность за его цѣлость.

Предметомъ исполненія должно быть то именно дѣйствіе, на которое направлено обязательство. Но стороны всегда могутъ, конечно, согласиться, чтобы вмѣсто условленнаго предмета исполненія былъ предоставленъ какой-либо *иной*, и тогда предоставленіе послѣдняго погашаетъ обязательство. Точно такъ же они могутъ прекратить обязательство, установивъ вмѣсто него *другое* обязательство съ тѣмъ же содержаніемъ (такъ называемое обновленіе обязательства). Если

должникъ по данному обязательству является кредиторомъ по другому обязательству, направленному противъ субъекта перваго обязательственнаго требованія, то во избѣжаніе двукратнаго предъявленія иска между одними и тѣми же лицами допускается такъ называемый *зачетъ*, т.-е. при осуществленіи одного требованія засчитывается встрѣчное требованіе должника къ кредитору. Необходимо только, чтобы оба требованія были взаимны, т.-е. требуется, чтобы кредиторъ по одному обязательству былъ должникомъ по другому и обратно; притомъ оба требованія должны быть однородны (нельзя, напримѣръ, по иску объ исполненіи какихъ-либо личныхъ услугъ предъявить къ зачету имѣющееся у должника требованіе денежной суммы) и зрѣлы (т.-е. по обоимъ требованіямъ долженъ наступить срокъ взысканія).

Далѣе, такъ какъ нельзя быть своимъ собственнымъ вѣрителемъ или должникомъ, то обязательство прекращается, если право и обязанность *сливаются* въ одномъ лицѣ, напр., вѣритель наслѣдуетъ должнику и т. п. Что касается *смерти* одной изъ сторонъ, то она прекращаетъ лишь тѣ обязательства, существованіе которыхъ тѣсно связано съ опредѣленною личностью (напр., личный наемъ), обязательства же, имѣющія чисто имущественное значеніе, смертью сторонъ не прекращаются. Изъ другихъ возможныхъ способовъ прекращенія обязательства обыкновенно упоминается еще *давность*, въ силу которой лицо, въ теченіе 10 лѣтъ не предъявившее права ко взысканію, лишается возможности осуществить свое требованіе судебнымъ порядкомъ (выше § 69, п. 4.); но какъ видно изъ этого опредѣленія, въ данномъ случаѣ наступаетъ не погашеніе самого обязательства, а лишь прекращеніе возможности исковой защиты его.

ГЛАВА IV.

Исключительныя права.

§ 86. Общее понятіе исключительныхъ правъ.

На ряду съ матеріальными предметами внѣшняго міра въ новое время получили большое значеніе также продукты извѣстнаго духовнаго творчества. За авторами лите-

ратурнаго или художественнаго произведенія, за изобрѣтателемъ извѣстной модели фабричныхъ издѣлій и т. п. стали признавать право исключительнаго пользованія этими продуктами ихъ таланта или труда. Такъ возникла новая группа гражданскихъ правъ, имѣющихъ своимъ предметомъ *нематеріальный* объектъ — творческую энергію. Такъ какъ пользованіе продуктами этой энергіи, поскольку они воплотились во внѣ, можетъ быть нарушено всякимъ членомъ общежитія, то эти права снабжаются, подобно вещнымъ правамъ, *абсолютною* защитою. Однако къ категоріи вещныхъ эти права отнести нельзя въ виду существенной разницы въ объектѣ права; правильнѣе выдѣлить права на нематеріальные предметы въ особую категорію *исключительныхъ* правъ. Между прочимъ, нашъ законъ подчеркиваетъ особенную природу авторскаго права тѣмъ, что не допускаетъ обращать взысканіе за долги на авторское право безъ согласія автора, а послѣ его смерти безъ согласія его наслѣдниковъ. Къ исключительнымъ правамъ относятся: 1) авторское право на различнаго рода произведенія—литературныя, музыкальныя, художественныя, 2) промышленныя права, а именно: право на изобрѣтенія въ области промышленности, на рисунки, модель, клеймо, фирму.

§ 87. Авторское право.

Подъ авторскимъ правомъ разумѣется *право на продуктъ духовнаго творчества даннаго субъекта*. Въ зависимости отъ характера этого творчества различаютъ права на произведенія литературныя, музыкальныя, художественныя, фотографическія и т. п.

Автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе. Послѣ смерти автора, его право переходитъ къ наслѣдникамъ, для которыхъ, въ интересахъ свободнаго распространенія изданія, поставленъ 50-лѣтній со дня смерти автора срокъ пользованія правомъ; для нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаевъ установлена иная продолжительность права: такъ, составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ и т. п.

пользуются авторскимъ правомъ лишь въ теченіе 50 лѣтъ со времени изданія; тотъ же срокъ установленъ для анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеній; издатели газетъ, альманаховъ, словарей и т. п. пользуются авторскимъ правомъ въ теченіе 25 лѣтъ со времени изданія. Свое право авторъ можетъ передать при жизни постороннему лицу.

Объектомъ авторскаго права является не только книга, статья, картина, вообще внѣшніе предметы, но самый продуктъ духовнаго творчества. Однако, пока мысль автора не нашла себѣ выраженія во внѣшней формѣ (книги, рѣчи, лекціи и т. п.), ея распространеніе другимъ лицомъ не считается нарушеніемъ авторскаго права.

Если кто-либо безъ согласія автора перепечатываетъ полностью или въ значительной части его произведеніе, но подъ своимъ именемъ, или же распространяетъ произведеніе съ указаніемъ имени автора, то подобное дѣяніе карается закономъ: перваго рода преступленіе называется *плагіатомъ*, во второмъ случаѣ имѣемъ *контрафакцію*. Помимо уголовнаго преслѣдованія, авторъ получаетъ тогда право требовать возмѣщенія понесеннаго имъ отъ преступнаго дѣянія матеріальнаго ущерба. Не считается нарушеніемъ авторскаго права включеніе небольшихъ выписокъ изъ чужихъ сочиненій, а также помѣщеніе въ хрестоматіяхъ и тому подобныхъ сборникахъ отрывковъ изъ чужихъ произведеній и даже полная перепечатка незначительныхъ по объему произведеній. Точно такъ же не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго, существенно отличнаго отъ него произведенія, а также снятіе копіи съ чужого произведенія для личнаго употребленія.

Что касается отдѣльныхъ категорій авторскаго права, то относительно права на литературныя произведенія особаго упоминанія заслуживаетъ право на переводъ иностраннаго произведенія; такое право принадлежитъ каждому безъ согласія автора лишь въ томъ случаѣ, если съ тѣмъ государствомъ, къ которому принадлежитъ авторъ, не заключено спеціальнаго соглашенія по данному вопросу; въ противномъ случаѣ, необходимо сообразоваться съ условіями этого международнаго соглашенія.

Авторское право на музыкальное произведеніе заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, исключительное право композитора на составленіе сокращеній, переложеній (въ томъ числѣ переложеній на механическія ноты для граммофоновъ, фонографовъ и т. п.), попурри и пр., а также исключительное право на публичное исполненіе произведенія. Публичное исполненіе чужого произведенія безъ согласія автора допускается лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: если исполненіе ни непосредственно, ни косвенно не преслѣдуетъ цѣлей наживы; если исполненіе совершается во время народныхъ празднествъ или выручка назначена исключительно для благотворительныхъ цѣлей.

Право на художественныя произведенія не распространяется на портреты и бюсты. Нарушеніемъ правъ художника считается лишь такое повтореніе, размноженіе или изданіе произведенія, которое осуществляется способомъ, относящимся къ тому же роду искусства. Не считается за нарушеніе авторскаго права изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и обратно, воспроизведеніе художественнаго произведенія въ книгѣ, предназначенной для учебныхъ цѣлей, помѣщеніе произведеній на публичныхъ выставкахъ и т. п.

§ 88. Промышленныя права.

Къ категоріи промышленныхъ принадлежитъ прежде всего право исключительнаго пользованія какимъ-нибудь *промышленнымъ изобрѣтеніемъ*, представляющимъ собою нѣчто новое, притомъ полезное для промышленности. По выполненіи цѣлаго ряда формальностей такой изобрѣтатель получаетъ *привилегію*, которая даетъ ему возможность въ теченіе извѣстнаго срока (не свыше 15 лѣтъ) пользоваться своимъ изобрѣтеніемъ, передавать это право другимъ и т. д. Подобнаго же рода право получаетъ и изобрѣтатель модели или рисунка, предназначенныхъ къ воспроизведенію. Если окажется въ томъ государственная необходимость, выданная привилегія на изобрѣтеніе или усовершенствованіе можетъ быть принудительно отчуждена [1]).

[1]) Законъ 28 іюня 1912 года.

Далѣе къ промышленнымъ правамъ нужно отнести право на *фирму* и *товарный знакъ*. Такъ какъ сбытъ товара находится въ сильной зависимости отъ репутаціи той фирмы, которая его выпускаетъ, то торговое или промышленное предпріятіе можетъ требовать, чтобы никакое другое лицо или учрежденіе не пользовалось его фирмою или принятымъ имъ товарнымъ знакомъ.

ОТДѢЛЪ III.

НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПРАВО.

ГЛАВА I.

Общія понятія.

§ 89. Понятіе и основанія наслѣдованія.

Нѣкоторыя правовыя отношенія такъ связываются, по современнымъ понятіямъ и взглядамъ, съ личностью того человѣка, который въ такое отношеніе вступилъ, что въ случаѣ его смерти права и обязанности, вытекавшія изъ подобнаго рода отношеній, прекращаются, не переходятъ къ кому-либо другому. Напримѣръ, жена имѣетъ по русскому закону право на содержаніе отъ мужа; въ случаѣ ея смерти, это право кончается и не можетъ перейти къ кому-нибудь изъ ея родственниковъ. Другой примѣръ: лицо поступило въ услуженіе за извѣстное вознагражденіе; если оно умретъ, дѣйствіе этого договора личнаго найма прекращается.

Не такъ обстоитъ дѣло съ гражданскими правами и обязанностями, не имѣющими такой тѣсной связи съ личностью. Послѣ умершаго Иванова осталась квартирная обстановка, различное платье, нѣкоторая сумма денегъ, неоплаченные счета отъ портного, мясника, булочника. Можетъ ли законъ также и эти права и обязанности считать прекратившимися? Какого же фактическаго результата можно было бы тогда ждать? На деньги и другія вещи, оставшіяся послѣ покойнаго, охотниковъ найти было бы не трудно; но какъ быть съ неоплаченными счетами? Если бы рѣшеніе вопроса, платить или нѣтъ, законъ отдалъ на добрую волю родныхъ и друзей покойнаго, онъ во многихъ случаяхъ незаслуженно обидѣлъ бы тѣхъ лицъ, которыя имѣли съ покойнымъ дѣла,

и во всякомъ случаѣ не расположилъ бы членовъ общежитія оказывать другъ другу кредитъ. Такое положеніе затруднило бы развитіе хозяйственной жизни въ странѣ. Съ другой стороны, полное прекращеніе со смертью человѣка его правовой сферы могло бы послужить тормазомъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ: сознаніе, что въ случаѣ смерти все имущество пойдетъ, неизвѣстно куда, ослабляло бы желаніе энергично работать, дѣлать сбереженія.

Въ виду этихъ соображеній, въ законодательствѣ устанавливается общій принципъ, что права и обязанности чисто имущественнаго характера со смертью лица, которому они принадлежатъ, не погибаютъ, а переходятъ въ полномъ составѣ, къ какому-нибудь другому лицу. Такой *переходъ всѣхъ* (за исключеніемъ строго личныхъ) *правъ и обязанностей умершаго субъекта къ какому-либо новому лицу называется наслѣдованіемъ*, а нормы права, опредѣляющія этотъ переходъ,—*наслѣдственнымъ правомъ*; умершій субъектъ носитъ названіе наслѣдодателя, его преемникъ—наслѣдника.

Право извѣстнаго лица быть наслѣдникомъ послѣ другого можетъ вытекать изъ различныхъ основаній. Иногда оно покоится на спеціально выраженной волѣ наслѣдодателя и тогда говорятъ о наслѣдованіи *по завѣщанію*; въ другихъ случаяхъ наслѣдникъ указывается спеціальной нормой закона, и тогда говорятъ о наслѣдованіи *по закону*. Законные наслѣдники получаютъ право на наслѣдованіе только въ томъ случаѣ, если нѣтъ наслѣдниковъ по завѣщанію, или если послѣдніе, хотя и имѣются, но почему-либо не получаютъ наслѣдства.

Если послѣ умершаго лица наслѣдниковъ ни по завѣщанію, ни по закону не осталось, или если никто изъ наслѣдниковъ въ теченіе 10 лѣтъ со времени вызова къ явкѣ для полученія наслѣдства своего права не докажетъ, наслѣдство признается *выморочнымъ* и переходитъ въ государственную казну или (въ указанныхъ закономъ случаяхъ) въ пользу сословныхъ обществъ, учебныхъ заведеній и т. п.

§ 90. Открытіе и принятіе наслѣдства.

Въ моментъ смерти наслѣдодателя наслѣдство, какъ принято говорить, *открывается*, т.-е. съ этого момента возни-

каетъ для извѣстнаго лица право пріобрѣсти (въ дальнѣйшемъ) наслѣдство. Однако права и обязанности, составляющія имущество наслѣдодателя, переходятъ къ наслѣднику только тогда, когда онъ выразитъ свою волю *принять* наслѣдство. Принятіе наслѣдства требуется какъ отъ наслѣдниковъ по завѣщанію, такъ и отъ законныхъ наслѣдниковъ [1]).

Смерть человѣка является главнымъ, но не единственнымъ случаемъ, когда открывается наслѣдство. Къ естественной смерти законъ приравниваетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особыя обстоятельства, какъ-то: лишеніе всѣхъ правъ состоянія, постриженіе въ монашество и т. наз. безвѣстное отсутствіе

Лишеніе по суду *всѣхъ правъ состоянія* приводитъ, въ частности, и къ утратѣ преступникомъ имущественныхъ правъ: его имущество поступаетъ къ законнымъ наслѣдникамъ такъ же, какъ послѣ покойника; составить завѣщаніе лишенному всѣхъ правъ состоянія, не предоставляется.

Постриженіе въ монашество, какъ отреченіе отъ міра, не совмѣстимо съ сохраненіемъ монашествующими правъ на имущества. Поэтому законъ предоставляетъ этимъ лицамъ до постриженія въ монашество распорядиться своимъ имуществомъ; если монашествующій такого распоряженія не сдѣлаетъ, его имущество переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ.

Безвѣстное отсутствіе наступаетъ въ томъ случаѣ, когда лицо оставило постоянное мѣсто своего жительства, и въ теченіе извѣстнаго срока о немъ не имѣется никакихъ извѣстій. Въ этомъ случаѣ одни законодательства (напр. германское) предписываютъ по истеченіи опредѣленнаго срока (5 лѣтъ, 10 лѣтъ) объявлять безвѣстно-отсутствующаго умершимъ и, такимъ образомъ, устранять возникшую неопредѣленность правъ; другія (напр. Гражд. Улож. Царства Польскаго) устанавливаютъ сначала менѣе радикальное послѣдствіе, именно, даютъ наслѣдникамъ отсутствующаго временное владѣніе имуществомъ, и лишь по истеченіи болѣе

---

[1]) Въ древности существовала категорія законныхъ наслѣдниковъ, отъ которыхъ не только не требовалось акта принятія, но даже не допускался отказъ отъ наслѣдства· такъ называемые heredes sui et necessarii.

продолжительнаго срока (по Улож. Царства Польск.—30 лѣтъ) происходитъ окончательное укрѣпленіе правъ наслѣдниковъ.

По общерусскому праву въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія такъ или иначе заинтересованныя лица, а равно и прокурорскій надзоръ могутъ просить окружный судъ сдѣлать публикацію о безвѣстно-отсутствующемъ и принять мѣры къ охраненію его имущества. Для послѣдней цѣли надъ имуществомъ отсутствующаго учреждается опека. Такъ проходитъ 5 лѣтъ, послѣ чего производится вновь разслѣдованіе, и если оно не дастъ никакихъ свѣдѣній, лицо объявляется безвѣстно-отсутствующимъ. По истеченіи 10 лѣтъ со дня первой публикаціи окружнаго суда имущество безвѣстно-отсутствующаго окончательно передается его наслѣдникамъ, а за неимѣніемъ таковыхъ—въ казну.

Нѣкоторыя законодательства въ вопросѣ о безвѣстномъ отсутствіи принимаютъ во вниманіе возрастъ отсутствующаго. Такъ, по германскому праву объявленіе безвѣстно-отсутствующаго умершимъ не можетъ быть признано ранѣе окончанія того года, въ которомъ безвѣстно-отсутствующему исполнилось бы 31 годъ отъ роду, наоборотъ, 70-лѣтній возрастъ отсутствующаго сокращаетъ законный срокъ для объявленія до 5 лѣтъ и т. п. Въ русскихъ законахъ на этотъ счетъ никакихъ указаній не содержится.

§ 91. Мѣры охраненія наслѣдства.

Между открытіемъ наслѣдства и моментомъ его принятія можетъ пройти довольно значительный промежутокъ времени. Въ виду этого является необходимость въ особыхъ мѣрахъ съ цѣлью охраны еще не принятаго, такъ называемаго лежачаго наслѣдства отъ утайки, расхищенія и т. п., а также для управленія наслѣдственнымъ имуществомъ.

Мѣры охраненія правъ наслѣдниковъ сводятся по русскому закону къ слѣдующимъ: 1) описи оставшагося послѣ умершаго имѣнія, опечатанію и сбереженію его до явки наслѣдниковъ и 2) вызову наслѣдниковъ.

Принятіе этихъ мѣръ возложено на мировыхъ и городскихъ судей, а въ уѣздахъ—на земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда. Опись наслѣдства производится: 1) когда при открытіи наслѣдства наслѣдниковъ

налицо не будетъ и 2) когда имущество послѣ умершаго должно по закону поступить въ опекунское управленіе. Если наслѣдство состоитъ изъ движимости, опись должна производиться во всѣхъ случаяхъ, „когда нѣкоторые изъ наслѣдниковъ будутъ въ отсутствіи, или когда будетъ сомнѣніе въ томъ, всѣ ли они налицо находятся“. Вызовъ наслѣдниковъ производится прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, если есть какое-нибудь сомнѣніе въ наличности всѣхъ наслѣдниковъ, а также если послѣ умершаго остался капиталъ въ Государственномъ Банкѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Цѣль вызова заключается въ увѣдомленіи всѣхъ истинныхъ наслѣдниковъ объ открытіи наслѣдства; увѣдомленіе дѣлается посредствомъ публикацій въ газетахъ. Если въ теченіе 6 мѣсяцевъ никто по этому вызову не явится, то находящіеся налицо наслѣдники вступаютъ во владѣніе наслѣдствомъ; но это вступленіе не имѣетъ окончательнаго значенія, такъ какъ въ предѣлахъ законныхъ сроковъ отсутствующіе наслѣдники могутъ явиться и предъявить свои права.

ГЛАВА II.

Наслѣдованіе по завѣщанію.

§ 92. Понятіе завѣщанія.

Завѣщаніе опредѣляется въ русскомъ законѣ, какъ *законное объявленіе воли владѣльца объ его имуществѣ на случай смерти.* Такимъ образомъ завѣщаніе есть актъ, съ помощью котораго наслѣдодатель распоряжается своимъ имуществомъ, опредѣляетъ его судьбу послѣ своей смерти. Распоряженіе имущества есть главная, существенная часть содержанія завѣщанія; но въ немъ могутъ быть и иныя распоряженія, кромѣ чисто имущественныхъ; очень часто здѣсь назначаются, наприм., опекуны для сиротъ, остающихся послѣ наслѣдодателя, даются указанія о желательномъ направленіи ихъ воспитанія и т. п.

§ 93. Условія дѣйствительности завѣщанія.

Для того, чтобы завѣщаніе было признано дѣйствительнымъ, необходимо соблюденіе слѣдующихъ требованій:

1. Духовныя завѣщанія должны составляться, по словамъ нашего закона, въ здравомъ умѣ и твердой памяти; наличности этого условія законъ не признаетъ, между прочимъ, въ завѣщаніяхъ душевнобольныхъ и самоубійцъ. Кромѣ того, вообще необходимо, чтобы наслѣдодатель имѣлъ право отчуждать имущество. Съ этой точки зрѣнія не могутъ совершать завѣщанія несовершеннолѣтніе, глухонѣмые, лица, лишенныя по суду всѣхъ правъ состоянія, и т. п. Признанная правомъ способность къ отчужденію имущества должна быть у завѣщателя въ моментъ открытія наслѣдства, такъ какъ съ этого времени должно получить силу распоряженіе, заключающееся въ завѣщаніи.

2. Второе условіе для полученія завѣщаніемъ силы заключается въ *способности наслѣдника пріобрѣсти наслѣдство* По общему правилу, это условіе сводится къ тому, чтобы лицо, назначенное наслѣдникомъ, существовало или, по крайней мѣрѣ, было зачато къ моменту открытія наслѣдства. Но иногда устанавливаются спеціальныя ограниченія способности къ принятію наслѣдства; такъ, напр., не могутъ быть наслѣдниками недвижимостей евреи, поляки и иностранцы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскій законъ не даетъ этимъ лицамъ права владѣть недвижимостью и т. п.

3. Далѣе необходимо, чтобы завѣщаніе по своему *содержанію* было *законно*. Для этого требуется, во-первыхъ, чтобы завѣщаемое имущество и личность наслѣдника были опредѣлены съ достаточной точностью. Во-вторыхъ, чтобы распоряженія наслѣдодателя касались такого имущества, которымъ онъ могъ свободно распоряжаться; поэтому недѣйствительно завѣщаніе, которымъ родовое имущество отдается постороннимъ лицамъ; точно такъ же недѣйствительно завѣщаніе о заповѣдномъ имѣніи, если оно составлено несогласно съ правилами, принятыми для перехода такого имѣнія по наслѣдству.

Если подобнаго спеціальнаго ограниченія для данной категоріи имуществъ въ законѣ не указано, то завѣщатель мо-

жетъ назначить наслѣдникомъ, кого желаетъ, не только изъ числа родственниковъ, но и постороннихъ; онъ можетъ одного назначить собственникомъ имущества, а другому лицу предоставить пожизненное пользованіе тѣмъ же имуществомъ. Допускается указаніе въ завѣщаніи лица, которое должно получить наслѣдство, на случай если назначенный первымъ наслѣдникъ почему-либо его не получитъ. Но завѣщатель не въ правѣ опредѣлять дальнѣйшій порядокъ перехода имущества, т.-е. назначать преемника для своего наслѣдника; напримѣръ, незаконно такое распоряженіе: оставляю все свое имущество племяннику N съ тѣмъ, чтобъ послѣ него наслѣдникомъ въ этомъ имуществѣ былъ его братъ Z. Подобное распоряженіе чрезмѣрно стѣснило бы предоставляемое наслѣднику право собственности. Законъ уважаетъ волю наслѣдодателя, но только въ предѣлахъ одного поколѣнія; признавать значеніе за волей даннаго лица на дальнѣйшее время законъ не считаетъ возможнымъ.

Завѣщатель можетъ назначить наслѣдника подъ какимъ-либо условіемъ. Но если условіе содержитъ въ себѣ что-либо невозможное, безнравственное или незаконное, оно считается какъ бы несуществующимъ, прочія же части завѣщанія сохраняютъ силу.

4. Наконецъ для законности завѣщанія необходимо соблюденіе установленной *формы*. Въ случаѣ нарушенія формальныхъ требованій завѣщаніе становится недѣйствительнымъ. Первое основное требованіе при этомъ сводится къ тому, чтобы завѣщаніе было письменное. Но затѣмъ различаютъ двѣ формы завѣщанія—нотаріальное и домашнее. Нотаріальное завѣщаніе совершается въ конторѣ нотаріуса [1]) въ личномъ присутствіи завѣщателя, а равно трехъ свидѣтелей. При этомъ не могутъ быть свидѣтелями: a) лица, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе, и ихъ ближайшіе родственники, b) душеприказчики и опекуны, назначенные въ завѣщаніи, c) не имѣющіе сами права завѣщать и d) вообще лица, которыя не допускаются къ свидѣтельству по гражданскимъ дѣламъ. Самая процедура заключается въ

[1]) Въ случаѣ болѣзни завѣщателя или по другой уважительной причинѣ нотаріальное завѣщаніе можетъ быть совершено и на дому.

прочтеніи нотаріусомъ проекта завѣщанія, внесеніи его въ такъ называемую актовую книгу нотаріуса и въ подписи завѣщателемъ и свидѣтелями. Домашнее завѣщаніе составляется безъ участія должностныхъ лицъ, но въ присутствіи трехъ свидѣтелей; впрочемъ, если завѣщатель пишетъ завѣщаніе собственноручно, или если въ числѣ свидѣтелей находится его духовникъ, то достаточно и двухъ свидѣтелей. Своею подписью свидѣтели удостовѣряютъ, что завѣщаніе принадлежитъ, дѣйствительно тому лицу, которымъ оно подписано, и что при составленіи завѣщанія это лицо было въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Если завѣщаніе написано не самимъ завѣщателемъ, требуется еще подпись переписчика, который не можетъ быть въ то же время свидѣтелемъ или рукоприкладчикомъ за неграмотнаго завѣщателя. Кромѣ перечисленныхъ формальностей, требуется еще, чтобы завѣщаніе было написано не на клочкахъ, а на цѣломъ листѣ, чтобы всѣ поправки и подчистки были оговорены при подписи завѣщателемъ и пр.

Выборъ между нотаріальною и домашнею формою предоставляется всецѣло завѣщателю. Но такъ какъ нотаріальное завѣщаніе совершается съ бо̀льшими формальностями, то законъ отдаетъ ему преимущество въ томъ смыслѣ, что противъ нотаріальнаго завѣщанія нельзя заявлять простого сомнѣнія въ его подлинности, а можно лишь начать споръ о подлогѣ.

Кромѣ перечисленныхъ общихъ формъ завѣщанія существуютъ еще спеціальныя, на случай какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ (напр., походныя, морскія, госпитальныя, заграничныя завѣщанія и т. п.).

§ 94. Отмѣна завѣщанія. Исполненіе завѣщанія.

Завѣщатель можетъ свободно измѣнять или даже вовсе отмѣнять свои распоряженія, но при этомъ требуется соблюденіе такихъ же точно формальностей, какъ и для совершенія завѣщанія. Если послѣ лица остается нѣсколько завѣщаній, то нотаріальному завѣщанію отдается преимущество передъ домашнимъ; если же всѣ завѣщанія составлены въ одинаковой формѣ, юридическую силу получаетъ

позднѣйшее. Если завѣщаніе получило силу, то его *исполненіе* можетъ быть поручено или самимъ наслѣдникамъ или спеціально для того назначенному (въ завѣщаніи) лицу — *душеприказчику*, который принимаетъ по описи наслѣдство, и обязанъ въ точности выполнить волю завѣщателя. Въ случаѣ недобросовѣстнаго или даже только неточнаго выполненія воли завѣщателя душеприказчикъ несетъ отвѣтственность передъ наслѣдниками.

ГЛАВА III

Наслѣдованіе по закону.

§ 95. Случаи наслѣдованія по закону.

Наслѣдство переходитъ къ наслѣднику въ силу закона въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда умершій оставилъ по себѣ родовое имѣніе (въ отношеніи котораго установлено отмѣченное выше ограниченіе въ распоряженіи); 2) когда умершій и въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имѣнія не оставилъ распоряженія на случай смерти; 3) когда завѣщательныя распоряженія судомъ признаны недѣйствительными. Къ перечисленнымъ въ нашемъ законѣ случаямъ можно было бы добавить тотъ, когда завѣщаніе остается безъ исполненія (наслѣдники не принимаютъ наслѣдства). Во всѣхъ этихъ случаяхъ законодатель остается безъ руководящаго указанія со стороны наслѣдодателя, а потому долженъ лишь предполагать обычную волю людей, основывающихся при распоряженіи имуществомъ на случай смерти прежде всего на родственномъ чувствѣ.

§ 96. Главнѣйшія системы наслѣдованія по закону на Западѣ.

Прежде, чѣмъ говорить о порядкѣ, въ которомъ призываются родственники къ наслѣдованію по закону, нужно познакомиться со способами *опредѣленія родства*. Именно родство измѣряется съ помощью *линій и степеней*. Линіею называется рядъ лицъ, происходящихъ одно отъ другого или отъ одного общаго родоначальника. Въ первомъ случаѣ

имѣемъ *прямую* линію, напримѣръ: мой дѣдъ—мой отецъ—я—мой сынъ и т. д. Если прямую линію считать отъ предка къ потомкамъ, она носитъ названіе нисходящей; при обратномъ исчисленіи она называется восходящею. Въ томъ случаѣ, когда рядъ лицъ происходитъ не одно отъ другого, а отъ одного общаго родоначальника, говорятъ о родствѣ въ *боковой* линіи, напримѣръ, братья, дядя и племянникъ и т. д. Боковыя линіи считаются тѣмъ ближе, чѣмъ ближе къ даннымъ лицамъ общій родоначальникъ; напр., братъ и его потомство—для меня родственники первой боковой линіи, такъ какъ нашимъ общимъ родоначальникомъ является мой отецъ; дядя, двоюродный братъ и его потомство по отношенію ко мнѣ—родственники второй боковой линіи, такъ какъ наше родство коренится въ общемъ происхожденіи отъ дѣда (отъ котораго произошелъ, съ одной стороны, мой отецъ или мать, съ другой стороны мой дядя) и т. д.

Въ предѣлахъ отдѣльныхъ линій родство измѣряется *степенями*, которыя можно опредѣлить, какъ показатель числа рожденій, отдѣляющихъ два данныя лица. Напримѣръ, отецъ и сынъ состоятъ въ первой степени родства, такъ какъ здѣсь имѣетъ мѣсто лишь одно рожденіе; дядя и племянникъ состоятъ въ третьей степени родства: общій родоначальникъ ихъ—дѣдъ, отъ котораго произошелъ, съ одной стороны, дядя, съ другой стороны—братъ дяди (отецъ племянника), а отъ этого послѣдняго—племянникъ; и т. д

Возвращаясь теперь къ вопросу о наслѣдованіи по закону, можно установить въ *современныхъ* законодательствахъ *двѣ системы*, два взгляда на этотъ предметъ. Нѣкоторыя законодательства придаютъ рѣшающее значеніе вопросу о *степени*: за исключеніемъ нисходящихъ, которымъ всюду отдается предпочтеніе, близость линіи въ этихъ законодательствахъ роли не играетъ, и наслѣдство получаетъ лицо, стоящее въ наиболѣе близкой *степени* родства съ наслѣдодателемъ, независимо отъ того, есть родственники изъ какой-нибудь ближайшей линіи или нѣтъ. Наоборотъ, по другой системѣ наслѣдованія, принимается во вниманіе прежде всего *близость линіи*, а уже затѣмъ въ данной линіи наслѣдство попадаетъ лицу, стоящему къ наслѣдодателю въ наиболѣе

близкой степени родства (система линейно-градуальная, отъ лат. gradus — степень). Различіе обѣихъ системъ можно пояснить на слѣдующемъ примѣрѣ. Послѣ *A* остались два родственника: его дядя *K* и внукъ (сынъ брата) *C*.

При первой системѣ послѣ *A* долженъ наслѣдовать *K*, такъ какъ онъ ближе другихъ по степени къ наслѣдодателю (3 степ.).

При второй системѣ наслѣдуетъ *C*, такъ какъ, хотя онъ и въ 4-й степени родства, но въ ближайшей (чѣмъ *K*) линіи.

§ 97. Порядокъ призванія къ наслѣдству по русскому закону.

Въ *русскомъ* правѣ принята въ сущности линейно-градуальная система, но съ тою особенностью, что восходящіе отъ наслѣдства исключаются. „Порядокъ наслѣдованія по закону,— говоритъ ст. 1121,— опредѣляется *вообще по линіямъ*. Ближайшее право наслѣдованія имѣетъ линія нисходящая; въ недостаткѣ оной, наслѣдство обращается или въ побочныя линіи или, въ опредѣленныхъ случаяхъ, къ родителямъ и восходящимъ родственникамъ умершаго“. *Въ каждой линіи ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую*; такъ, напр., сынъ при отцѣ не можетъ наслѣдовать дѣду. Но если при открытіи наслѣдства лицо ближайшей степени родства не находится уже въ живыхъ, его мѣсто заступаютъ его собственные нисходящіе, *по праву представленія*; напр. послѣ X остались два сына и внукъ послѣ третьяго, ранѣе умершаго сына: этотъ внукъ призывается къ наслѣдству въ той долѣ, на какую имѣлъ бы право его покойный отецъ ($^1/_3$). На первомъ мѣстѣ призывается къ наслѣдству линія *нисходящая*, при чемъ до послѣдняго времени русское право отличалось своеобразностью въ отношеніи *дочерей*. Именно, если къ наслѣдству призывались одни сыновья или однѣ дочери, они дѣлили наслѣдство поровну; но если одновременно призывались и сыновья и дочери, то каждая дочь получала $^1/_{14}$ изъ недвижимости и $^1/_8$ изъ движимости. Закономъ 1912 года это неравенство почти устранено; а именно, если наслѣдство состоитъ изъ движимаго имущества или изъ недвижимости въ городѣ, то сыновья и дочери дѣлятъ

наслѣдство поровну; только въ томъ случаѣ, если осталось земельное внѣгородское имущество, дочерямъ выдѣляется по $^1/_7$ каждой, а сыновья дѣлятъ остальное. Однако, если наслѣдодатель оставилъ столько дочерей, что за выдѣленіемъ указанныхъ долей сыновняя доля окажется меньше дочерней, то всѣ дѣти дѣлятъ имущество поровну.

Дѣти внѣбрачныя имѣютъ право наслѣдовать въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери „на основаніяхъ дѣтей законныхъ“; особенность только въ томъ, что при отсутствіи законныхъ сыновей законныя дочери и внѣбрачные сыновья дѣлятъ все наслѣдство поровну.

Если нисходящихъ послѣ умершаго не осталось, право наслѣдованія переходитъ въ *боковыя линіи*, но *минуя восходящихъ*. И здѣсь остается то же правило, что ближайшая линія исключаетъ дальнѣйшую, въ предѣлахъ одной линіи наслѣдство получаетъ ближайшій по степени. При наслѣдованіи въ боковой линіи женщины до 1912 года были еще болѣе ограничены въ своемъ правѣ, чѣмъ въ нисходящей, именно при наличности лицъ мужского пола *женщины вовсе устранялись* отъ наслѣдства, и лишь при отсутствіи въ данной степени родства мужчинъ онѣ вступали въ наслѣдственныя права („сестра при братѣ не наслѣдница“). Нынѣ наслѣдованіе въ боковой линіи основывается на тѣхъ же началахъ, какія изложены относительно наслѣдованія въ прямой нисходящей линіи, но съ той особенностью, что принимается во вниманіе характеръ имущества. Именно, *родовыя* имѣнія переходятъ въ тотъ же родъ, откуда они достались: отцовскія—въ родъ отца, материнскія—въ родъ матери; *благопріобрѣтенное* же имущество поступаетъ въ родъ отца. Однако изъ послѣдняго правила бываютъ исключенія, когда имѣются такъ называемые неполнородные братья и сестры, т.-е, имѣющіе лишь общаго отца (единокровные) или общую мать (единоутробные). Нашъ законъ по этому поводу постановляетъ, что если послѣ умершаго не осталось родныхъ братьевъ и сестеръ, то наслѣдство переходитъ къ единокровнымъ и единоутробнымъ братьямъ и сестрамъ на равномъ основаніи (хотя единоутробные братья и сестры являются родственниками наслѣдодателя только по матери).

Восходящіе родственники, какъ уже сказано, у насъ отъ наслѣдства отстраняются; но если дѣти умираютъ бездѣтными, родители получаютъ *пожизненное владѣніе* ихъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Если имущество было уступлено сыну или дочери родителями въ видѣ дара, то при бездѣтной смерти одареннаго оно возвращается „яко даръ“ къ родителямъ. Этимъ и ограничиваются по русскому законодательству наслѣдственныя права восходящихъ родственниковъ.

Что касается *супруговъ*, то наше законодательство, не признавая за ними наслѣдственнаго права, знаетъ такъ называемую *указную долю* пережившаго супруга (какъ жены, такъ и мужа). Величина этой доли опредѣляется въ $^1/_7$ въ недвижимости и $^1/_4$ въ движимости. Эти доли образовались исторически, въ помѣстномъ правѣ; такъ какъ помѣстье давалось въ московскомъ княжествѣ какъ жалованье за службу, то оно не могло переходить по наслѣдству; но, съ другой стороны, неудобно было оставлять вдову безъ всякихъ средствъ. И вотъ мало-по-малу установилось обыкновеніе назначать вдовѣ служилаго человѣка извѣстную долю мужа какъ бы въ видѣ пенсіи; размѣръ доли очень колебался, но обыкновенно выражался въ 15 четвертяхъ со ста, т.-е. около $^1/_7$. Что касается движимыхъ вещей, то было заимствовано постановленіе греко-римскихъ законовъ о правѣ жены на $^1/_4$ имущества мужа.

Право овдовѣвшаго супруга распространяется въ тѣхъ же доляхъ и на то имущество, которое *поступило бы* къ умершему супругу послѣ отца, если бы этотъ супругъ былъ живъ въ моментъ открытія наслѣдства послѣ отца. Если послѣ умершаго супруга осталось только движимое имущество, то овдовѣвшій супругъ можетъ требовать еще при жизни свекра или тестя указную часть изъ той доли недвижимаго имущества, какая слѣдовала бы умершему, и четвертую часть изъ движимости покойнаго; на движимость же свекра или тестя, при ихъ жизни, переживший супругъ права не имѣетъ. Если вдова или вдовецъ умерли, не заявивъ своего права на указную часть, ихъ наслѣдники уже не имѣютъ права требовать ее. Все сказанное относится къ имуществу благопріобрѣтенному. Что касается родовыхъ имуществъ,

то ихъ разрѣшается завѣщать въ пожизненное пользованіе супруга; но въ этомъ случаѣ овдовѣвшій супругъ лишается уже своего права на указную часть.

ГЛАВА IV.

Осуществленіе права на наслѣдство.

§ 98. Принятіе наслѣдства и отреченіе отъ него.

Открытіе наслѣдства означаетъ, что право пріобрѣсти наслѣдство признается за такими-то лицами. Для дѣйствительнаго пріобрѣтенія наслѣдства необходимо, чтобы эти лица выразили свое на то согласіе. Это выраженіе воли и есть *актъ принятія*. Хотя нашъ законъ и не говоритъ прямо, что принятіе наслѣдства есть необходимый моментъ въ наслѣдованіи, однако, онъ неоднократно о немъ упоминаетъ, заставляя тѣмъ самымъ предполагать, что и по русскому праву принятіе наслѣдства считается существеннымъ актомъ въ процессѣ перехода наслѣдства. Форма принятія можетъ быть самая разнообразная; оно можетъ быть совершено явно и молчаливо, посредственно и непосредственно. Если наслѣдникъ никакъ не выражаетъ своей воли, наступаетъ крайне неопредѣленное положеніе для всѣхъ заинтересованныхъ. Поэтому право и рекомендуетъ наслѣднику, при его нежеланіи принять наслѣдство, прямо выразить соотвѣтствующую волю; такой актъ называется *отреченіемъ* отъ наслѣдства. Отреченіе имѣетъ силу лишь въ томъ случаѣ, если оно совершено дѣеспособнымъ лицомъ въ формѣ письменнаго заявленія въ надлежащее судебное мѣсто.

§ 99. Послѣдствія принятія наслѣдства.

Наслѣдованіе имѣетъ ту особенность, что принявшій наслѣдство одновременно, однимъ актомъ, получаетъ всѣ права наслѣдодателя и отвѣчаетъ по всѣмъ его обязательствамъ не только въ предѣлахъ наслѣдственной массы, но и своимъ личнымъ имуществомъ, хотя бы даже и не зналъ отдѣльныхъ составныхъ частей наслѣдства. Вслѣдствіе этого наслѣднику не предоставляется, напр., принять права наслѣ-

додателя и отказаться отъ его обязанностей Если наслѣдниковъ нѣсколько, они отвѣчаютъ всѣ пропорціонально полученнымъ долямъ. Въ этомъ отношеніи отъ наслѣдниковъ нужно отличать лицъ, которымъ отказано по завѣщанію что-нибудь на память о покойномъ (напр. его любимая собака, книга съ собственноручной надписью) или дано право получить отъ наслѣдника нѣкоторую денежную сумму (напр. завѣщатель поручилъ наслѣднику выдать 100 руб. его кухаркѣ). Лица, получившія такого рода отказы, не должны, по смыслу отношенія, считаться въ какой-либо мѣрѣ отвѣтственными за долги наслѣдодателя. По долгамъ, оказавшимся въ выморочныхъ наслѣдствахъ, казна отвѣчаетъ только въ размѣрахъ принятаго въ данномъ случаѣ имущества Въ случаѣ вступленія въ наслѣдство нѣсколькихъ лицъ, между ними возникаетъ отношеніе общности, которое можетъ быть прекращено посредствомъ раздѣла полюбовнаго, по соглашенію сонаслѣдниковъ, или судебнаго, производимаго судомъ по требованію одного изъ сонаслѣдниковъ.

§ 100. Утвержденіе въ правахъ наслѣдства.

Для того, чтобы имѣть прочное доказательство, что именно данное лицо является наслѣдникомъ, при наслѣдованіи по закону обыкновенно (хотя и необязательно) совершается особый судебный актъ, называемый *утвержденіемъ въ правахъ наслѣдованія.* При наслѣдованіи по завѣщанію этотъ актъ безусловно необходимъ: завѣщаніе не можетъ получить силы иначе, какъ по утвержденіи его судомъ, который обращаетъ вниманіе на соблюденіе внѣшней формы, а также на способность наслѣдодателя завѣщать, наслѣдника — принять наслѣдство. Что касается содержанія завѣщанія, то при его утвержденіи судъ не входитъ въ разсмотрѣніе законности содержащихся въ немъ распоряженій и, при наличности двухъ первыхъ условій, утверждаетъ завѣщаніе. Этимъ наслѣдникъ получаетъ официальное удостовѣреніе своего права, весьма важное на случай будущихъ споровъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Общій очеркъ гражданскаго процесса.

§ 101. Общее понятіе о гражданскомъ процессѣ.

Гражданскія субъективныя права имѣютъ своимъ назначеніемъ облегчать ихъ носителямъ удовлетвореніе тѣхъ или иныхъ гражданскихъ интересовъ. Въ этихъ именно видахъ объективное право надѣляетъ отдѣльныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) извѣстною свободою, отмежевываетъ имъ нѣкоторую сферу власти, которою они могли бы въ случаѣ надобности воспользоваться. Понятно, что такая власть, отводимая отдѣльному лицу, тогда только будетъ имѣть реальное значеніе — и слѣдовательно, тогда только приведетъ къ цѣли (удовлетворенія интересовъ лица), если она будетъ, дѣйствительно, прочно обезпечена за субъектомъ, ограждена отъ всякаго рода посягательствъ на нее. Вслѣдствіе этого, государственная власть не можетъ ограничиться однимъ номинальнымъ признаніемъ субъективныхъ гражданскихъ правъ, она должна взять въ свои руки и защиту этихъ правъ, какъ отъ грозящихъ еще только, такъ и отъ послѣдовавшихъ уже нарушеній. Эта послѣдняя дѣятельность, *защита гражданскихъ правъ и составляетъ предметъ гражданскаго судопроизводства или гражданскаго процесса.*

Надо замѣтить, впрочемъ, что защита правъ въ формѣ судебнаго процесса, другими словами, при содѣйствіи органа власти—появляется лишь по мѣрѣ развитія правосознанія въ обществѣ и служитъ признакомъ болѣе или менѣе высокой культуры. Общества первобытныя не знаютъ спеціальныхъ судебныхъ органовъ, они предоставляютъ каждому потерпѣвшему, каждому, считающему свое право нарушен-

нымъ, самому ограждать себя, заставлять окружающихъ уважать его претензіи. Однако защита правъ въ формѣ *самопомощи* представляетъ очень крупные недостатки: въ однихъ случаяхъ, гдѣ ограждающій свое право окажется слабѣе лица, посягающаго на право, самопомощь не можетъ привести къ цѣли; въ другихъ случаяхъ, гдѣ право и сила соединены въ одномъ лицѣ, возможно злоупотребленіе въ примѣненіи силы; наконецъ, и въ тѣхъ и другихъ—примѣненіе принципа самопомоши влечетъ за собою продолжительныя неурядицы, столкновенія отдѣльныхъ лицъ и другія нежелательныя, съ общественной точки зрѣнія, явленія. Эти недостатки стали ощущаться довольно рано и вызвали появленіе такъ называемыхъ *третейскихъ* судовъ, когда споръ о правѣ передается заинтересованными лицами на рѣшеніе „третьяго лица“, не заинтересованнаго въ дѣлѣ, а потому болѣе способнаго на безпристрастное улаженіе его. По мѣрѣ усиленія государственной власти роль третейскаго судьи постепенно переходитъ къ органамъ власти, за которыми, въ концѣ-концовъ, и признается право разбирать споры о гражданскихъ правахъ, независимо отъ предварительнаго соглашенія спорящихъ, въ силу простой просьбы потерпѣвшаго. Такъ на смѣну частнаго самосуда явился *государственный судебный процессъ*.

Въ настоящее время всѣ законодательства считаютъ недопустимыми частныя самопомощь и самоуправство. Въ частности, и въ русскомъ законодательствѣ имѣется положительное указаніе, что „всякое самоуправство по имуществамъ, хотя бы они состояли и въ незаконномъ владѣніи, строго воспрещается“ (ст. 690 зак. гражд.). Исключеніе составляютъ лишь случаи законной обороны отъ насилія, и то если при этомъ не нарушены установленные закономъ предѣлы.

§ 102. Судопроизводство охранительное и спорное.

Задача гражданскаго суда состоитъ въ томъ, чтобы во-первыхъ, *предупреждать* случаи возможнаго нарушенія гражданскихъ правъ, и, во-вторыхъ, если нарушеніе тѣмъ не менѣе послѣдовало, принимать тѣ или иныя мѣры *возста-*

новленія попранныхъ правъ. Основываясь на этой двойственности задачи гражданскаго суда, различаютъ обыкновенно судопроизводство *охранительное* и судопроизводство *спорное*. Въ судопроизводствѣ охранительномъ судъ заботится о томъ, чтобы точно установить наличность извѣстныхъ фактовъ или права, дабы заинтересованное лицо могло прочнѣе утвердиться въ правообладаніи, и въ случаѣ какихъ-либо попытокъ нарушенія или возбужденія споровъ быстро доказать ихъ неосновательность и такимъ образомъ предупредить правонарушеніе. Такое именно значеніе имѣетъ, напр., вводъ во владѣніе или утвержденіе въ правахъ наслѣдованія; съ этою цѣлью рекомендуется — а въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывается—совершать или, по крайней мѣрѣ, удостовѣрять болѣе важные акты у нотаріусовъ и т. д. Напротивъ, судопроизводство спорное не носитъ такого предупредительнаго характера; здѣсь разбирается уже возникшій между двумя сторонами споръ о правѣ и принимаются мѣры къ возстановленію нарушеннаго права. Такимъ образомъ въ охранительномъ судопроизводствѣ лицо, обращающееся къ содѣйствію суда, ни на кого не жалуется, не направляетъ никакой претензіи противъ другого лица; напротивъ, въ судопроизводствѣ спорномъ всегда имѣются двѣ стороны: лицо, которое ищетъ возстановленія своего права, *истецъ*, и противная сторона, къ которой направляется искъ, *отвѣтчикъ*. Въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ субъективныхъ гражданскихъ правъ, гражданскій судъ не начинаетъ дѣлъ ex officio; необходима просьба заинтересованнаго лица — *гражданскій искъ*. При этомъ личное участіе истца и отвѣтчика не обязательно: какъ тотъ, такъ и другой, можетъ дать довѣренность на веденіе своего дѣла особому повѣренному, который и замѣняетъ собою заинтересованнаго. Такое представительство въ процессѣ выполняется преимущественно членами спеціальнаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ (адвокатовъ), созданнаго у насъ одновременно съ судебною реформою Александра II.

§ 103. Общія свѣдѣнія о судоустройствѣ.

Цѣлесообразная постановка гражданскаго суда немыслима безъ соблюденія слѣдующихъ главныхъ условій:

1) судъ долженъ быть близокъ, *доступенъ* населенію; малодоступность суда во многихъ случаяхъ имѣетъ почти то же значеніе. какъ и отсутствіе суда; 2) судъ долженъ быть *скорый*; чрезмѣрная продолжительность процесса влечетъ слишкомъ большія траты для тяжущихся, вовсе не соотвѣтствующія, быть-можетъ, важности дѣла; но 3) скорость суда не должна достигаться за счетъ внимательности при разсмотрѣніи дѣла; другими словами, сторонамъ должно быть обезпечено *осмотрительное* рѣшеніе.

Эти элементарныя требованія совершенно не соблюдались въ нашемъ старомъ процессѣ, до реформы Александра II. Многочисленность судовъ и судебныхъ инстанцій, страшная волокита и дороговизна суда, канцелярское рѣшеніе дѣлъ, вызывавшее подкупность суда,—таковы наиболѣе существенные недостатки, царившіе въ дореформенныхъ судахъ. Введеніе Судебныхъ Уставовъ 1864 года кореннымъ образомъ измѣнило положеніе вещей, поставивъ судебное дѣло на надлежащую высоту.

Въ общихъ чертахъ гражданскій судъ организованъ въ настоящее время слѣдующимъ образомъ. Въ интересахъ близости суда къ населенію, дѣла менѣе крупныя и менѣе сложныя предоставлены у насъ въ вѣдѣніе единоличнаго судебнаго органа. По Уставу Гражд. Судопроизводства въ его первоначальномъ видѣ такой единоличный судья долженъ былъ *избираться* изъ среды мѣстнаго населенія подъ именемъ *мирового судьи*; однако позднѣйшими узаконеніями выборные мировые судьи были сохранены лишь въ столицахъ и нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ: въ другихъ мѣстностяхъ они замѣнены назначаемыми мин. юстиціи судьями (мировыми и городскими), а также земскими начальниками, состоящими на службѣ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и совмѣщающими въ своемъ лицѣ функціи какъ судебныя, такъ и административныя. Новымъ закономъ о мѣстномъ судѣ (1912 г.), вводимымъ въ дѣйствіе постепенно,[1]) взамѣнъ перечисленныхъ категорій судей, опять ставятся мировые судьи, избираемые уѣздными земскими собраніями

[1]) Въ настоящее время этотъ законъ введенъ въ губерніяхъ. Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Харьковской и др.

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назначаемые правительствомъ). (Компетенція мировыхъ учрежденій простирается на слѣдующія категоріи дѣлъ: 1) иски о защитѣ владѣнія, если со времени нарушенія его прошло не болѣе 6 мѣсяцевъ (по закону о мѣстномъ судѣ — 1 года), 2) иски о правѣ участія частнаго, если со времени нарушенія прошло не болѣе года; 3) иски по личнымъ обязательствамъ, договорамъ и о вознагражденіи за вредъ и убытки, въ случаѣ, если сумма иска не превышаетъ 500 рублей (по закону о мѣстномъ судѣ— 1000 р.) и нѣкот. другія. Довольно близка къ компетенціи мировыхъ судей и сфера дѣятельности замѣняющихъ ихъ городскихъ судей и земскихъ начальниковъ.

Всѣ дѣла, болѣе сложныя или имѣющія предметомъ своимъ болѣе крупныя суммы, не подсудны перечисленнымъ учрежденіямъ; ихъ вѣдаютъ суды *окружные*, организованные на коллегіальномъ началѣ, какъ болѣе обезпечивающемъ безпристрастіе и всесторонность рѣшенія.

Изъ судовъ одной и той же категоріи (мировые судьи разныхъ участковъ , окружные суды разныхъ округовъ и т. п.), рѣшаетъ дѣло тотъ изъ нихъ, въ округѣ котораго живетъ отвѣтчикъ (*подсудность по мѣсту жительства отвѣтчика:* actor sequitur forum rei).

Во избѣжаніе чрезмѣрной волокиты всякое дѣло можетъ разсматриваться по существу не болѣе, какъ въ *двухъ инстанціяхъ*: дѣло, рѣшенное мировымъ судьею, можетъ быть по существу пересмотрѣно лишь мировымъ съѣздомъ, состоящимъ изъ мировыхъ судей даннаго города или уѣзда (въ мѣстностяхъ, гдѣ мировые судьи замѣнены земскими начальниками, мировому съѣзду соотвѣтствуетъ уѣздный съѣздъ, членами котораго состоятъ городскіе судьи, земскіе начальники и почетные мировые судьи уѣзда); для дѣлъ, рѣшенныхъ въ окружныхъ судахъ, второю инстанціею является судебная палата. На рѣшеніе второй инстанціи можно жаловаться въ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ [1]), который, однако, не разсматриваетъ дѣла

[1]) На рѣшеніе уѣзднаго съѣзда— въ губернское присутствіе (состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, губернатора, прокурора окружнаго суда, 2 непремѣнныхъ членовъ, предсѣдателя или члена окружнаго суда).

по существу, а только провѣряетъ, соблюдены ли установленныя формы судопроизводства, и правильно ли примѣнены относящіеся къ дѣлу законы (см. ниже § 105).

Для того, чтобы судьи, вынося свои приговоры, могли дѣйствовать съ полною самостоятельностью, не опасаясь какихъ-либо неблагопріятныхъ послѣдствій въ случаѣ постановленія праваго, но неугоднаго кому-либо рѣшенія, судьи признаны по Судебнымъ Уставамъ *несмѣняемыми*. Въ силу этого свойства они могутъ быть лишены должности или переведены на другое мѣсто не иначе, какъ по собственному желанію или по приговору суда. Начало несмѣняемости не можетъ быть послѣдовательно примѣнено къ мировымъ судьямъ, получающимъ свою должность на основаніи выборовъ на короткій (3-лѣтній) срокъ. Это отступленіе оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что мировые судьи, которые по идеѣ Судебныхъ Уставовъ должны быть „по преимуществу мѣстными хранителями мира“, особенно нуждаются въ довѣріи мѣстнаго населенія, для котораго періодическіе выборы и служатъ лучшимъ средствомъ выразить свое отношеніе къ тому или другому судьѣ. Другое болѣе общее ограниченіе несмѣняемости установлено для всѣхъ судей закономъ 20 мая 1885 года. Этимъ закономъ создано особое дисциплинарное присутствіе въ Сенатѣ, имѣющее право по представленію министра юстиціи переводить и увольнять судей не только за проступки, предусмотрѣнные въ законѣ, но и за иныя упущенія по службѣ, а также за недостойные судейскаго званія поступки, совершенные внѣ службы.

§ 104. Основныя начала гражданскаго судопроизводства.

I. Гражданскій процессъ во всѣхъ развитыхъ законодательствахъ строится въ настоящее время на такъ называемомъ *состязательномъ* началѣ, выражающемся въ томъ, что стороны ведутъ передъ судомъ борьбу, стараясь доказать каждая свою правоту. Это общее положеніе проявляется въ слѣдующихъ частностяхъ: 1) какъ самое начало дѣла, такъ и дальнѣйшее его веденіе, собираніе доказательствъ и т. п.,

находится въ зависимости отъ воли заинтересованнаго; по своей иниціативѣ судъ названныхъ дѣйствій не совершаетъ; 2) разъ гражданскій процессъ есть состязаніе, то, очевидно, судъ не можетъ постановить рѣшенія по исковому прошенію, не давъ возможности высказаться отвѣтчику: audiatur et altera pars; 3) размѣръ требованія истца является максимумомъ, свыше котораго судья присудить не въ правѣ; 4) въ случаѣ происшедшаго полюбовнаго соглашенія сторонъ, гражданскій процессъ прекращается, за исключеніемъ такихъ дѣлъ, гдѣ государство не находитъ возможнымъ предоставить частному лицу полную свободу распоряженія (таковы дѣла брачныя, о законности рожденія и т. п.) Когда дѣло достаточно выяснено сторонами, такъ что остается лишь вынести по нему рѣшеніе, судъ свободно примѣняетъ относящіеся къ данному случаю законы, не стѣсняясь тѣмъ, сослались ли стороны на эти нормы, или онѣ упустили ихъ изъ виду (это выражается афоризмомъ: jura novit curia, законы судъ знаетъ).

Логическимъ послѣдствіемъ состязательнаго начала являются слѣдующіе принципы, лежащіе въ организаціи современнаго процесса: *устность* процесса, позволяющая изобличить ябедническій или лживый характеръ притязанія гораздо удобнѣе и скорѣе, чѣмъ это возможно при письменномъ производствѣ; *непосредственность* процесса, состоящая въ томъ, что вся тяжба ведется въ присутствіи судей, которые получаютъ такимъ образомъ непосредственное впечатлѣніе отъ дѣла; *гласность* процесса или доступность его для публики, какъ гарантія безпристрастія и внимательнаго рѣшенія судей; наконецъ, *свобода рѣшенія* дѣла, въ силу которой судья можетъ такъ или иначе оцѣнить приведенныя доказательства по своему разумѣнію и совѣсти, а не на основаніи однихъ формальныхъ правилъ.

У насъ въ Россіи всѣ указанные принципы получили себѣ признаніе въ Судебныхъ Уставахъ 20 ноября 1864 г. До этого у насъ царили какъ разъ противоположныя начала: дѣла начинались не только по исковымъ прошеніямъ, но и по заявленіямъ полицейскихъ и иныхъ органовъ (такъ называемое слѣдственное начало); судъ былъ тайный и письменный, въ силу чего важную роль въ немъ получила

канцелярія, допускавшая произволы и взяточничество; при оцѣнкѣ доказательствъ судьи были связаны такъ называемою формальною системою доказательствъ, заранѣе предрѣшавшей значеніе того или иного доказательства. Вся эта постановка дѣла, вызывавшая чрезмѣрную волокиту и господство не правды, а кривды, находилась въ коренномъ противорѣчіи съ девизомъ Судебныхъ Уставовъ „судъ скорый, правый и милостивый", и потому была замѣнена состязательнымъ процессомъ со всѣми перечисленными выше свойствами его.

II. Само *производство* по гражданскимъ дѣламъ въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

Въ окружномъ судѣ дѣло начинается подачей истцомъ прошенія, въ которомъ указывается, между прочимъ, кто и съ кого ищетъ, излагаются фактическія обстоятельства дѣла, приводятся доказательства справедливости претензіи истца, а также содержаніе просьбы (просительный пунктъ). На основаніи искового прошенія дѣлается вызовъ отвѣтчика, при чемъ предсѣдатель суда, если усмотритъ надобность по свойству дѣла, можетъ предоставить отвѣтчику подать письменное объясненіе (въ срокъ отъ 2 недѣль до 1 мѣсяца). Если отвѣтчикъ въ судъ въ назначенный срокъ не явится, истецъ можетъ просить о постановленіи заочнаго рѣшенія, по поводу котораго отвѣтчику предоставляется подавать отзывъ съ просьбой о признаніи заочнаго рѣшенія недѣйствительнымъ. Въ случаѣ явки обоихъ сторонъ, въ судебномъ засѣданіи послѣ доклада дѣла однимъ изъ членовъ суда на основаніи представленныхъ тяжущимися бумагъ и документовъ, происходитъ устное состязаніе сторонъ, во время котораго ими представляются доказательства выставленныхъ положеній. Когда дѣло, по признанію суда, достаточно выяснено, состязаніе прекращается, и судъ удаляется для постановленія рѣшенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (иски о платежѣ денежной суммы по заемному обязательству, по договору найма недвижимаго имущества и др.) допускается упрощенный порядокъ судопроизводства: дѣло разбирается единоличнымъ судьей, отвѣтчикъ вызывается въ кратчайшій срокъ, въ качествѣ доказательствъ допускаются лишь документы и признаніе.

Большой простотой отличается производство у мирового судьи: претензія истца можетъ быть выражена не только письменно, но и словесно, послѣ чего въ ближайшій срокъ назначается разбирательство дѣла.

§ 105. Понятіе объ апелляціи и о кассаціи.

Разобравъ всѣ обстоятельства дѣла, выясненныя сторонами, и взвѣсивъ всѣ доказательства, приведенныя ими въ подтвержденіе своихъ заявленій, судъ выноситъ свое сужденіе по дѣлу, отвѣтъ на исковое прошеніе; этотъ отвѣтъ носитъ названіе *судебнаго рѣшенія*.

По своему назначенію судебныя рѣшенія должны примѣнять къ фактамъ, составлявшимъ предметъ спора, соотвѣтствующія юридическія нормы. Эта задача можетъ оказаться недостигнутой или вслѣдствіе того, что не всѣ факты были заявлены и подтверждены въ процессѣ (нѣкоторые остались неизвѣстны суду или не могли быть приняты во вниманіе за недостаткомъ доказательствъ), или вслѣдствіе неправильнаго примѣненія закона, или нарушенія формъ судопроизводства. Если рѣшеніе страдаетъ какимъ-либо изъ названныхъ дефектовъ, стороны могутъ въ предѣлахъ законныхъ сроковъ обжаловать рѣшеніе въ высшій судъ. Различаются два вида обжалованія: *апелляція и кассація*. Первый видъ обжалованья направленъ на перерѣшеніе дѣла по существу: сторона проситъ пересмотрѣть дѣло по существу. Напротивъ, при кассаціи рѣчь идетъ лишь о провѣркѣ рѣшенія съ формальной стороны, именно, не нарушены ли были установленныя формы судопроизводства, и правильно ли истолкованы и примѣнены относящіяся къ дѣлу нормы права. Такимъ образомъ въ результатѣ удовлетворенія апелляціонной жалобы является новое рѣшеніе дѣла, въ результатѣ же кассаціонной жалобы получается лишь отмѣна рѣшенія[1]) и передача дѣла другому составу судей для новаго разсмотрѣнія.

У насъ апелляціонныя жалобы подаются въ мѣсячный срокъ на рѣшенія мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей и въ 4-мѣсячный на рѣшенія окруж-

[1]) Отсюда и названіе кассація (отъ фр. casser — сломать).

ныхъ судовъ; при этомъ апелляціонною инстанціею является или съѣздъ мировыхъ судей (по жалобамъ на рѣшенія мировыхъ судей) или уѣздный съѣздъ (на рѣшенія земскихъ начальниковъ или судебная палата (на рѣшенія окружныхъ судовъ). Пересмотръ въ кассаціонномъ порядкѣ дѣлъ, рѣшенныхъ какъ мировыми съѣздами, такъ и судебными палатами [1]), возложенъ Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства на Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Сената, который въ силу этого является высшимъ судомъ, наблюдающимъ за единообразнымъ примѣненіемъ законовъ въ различныхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Этотъ принципъ былъ нарушенъ закономъ 12 іюля 1889 года, по которому кассаціонными органами были признаны также Губернскія Присутствія (по дѣламъ, рѣшеннымъ земскими начальниками въ первой инстанціи и уѣздными съѣздами—во второй инстанціи).

§ 106. Исполненіе судебныхъ рѣшеній.

Если послѣ окончательнаго рѣшенія дѣла, присужденный все-таки не выполняетъ добровольно того, къ чему онъ признанъ обязаннымъ, истецъ получаетъ возможность добиться принудительнаго исполненія приговора. Для этой цѣли ему дается исполнительный листъ, передаваемый имъ спеціальному должностному лицу—судебному приставу, на котораго закономъ возложена обязанность принимать мѣры взысканія. Въ качествѣ мѣръ взысканія нашъ законъ знаетъ слѣдующія: принудительную передачу отсужденнаго даннымъ лицомъ имущества; исполненіе за счетъ должника тѣхъ дѣйствій, къ которымъ послѣдній присужденъ; продажу имущества должника; наложеніе ареста на жалованье должника и т. п.

---

[1]) Сроки для кассаціонныхъ жалобъ опредѣлены въ зависимости отъ категоріи суда, въ 1 или 2 мѣсяца.

Часть IV.

РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Составилъ ***М. Н. Гернетъ.***

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

§ 107. Понятіе объ уголовномъ правѣ.

Многочисленныя и разнообразныя по своему содержанію нормы, регулирующія жизнь человѣка въ обществѣ, даютъ содержаніе различнымъ правамъ и въ томъ числѣ такъ называемому уголовному праву. Въ него входятъ всѣ тѣ нормы, которыя предписываютъ или запрещаютъ извѣстныя дѣйствія подъ страхомъ какого-либо наказанія или опредѣляютъ условія и порядокъ уголовной отвѣтственности за ихъ нарушеніе и неисполненіе. Нормы, опредѣляющія понятіе различныхъ преступныхъ дѣяній и наказанія за нихъ, даютъ содержаніе матерьяльному уголовному праву. Нормы же, устанавливающія порядокъ отвѣтственности передъ уголовнымъ судомъ и различныя формы органовъ суда, относятся къ области т. н. процессуальнаго уголовнаго права.

Нарушеніе и неисполненіе нормъ уголовнаго права, обложенныхъ уголовною карою, называется преступленіемъ. Несомнѣнно, что это опредѣленіе преступленія носитъ формальный характеръ, такъ какъ не даетъ намъ отвѣта на вопросъ: какія же дѣянія являются преступными? Для выясненія преступности дѣянія намъ приходится въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ справляться въ законѣ: назначено или не назначено за такое дѣяніе какое-нибудь наказаніе? Въ наукѣ уголовнаго права были сдѣланы попытки выяснить „сущность“ преступныхъ дѣяній, т.-е. дать матеріальное опредѣленіе преступленія со стороны его содержанія и выработать такую же формулу, какія имѣются, напримѣръ, для опредѣленія газа и жидкостей. Но всѣ эти попытки оказались безуспѣшными. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Если мы обратимся къ исто-

ріи уголовнаго права, то увидимъ, что содержаніе его мѣнялось до неузнаваемости. Нѣтъ такого блага или интереса, нарушеніе котораго всегда бы и вездѣ бы разсматривалось какъ преступное. То, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, а иногда даже нѣсколько дней тому назадъ, было преступленіемъ, перестало быть имъ въ наши дни (напримѣръ, нѣкоторыя религіозныя преступленія у насъ, въ Россіи); наоборотъ, нѣкоторыя дѣянія, ранѣе не наказуемыя, считаются теперь преступными. Такъ, отцеубійство, являющееся въ настоящее время однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, считалось долгомъ сыновней любви у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ; въ теченіе сравнительно долгаго времени убійство новорожденныхъ уродовъ не считалось преступленіемъ, а спартанцы, какъ извѣстно, убивали не только уродливыхъ, но также и слабыхъ дѣтей. Въ наши дни во всѣхъ государствахъ жизнь человѣка, какъ бы онъ ни былъ уродливъ и слабъ, находитъ строгую уголовную охрану. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одно и то же дѣяніе считается преступнымъ или непреступнымъ въ зависимости отъ того, кто совершитъ его.

Содержаніе уголовнаго права, а слѣдовательно, и понятіе преступнаго, мѣняется и во времени и по мѣсту—въ зависимости отъ степени достигнутой культуры въ различныхъ государствахъ и ихъ политическихъ условій.

При наличности всѣхъ этихъ условій всѣ попытки дать преступленію такую же ясную и точную формулу, какія имѣются для воды и воздуха, заранѣе обречены на безуспѣшность. Поэтому намъ приходится удовлетвориться приведеннымъ выше формальнымъ опредѣленіемъ преступленія и признать вмѣстѣ со многими другими криминалистами, что измѣненіе соотношенія общественныхъ силъ въ государствѣ и измѣненіе взглядовъ на важность различныхъ благъ вкладываетъ мечъ въ руки уголовнаго правосудія и снова беретъ его. Въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ дается также лишь формальное опредѣленіе преступленія: „*Преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано*“ (Улож. о Нак. ст 1)

§ 108. Исторія уголовнаго права.

Современное уголовное право не есть созданіе только данной минуты: оно результатъ работы, которую неустанно исполняетъ человѣчество. Какъ и все въ мірѣ, оно прошло черезъ извѣстныя ступени развитія. Такъ какъ всякое развитіе совершается постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ, то трудно сказать, гдѣ кончается одинъ періодъ и гдѣ начинается другой, но, тѣмъ не менѣе, въ исторіи уголовнаго права довольно ярко обрисовываются характерныя особенности, свойственныя тому или другому періоду его развитія. Такихъ періодовъ въ исторіи уголовнаго права различаютъ четыре. Первый изъ нихъ называютъ періодомъ господства мести, второй—періодомъ выкуповъ, третій—общественнаго устрашенія и четвертый—періодомъ исправленія и предупрежденія.

Періодъ господства мести. Въ отдаленныя, первичныя времена жизнь человѣка была однообразна и несложна но и тогда должны были происходить столкновенія интересовъ, требовавшія своего разрѣшенія. Такъ какъ первобытный человѣкъ жилъ больше чувствомъ, чѣмъ умомъ, то въ разрѣшеніи случаевъ столкновенія интересовъ первенствующую роль играло чувство, а не умъ. Человѣкъ дѣйствовалъ по отношенію нарушителей его интересовъ такъ, какъ ему подсказывало его чувство мести. Здѣсь не было представленія о какой-нибудь цѣли; была простая безотчетная реакція. Характерной чертой этого періода борьбы за нарушенные интересы была неспособность первобытнаго человѣка къ пониманію внутренней стороны преступленія. Его месть одинаково обрушивалась и на ребенка и на взрослаго, на здороваго и душевно-больного. Примѣромъ такого безразличнаго отношенія при господствѣ мести ко внутренней сторонѣ преступнаго дѣянія служитъ обычай горцевъ, у которыхъ еще не вымерла кровавая месть, какъ борьба за право: если при кражѣ ружья послѣдуетъ выстрѣлъ, которымъ воръ будетъ убитъ или раненъ, то родственники этого вора имѣютъ право преслѣдовать хозяина ружья, какъ настоящаго убійцу, а за рану требовать платы, какъ за обыкновенную рану [1]).

---

[1]) М. Ковалевскій. „Обычай и законъ на Кавказѣ", II томъ, стр. 257.

У древнихъ славянъ находимъ эти же характерныя особенности. Месть была въ большомъ употребленіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Такъ, княгиня Ольга мстила за смерть своего мужа, убитаго въ сраженіи; жена кн. Владиміра, крестившаго Русь,—Рогнѣда пыталась убить его изъ мести за убійство ея отца и за полонъ ея родины—Полоцкаго княжества. Когда Владиміръ рѣшилъ казнить жену, его малолѣтній сынъ спасъ свою мать угрозою мести. Такимъ образомъ, месть имѣла мѣсто не только между чужеродцами, но и въ предѣлахъ одной и той же семьи. Древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства „Русская Правда“ въ первой же своей статьѣ устанавливаетъ право мести: „Аще убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, либо отцу сына, либо брату чаду, либо сестрину сынови, аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову“. Перечень родственниковъ здѣсь данъ, какъ думаютъ, не исчерпывающій, а лишь примѣрный.

Въ разсматриваемый нами періодъ месть является не только правомъ, но даже обязанностью, за исполненіемъ которой слѣдитъ общественное мнѣніе. Такъ было въ болѣе ранніе періоды у всѣхъ народовъ. Изъ греческихъ преданій извѣстно, что тѣни убитыхъ родителей высылали злыхъ фурій мучить немстящаго за нихъ сына. Трибы караибовъ выгоняютъ изъ своихъ клановъ тѣхъ, кто отказывается отъ мести. Въ Черногоріи немстящій въ теченіе года за родственниковъ считается безчестнымъ человѣкомъ, и всѣ относятся къ нему съ презрѣніемъ,

Въ болѣе поздній періодъ мы наблюдаемъ, какъ месть отъ частнаго лица переходитъ ко всему обществу, т.-е. становится уже не частнымъ, но общественнымъ дѣломъ. Такъ, извѣстно побитіе камнями виновныхъ у древнихъ евреевъ всѣмъ народомъ. Въ верхней Албаніи женщины, виновныя въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, побивались камнями или предавались сожженію также всѣмъ народомъ, если отъ приведенія въ исполненіе этого наказанія отказывались родители и братья виновной. Въ древней германской общинѣ всѣ члены должны были принимать участіе въ побитіи камнями, и небросившій камня долженъ былъ платить штрафъ. Аналогичный обычай былъ у англо-саксонцевъ, гдѣ

въ побитіи камнями вора принимало участіе 24 человѣка, и тотъ, кто не попадалъ три раза, подлежалъ тремъ ударамъ розгой.

Періодъ частной мести былъ слишкомъ безпорядоченъ. Онъ приводилъ къ безконечнымъ распрямъ семей и цѣлыхъ родовъ, которые часто вымирали отъ руки мстителей-убійцъ. Развитіе культуры привело къ постепенному ограниченію права мести. Это ограниченіе выражалось въ суженіи круга интересовъ, за оскорбленіе которыхъ допускалась частная месть; въ ограниченіи времени, въ теченіе котораго была возможна месть; въ созданіи права убѣжищъ, въ которыхъ личность спасшагося считалась неприкосновенной и пр.

Предвѣстниками скораго исчезновенія мести всегда являлись такъ называемыя композиціи или выкупы. Право выкупа состояло въ томъ, что преступникъ могъ откупиться отъ мести уплатой опредѣленной суммы потерпѣвшему или его родственникамъ. Въ эту эпоху обращается вниманіе на размѣръ причиненнаго вреда и, такимъ образомъ, устанавливается градація защищаемыхъ интересовъ или правовыхъ благъ. Убійство считается болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ поврежденіе здоровья; лишеніе преступникомъ глаза влечетъ иной штрафъ, нежели лишеніе ноги, руки и т. д. Въ эпоху дѣйствія „Русской Правды“ лишеніе руки и ноги наказывалось строже, чѣмъ лишеніе пальца и т. д.

Періодъ общественнаго устрашенія. Эта фаза въ исторіи уголовнаго права могла наступить лишь съ установленіемъ государства, когда на преступленіе начали смотрѣть какъ на дѣяніе, вредное всему обществу, или, по крайней мѣрѣ, опредѣленнымъ его классамъ. Развитіе такой крѣпкой власти приводитъ въ области уголовнаго права къ нѣсколькимъ послѣдствіямъ: выдвигается моментъ общественнаго значенія преступленія, вносится нѣкоторая, правда, не особенно значительная, доля хладнокровія въ борьбу съ преступленіемъ и потому обращается вниманіе на степень виновности правонарушителя. Но въ то же время обращается вниманіе на общественное положеніе преступника и потерпѣвшаго отъ преступленія. Такъ, лицо высшаго сословія, виновное въ подлогѣ королевскаго документа, подлежало, по закону вестготовъ, лишенію половины состоянія, а лица низшаго со-

словія подвергались за это же преступленіе отсѣченію руки.

Отличительною чертою этого періода является то, что всѣ средства борьбы съ преступленіемъ носятъ одинъ характеръ устрашенія. Если мы заглянемъ въ кодексы этого времени, то увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ наказанія состояли въ смертной казни и въ мѣрахъ жестокаго увѣченія преступника. Такъ какъ смертная казнь назначалась даже за незначительную по суммѣ кражу, то за болѣе тяжкія преступленія она назначалась особо мучительными способами. Эти казни извѣстны подъ именемъ квалифицированныхъ. При ихъ изобрѣтеніи обыкновенно руководились *тальономъ*, т.-е. принципомъ возмездія око за око, зубъ за зубъ. Такъ, за „неистовыя рѣчи“ урѣзывали языкъ, за кражи отрубали руки, за поддѣлку монетъ заливали горло расплавленнымъ металломъ. Въ городахъ воздвигались эшафоты и дымились костры, на которыхъ „страха ради“, „чтобы другимъ не было повадно“, сжигали живыхъ людей.

Періодъ исправленія и предупрежденія. Съ конца XVIII в. быстро растетъ протестъ противъ жестокихъ наказаній, и широкой волной разливается призывъ къ гуманности въ борьбѣ съ преступностью. Наиболѣе мощные голоса въ этомъ направленіи раздались въ Италіи (Беккарія), въ Англіи (Бентамъ) и во Франціи. Общественное мнѣніе требовало признанія въ преступникѣ личности, боролось противъ жестокости уголовныхъ каръ и настаивало на внесеніи въ уголовныя законодательства новаго принципа борьбы съ преступностью: исправленія вмѣсто устрашенія. Начался въ очень многихъ государствахъ пересмотръ уголовныхъ законодательствъ и изданіе новыхъ кодексовъ, отвѣчающихъ духу новаго времени. Главнымъ средствомъ исправленія въ этотъ періодъ является тюрьма. Вырабатываются различныя системы тюремнаго заключенія и дѣлаются громадныя денежныя затраты на усовершенствованіе тюремнаго дѣла. Постепенно исчезаютъ изъ кодексовъ тѣ мѣры уголовной репрессіи, которыя развились въ предшествующій періодъ: увѣчащія наказанія, клейменіе, позорный столбъ и пр. На ряду съ исправленіемъ преступника обращается вниманіе на мѣры предупрежденія преступленія: организуются об-

щества патроната, т.-е. благотворительныя общества, имѣющія своею цѣлью помощь заключеннымъ и отбывшимъ наказаніе; устраиваются исправительные пріюты для преступной молодежи и для заброшенныхъ дѣтей. Но опытъ показалъ, что и эти мѣры предупрежденія имѣютъ далеко не столь широкое вліяніе, на которое разсчитывали при ихъ введеніи. Изученіе роста преступности и раскрытіе причинъ этого роста привели изслѣдователей къ убѣжденію, что между общественными и экономическими условіями и преступностью существуетъ тѣсная зависимость. Отсюда былъ сдѣланъ вѣрный выводъ, что наиболѣе могущественнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью должны быть мѣры соціальнаго характера. Но это положеніе науки уголовнаго права почти совсѣмъ не усвоено законодательствами, однако, первые шаги въ этомъ направленіи уже сдѣланы, напримѣръ, организаціей, такъ назыв. „дѣтскихъ судовъ“ (см. ниже),

§ 109. Уголовные законы въ Россіи.

Въ Россіи имѣется нѣсколько уголовныхъ кодексовъ. До 1864 г дѣйствовало лишь Уложеніе о наказаніяхъ уголов. и исправительныхъ“, изданное въ 1845 г., переизданное нѣсколько разъ. Въ 1864 году былъ изданъ „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“ (послѣд. изд. 1914 г.). Наконецъ 22 марта 1903 г. было Высочайше утверждено „Уголовное уложеніе“. „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ содержитъ постановленія о болѣе тяжелыхъ преступныхъ дѣяніяхъ, за совершеніе которыхъ виновные подлежатъ отвѣтственности передъ общими судебными мѣстами. Наоборотъ, „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“, примѣняется единоличными или мѣстными судами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленіе, указанное въ „Уложеніи“ подлежитъ суду мѣстному и, наоборотъ. Что касается „Уголовнаго Уложенія“ 1903 г,. то въ дѣйствіе введены лишь нѣкоторыя его главы: первыя четыре главы полностью, почти вся 5-ая и нѣкоторыя статьи изъ другихъ главъ, т.-е. общія постановленія о преступленіи и наказаніи (1—72 ст. ст.), статьи о религіозныхъ и го-

сударственныхъ преступленіяхъ (2—5 гл.), о противодѣйствіи правосудію и др.

Кромѣ этихъ кодексовъ, имѣются: „Воинскій Уставъ о наказаніяхъ, „Уставъ о ссыльныхъ“, „Собраніе церковныхъ законовъ“ и нѣкоторые другіе законы, содержащіе въ себѣ статьи о преступленіяхъ и наказаніяхъ лицъ воинскаго званія, духовныхъ, крестьянъ, ссыльныхъ и др.

ГЛАВА II.

О преступленіи и о виновникѣ преступнаго дѣянія.

§ 110. Дѣленіе преступныхъ дѣяній.

Мы опредѣлили выше преступленіе, какъ совершеніе или неисполненіе того дѣянія, которое запрещено или предписано подъ страхомъ уголовной кары. Въ виду многочисленности и разнообразія преступныхъ дѣяній, существуютъ дѣленія ихъ на группы. Такъ, французскому праву извѣстна такъ называемая трехчленная классификація по тяжести наказанія; тѣ дѣянія, за которыя назначаются полицейскія наказанія, называются нарушеніями (contraventions); тѣ, за которыя назначаются исправительныя наказанія, называются проступками (délits); дѣянія, за которыя назначаются безчестящія и тѣлесныя наказанія, извѣстны подъ именемъ преступленій (crimes). Это трехчленное дѣленіе усвоено многими кодексами и въ томъ числѣ германскимъ уложеніемъ. Кромѣ него есть дѣленіе двухчленное, въ основу котораго также положена тяжесть наказанія (напримѣръ, въ итальянскомъ кодексѣ 1890 г.). Дѣйствующее въ Россіи Уложеніе о наказаніяхъ не знаетъ никакого формальнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, но Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 г. остановилось на трехчленной классификаціи и признало тяжкими преступленіями тѣ, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшія наказанія, смертная казнь, каторга или

ссылка на поселеніе; преступленіями—тѣ дѣянія, за которыя, какъ высшее наказаніе, опредѣлены заключеніе въ исправительномъ домѣ, крѣпости или тюрьмѣ, и, наконецъ, проступками—дѣянія, за которыя опредѣлены, какъ высшія наказанія, арестъ или денежная пеня. Кромѣ этого дѣленія преступныхъ дѣяній, имѣются еще и другія. Такъ, къ одной группѣ относятся преступленія, возбужденіе преслѣдованія за которыя и продолженіе преслѣдованія не зависятъ отъ частнаго лица; въ другую группу входятъ преступленія, преслѣдованіе по которымъ начинается лишь по желанію потерпѣвшаго, но дальнѣйшее производство ведется независимо отъ воли потерпѣвшаго, въ третью группу входятъ преступленія, преслѣдованіе по которымъ всецѣло зависитъ отъ потерпѣвшаго; онъ можетъ простить обидчика и освободить его отъ наказанія.

§ 111. Виновникъ преступнаго дѣянія.

Въ настоящее время наука уголовнаго права считаетъ безспорнымъ, что виновникомъ преступнаго дѣянія можетъ быть только человѣкъ. Не такъ думали ранѣе. Въ древнее время происходили судебные процессы даже надъ неодушевленными предметами. Особенно многочисленны были случаи суда надъ животными въ средніе вѣка. Иногда обвиняемыхъ животныхъ даже заключали въ тюрьмы и подвергали пыткѣ; по отношенію къ нимъ выполнялась вся та процедура, которая примѣнялась къ обвиняемому человѣку: допрашивались свидѣтели, назначался защитникъ и пр. Извѣстны случаи суда надъ быками, забодавшими человѣка, надъ свиньями, съѣвшими ребенка, надъ пѣтухомъ, будто бы снесшимъ яйцо, надъ саранчой, опустошившей поля, и пр. Наказанія животныхъ состояли въ проклятіи ихъ и въ преданіи ихъ смерти. На ряду съ отвѣтственностью животныхъ средніе вѣка знали отвѣтственность юридическихъ лицъ, когда наказаніе примѣнялось къ цѣлымъ общинамъ и городамъ. Но современныя законодательства не считаютъ возможнымъ привлекать къ отвѣтственности юридическія лица; по общему правилу они считаются безотвѣтственными на томъ основаніи, что они имѣютъ точно отмежеванныя границы дѣя-

тельности, изъ которыхъ они не должны и не могутъ выходить. Если же физическія лица, изъ которыхъ состоитъ юридическое лицо, выходятъ изъ этихъ предѣловъ дѣятельности, то они и являются отвѣтственными за свои незаконныя дѣйствія, а не само юридическое лицо.

Въ наукѣ уголовнаго права вопросъ объ отвѣтственности юридическихъ лицъ является спорнымъ, и нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ отстаиваютъ такую отвѣтственность, доказывая, что къ виновнымъ юридическимъ лицамъ могутъ быть примѣнены такія наказанія, какъ денежныя взысканія, изгнаніе (запрещеніе дѣятельности въ опредѣленномъ мѣстѣ), прекращеніе дѣятельности, приравниваемое имп къ смертной казни. Въ дѣйствующемъ Уложеніи о наказаніяхъ, несмотря на отрицаніе кодексомъ принципа уголовной отвѣтственности юридическаго лица, имѣются статьи, допускающія такую отвѣтственность (напримѣръ, отвѣтственность общества за вторичный отпускъ по паспортамъ старыхъ и хилыхъ для сбора милостыни, ст. 985).

Итакъ, субъектомъ преступленія является физическое лицо.

Съ тѣхъ поръ, какъ законодательства ставятъ главнѣйшею цѣлью своей дѣятельности въ борьбѣ съ преступностью исправленіе преступника и предупрежденіе преступленій, является необходимой классификація виновниковъ преступнаго дѣянія. Старѣйшею классификаціей является дѣленіе преступниковъ на двѣ группы: совершившихъ дѣяніе впервые и совершившихъ его вновь послѣ отбытія наказанія. Изученіе преступниковъ привело къ установленію болѣе сложнаго дѣленія ихъ на группы.

Изученіе личности виновника преступнаго дѣянія началось съ середины 70 годовъ XIX вѣка, когда извѣстный итальянскій ученый, профессоръ судебной медицины, Цезарь Ломброзо, положилъ своимъ трудомъ «О преступномъ человѣкѣ» основаніе такъ называемой уголовно-антропологической школѣ. Одинъ изъ сторонниковъ этой школы, Энрико Ферри, предложилъ дѣлить преступниковъ на пять группъ. Это дѣленіе было принято многими криминалистами. Эти пять группъ слѣдующія: преступники—1) душевно-больные, 2) прирожденные, 3) привычные, 4) случайные и 5) по страсти.

Наиболѣе сомнительной для многихъ криминалистовъ является группа прирожденныхъ преступниковъ. Дѣйствующія законодательства и въ томъ числѣ и русское также не признаютъ этой группы преступниковъ, но обращаютъ въ настоящее время серьезное вниманіе на душевныя болѣзни и на упорство въ преступной дѣятельности Меньшимъ вниманіемъ пользуется въ современныхъ законодательствахъ группа случайныхъ преступниковъ, т.-е. совершившихъ, по опредѣленію Ферри, свои преступленія подъ вліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ, напримѣръ, бѣдности.

§ 112. Вмѣняемость.

Въ настоящее время по всѣмъ дѣйствующимъ законодательствамъ отвѣтственность физическаго лица за совершонныя имъ преступленія возможна лишь при наличности такъ называемой вмѣняемости, которая опредѣляется различно. Въ періодъ господства мести, а отчасти и позднѣе, въ средніе вѣка, наказаніе примѣнялось ко всякому совершившему запрещенное уголовнымъ кодексомъ дѣяніе. Съ тѣхъ поръ какъ цѣлью наказанья стало по преимуществу исправленіе преступника и предупрежденіе преступленій, а развившіяся медицинскія науки доказали существованіе душевныхъ болѣзней, наука уголовнаго права и кодексы начали вырабатывать формулы вмѣняемости, т.-е. перечислять тѣ условія, при наличности которыхъ можетъ быть примѣнено къ преступнику наказаніе. Эти формулы отличаются своимъ разнообразіемъ. Однѣ требуютъ свободы воли, какъ необходимаго условія; другія, не давая опредѣленія вмѣняемости, содержатъ перечень условій невмѣняемости (французскій и бельгійскій кодексы). Уложеніе о наказаніяхъ говоритъ лишь объ обстоятельствахъ, исключающихъ вмѣняемость. Иначе поступаетъ Угол. Улож. «*Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе,—говоритъ 39 ст. Угол. Улож.,—учиненное лицомъ, которое во время его учиненія не могло понимать свойства и значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, или безсознательнаго состоянія, или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣз-*

ни». Такимъ образомъ для наличности вмѣняемости требуется способность сознавать свои поступки и руководиться сознаннымъ. Если въ моментъ совершенія преступленія лицо не сознавало своихъ поступковъ или не могло руководиться сознаннымъ, то оно должно быть признано невмѣняемымъ, т.-е. подлежащимъ уголовной отвѣтственности

§ 113. Причины, устраняющія вмѣняемость.

Причины, исключающія вмѣняемость, обыкновенно раздѣляются на двѣ группы: въ одну входятъ всѣ тѣ случаи, когда невмѣняемость объясняется недостиженіемъ необходимаго психическаго развитія, а въ другую—случаи утери уже достигнутаго надлежащаго психическаго состоянія. Въ дѣйствующемъ Уложеніи о наказаніяхъ этой классификаціи причинъ невмѣняемости не существуетъ: оно ограничивается слѣдующимъ перечисленіемъ причинъ невмѣняемости. „*причины, по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину, суть: 1) совершенная невинность того дѣянія, коего случайнымъ и непредвидимымъ послѣдствіемъ было сдѣланное зло; 2) малолѣтство въ такомъ возрастѣ, когда подсудимый не могъ еще имѣть понятія о свойствѣ дѣянія; 3) безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство; 4) ошибка случайная или вслѣдствіе обмана; 5) принужденіе отъ превосходящей непреодолимой силы; 6) необходимость обороны*“ (*ст. 92*). Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ невмѣняемости.

Малолѣтство. Уже у древнихъ римлянъ признавалось вліяніе малолѣтства на уголовную отвѣтственность. Въ XII таблицахъ малолѣтній за кражу плодовъ, посвященныхъ богинѣ Церерѣ, подлежалъ лишь тѣлесному наказанію и къ возмѣщенію вреда въ двойной стоимости, между тѣмъ какъ взрослый подлежалъ смертной казни. Позднѣе было постановлено приравнивать дѣтей въ возрастѣ до 7лѣтъ къ безумнымъ и не подвергать ихъ отвѣтственности. Впрочемъ, эта возрастная граница не была прочно и ненарушимо установлена для всѣхъ случаевъ. Отрочество считалось обстоятельствомъ, смягчающимъ наказаніе. Каноническое право почти цѣликомъ повторило постановленія римскаго права.

Старое французское право также усвоило постановленія римскаго права; оно такъ же, какъ римскій законъ, признавало, что особая злостность преступленія, если оно совершено даже маленькимъ ребенкомъ, не освобождаетъ его отъ отвѣтственности. Въ 1791 г. была выработана во Франціи новая система отвѣтственности юныхъ преступниковъ, сохранившаяся съ небольшимъ измѣненіемъ до сихъ поръ: о всякомъ малолѣтнемъ, не достигшемъ 16 лѣтъ (теперь по закону 1906 г. 18 лѣтъ), ставился вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ при совершеніи преступленія съ разумѣніемъ? При отрицательномъ отвѣтѣ обвиняемый освобождался отъ отвѣтственности и наказанія, но могъ быть помѣщенъ въ исправительное заведеніе. Въ случаѣ признанія малолѣтняго дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, онъ подлежалъ смягченнымъ наказаніямъ. Достигшіи 16-лѣтняго возраста подлежалъ за свое преступленіе одинаковой со взрослымъ отвѣтственности. Въ большинствѣ законодательствъ, а въ томъ числѣ и въ русскомъ, принята другая система. Юный возрастъ разбивается на три періода: на возрастъ безусловной невмѣняемости, періодъ условной вмѣняемости и возрастъ смягченія наказаній. По нашему законодательству ребенокъ, не достигшій десятилѣтняго возраста, не подлежитъ отвѣтственности; о малолѣтнемъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ ставится вопросъ объ его разумѣніи въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія, и онъ можетъ подлежать наказанію лишь въ случаѣ признанія его дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ. Суду открывается возможность отправлять малолѣтнихъ въ исправительныя учрежденія; наказанія, примѣняемыя къ нимъ, несравненно мягче тѣхъ, которыя примѣняются ко взрослымъ. Что касается третьяго періода, то онъ оканчивается съ достиженіемъ двадцати одного года и служитъ основаніемъ для обязательнаго сокращенія сроковъ наказаній и для замѣны смертной казни (по Уголовному Уложенію) безсрочными каторжными работами.

Дѣленіе юнаго возраста на три періода признается наукой уголовнаго права наиболѣе правильнымъ. Данныя психологіи и физіологіи дѣтскаго возраста, съ одной стороны, и наблюденія надъ дѣтьми, совершившими преступленія, съ другой, съ несомнѣнностью убѣждаютъ, что подвергать дѣ-

тей не только отвѣтственности, но даже и процедурѣ суда, безполезно и вредно и противно современному общественному мнѣнію. Вслѣдъ за дѣтствомъ наступаетъ пора отрочества. Отрокъ еще только знакомится съ жизнью; отъ него невозможно требовать сознательнаго отношенія къ окружающей его дѣйствительности и способности руководить своими поступками, и законъ поступаетъ правильно, допуская отвѣтственность отрока лишь при безусловной доказанности его вмѣняемости, вопросъ о которой судъ и разрѣшаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Уголовная статистика давно показала, что главнѣйшими причинами дѣтской преступности является отсутствіе надзора за ребенкомъ, его сиротство и бѣдность его родителей, принужденныхъ предоставлять воспитаніе своихъ дѣтей улицѣ. Поэтому всѣ законодательства считаютъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ преступностью малолѣтнихъ помѣщеніе ихъ въ воспитательныя учрежденія Но наибольшее значеніе получили въ послѣдніе годы такъ называемые „дѣтскіе суды“. Возникнувъ прежде всего въ Австраліи и Америкѣ они быстро распространились по Европѣ и имѣются въ нѣсколькихъ городахъ Россіи. Въ основу дѣятельности этихъ спеціальныхъ судебныхъ органовъ положено стремленіе притти на помощь ребенку какъ совершившему преступленіе, такъ и вообще находящемуся въ тяжеломъ положеніи. Посредствомъ охраны ребенка они стремятся предупредить его преступленія. Наиболѣе полное и яркое выраженіе эти идеи получили въ Англійскомъ законѣ 1910 г. Что касается третьяго періода молодости, то основанія для смягченія наказаній несовершенолѣтнимъ заключаются въ физіологическихъ особенностяхъ этого періода человѣческой жизни, когда еще неумудренному жизнью молодому человѣку, начинающему свое житейское поприще, приходится вести борьбу за существованіе при трудно сдерживаемыхъ порывахъ страсти и увлеченія.

Глухонѣмота. Въ приведенной выше 92 ст. Улож. о нак. глухонѣмота не значится въ перечнѣ причинъ невмѣняемости, но она упомянута въ ст. 98, гдѣ говорится, что *„глухонѣмые отъ рожденія, а равно лишившіеся слуха и языка въ дѣтскомъ возрастѣ, когда нѣтъ сомнѣнія, что они не получили, ни*

черезъ воспитаніе, ни черезъ сообщество съ другими, никакого понятія объ обязанностяхъ и законѣ“, не подвергаются наказаніямъ. Отношеніе различныхъ законодательствъ къ вопросу о вліяніи на отвѣтственность глухонѣмоты далеко не столь одинаково, какъ ихъ отношеніе къ вопросу объ отвѣтственности юныхъ преступниковъ. Такъ, французскій кодексъ ничего не говоритъ о глухонѣмотѣ; итальянское уложеніе освобождаетъ отъ уголовнаго преслѣдованія глухонѣмыхъ моложе 14 лѣтъ, а о лицахъ старше этого возраста ставитъ вопросъ о разумѣніи; германское уложеніе ставитъ о каждомъ глухонѣмомъ обвиняемомъ особый вопросъ объ его вмѣняемости.

Душевныя болѣзни. Признаніе необходимости освобожденія отъ уголовной отвѣтственности душевно-больныхъ проникало въ уголовныя законодательства лишь постепенно и чрезвычайно медленнымъ путемъ. Еще въ средніе вѣка весьма была распространена вѣра, что душевно-больные одержимы нечистою силою, и многіе изъ нихъ, несмотря на ихъ очевидное безуміе, подвергались всѣмъ тяжелымъ наказаніямъ того времени. Ужасно было положеніе и тѣхъ изъ нихъ, которыхъ вслѣдствіе ихъ душевной болѣзни, признавали невмѣняемыми, но заковывали въ цѣпи и помѣщали въ зданія безъ свѣта и воздуха, гдѣ они умирали медленною смертью. Болѣе значительное улучшеніе въ положеніи душевно-больныхъ преступниковъ наступило лишь въ XIX вѣкѣ, но и въ наши дни законодательныя постановленія многихъ кодексовъ по вопросу о вліяніи душевныхъ болѣзней на вмѣняемость не признаются криминалистами и психіатрами удовлетворительными. Ихъ главный недостатокъ заключается въ томъ, что, отличаясь узкостью своихъ формулъ, они не даютъ возможности подводить подъ нихъ вновь открываемые виды душевныхъ болѣзней.

Наше Уложеніе о наказаніяхъ въ 3 пун. 92 ст. причисляетъ къ числу причинъ невмѣняемости *„безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе и совершенное безпамятство“*.

Необходимая оборона и крайняя необходимость. Къ числу причинъ невмѣняемости нашимъ Уложеніемъ о наказаніяхъ относятся въ 6 п. 92 ст. и 100 ст. состояніе

необходимой обороны и крайней необходимости (криминалисты отводятъ этимъ институтамъ различное мѣсто въ системѣ науки уголовнаго права: крайняя необходимость разсматривается одними какъ обстоятельство, исключающее вмѣненіе, другими—какъ исключающее виновность; необходимая же оборона разсматривается большею частью какъ условіе, опредѣляющее правомѣрность нарушенія отдѣльныхъ благъ).

Мы легко можемъ представить себѣ такія состоянія, когда лицо для защиты правовыхъ интересовъ прибѣгаетъ къ нарушенію правъ другого лица за неимѣніемъ другихъ средствъ защиты. Если при такой защитѣ отъ противозаконнаго нападенія нарушаются права нападающаго, то мы имѣемъ состояніе, извѣстное подъ именемъ необходимой обороны; если же для устраненія создавшейся неизбѣжной опасности (отъ нападенія человѣка, животнаго, отъ силъ природы и пр.) наносится вредъ интересамъ третьяго лица, то мы имѣемъ состояніе крайней необходимости.

Крайняя необходимость и необходимая оборона—старые институты уголовнаго права, но исторія ихъ крайне несложна. Законодательства древности и новѣйшія узаконенія признаютъ, что противъ опасности, угрожающей правамъ человѣка, вполнѣ естественна и допустима самозащита, если нѣтъ другихъ средствъ защиты. Каноническое право въ обоснованіе безнаказанности дѣяній, совершенныхъ въ состояніи крайней необходимости, указывало на разрѣшеніе Христа своимъ голоднымъ ученикамъ питаться колосьями съ чужого поля. Писатели канонисты оправдывали безнаказанность кражи съ голода соображеніями о предѣлахъ частной собственности и, припоминая коммунистическія начала древнихъ христіанъ, говорили, что никто не долженъ умирать съ голоду, когда у другого есть средства для насыщенія голоднаго. Современные криминалисты правильно указываютъ, что трудно требовать отъ человѣка, чтобы онъ оставался бездѣятельнымъ передъ неминуемою опасностью, грозящею его интересамъ или даже чужимъ, и допускалъ ихъ нарушніе безъ попытки защиты, хотя бы посредствомъ нарушенія интересовъ другихъ лицъ, если нѣтъ иныхъ средствъ отвратить опасность.

Источникомъ опасности при необходимой оборонѣ является

нападеніе человѣка, а при крайней необходимости также нападеніе животнаго, біологическіе процессы (напримѣръ, голодъ) и силы природы (напримѣръ, наводненіе). Если на меня нападаетъ разбойникъ, и я, отражая нападеніе раню его, то я совершаю ненаказуемый актъ необходимой обороны. Если вмѣсто отраженія нападенія я спасаюсь бѣгствомъ и забѣгаю въ чужую квартиру или если я, мучимый голодомъ, совершаю кражу для утоленія голода, то я могу сослаться на состояніе крайней необходимости.

Какія блага можно защищать при необходимой оборонѣ и крайней необходимости? По дѣйствующему Уложенію о наказаніяхъ (ст. 100) на состояніе крайней необходимости можно ссылаться лишь при защитѣ своей жизни. Впрочемъ, въ нашемъ же уголовномъ законодательствѣ имѣется статья, дозволяющая суду смягчать наказаніе наполовину за кражу и мошенничество, совершенныя по „крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ“. Что же касается необходимой обороны, то она допускается для защиты правъ личныхъ, жизни, здоровья, свободы (см. также 102 ст. Ул. о нак.) и имущественныхъ, если при этомъ было нападеніе на личность, и для защиты жилища отъ вторгнувшагося съ насиліемъ: такая оборона дозволяется не только для своей собственной защиты, но и для защиты другихъ (ст. 103). Новое Уголовное Уложеніе допускаетъ ссылку на крайнюю необходимость и необходимую оборону при защитѣ всѣхъ правъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ. По Уст. о нак. налагаемыхъ мир. суд. проступки не вмѣняются въ вину, когда они совершены по необходимой оборонѣ (ст. 10 п. 5).

До какихъ предѣловъ можетъ простираться нарушеніе правъ нападающаго и третьихъ лицъ при необходимой оборонѣ и крайней необходимости? Наше Уложеніе о наказаніяхъ требуетъ, чтобы предпринятыя мѣры обороны оправдывались необходимостью, въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть т. н превышеніе предѣловъ необходимой обороны. Иначе обстоитъ дѣло при защитѣ благъ въ состояніи крайней необходимости: такъ какъ защита благъ происходитъ здѣсь на счетъ благъ третьихъ лицъ, а не самого нападаю-

щаго, то законодательства запрещаютъ защиту низшаго блага на счетъ высшаго.

§ 114. Виновность.

Во всѣхъ современныхъ законодательствахъ вопросъ о примѣненіи наказанія и о его размѣрахъ тѣсно связывается съ вопросомъ о виновности правонарушителя. Подъ виновностью понимается особое психическое отношеніе правонарушителя къ совершаемому имъ дѣянію. По справедливому замѣчанію проф. Листа, положеніе, что „безъ вины не можетъ быть наказанія“, является результатомъ долгаго и еще не закончившагося развитія. Въ періодъ господства мести вопросъ о виновности не могъ получить должнаго признанія вслѣдствіе его сложности; тогда все вниманіе въ борьбѣ за интересы обращалось на легко доступную наблюденію и учету внѣшнюю сторону дѣянія. Но и въ средніе вѣка суровыя кары часто постигали совершенно невинныхъ, напримѣръ, дѣтей за государственныя преступленія ихъ родителей. Только въ новое время болѣе прочно установился принципъ уголовной отвѣтственности лишь виновныхъ[1]).

Говоря о виновности, мы должны имѣть въ виду случай, неосторожность и умыселъ.

а) Случайность. Случайными въ уголовномъ правѣ, по опредѣленію редакціонной комиссіи, составлявшей проектъ Уголовнаго Уложенія, называются такія дѣйствія или послѣдствія дѣйствій лица, наступленіе которыхъ виновный не только не предвидѣлъ, но и не могъ предвидѣть при полной внимательности съ его стороны къ своимъ поступкамъ. Такія дѣянія не влекутъ за собою наказаній. „*Зло, сдѣланное случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой со стороны учинившаго оное неосторожности, не считается виною*“ (Ул. о нак., 5 ст.),

---

[1]) Понятіе виновности весьма различно у криминалистовъ. Такъ проф. Сергѣевскій опредѣляетъ ее, какъ совокупность слѣдующихъ условій: если лицо, обладающее способностью ко вмѣненію, понимало свойства совершаемаго, предусматривало послѣдствія, сознавало запрещенія закона и имѣло возможность принять это запрещеніе въ руководство своей дѣятельности. (Сергѣевскій, «Рус. уг. пр.» 1908 г. 251 стр.).

б) Умыселъ. Наиболѣе серьезной формой виновности является умыселъ. Умыселъ предполагаетъ не только желаніе виновнаго совершить преступное дѣяніе, но и сознательное допущеніе послѣдствій, обусловливающихъ преступность этого дѣянія (ст. 48 Угол. Улож.). Уложеніе о наказаніяхъ различаетъ умыселъ внезапный и умыселъ, обдуманный заранѣе (Угол. Улож. 1903. г. уже не различаетъ этихъ видовъ умысла). Различіе между этими двумя видами умысла по Улож. о Наказ. сводится лишь ко времени возникновенія умысла. Преступленія, совершонныя по умыслу, обдуманному заранѣе, влекутъ за собою болѣе строгія наказанія, чѣмъ преступныя дѣянія, совершонныя по внезапному умыслу.

в) Неосторожность. Человѣкъ не только не долженъ умышленно совершать преступленій, но обязанъ проявлять въ своей дѣятельности такую внимательность, чтобы не совершать ихъ по небрежности и безпечности. Въ противномъ случаѣ возникаетъ возможность его отвѣтственности за неосторожныя преступленія. Неосторожная вина признается въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный не предвидѣлъ преступнаго дѣянія, хотя могъ и долженъ былъ его предвидѣть, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предвидѣлъ наступленіе преступнаго результата, но легкомысленно надѣялся избѣжать его. Такимъ образомъ отличіе неосторожности отъ умысла состоитъ въ томъ, что виновный не предвидитъ преступнаго результата или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ его. Отличіе неосторожности отъ случая лежитъ въ томъ, что совершающій неосторожное преступное дѣяніе могъ или долженъ былъ предвидѣть его результатъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательства обращаютъ вниманіе: является ли неосторожная вина послѣдствіемъ совершенія дѣйствія, разрѣшеннаго закономъ или запрещеннаго и не лежала ли на дѣятелѣ обязанность особой осмотрительности въ виду, напримѣръ, его профессіи, какъ врача и пр. Уложеніе о нак. проводитъ систему слишкомъ дробнаго дѣленія неосторожности, Уголовное же Уложеніе внесло значительное упрощеніе. Оно опредѣлило неосторожность такъ: „преступное дѣяніе почитается неосторожнымъ не только, когда виновный его не предвидѣлъ, хотя могъ и долженъ былъ его предвидѣть, но также, когда онъ,

хотя предвидѣлъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія, но легкомысленно предполагалъ такое послѣдствіе предотвратить“ (48 ст.). Относительно наказуемости при неосторожной винѣ Уголовное Уложеніе постановляетъ, что преступленія наказываются при наличности неосторожности лишь въ случаяхъ, особо указанныхъ закономъ; наоборотъ, проступки наказываются и при неосторожной винѣ, кромѣ случаевъ, особо оговоренныхъ въ законѣ

§ 115. Внѣшняя сторона преступленія.

Въ преступной дѣятельности можно различать нѣсколько стадій, а именно: обнаруженіе преступнаго умысла, приготовленіе, покушеніе и совершеніе преступленія.

а) Обнаруженіе умысла То, что думаетъ и чувствуетъ человѣкъ, не можетъ подлежать уголовному суду. Это признано въ настоящее время всѣми законодательствами не только относительно скрытыхъ мыслей и необнаруженныхъ чувствъ, но и относительно проявленнаго умысла. Умыселъ совершить преступленіе легко можетъ обнаружиться (на словахъ и на письмѣ), но подвергать человѣка за такой голый умыселъ уголовной отвѣтственности было бы въ высшей степени нераціонально: такое обнаруженіе еще не даетъ намъ увѣренности, что задуманное дѣйствительно будетъ выполнено, и свобода гражданъ подверглась бы большой опасности стѣсненій, если бы открылась возможность такого преслѣдованія.

б) Приготовленіе. Приготовленіе отличается отъ обнаруженія умысла тѣмъ, что оно выражается въ дѣйствіяхъ подготовляющихъ задуманное преступленіе. Напримѣръ, кто-нибудь, задумавъ отравленіе, приготовляетъ необходимый для отравы напитокъ, или, задумавъ застрѣлить врага, покупаетъ револьверъ. По общему правилу приготовленіе къ преступленію не облагается наказаніями по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ не считается преступленіемъ обнаруженіе умысла. Дѣйствительно, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ характеръ приготовительныхъ дѣйствій позволяетъ съ несомнѣнностью предполагать готовящееся престу-

пленіе. Поэтому уголовной репрессіи подлежатъ приготовительныя дѣйствія только къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ преступленіямъ.

в) Покушеніе. Лицо, задумавшее преступленіе, можетъ приступить къ исполненію задуманнаго и совершить такія дѣйствія, которыми, по выраженію нашего Уголовнаго Уложенія, „начинается приведеніе въ исполненіе преступнаго дѣянія“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такая дѣятельность прерывается и не доводится до желаннаго конца, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе всѣхъ задуманныхъ дѣйствій не достигаетъ цѣли, мы имѣемъ покушеніе на совершеніе преступнаго дѣянія. Такъ, А. будетъ обвиняться въ покушеніи на убійство Б., если онъ, желая лишить Б. жизни, выстрѣлилъ въ него, но промахнулся или только ранилъ. Наказанія за покушеніе мягче, чѣмъ за оконченное преступное дѣяніе. Начатое покушеніе можетъ быть добровольно оставлено самимъ покушавшимся или остановлено другими лицами. По Уголовному Уложенію только покушеніе, недовершонное „по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли виновнаго“, подлежитъ наказанію, а по Уложенію о наказаніяхъ добровольно оставленное покушеніе подлежитъ уголовной карѣ лишь въ особо указанныхъ случаяхъ.

г) Оконченное преступленіе. Вопросъ о томъ, окончено ли преступное дѣяніе, разрѣшается разсмотрѣніемъ его состава: если осуществлены всѣ законные признаки преступленія, то мы имѣемъ оконченное преступное дѣяніе. Въ нашемъ Уложеніи опредѣленіе окончанія преступленія совершенно неудовлетворительно: „*преступленіе почитается совершившимся, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало преднамѣренное виновнымъ или же иное отъ его дѣйствій зло*“ (ст. 10).

Особое мѣсто занимаетъ употребленіе средствъ, негодныхъ для совершенія преступленія. Въ Улож. о нак. имѣется особое постановленіе объ употребленіи нѣкоторыхъ негодныхъ средствъ, а именно: употребленіе „по крайнему невѣжеству или суевѣрію вполнѣ и очевидно недѣйствительныхъ средствъ“, какъ напримѣръ, нашептыванія и наговора, заклинанія и т. п., приравнивается обнаруженію умысла (по ст. 111). Уголовное Уложеніе объявляетъ ненаказуемымъ по-

кушеніе на совершеніе преступнаго дѣянія очевидно негоднымъ средствомъ, выбраннымъ по крайнему невѣжеству или суевѣрію (ст. 49). Точно такъ же не считается преступнымъ дѣяніе, „направленное на предметъ, не существующій или очевидно негодный для учиненія того рода преступнаго дѣянія (ст 47 Угол. Улож.)

О соучастіи. Преступное дѣяніе можетъ быть совершено дѣятельностью одного человѣка или при помощи другихъ. Законодательства и наука уголовнаго права уже давно обратили свое вниманіе на такую совмѣстную дѣятельность при совершеніи преступленій и не безъ основанія. Уголовная статистика показываетъ, что значительное число преступленій совершается совмѣстною дѣятельностью нѣсколькихъ лицъ.

Наше Улож. о нак. различаетъ въ 11 ст. два вида совмѣстной дѣятельности или соучастія: безъ предварительнаго соглашенія и по предварительному соглашенію. Участники безъ предварительнаго ихъ на то согласія раздѣляются Уложеніемъ на главныхъ виновниковъ и собственно участниковъ. Къ первымъ относятся распоряжавшіеся и управлявшіе дѣйствіями другихъ, а также приступившіе къ дѣйствіямъ прежде другихъ при самомъ ихъ началѣ, и непосредственно сами совершившіе преступленіе. Ко вторымъ относятся помогавшіе главнымъ виновнымъ и доставлявшіе средства для совершенія преступленія, а также старавшіеся устранить препятствія для совершенія преступленія.

Что касается участниковъ по предварительному соглашенію, то нашъ законъ различаетъ среди нихъ: зачинщиковъ, сообщниковъ, подстрекателей, пособниковъ. Въ Уложеніи мы находимъ опредѣленіе всѣхъ этихъ категорій: зачинщиками являются „тѣ, которые, умысливъ содѣянное преступленіе, согласили на то другихъ, и тѣ, которые управляли дѣствіями при совершеніи преступленія или покушеніи на оное, или же первые къ тому приступили“; сообщниками— „тѣ, которые согласились съ зачинщиками или съ другими виновными совершить, совокупными силами или дѣйствіями, предумышленное преступленіе“; подговорщиками или подстрекателями—„тѣ, которые, не участвуя сами въ совершеніи преступленія, употребляли

просьбы, убѣжденія или подкупъ и обѣщаніе выгодъ или обольщенія и обманы, или же принужденіе и угрозы, дабы склонить къ оному другихъ"; пособниками—„тѣ, которые также, хотя не принимали прямого участія въ самомъ совершеніи преступленія, но изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ помогали или обязались помогать умыслившимъ оное, совѣтами или указаніями и сообщеніемъ свѣдѣній, или же доставленіемъ другихъ какихъ-либо средствъ для совершенія преступленія, или устраненіемъ представлявшихся къ содѣянію онаго препятствій, или завѣдомо, предъ совершеніемъ преступленія, давали у себя убѣжище умыслившимъ оное, или же обѣщали способствовать сокрытію преступниковъ или преступленія послѣ содѣянія онаго".

Кромѣ соучастія, нашъ кодексъ знаетъ еще прикосновенность къ преступленію. Сюда относится попустительство, т.-е. допущеніе совершиться преступленію при возможности предупредить его (напримѣръ, А., зная, что вино отравлено, допускаетъ Б. выпить его); недонесеніе о готовящемся или уже содѣянномъ преступленіи и укрывательство преступленія или преступника. Въ понятіе укрывательства преступленія входитъ также принятіе, продажа и передача другимъ лицамъ вещей, завѣдомо добытыхъ преступленіемъ.

ГЛАВА III.

О наказаніи.

§ 116. Лѣстница наказаній.

Разсмотрѣвъ преступленіе, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію наказанія. Мы уже знаемъ, что карательныя мѣры примѣняются къ преступникамъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Онѣ являются до сихъ поръ главнѣйшими средствами борьбы съ преступностью.

Наука уголовнаго права съ первыхъ же дней своего существованія обратилась къ изслѣдованіямъ вопроса о правѣ государства на примѣненіе наказаній, и въ результатѣ

усилій многочисленныхъ криминалистовъ и философовъ явились разнообразныя теоріи, оправдывающія такую борьбу съ преступностью. Ни по одному вопросу уголовнаго права нѣтъ такого обилія теорій, какъ о правѣ наказанія. Одни видѣли это право въ велѣніяхъ божества, другіе—въ требованіяхъ справедливости, третьи—въ общественномъ договорѣ, четвертые—въ соображеніяхъ о необходимости общежитія и государственнаго порядка и т. д.

Основная ошибка всѣхъ этихъ теорій заключалась въ томъ, что ихъ авторы смѣшивали вопросы о правѣ и цѣляхъ наказанія и задавались предвзятою цѣлью оправданія этихъ крайнихъ и часто суровыхъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ. Между тѣмъ право назначенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ той или другой уголовной кары зиждется на существованіи соотвѣтствующей нормы уголовнаго закона. При изданіи этихъ законовъ государственная власть исходитъ изъ соображеній объ ихъ необходимости для достиженія цѣлей общежитія или какихъ-либо другихъ цѣлей. Такъ называемыя утилитарныя теоріи наказанія оправдываютъ его соображеніями такого практическаго характера, но до сихъ поръ очень мало сдѣлано для выясненія вопроса, насколько уголовныя кары достигаютъ своей цѣли. Уголовная статистика съ несомнѣнностью устанавливаетъ ростъ преступности почти во всѣхъ государствахъ, и нѣкоторые изъ криминалистовъ приписываютъ это увеличеніе современной постановкѣ борьбы съ преступленіемъ только однимъ способомъ—наказаніями. Такъ, Францъ Листъ высказалъ положеніе, что „каждое осужденіе и отбытіе наказанія увеличиваютъ возможность новаго совершенія преступленія“ Проф. Листъ, Фойницкій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими криминалистами, составившими такъ называемую соціологическую школу науки уголовнаго права, требуютъ новой борьбы съ преступленіемъ путемъ воздѣйствія на причины преступности. Число сторонниковъ этого направленія быстро увеличивается, но ихъ взгляды, какъ мы указали выше, еще не въ достаточной мѣрѣ проникли въ дѣйствующія законодательства.

Лѣстница наказаній. Обыкновенно всѣ наказанія въ кодексахъ разбиваются на нѣсколько группъ. Наше Уло-

женіе о наказаніяхъ различаетъ наказанія уголовныя и исправительныя. Къ первымъ относятся: смертная казнь, ссылка въ каторжныя работы и ссылка на поселеніе, а ко вторымъ— отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія, заключеніе въ тюрьмѣ, въ крѣпости, арестъ, выговоры въ присутствіи суда, замѣчанія и внушенія отъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и денежныя взысканія. Уголовныя наказанія соединяются съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія осужденнаго; присужденіе къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и къ тюрьмѣ, влечетъ за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; заключеніе въ тюрьмѣ и крѣпости можетъ быть также соединено съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

§ 117. Смертная казнь.

Первое мѣсто по тяжести въ лѣстницѣ наказаній принадлежитъ смертной казни — лишенію палачомъ жизни осужденнаго судебнымъ приговоромъ.

Смертная казнь, развившись изъ убійства по частной мести, достигла высшей степени распространенія въ тотъ періодъ уголовнаго права, который извѣстенъ подъ именемъ періода общественнаго устрашенія. Въ средніе вѣка она назначалась за многочисленныя преступленія: за политическія, религіозныя, за преступленія противъ жизни и имущества и въ томъ числѣ за такія дѣянія, какъ разставленіе силковъ для поимки голубей (ордонансъ 1368 г. въ Парижѣ), а у насъ въ Россіи, въ XVII вѣкѣ: за неосторожное причиненіе пожара, за невѣрное показаніе соли при взиманіи пошлинъ, за вторую порубку въ заповѣдномъ лѣсу, за недозволенную женитьбу безъ отпусковъ, за челобитье о разрѣшенныхъ дѣлахъ и пр. Не удивительно, что при такомъ обиліи преступныхъ дѣяній, за которыя назначалась смертная казнь, число казненныхъ достигало громадныхъ размѣровъ. Такъ, въ Англіи въ началѣ XVI столѣтія, въ правленіе Генриха VIII, было казнено до 70.000 бѣдняковъ за повторное бродяжничество. Въ Москвѣ въ одномъ 1698 году за стрѣлецкій бунтъ было казнено до двухъ тысячъ стрѣль-

цовъ По вычисленіямъ Вольтера, число сожженныхъ за колдовство превышаетъ 100.000 человѣкъ. Наступленіе XIX вѣка во Франціи сопровождалось приблизительно 19.000 казнями, совершонными въ продолженіе 4 лѣтъ и 1 мѣсяца. Въ Англіи и Уэльсѣ съ 1810 г. по 1826 г. было приговорено къ смертной казни болѣе 18.000 человѣкъ.

Смертная казнь существуетъ не во всѣхъ государствахъ: нѣкоторыя ее уже отмѣнили (Румынія съ 1864 г., Португалія съ 1867 г., Голландія съ 1870 г, Италія съ 1890 г., Норвегія, нѣкоторые кантоны Швейцаріи). Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ она удержана, она назначается лишь за нѣкоторыя важнѣйшія преступленія. Такъ, въ Германіи она допускается за убійство и покушеніе на убійство германскаго императора и государя того государства, гражданиномъ котораго состоитъ преступникъ, и правителя союзнаго государства, въ которомъ онъ имѣетъ пребываніе; за предумышленное убійство, за организацію и предводительство въ разбойничьемъ набѣгѣ съ цѣлью похищенія рабовъ, если послѣдовала смерть кого-либо изъ подвергшихся нападенію, и по закону 9 іюня 1884 г. объ анархистахъ. Въ случаѣ объявленія какой-либо мѣстности Германской имперіи на военномъ положеніи, смертная казнь можетъ быть назначена не только за четыре указанныя выше преступленія, но и еще за десять другихъ. Во Франціи смертная казнь въ концѣ XVIII в. назначалась въ 115 случаяхъ, а теперь въ 22-хъ.

У насъ, въ Россіи, смертная казнь была отмѣнена императрицею Елизаветою. Но, несмотря на эту отмѣну, смертная казнь продолжала свое существованіе. Къ смерти приводили приговоры къ „нещадному“ и „жестокому“ наказанію кнутомъ, розгами, палками и шпицрутенами, когда наказываемые умирали во время исполненія надъ ними этого наказанія или вскорѣ послѣ него. Что касается государственныхъ преступниковъ, то примѣненіе казни къ нимъ совершалось и послѣ указа императрицы Елизаветы. По дѣйствующему въ Россіи законодательству смертная казнь можетъ быть назначена: 1) за посягательство на жизнь, здоровье, свободу и вообще неприкосновенность царствующаго Императора, Императрицы и Наслѣдника (99 ст. Уг. Ул.); 2) за посягательство на низверженіе государя съ престола или на ли-

шеніе его верховной власти или ея ограниченіе (посягательствомъ признается въ обоихъ этихъ случаяхъ (пп. 1 и 2) совершеніе, покушеніе и приготовленіе къ совершенію этого преступленія (101 ст. Уг. Ул.); 3) за посягательство на жизнь члена Императорскаго Дома (105 ст. Уг. Ул.); 4) за насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленныхъ законами основными образа правленія или порядка наслѣдія престола или на отторженіе отъ Россіи какой-нибудь ея части (къ совершенію приравнивается покушеніе 100 ст); 5) за нѣкоторые виды государственной измѣны (напримѣръ: шпіонство, истребленіе складовъ средствъ нападенія или защиты, преданіе непріятелю и покушеніе на преданіе ему арміи, флота, отряда войска и пр.); 6) смертная казнь назначается также за рядъ карантинныхъ преступленій (напримѣръ, за кражу во время чумы изъ оцѣпленныхъ домовъ, выпускъ скота изъ оцѣпленнаго мѣста и мн. др.), 7) за многія преступленія на основаніи 18 ст. Полож. о мѣрахъ къ охранѣ госуд. порядка. [1]).

Борьба противъ смертной казни началась давно Уже въ XVI в. Томасъ Моръ, авторъ извѣстнаго романа „Утопія“, выставилъ доводы противъ ея назначенія за нѣкоторыя преступленія. Но наибольшей силы эта борьба достигла въ XVIII и началѣ XIX в., когда Беккарія, Бентамъ и др. гуманисты потребовали ея отмѣны во имя человѣчности и доказывали ея полную неосновательность, какъ наказанія. Съ тѣхъ поръ число противниковъ смертной казни быстро растетъ, и въ настоящее время у насъ, въ Россіи, нѣтъ ни одного криминалиста-теоретика, который защищалъ бы это наказаніе.

Доводы противъ смертной казни сводятся къ слѣдующимъ. Лишеніе жизни не возстановимо. Судебная практика доказала возможность нерѣдкихъ случаевъ осужденія невинныхъ. Можно отчасти исправить эту ошибку при осужденіи

[1]) За вооруженное сопротивленіе властямъ и нападеніе на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей слу́жбы или вслѣдствіе исполненія этихъ служебныхъ обязанностей, какъ скоро эти преступленія сопровождались убійствомъ, покушеніемъ на него, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ.

ко всѣмъ наказаніямъ, кромѣ смертной казни, такъ какъ можно вернуть свободу, права состоянія, но нельзя вернуть къ жизни казненнаго. Смертная казнь, по указаніямъ опыта, не достигаетъ цѣли и какъ средство устрашенія; ея отмѣна не приводитъ къ увеличенію преступности. Въ исторіи ея отмѣны также постоянно указывалось на противорѣчіе ея требованіямъ этическаго характера.

§ 118. Тѣлесныя наказанія.

На ряду со смертною казнью тѣлесныя наказанія самыя старыя средства въ борьбѣ съ преступностью. Исторія этого наказанія состоитъ въ постепенномъ его вымираніи. Въ настоящее время оно не можетъ быть назначаемо въ Россіи по суду, но сохранилось какъ дисциплинарное наказаніе для приговоренныхъ къ тягчайшимъ видамъ лишенія свободы.

Тѣлесныя наказанія раздѣляются на увѣчащія и болевыя. Первыя состоятъ въ лишеніи человѣка какого-либо органа его тѣла, а вторыя въ причиненіи физическаго страданія безъ увѣчья.

Увѣчащія наказанія вымерли ранѣе болевыхъ тѣлесныхъ наказаній. У насъ, въ Россіи, они были особенно распространены въ XVII вѣкѣ; они состояли въ отрѣзываніи языка, носа, ушей, рукъ, ногъ и пр. Въ настоящее время они вездѣ отмѣнены.

Орудіями болевыхъ наказаній въ Россіи были кнутъ, батоги, плети, шпицрутены, кошки, розги и пр. Число ударовъ, къ которымъ приговаривали осужденныхъ, исчислялось иногда тысячами и приводило къ смерти. Прежде всего тѣлесныя наказанія были отмѣнены по отношенію къ привилегированнымъ сословіямъ. Постепенно кругъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, расширялся. Важнѣйшими узаконеніями послѣдняго времени въ этой области являются законъ 12 іюня 1900 г., отмѣнившій розги для бродягъ, 2 іюня 1903 г. объ отмѣнѣ плетей для ссыльныхъ и 11 августа 1904 г. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ и по приговорамъ волостныхъ судовъ.

Сохранившееся до сихъ поръ тѣлесное наказаніе (для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ по Уставу о

ссыльныхъ и для заключенныхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по Уст. о содерж. подъ стражей) состоитъ въ сѣченіи розгами въ количествѣ до 50 и до ста ударовъ, въ зависимости отъ рода наказанія лишеніемъ свободы, къ которому присужденъ виновный. Наука уголовнаго права, ведшая упорную борьбу со всѣми видами тѣлесныхъ наказаній, относится въ высшей степени отрицательно къ примѣненію розги, видя въ ней полное противорѣчіе принципамъ правильной уголовной политики.

§ 119. Ссылка.

Лѣстница наказаній по русскому уголовному кодексу различаетъ ссылку на каторжныя работы и на поселеніе. Кромѣ двухъ этихъ видовъ ссылки, наше Уложеніе о наказаніяхъ знаетъ еще высылку изъ предѣловъ Россіи.

Первыя постановленія о ссылкѣ на работы и на поселеніе встрѣчаются въ указѣ 1582 г. и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Назначавшаяся въ первое время сравнительно за немногія преступленія, она становится вскорѣ однимъ изъ самыхъ употребительныхъ наказаній. Правительство преслѣдовало ссылкой колонизаціонныя цѣли и, нуждаясь въ служилыхъ людяхъ и рабочихъ рукахъ, открывало ссыльнымъ полную возможность поступленія на службу и работы, а позднѣе организовало принудительный трудъ съ тяжкими, „каторжными“ работами. Такія работы берутъ свое начало въ царствованіе Петра I, который ссылалъ арестантовъ на гребныя суда и въ разные города Россіи для постройки крѣпостей и для другихъ работъ. Ссылкѣ очень часто предшествовали наказанія кнутомъ или даже увѣчащія наказанія, и мѣста ссылки постепенно заполнялись клейменными, увѣчными и людьми, стоявшими очень невысоко въ нравственномъ отношеніи. Такой составъ ссыльнаго населенія не могъ не привести къ полной неудачѣ колонизаціонныхъ цѣлей. Но къ этимъ причинамъ присоединились еще многія другія. Лица, которымъ было поручено завѣдываніе ссыльными и управленіе мѣстами ссылки, не только не обладали никакими свѣдѣніями, необходимыми въ этомъ важномъ дѣлѣ, но, кромѣ того, были

часто жестокими притѣснителями ссыльнаго населенія и, какъ не разъ показывали ревизіи, безчестными расхитителями казенныхъ доходовъ и имущества. Присужденіе къ каторгѣ становилось равносильнымъ присужденію къ медленной и мучительной смерти Для поселенія выбирались такія неудобныя мѣста, что поселенцы принуждены были разбѣгаться и сгановились грозой свободнаго населенія. Такъ, полнѣйшею неудачею окончились попытки заселенія Охотска, Забайкалья и многихъ другихъ мѣстъ. Число бѣглыхъ превышало иногда 50/$_0$ ссыльнаго населенія. Жестокія тѣлесныя наказанія нисколько не уменьшали этихъ побѣговъ. Между тѣмъ пересылка и содержаніе ссыльныхъ обходились чрезвычайно дорого (одна пересылка въ Сибирь обходилась до 800 р. на арестанта). Съ 1869 г. была организована отправка каторжанъ на о Сахалинъ. Организаторы ссылки сюда возлагали на нее большія надежды: думали заселить островъ, сократить расходы и остановить побѣги. Но ни одна изъ этихъ надеждъ не оправдалась.

Въ земледѣльческомъ отношеніи островъ не представляетъ достаточнаго количества удобной земли, и почти всѣ его земледѣльцы всегда жаловались на постоянные неурожаи. Что касается богатства нѣдръ Сахалина и обилія рыбъ у его береговъ, то администрація не смогла должнымъ образомъ организовать эти отрасли труда. Такимъ образомъ ссылка на Сахалинъ также не удалась, какъ и въ Сибирь. Къ этому выводу пришло и само правительство, отмѣнившее практиковавшуюся до 1900 г. ссылку на житье и ограничившее ссылку на поселеніе закономъ 1900 г.

Мѣстомъ сохранившейся ссылки въ каторжныя работы является Сибирь. Каторжныя работы организованы здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ: въ Тобольскѣ, въ Александровской тюрьмѣ близъ Иркутска, въ Перчинскихъ рудникахъ. Съ отмѣной въ 1906 г. ссылки на о. Сахалинъ число мѣстъ для ссыльно каторжныхъ уменьшилось между тѣмъ, какъ число приговариваемыхъ къ этому наказанію возросло. Вслѣдствіе этого было рѣшено организовать отбытіе каторжныхъ работъ въ предѣлахъ Европейской Россіи. Для этихъ цѣлей были устроены тюрьмы въ различныхъ городахъ. Кромѣ того, губернаторамъ предоставлено право назначать въ нѣ-

которыхъ случаяхъ арестантамъ отбытіе каторжныхъ работъ и въ другихъ тюрьмахъ. Въ Европейской Россіи каторжный трудъ почти не организованъ, а въ Сибири онъ состоитъ въ работахъ въ рудникахъ, въ шитьѣ одежды и обуви, въ работахъ по тюремному хозяйству и пр.

Далеко не всѣ иностранныя государства имѣютъ наказаніе ссылкою въ ихъ карательныхъ системахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ отказались отъ него послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ опытовъ, при которыхъ погибло множество человѣческихъ жизней и были безполезно затрачены большія денежныя средства. Такъ, англійское правительство въ 1776 г. было принуждено отказаться отъ ссылки въ Америку, въ 1840 г. прекратило ссылку въ Новый Южный Уэльсъ, а въ 1868 г. отмѣнило ссылку въ Западную Австралію. Въ Германіи ссылки не существуетъ, а во Франціи ведется упорная борьба за ея отмѣну.

Что касается упомянутаго выше изгнанія изъ предѣловъ Россіи, то оно примѣняется: 1) къ иностранцамъ, отбывшимъ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и 2) къ русскимъ за принятіе подданства иностранной державы, за вступленіе въ иностранную службу и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

§ 120. Разные виды заключенія.

Самое употребительное наказаніе во всѣхъ государствахъ въ настоящее время есть заключеніе, т.-е. лишеніе осужденнаго свободы посредствомъ заточенія его въ спеціально для этого назначенныя мѣста и съ подчиненіемъ его особому режиму. Различіе въ режимѣ служитъ основаніемъ для раздѣленія заключенія на нѣсколько видовъ. Нашъ кодексъ различаетъ слѣдующіе виды этого наказанія: отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія, заключеніе въ тюрьму, въ крѣпость и арестъ. Насколько часто примѣняется тюремное заключеніе можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: въ Россіи въ 1910 г. прошло черезъ тюрьмы 859.462 человѣка. Ими было проведено въ заключеніи въ указанномъ году свыше 30.000.000 сутокъ.

При своемъ появленіи заключеніе не преслѣдовало цѣ-

лей наказанія, но было мѣрой воспрепятствованія обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда. Но очень скоро оно становится и карательной мѣрой. Въ періодъ господства жестокихъ наказаній оно замѣняло въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертную казнь, и поэтому, согласно со взглядами того времени, должно было носить суровый характеръ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о средневѣковой тюрьмѣ и тюрьмѣ до начала XIX в. рисуютъ чрезвычайно мрачную картину. Въ домахъ заключенія содержались обвиняемые вмѣстѣ съ осужденными, женщины вмѣстѣ съ мужчинами, разбойники вмѣстѣ съ несостоятельными должниками. Нерѣдко сюда же помѣщали сумасшедшихъ. Во многихъ тюрьмахъ не было ни свѣта, ни отопленія. Заключенные питались милостынею, для собиранія которой ихъ скованныхъ водили по улицамъ или выставляли на цѣпи у воротъ тюрьмы. Совмѣстное пребываніе такихъ различныхъ элементовъ населенія тюрьмы, какъ несостоятельные должники и жестокіе преступники, должно было дѣйствовать самымъ пагубнымъ образомъ на нравственность еще неиспорченныхъ арестантовъ. Къ тому же смотрители тюремъ старались извлечь изъ нихъ какъ можно больше дохода и нерѣдко превращали мѣста заключенія въ кабаки съ азартными играми, куда шли искать развлеченія свободные люди. Таково было состояніе тюремъ до начала XIX вѣка, когда, подъ вліяніемъ распространившихся идей гуманности, было обращено серьезное вниманіе на это наказаніе. Тюремные реформаторы рѣшили сдѣлать изъ тюрьмы мѣсто перевоспитанія арестантовъ. Были выработаны различныя системы заключенія и организованы обученіе и разнообразныя работы для заключенныхъ.

Въ Россіи впервые вниманіе на болѣе правильную организацію тюремъ обратила императрица Екатерина II. Подъ вліяніемъ идей Беккаріи она составила проектъ закона о тюрьмахъ, но не ввела его въ дѣйствіе. Въ 1775 г. она учредила смирительные дома, куда заключали не только по приговорамъ судовъ, но и по желанію родителей и помѣщиковъ и по распоряженіямъ намѣстника. Въ 1783 г. были устроены рабочіе дома для преступниковъ противъ собственности. Оба эти закона (1775 и 1783 г.) были мало осуществлены на

практикѣ, и сохранившееся описаніе русскихъ тюремъ въ первой четверти XIX вѣка показываетъ, что ихъ состояніе было самое печальное. Организовавшееся въ 1819 г. „Попечительное о тюрьмахъ общество“ внесло нѣкоторыя улучшенія въ тюремное дѣло, но лишь въ столицахъ, въ провинціи же оно во многихъ городахъ находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи.

Въ настоящее время имѣется три типа тюремъ: общія, одиночныя и смѣшанныя. Въ общихъ тюрьмахъ обыкновенно содержатся приговоренные на продолжительные сроки, въ одиночныхъ—на менѣе продолжительные. Въ нѣкоторыхъ общихъ тюрьмахъ арестанты, хотя и находятся днемъ и ночью вмѣстѣ, но не имѣютъ права разговаривать (въ Италіи, Франціи, Швейцаріи и др. государствахъ). Одиночное заключеніе не вездѣ одинаково организовано: въ однихъ случаяхъ допускается совмѣстная работа арестантовъ, въ другихъ—осужденный работаетъ у себя въ камерѣ, гуляетъ въ одиночномъ дворикѣ, учится и молится въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ онъ видитъ лишь учителя и священника Смѣшанная система заключенія состоитъ изъ соединенія общаго и одиночнаго заключенія.

Наблюденія, однако, показываютъ, что современная тюрьма во всѣхъ ея видахъ не достигаетъ цѣлей успѣшной борьбы съ преступленіемъ и нерѣдко сама является факторомъ преступности. Чтобы парализовать вредное вліяніе тюрьмы, нѣкоторыя законодательства нашли возможнымъ ввести институты условнаго освобожденія и условнаго осужденія. Первый институтъ состоитъ въ томъ, что заключенный освобождается ранѣе истеченія назначеннаго судомъ срока, но онъ подлежитъ снова возвращенію въ тюрьму при несоблюденіи имъ постановленныхъ ему условій поведенія. Что касается условнаго осужденія, то оно состоитъ въ отсрочкѣ на нѣкоторое время приведенія приговора суда въ исполненіе; если осужденный не нарушитъ требуемыхъ отъ него въ данномъ случаѣ правилъ поведенія, то наказаніе не примѣняется вовсе. Условное осужденіе неизвѣстно русскому праву, но проектъ закона о досрочномъ освобожденіи принятъ Государственною Думою и Государственнымъ Совѣтомъ и сталъ закономъ.

Согласно первой статьѣ этого закона 1909 г., досрочное освобожденіе можетъ быть примѣнено къ приговореннымъ къ заключенію въ тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ исправительномъ домѣ по отбытіи ими не менѣе трехъ четвертей срока наказанія, при условіи, если они пробыли въ мѣстѣ наказанія не менѣе шести мѣсяцевъ. Условное освобожденіе не примѣняется къ осужденнымъ за конокрадство и къ тѣмъ, которые послѣ отбытія наказанія подлежатъ ссылкѣ на поселеніе или водвореніе. Вопросъ объ условномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ лицами прокурорскаго надзора, начальникомъ мѣста заключенія, членами мѣстныхъ обществъ патроната, тюремнымъ врачомъ и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицомъ. Поднятый вопросъ обсуждается въ особомъ совѣщаніи. Постановленія совѣщанія мотивируются. Если особое совѣщаніе рѣшило удовлетворить ходатайство объ условномъ освобожденіи, такое постановленіе нуждается въ утвержденіи окружнаго суда, послѣ чего немедленно приводится въ исполненіе. Досрочно освобожденный передается на весь неотбытый срокъ подъ наблюденіе общества патроната, или мѣстнаго судьи или земскаго начальника. Освобожденный стѣсненъ въ свободѣ передвиженія. Условное освобожденіе прерывается, если обвиняемый приговоренъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ къ наказанію выше ареста, но оно можетъ быть отмѣнено и въ другихъ случаяхъ неисполненія освобожденнымъ принятыхъ на себя условій поведенія. Обратное возвращеніе зависитъ отъ окружнаго суда.

У насъ, въ Россіи, наиболѣе тяжкимъ послѣ каторжныхъ работъ наказаніемъ служатъ арестантскія отдѣленія, которыя могутъ быть назначены (по 31—31[1] ст. Ул. о н.) на срокъ отъ 1 года до 6 лѣтъ. Затѣмъ идетъ тюрьма (общее число тюремъ около 650) и крѣпость; послѣдняя назначается преимущественно за преступленія, которыя, по господствующимъ воззрѣніямъ, не считаются безчестными, позорящими. Заключеніе въ тюрьмѣ можетъ быть назначено на срокъ до 2 лѣтъ[1]), а въ крѣпости отъ 4 недѣль до 2 лѣтъ

[1]) Тюрьмы носятъ у насъ названія: 1) губернскихъ, 2) областныхъ, 3) уѣздныхъ, 4) состоящихъ въ градоначальствахъ, 5) слѣдственныхъ,

по Улож. о нак и отъ 2 недѣль до 4 лѣтъ по Угол. Улож. Наиболѣе легкой формой наказанія лишеніемъ свободы является арестъ.

Для юныхъ преступниковъ во всѣхъ государствахъ существуютъ особыя мѣста заключенія, которыя ставятъ своею задачею перевоспитаніе преступной молодежи, и потому являются исправительно-воспитательными учрежденіями.

Исправительныхъ заведеній для юныхъ преступниковъ, у насъ до сихъ поръ очень мало. Старѣйшее такое учрежденіе — московскій городской Рукавишниковскій пріютъ — существуетъ съ 1864 г. Приговаривая юнаго преступника къ отдачѣ въ исправительное заведеніе, судъ не опредѣляетъ срока его задержанія, а отсылаетъ его туда до исправленія, но не долѣе достиженія 18-лѣтняго возраста или 21 года

§ 121. Наказаніе лишеніемъ чести. Выговоръ.

Въ прежнее время лишеніе правъ практиковалось въ значительныхъ размѣрахъ и выражалось даже въ полномъ безправіи осужденнаго, въ отказѣ ему защиты не только его имущественныхъ благъ, но и жизни. Теперь противъ лишенія правъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ и особенно противъ пожизненности такого лишенія существуетъ рѣзко выраженное отрицательное отношеніе криминалистовъ-теоретиковъ.

Въ русской жизни, на смѣну вымершему древнему „потоку и разграбленію“, какъ полному безправію осужденнаго (мнѣнія спеціалистовъ здѣсь, впрочемъ, расходятся), не было выработано института лишенія правъ. Такой институтъ не отвѣчалъ потребностямъ времени, когда русское правительство XVI—XVII вѣковъ постоянно нуждалось въ служилыхъ людяхъ, и сама служба разсматривалась, какъ обязанность. Въ небольшихъ размѣрахъ практика XVII вѣка знала увольненіе отъ должности и запрещеніе занимать ее вновь, лишеніе права иска на судѣ. Петръ I ввелъ т. н.

---

6) срочныхъ, 7) губернскихъ и уѣздныхъ тюремныхъ замковъ, 8) дома предварительнаго заключенія въ Петроградѣ, 9) исправительной тюрьмы въ Москвѣ, 10) пересыльныхъ.

„шельмованіе“, т-е. институтъ правопораженія личности, сопровождавшагося унизительными обрядами и состоявшаго въ запрещеніи принимать ошельмованнаго на службу, въ свидѣтели, „въ общество добрыхъ и честныхъ людей“ и въ лишеніи его покровительства закона: его можно было безнаказанно оскорблять, бить и даже ранить и только убійство его влекло за собою наказаніе.

Уложеніе о нак. издан. 1845 г. и послѣдующія его изданія знаютъ три вида лишенія правъ. 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія; 2) лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ; 3) лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Лишеніе правъ является обязательнымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ наказаній и не можетъ быть назначено самостоятельно безъ этихъ карательныхъ мѣръ. Такъ, первый видъ лишенія наступаетъ при осужденіи къ смерти, въ каторжныя работы и на поселеніе. Остальные два вида лишенія правъ соединяются съ исправительными наказаніями, но не ниже, чѣмъ съ тюрьмою.

Лишеніе всѣхъ правъ состоянія влечетъ за собою потерю сословныхъ правъ, титуловъ, чиновъ и знаковъ отличія (ст. ст. 22 и 23 Улож. о нак.) и право поступать на службу государственную или общественную. Дѣти, зачатыя до вступленія приговора въ силу, сохраняютъ прежнія права родителя Вмѣстѣ съ тѣмъ, лишенный правъ состоянія не можетъ быть опекуномъ, попечителемъ, повѣреннымъ, третейскимъ судьею и даже свидѣтелемъ при гражданскихъ сдѣлкахъ и актахъ. Въ области семейственныхъ правъ также происходитъ измѣненіе: супружескія права и права родительской власти утрачиваются, если супругъ осужденной или жена приговореннаго не послѣдовали добровольно въ мѣсто ссылки осужденнаго. Лишеніе правъ состоянія служитъ основаніемъ для просьбы о расторженіи брака Наконецъ, наступаетъ пораженіе имущественныхъ правъ; ст. 28 Улож. о нак. предписываетъ переходъ имущества осужденнаго въ каторжныя работы и ссылку на поселеніе къ его законнымъ наслѣдникамъ, самъ онъ лишается права наслѣдованія. Впрочемъ, пріобрѣтеніе имущества поселенцами допускается закономъ, но пріобрѣтеніе и владѣніе

недвижимымъ имѣніемъ запрещается ссыльно-каторжанамъ, пока они не перешли въ разрядъ поселенцевъ.

Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію обвиняемаго ему присвоенныхъ состоитъ (см ст. 43 Улож. о нак.) въ запрещеніи: 1) вступать въ государственную или общественную службу, 2) записываться въ гильдіи или получать какого-либо рода свидѣтельства на торговлю; 3) быть свидѣтелемъ при какихъ-либо договорахъ и другихъ актахъ и давать по дѣламъ гражданскимъ свидѣтельскія показанія, подъ присягою или безъ присяги, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ судомъ будетъ признано необходимымъ потребовать его показанія; 4) быть избираемымъ въ третейскіе судьи; 5) быть опекуномъ или попечителемъ; 6) быть повѣреннымъ по чьимъ-либо дѣламъ.

Лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ состоитъ (ст. 50 Улож. о нак.) для дворянъ въ запрещеніи вступать на государственную и общественную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемыми на какія-либо должности въ томъ числѣ и въ опекуны по назначенію дворянской опеки, для священно-служителей въ потерѣ духовнаго званія навсегда; для церковно-причетниковъ въ исключеніи изъ духовнаго званія; для почетныхъ гражданъ и купцовъ въ запрещеніи участвовать въ городскихъ выборахъ и быть избираемыми на почетныя должности, а также на соединенныя съ властью; для лицъ остальныхъ званій—въ лишеніи права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми на почетныя или соединенныя съ властью должности.

Наше законодательство знаетъ также много случаевъ лишенія осужденнаго какого-нибудь опредѣленнаго права. Таковы, напримѣръ, лишеніе права добывать изъ земли драгоцѣнные металлы, продавать съѣстные припасы и напитки, продавать и имѣть на складѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, заниматься въ теченіе пяти лѣтъ лѣсною промышленностью и пр. Система лишенія правъ, принятая въ Угол. Улож., близко подходитъ къ принятой въ Улож. о нак.

Улож. о нак., допуская, какъ наказанія, выговоры, раздѣляетъ ихъ на болѣе или менѣе строгіе и строжайшіе, но это наказаніе встрѣчается у насъ очень рѣдко.

§ 122. Имущественныя наказанія.

Къ числу имущественныхъ наказаній относятся денежныя взысканія и конфискація. Имущественныя наказанія въ прежнее время играли очень большую роль и служили однимъ изъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Особенно была распространена такъ называемая общая конфискація, то-есть отобраніе въ казну всего имущества осужденнаго Это наказаніе поражало не только самого осужденнаго, но, главнымъ образомъ, его семью и потому вышло изъ употребленія и незнакомо современнымъ кодексамъ. Кромѣ общей конфискаціи, имѣется такъ-называемая спеціальная конфискація. Мы находимъ ее во всѣхъ современныхъ законодательствахъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ. Она состоитъ въ отобраніи у преступника орудій преступленія и вещей, добытыхъ преступленіемъ.

Денежныя взысканія назначаются преимущественно за преступленія противъ доходовъ казны, но также и за нѣкоторыя другія. Многіе теоретики справедливо указываютъ на недостатки этого наказанія, совершенно нечувствительнаго для состоятельныхъ и очень тяжкаго для неимущихъ, которые, при невозможности уплатить штрафъ, подлежатъ лишенію свободы. Размѣръ штрафа опредѣляется или въ соотвѣтствіи съ причиненнымъ или предполагаемымъ убыткомъ, понесеннымъ отъ преступленія потерпѣвшимъ лицомъ, или по продолжительности нарушенія, или точно указывается закономъ. Въ послѣднемъ случаѣ законъ обыкновенно указываетъ лишь высшій размѣръ денежнаго взысканія, который можетъ быть примѣненъ за совершеніе преступнаго дѣянія, предоставляя суду право назначать штрафъ и въ меньшихъ размѣрахъ.

§ 123. Обстоятельства, увеличивающія, уменьшающія и устраняющія наказаніе.

Уголовный законъ, относя извѣстныя дѣянія къ числу преступленій, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ судъ можетъ назначить преступникамъ наказаніе. Такъ, напримѣръ, за врачеваніе лицами,

не имѣвшими на то права и употребившими при лѣченіи ядовитыя или сильнодѣйствующія вещества, если произойдетъ вредъ для здоровья, виновные подлежатъ: заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ или аресту отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше 300 руб. (ст. 871[1] Ул. о нак.). Отъ усмотрѣнія суда зависитъ назначить за это преступленіе одну изъ трехъ уголовныхъ каръ (тюрьму, арестъ или денежное взысканіе) и отъ него же зависитъ опредѣленіе въ указанныхъ этою статьею предѣлахъ срока лишенія свободы или размѣра денежнаго взысканія. Но усмотрѣніе суда не можетъ быть произвольнымъ. Законъ указываетъ тѣ обстоятельства, которыя увеличиваютъ и уменьшаютъ наказанія. Первыя перечислены въ ст. 129 Ул. о нак., которая говоритъ: „Вина учинившаго какое-либо преступленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣра слѣдующаго за сіе наказанія увеличиваются по мѣрѣ того. 1) чѣмъ болѣе было умысла и обдуманности въ дѣйствіяхъ преступника; 2) чѣмъ выше были его состояніе, званіе и степень образованности; 3) чѣмъ болѣе противозаконны и безнравственны были побужденія къ сему преступленію; 4) чѣмъ болѣе лицъ онъ привлекъ къ участію въ семъ преступленіи“. Законъ перечисляетъ также многія другія обстоятельства, увеличивающія наказаніе, напримѣръ, жестокость и безнравственность преступленія, запирательство виновнаго, повтореніе преступленія и пр. Къ числу обстоятельствъ, уменьшающихъ наказаніе, относятся: раскаяніе преступника, его глупость, крайнее невѣжество, неимѣніе никакихъ средствъ къ пропитанію и пр. Признаніе судомъ наличности обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, даетъ ему право назначить виновному даже болѣе строгое или болѣе мягкое наказаніе, чѣмъ опредѣлено закономъ за совершенное преступленіе, но при этомъ должны быть соблюдены извѣстныя правила, такъ какъ повышеніе и пониженіе наказанія не могутъ быть безпредѣльными.

Изъ обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе, на практикѣ большое значеніе имѣетъ повтореніе преступленій или рецидивъ. Такъ называется новое совершеніе преступленія лицомъ, уже понесшимъ наказаніе за

тождественное или однородное преступленіе Въ законѣ устанавливается тотъ срокъ, истеченіе котораго послѣ наказанія преступника и до новаго совершенія того же самаго или однороднаго преступленія исключаетъ наличность рецидива. Увеличеніе наказанія за рецидивъ обосновываютъ соображеніями, что первое наказаніе оказалось для осужденнаго недѣйствительнымъ, недостигшимъ цѣли. Нѣкоторые криминалисты высказываются противъ такого увеличенія наказанія и утверждаютъ, что повтореніе преступленія доказываетъ лишь непригодность карательной системы, какъ средства борьбы съ преступностью. Дѣйствительно, уголовная статистика показываетъ, что число рецидивистовъ сильно увеличивается, и въ арміи преступниковъ находятся ветераны, понесшіе болѣе шестидесяти наказаній.

По 131 ст. Улож. о нак. повтореніемъ называется „*совершеніе того же или однороднаго преступнаго дѣянія по отбытіи наказанія за предшествующее преступное дѣяніе или послѣ освобожденія отъ наказанія за общимъ милостивымъ манифестомъ или въ силу особаго Монаршаго снисхожденія*“. Согласно ст. 132 Ул. о нак. повтореніе преступнаго дѣянія влечетъ за собою увеличеніе наказанія лишь въ случаѣ, если со времени отбытія наказанія или послѣ помилованія не протекли различные указанные въ законѣ сроки. Продолжительность сроковъ зависитъ отъ тяжести первоначальныхъ наказаній: для приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ и поселенію десять лѣтъ, исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ—восемь лѣтъ, къ крѣпости—пять лѣтъ, къ тюрьмѣ—пять лѣтъ, три, два и одинъ годъ. По Уставу о нак., нал. мир. судьями, эти сроки 1—3 г.

Къ числу обстоятельствъ, устраняющихъ наказанія, относятся: смерть преступника, помилованіе, примиреніе съ потерпѣвшимъ и давность.

Всякое наказаніе лично, т.-е. оно примѣняется лишь къ осужденному, и понятно, что с м е р т ь преступника останавливаетъ приведеніе въ исполненіе всякаго наказанія, не исключая денежныхъ взысканій.

Наказаніе можетъ быть прекращено или отмѣнено въ силу принадлежащаго государю п р а в а п о м и л о в а н і я.

Оно по нѣкоторымъ преступленіямъ можетъ быть не

примѣнено въ случаѣ примиренія преступника съ потерпѣвшимъ.

Наконецъ наказаніе не примѣняется за давностью. Подъ давностью разумѣется истеченіе извѣстнаго промежутка времени, устраняющее: 1) возбужденіе уголовнаго преслѣдованія преступника (давность обвиненія) или 2) примѣненіе къ нему назначеннаго судомъ наказанія (давность наказанія). Такимъ образомъ не будетъ подлежать суду преступникъ, обнаруженный по истеченіи, напримѣръ, 8 лѣтъ со дня совершенія преступленія, погашеннаго давностью. Точно такъ же не будетъ подлежать наказанію тотъ, кто скрылся послѣ приговора суда и былъ задержанъ лишь по истеченіи времени, указаннаго закономъ о давности. Наше Уложеніе о нак. знаетъ давность только обвиненія. Основанія института давности лежатъ въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя несетъ съ собою время: сглаживается впечатлѣніе, произведенное преступленіемъ, забываются обстоятельства, при которыхъ оно было совершено, исчезаютъ слѣды его и улики, умираютъ свидѣтели.

ГЛАВА IV.

О нѣкоторыхъ преступленіяхъ въ особенности.

§ 124. Особенная часть русскаго уголовнаго права.

Въ предшествующихъ главахъ нами изложены основныя начала общей части русскаго уголовнаго права, т.-е. такія положенія, которыя относятся ко всѣмъ преступленіямъ и къ борьбѣ съ ними посредствомъ наказанія. Этимъ общимъ положеніямъ наши уголовные кодексы отводятъ свои первые раздѣлы, а въ остальныхъ разсматриваютъ различныя преступленія—религіозныя, государственныя, противъ доходовъ казны, противъ общественнаго благоустройства, противъ жизни, здоровья, свободы, чести и имущества частныхъ лицъ и пр. Мы разсмотримъ лишь важнѣйшія изъ этихъ преступленій.

§ 125. Религіозныя преступленія.

Къ числу преступленій общественныхъ наше старое и новое Уложенія относятъ религіозныя преступленія. Въ отличіе отъ иностранныхъ кодексовъ наше старое и новое законодательство отличаются обиліемъ статей этого отдѣла. Такъ, въ германскомъ уложеніи въ отдѣлѣ „о проступкахъ противъ религіи“ всего три статьи (166—168), въ итальянскомъ уложеніи во главѣ „проступки противъ свободы вѣроисповѣданія“ пять статей (140—144), у насъ же въ Уложеніи о наказ. было 65 статей, а въ новомъ Уголовн. Уложеніи во второй главѣ „о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій“ 25 статей (73—98). Вопросъ объ объемѣ и характерѣ статей уголовнаго кодекса относительно религіозныхъ преступленій стоитъ въ прямой связи съ началами вѣротерпимости, проведенной въ тѣхъ или другихъ границахъ въ государствѣ. Обилію статей въ Россіи о религіозныхъ преступленіяхъ соотвѣтствуетъ и большое количество преступниковъ противъ вѣры. Такъ, во Франціи въ 1903 г. было всего 30 обвиняемыхъ въ религіозныхъ проступкахъ или двое обвиняемыхъ на двадцать тысячъ обвиняемыхъ въ проступкахъ, а въ Россіи въ 1884—1896 г. приходилось двое осужденныхъ на сто осужденныхъ общими судами (въ 1904 г. было 315 осужденныхъ или 0,4%).

Сравненіе въ интересующемъ насъ отношеніи стараго и новаго Уложеній приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что взглядъ нашего законодателя на характеръ религіозной преступности измѣнился въ сторону смягченія отвѣтственности и нѣкотораго съуженія области этихъ правонарушеній, особенно послѣ изданія указа 17 апр. 1905 г. „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“. Таковъ же ходъ историческаго развитія былъ и въ другихъ государствахъ: процессъ уравненія всѣхъ религій передъ лицомъ уголовнаго законодательства вездѣ совершался медленно и не закончился въ наши дни.

У насъ, какъ и на Западѣ, первой наиболѣе распространенной формой религіозной преступности было колдовство, уступившее затѣмъ свое мѣсто ереси и сектантству. Вѣра въ колдовство была общераспространенною въ Россіи и дер-

жалась до конца XVIII вѣка (древнѣйшія историческія указанія о преступленіи колдовства относятся къ началу XIII вѣка). Мѣсто постепенно исчезавшаго колдовства занимала ересь, особенно увеличившаяся со времени исправленія Никономъ церковныхъ книгъ и во время реформаторской дѣятельности Петра I.

Статистическія данныя относительно обвиняемыхъ въ религіозныхъ преступленіяхъ въ Россіи показываютъ, что религіозный преступникъ является въ настоящее время до нѣкоторой степени противоположеніемъ политическому преступнику. Такъ, въ то время, какъ государственныя преступленія совершаются по преимуществу въ столицахъ и большихъ культурныхъ центрахъ, религіозныя, наоборотъ, въ деревняхъ. Въ то время, какъ возрастъ политическаго преступника молодой, возрастъ религіознаго, наоборотъ,— зрѣлый и даже старческій. Очевидно, приближеніе смерти заставляетъ человѣка чаще обращаться къ религіознымъ вопросамъ и, при свободномъ толкованіи евангелія, чаще выходить за предѣлы, дозволенные уголовнымъ закономъ. Въ то время, какъ обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ отличаются высокимъ образовательнымъ уровнемъ (среди нихъ значителенъ процентъ съ высшимъ образованіемъ), среди религіозныхъ преступниковъ мы почти не встрѣчаемъ людей не только съ высшимъ, но и даже и со среднимъ образованіемъ. Все это приводитъ насъ къ выводу, что уровень культурнаго развитія страны имѣетъ не малое значеніе въ развитіи религіозной преступности.

Важнѣйшимъ преступленіемъ разсматриваемой нами группы является богохуленіе, т.-е. *„возложеніе хулы на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога, Богородицу, безплотныя небесныя силы и святыхъ угодниковъ“*. Эта статья имѣетъ въ виду христіанскаго Бога и христіанскихъ угодниковъ. Она же запрещаетъ подъ страхомъ наказанія поношеніе или поруганіе дѣйствіемъ св. таинствъ, креста, мощей, иконъ или другихъ предметовъ, почитаемыхъ православною или иною христіанскою церковью священными, а также поношеніе св. писанія, церкви православной и ея догматовъ или вообще вѣры христіанской (ст. 73).

Наказаніе за богохуленіе колеблется между арестомъ и

каторжными работами на срокъ до 15 лѣтъ. Уменьшающимъ вину обстоятельствомъ является неразуміе, невѣжество и состояніе опьяненія виновнаго.

Менѣе наказуемымъ преступленіемъ является кощунство, куда входятъ·

1) поношеніе установленій или обрядовъ церкви православной или вообще христіанства;

2) поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе предметовъ, употребляемыхъ при православномъ или иномъ христіанскомъ богослуженіи освященныхъ;

3) непристойная насмѣшка надъ священными предметами или предметами вѣрованій, поименованными въ 73 ст. Что касается преступленій противъ вѣры нехристіанской, то Угол. Ул. не знаетъ тягчайшаго преступленія указаннаго выше— богохуленія по отношенію къ нехристіанскому вѣроисповѣданія и караетъ арестомъ поношеніе нехристіанскаго вѣроисповѣданія, поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе предмета религіознаго чествованія лишь въ томъ случаѣ, если: 1) это нехристіанское вѣроисповѣданіе признано въ Россіи, и если 2) эти дѣйствія учинены въ молитвенномъ домѣ нехристіанскаго вѣроисповѣданія или при публичномъ совершеніи религіознаго служенія.

Къ числу религіозныхъ преступленій отнесена принадлежность къ такъ называемымъ изувѣрнымъ сектамъ. Сюда относится скопчество и вообще такія секты, которыя проповѣдываютъ изувѣрное посягательство на жизнь свою или другихъ или явно безнравственныя дѣйствія (ст. 96).

§ 126. Государственныя преступленія.

Въ отношеніи государственныхъ преступленій введены въ дѣйствіе соотвѣтствующія главы Уголов. Улож. 1903 г.

Важнѣйшимъ Государственнымъ преступленіемъ является *„посягательство на жизнь, здоровье, свободу и вообще на неприкосновенность священной особы царствующаго Императора, Императрицы и Наслѣдника престола“*, а также на низверженіе царствующаго Императора съ престола или на лишеніе его верховной власти, или на ея ограниченіе. За это преступленіе и за приготовленіе къ нему полагается смертная

казнь. Такимъ же наказаніемъ угрожаетъ законъ и за посягательство на жизнь членовъ Императорскаго Дома, каковое преступленіе отнесено нашимъ кодексомъ также къ числу государственныхъ.

Къ числу важнѣйшихъ государственныхъ преступленій относится государственная измѣна. Подъ нею разумѣется,по опредѣленію закона (108), *„способствованіе или благопріятствованіе непріятелю въ его военныхъ или иныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи“*. Нѣкоторые виды такой измѣны признаются Уголовнымъ Уложеніемъ особенно тяжкими и наказаніемъ за нихъ назначается смертная казнь (напримѣръ, покушеніе на преданіе или преданіе непріятелю порта, военнаго судна, отряда войска и пр., убійство нѣкоторыхъ изъ военныхъ начальствующихъ, порча телеграфа, шпіонство и пр.).

Наиболѣе часто совершаются тѣ преступныя дѣянія, которыя объединены нашимъ кодексомъ подъ именемъ смуты. Сюда относятся: участіе въ „публичныхъ скопищахъ“, въ преступныхъ сообществахъ и политическая пропаганда. Участіе въ скопищахъ и сообществахъ наказывается тѣмъ строже, чѣмъ серьезнѣе и опаснѣе была дѣятельность скопища или сообщества. Въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ полагается срочная каторга (напримѣръ, за участіе въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя), если такое сообщество завѣдомо имѣло въ своемъ распоряженіи складъ оружія (ст. 126 Уг. Ул.)

Пропаганда есть возбужденіе къ учиненію измѣны, къ ниспроверженію общественнаго строя, къ неповиновенію закону или законному распоряженію власти и вообще къ совершенію тяжкихъ преступленій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ за такую пропаганду можетъ быть назначена каторга на срокъ до 8 лѣтъ.

§ 127. Преступленія противъ жизни, противъ здоровья и чести.

Преступленіемъ противъ жизни является убійство, т.-е. недозволенное закономъ лишеніе человѣка жизни.

Всѣ уголовные кодексы охраняютъ человѣческую жизнь отъ этого тяжкаго преступленія самыми суровыми наказаніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже смертною казнью. Но наблюденія показываютъ, что суровыя мѣры уголовной репрессіи часто оказываются совершенно безсильными удержать руку убійцы Ранѣе весьма многочисленныя преступленія противъ жизни теперь почти повсемѣстно уменьшаются и въ томъ числѣ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ послѣдовало смягченіе наказаній за убійство (напримѣръ, въ Италіи послѣ отмѣны смертной казни). Несомнѣнно, что развитіе культуры является самымъ могущественнымъ средствомъ борьбы противъ лишенія человѣкомъ жизни другого человѣка.

Улож. о нак. различаетъ три вида убійства: простое, квалифицированное и привилегированное.

Квалифицированными называются тѣ виды лишенія жизни, которые законъ считаетъ особенно серьезными, и потому назначаетъ за нихъ повышенныя наказанія. Сюда относятся, напримѣръ, умышленное убійство родителей, мужа, жены, родственниковъ въ прямой линіи, а въ боковой: брата, сестры, дяди и тетки. Вмѣсто обычнаго наказанія—каторги до 20 лѣтъ—за квалифицированныя убійства можетъ быть назначена безсрочная каторга. Такимъ же наказаніемъ грозитъ законъ по статьѣ, оставшейся въ силѣ со временъ крѣпостного права, за убійство нѣкоторыхъ другихъ лицъ, напримѣръ, хозяина или мастера рабочимъ или ученикомъ; но, наоборотъ, жизнь ученика и рабочаго отъ покушеній на нее хозяина охраняется обычнымъ наказаніемъ.

Улож. о нак. при квалификаціи преступленій убійства принимаетъ во вниманіе также жестокость способовъ лишенія жизни, коварство или опасность для жизни многихъ, напримѣръ, убійство посредствомъ взрыва или поджога, или когда жертва подвергалась истязаніямъ, или убита изъ засады. Къ числу такихъ квалифицированныхъ убійствъ Улож. о нак. относитъ также отравленіе.

Привилегированными видами убійства считаются, тѣ которые влекутъ за собою наказанія менѣе суровыя, чѣмъ обыкновенное убійство. Улож. о нак. относитъ сюда убійство матерью при самомъ рожденіи внѣбрачнаго ребенка, убій-

ство новорожденнаго урода и убійство на дуэли. Убійство внѣбрачнаго ребенка считается въ настоящее время привилегированнымъ преступленіемъ въ силу, главнымъ образомъ, тѣхъ душевныхъ волненій, которыя обыкновенно испытываетъ мать такого ребенка, совершающая свое преступленіе чаще всего подъ вліяніемъ стыда и страха.

Лишеніе жизни новорожденнаго урода въ старыхъ законодательствахъ не считалось преступленіемъ, такъ какъ въ уродахъ видѣли порожденіе нечистой силы. Въ настоящее время большинство законодательствъ не относитъ убійство урода къ числу привилегированныхъ преступленій. Болѣе мягкія наказанія за убійство на дуэли объясняются еще не вымершими, къ сожалѣнію, взлядами въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, что нанесенное оскорбленіе можетъ быть смыто лишь кровью.

Преступленія противъ здоровья составляютъ среди преступленій противъ личности группу болѣе многочисленную, чѣмъ убійство. Сюда относятся причиненіе мученій, увѣчья и ранъ, нанесеніе побоевъ и пр.

Могущественнымъ факторомъ этихъ преступленій является алкоголизмъ.

Наше Улож. дѣлитъ увѣчья, раны и побои по ихъ тяжести на различныя группы и, въ зависимости отъ этого дѣленія, можетъ быть назначено наказаніемъ какъ кратковременное заключеніе въ тюрьму, такъ и продолжительная ссылка въ каторжныя работы.

Увѣчьемъ называется лишеніе человѣка какого-нибудь органа его тѣла или приведеніе его въ состояніе, въ которомъ онъ не можетъ исполнять свое назначеніе. Улож. о нак. различаетъ тяжкія увѣчья и менѣе тяжкія. Къ первымъ относится преступное лишеніе съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ зрѣнія, языка, слуха, руки, ноги, дѣторолныхъ частей и неизгладимое на лицѣ обезображеніе (1478 ст). Лишеніе съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ другихъ органовъ составляетъ менѣе тяжкое увѣчье (1477 ст.). Законъ увеличиваетъ наказаніе, если причиненіе увѣчья сопровождалось истязаніями и мученіями. Что касается причиненія увѣчья безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, то законъ не дѣлаетъ здѣсь различія между болѣе тяжкими и

менѣе тяжкими видами этого преступленія, обнимая всѣ эти дѣянія въ одной статьѣ, хотя и предписываетъ суду обращать вниманіе на важность нанесеннаго увѣчья.

Раною называется нарушеніе наружныхъ покрововъ тѣла съ проникновеніемъ подъ толщу кожи. Раны дѣлятся на тяжкія и легкія. Законъ не даетъ ихъ опредѣленія, предоставляя самому суду рѣшеніе вопроса о свойствахъ пораненія.

Побои дѣлятся на 1) тяжкіе, подвергающіе жизнь опасности, 2) тяжкіе, не подвергающіе жизнь опасности и 3) легкіе. Наказаніе за первый видъ побоевъ опредѣляется въ зависимости отъ проявленной въ преступленіи жестокости и степени причиненнаго вреда и т. п. Побои второго и третьяго вида относятся къ группѣ оскорбленій дѣйствіемъ и насилій надъ личностью.

Къ менѣе тяжкимъ преступленіямъ противъ личности относятся тѣ дѣянія, которыя посягаютъ на честь человѣка, т.-е. на его достоинство и доброе имя. Извѣстно, что долгое время право на охрану чести признавалось далеко не за всѣми; это ставилось въ полную зависимость отъ принадлежности человѣка къ тому или другому общественному классу. Но теперь кодексы всѣхъ культурныхъ государствъ охраняютъ честь каждаго человѣка, какъ бы низко онъ ни стоялъ на общественной лѣстницѣ: преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, имѣетъ право охранять свою честь также, какъ и всякій другой.

Честь человѣка можетъ быть оскорблена умышленно-унизительнымъ съ нимъ обращеніемъ и распространеніемъ о немъ завѣдомо-ложныхъ позорящихъ его слуховъ. Отсюда два преступленія—обида и клевета. Оскорбленіе можетъ быть нанесено различными способами: устно, на письмѣ въ печати, дѣйствіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ увеличиваетъ наказанія за оскорбленія и такимъ образомъ создается понятіе квалифицированной обиды (напр., обида въ публичномъ мѣстѣ, женщинѣ, родственнику въ восходящей линіи, начальнику и пр.). Клевета можетъ быть совершена устно, на письмѣ и въ печати. Существеннымъ ея признакомъ является завѣдомая ложность распространяемыхъ позорящихъ слуховъ или обвиненія въ какомъ-либо позорномъ дѣяніи Въ нѣкоторыхъ случаяхъ клевета, какъ

и обида, считается квалифицированной (напримѣръ, клевета о женщинѣ или о родственникахъ по восходящей линіи, клевета въ печати и пр.).

§ 128. Имущественныя преступленія.

Имущественныя преступленія, т.-е. нарушенія права собственности, составляютъ самую многочисленную группу изъ всѣхъ преступленій во всѣхъ государствахъ съ самымъ различнымъ политическимъ строемъ, и всѣ кодексы удѣляютъ имъ наибольшую часть своихъ статей.

Такъ, въ Германіи число имущественныхъ преступленій въ 1900 году достигло 201.184 Во Франціи имущественные проступки составляютъ треть общаго числа всѣхъ проступковъ. Въ Швейцаріи на сто тысячъ жителей приходится почти столько же осужденныхъ за имущественныя преступленія, сколько за всѣ остальныя вмѣстѣ. Въ Россіи въ 1904 г. 33% осужденныхъ общими судами были приговорены за кражу, т.-е. лишь за одинъ видъ имущественныхъ преступленій. У судебныхъ слѣдователей возникло въ теченіе одного года (1903) свыше 78.000 дѣлъ по обвиненію въ кражахъ, а мировыми судьями, городскими и земскими начальниками было осуждено свыше 52.000 человѣкъ за это же преступленіе.

Уголовная статистика замѣтила, что число имущественныхъ преступленій стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ экономическими факторами, съ благосостояніемъ народа, съ цѣнами на необходимые жизненные продукты: чѣмъ дороже цѣна хлѣба, тѣмъ чаще нарушается право собственности и, наоборотъ, уменьшеніе стоимости хлѣба ведетъ къ ослабленію имущественныхъ преступленій. Несмотря на эти факты, доказанные наблюденіями, не оставляющими мѣста никакому сомнѣнію, борьба съ имущественными преступленіями ведется преимущественно посредствомъ наказаній.

Наказаніе за имущественныя преступленія состоитъ почти ислючительно въ лишеніи свободы, а за кражу не можетъ быть ниже заключенія въ тюрьмѣ. Въ среднемъ срокъ заключенія ниже 6 мѣсяцевъ. Стоитъ ли говорить, что не только современная дурно поставленная тюрьма, но и иде-

ально устроенная тюрьма не можетъ исправить арестанта въ такой короткій срокъ, если бы онъ даже всегда и нуждался въ исправленіи Уголовная статистика и ростъ рецидива имущественныхъ преступленій показываютъ, что тюрьма окончательно деклассируетъ осужденныхъ, обезчещивая ихъ въ глазахъ общества. Именно къ этимъ тысячамъ краткосрочныхъ приговоровъ относится замѣчаніе извѣстнаго бельгійскаго профессора Принса, сравнивающаго современную борьбу съ преступленіемъ съ дурнымъ краномъ, изъ котораго сочится вода и безслѣдно пропадаетъ въ землѣ.

Наше Уложеніе о наказ. различаетъ нѣсколько видовъ имущественныхъ преступленій: разбой, грабежъ, кража, мошенничество, истребленіе или поврежденіе чужого имущества и др. Замѣчено, что въ имущественной преступности происходитъ во всѣхъ государствахъ одинаковая эволюція: уменьшаются такіе виды имущественныхъ преступленій, какъ разбой и грабежъ, и, наоборотъ, увеличиваются тайныя похищенія—(кража также и мошенничество), банкротство.

Разбоемъ называется похищеніе съ насиліемъ, явно опаснымъ для жизни, здоровья или свободы подвергшагося нападенію или же открытое нападеніе съ оружіемъ. Въ старое время разбой на Руси былъ очень распространенъ, какъ по рѣкамъ, такъ и на сушѣ. Правительство принимало строгія мѣры (такъ, пускало по рѣкамъ висѣлицы съ повѣшенными разбойниками), но онѣ оказывались мало дѣйствительными. Разбойничество на водѣ (пиратство) было побѣждено примѣненіемъ пара къ движенію кораблей и другихъ судовъ. Точно также разбойничество на сушѣ было побѣждено безкровными мѣрами соціальнаго порядка: устройствомъ хорошихъ путей сообщенія, развитіемъ культуры. Въ настоящее время разбойничество встрѣчается чаще въ малокультурныхъ странахъ, гористыхъ мѣстностяхъ Корсики, Сициліи, Турціи, Испаніи и на Кавказѣ.

Наше Улож. о наказ. знаетъ *грабежъ* съ насиліемъ, т.-е. открытое похищеніе чужого имущества съ примѣненіемъ силы или съ угрозами безъ опасности для жизни, свободы и здоровья лица, подвергшагося нападенію. Такимъ образомъ различіе между грабежомъ съ насиліемъ и разбоемъ лежитъ въ свойствахъ насилія и угрозъ.

Если похищеніе совершается открыто, но преступникъ не употребляетъ насилія, то онъ совершаетъ т. н. грабежъ безъ насилія. Виновниками въ разбоѣ и грабежахъ оказываются почти исключительно мужчины. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1889—1893 гг., среди почти 7.500 осужденныхъ за разбои и грабежи не было ни одного съ высшимъ образованіемъ и всего семь со среднимъ образованіемъ и свыше 5.000 человѣкъ оказались совсѣмъ неграмотными.

Изъ числа имущественныхъ преступленій наиболѣе часто совершается *кража*, т.-е. тайное похищеніе чужой движимой вещи. Отличіе кражи отъ грабежа лежитъ, такимъ образомъ, въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она совершается. Понятіе „тайное похищеніе“ охватываетъ какъ убѣжденіе самого вора, что никто не видитъ его преступленія, такъ и убѣжденіе присутствующихъ при похищеніи, что здѣсь не совершается преступленія. Если близорукій воръ крадется къ оставленной вещи, не замѣчая присутствующаго недалеко ея собственника, то онъ совершаетъ кражу. Если преступникъ входитъ въ вагонъ и уноситъ чужія вещи, оставляя пассажировъ въ убѣжденіи, что это имущество принадлежитъ ему, то онъ совершаетъ кражу. Нашъ кодексъ считаетъ кражу менѣе опаснымъ преступленіемъ, чѣмъ открытое похищеніе, и назначаетъ за нее менѣе суровыя наказанія. Но нѣкоторые виды тайнаго похищенія приближаются или даже приравниваются къ грабежу; напримѣръ, вооруженная кража, т.-е. тѣ случаи, когда преступникъ имѣетъ при себѣ во время похищенія какое-нибудь оружіе или орудіе, которое представляетъ опасность для жизни и и здоровья и которымъ онъ могъ воспользоваться для этихъ цѣлей.

Если преступникъ для противозаконнаго пріобрѣтенія чужого имущества прибѣгаетъ къ обману, то мы имѣемъ преступленіе—*мошенничество*.

Кража и мошенничество и нѣкоторыя другія имущественныя преступленія влекутъ за собою различныя наказанія въ зависимости отъ цѣны объекта преступленія. Законъ различаетъ кражу и мошенничество на сумму ниже 50 коп., до 300 руб. и выше 300 руб. Установленіе такого различія по стоимости объекта преступленія не можетъ быть признано

правильнымъ. Съ одной стороны, преступникъ, отправляющійся на кражу, обыкновенно не знаетъ, сколько удастся ему похитить. Съ другой стороны, для бѣднаго человѣка кража у него трехъ рублей имѣетъ болѣе тяжкія послѣдствія, чѣмъ кража 400 рублей у богатаго для послѣдняго.

Улож. о нак. выдѣляетъ нѣкоторые виды кражи вслѣдствіе того, что придаетъ особое значеніе или объектамъ похищенія или способамъ, времени и мѣсту совершенія кражи. Такъ строже, чѣмъ обыкновенная кража, наказываются: кража, совершонная ночью, или со взломомъ, кража лошади или продуктовъ, необходимыхъ для пропитанія потерпѣвшаго, кража во время пожара или въ церкви и др.

Составители Уголовнаго Уложенія предполагали не считать взломъ непремѣннымъ условіемъ усиленія каказанія зла кражу. Въ самомъ дѣлѣ разрушеніе хранилища или преградъ въ хранилищѣ не всегда обнаруживаетъ особую опасность преступника или преступленія. Многіе криминалисты энергично высказываются противъ системы, принятой нашимъ Уложеніемъ. Уложеніе различаетъ два вида взлома. Взломъ наказывается болѣе строго, если совершонъ для устраненія преградъ или запоровъ въ обитаемомъ строеніи или во дворѣ такого строенія. Менѣе строго наказывается такой взломъ, если строеніе необитаемо, а также, когда кража совершена изъ запертыхъ хранилищъ движимаго имущества посредствомъ разрушенія или поврежденія на мѣстѣ преступленія этихъ хранилищъ, или же препятствующихъ доступу въ нихъ запоровъ, и когда учинившій кражу въ обитаемомъ или необитаемомъ строеніи, чтобы проникнуть туда, отомкнулъ замки отмычками, подобранными ключами и т. п., или отперъ такимъ же образомъ на мѣстѣ преступленія запертыя хранилища движимаго имущества (ст. 1659[1]).

Къ числу квалифицированныхъ кражъ относится такъ называемая домашняя кража, т.-е. тайное похищеніе чужого движимаго имущества, совершонное слугами, работниками, подмастерьями или вообще подчиненными людьми у господина, хозяина, если эти воры проживали у того, чье имущество украдено (1649). Наоборотъ, кража господиномъ, хозяиномъ и пр. у слуги, подмастерья и пр., проживавшихъ у него, не считается квалифицированною.

Нашъ законъ знаетъ также случаи привилегированной кражи, когда наказаніе назначается въ меньшемъ размѣрѣ, нежели за обыкновенную кражу. Сюда относится тайное похищеніе на сумму ниже 50 коп., добровольное возвращеніе украденнаго и совершеніе преступленія по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ (ст. Улож. 1663 и 171 Уст. о наказ.). Такъ называемая семейная кража, т.-е. кража дѣтьми у родителей и родителями у дѣтей и кража между супругами (примѣч. къ 1664 ст. Ул. о нак.) влечетъ судебное преслѣдованіе лишь по жалобѣ потерпѣвшаго и дѣло можетъ окончиться примиреніемъ, между тѣмъкакъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣла о кражѣ начинаются и наказаніе примѣняется внѣ всякаго желанія потерпѣвшаго.

Не слѣдуетъ смѣшивать съ кражею *присвоенія*. Этимъ именемъ называется умышленное и противозаконное удержаніе чужой движимости съ цѣлью обращенія ее въ свою собственность. При кражѣ преступникъ также обращаетъ чужую вещь въ собственность, но совершеніе этого преступленія возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь находится во владѣніи другого лица Наоборотъ, присвоеніе мыслимо лишь при условіи ненахожденія вещи во владѣніи потерпѣвшаго лица: напримѣръ, А находитъ вещь, потерянную Б и, зная кому она принадлежитъ, тѣмъ не менѣе, не отдаетъ ее хозяину, такъ какъ рѣшаетъ обратить ее въ свою собственность противъ воли Б. Здѣсь А совершаетъ присвоеніе. Кромѣ присвоенія находки, возможно присвоеніе преступникомъ ввѣреннаго ему имущества.

Къ числу преступленій противъ собственности частныхъ лицъ относятся также повреждение и истребление чужого имущества. Наше Улож. о нак. предусматриваетъ наиболѣе тяжкіе случаи этихъ преступленій: зажигательство и истребленіе чужого имущества посредствомъ взрыва, потопленія или другими опасными способами. Что касается другихъ способовъ поврежденія и истребленія чужого имущества, то о нихъ говоритъ Уст. о нак. (ст. 152), который назначаетъ за нихъ, какъ высшее наказаніе, денежное взысканіе не свыше 25 руб. Но Улож. о нак. за нѣкоторые наиболѣе тяжкіе случаи истребленія и поврежденія назначаетъ ка-

торжныя работы на продолжительные сроки и безъ срока.

Нѣкоторые поджоги считаются особенно важными вслѣдствіе того значенія, которое придается объекту.

1) Говоря о поджогѣ церкви, нашъ законъ имѣетъ въ виду лишь христіанскіе храмы, т.-е. мѣста для общественныхъ молитвенныхъ собраній съ алтаремъ и престоломъ, гдѣ священникъ можетъ совершать всѣ таинства. Поджогъ часовенъ и неосвященныхъ христіанскихъ храмовъ сюда не подходитъ.

2) Говоря о поджогѣ дворцовъ, наше Уложеніе имѣетъ въ виду дома, принадлежащіе императорской фамиліи, независимо отъ того, были ли въ нихъ люди или нѣтъ. Но дворецъ, подаренный, уступленный, проданный частнымъ лицамъ или учрежденіямъ, теряетъ свое значеніе, и поджогъ его не есть поджогъ дворца согласно точнаго и яснаго смысла статьи закона.

3) Поджогъ хранилища пороха; подъ хранилищемъ надо понимать погреба и склады и магазины, но не ящики и бочки съ порохомъ. Къ пороху должны быть приравнены другія взрывчатыя вещества, какъ динамитъ, нитроглицеринъ и пр.

4) Поджогъ магазиновъ жизненныхъ припасовъ или же военныхъ и морскихъ снарядовъ. По толкованію Сената здѣсь имѣются въ виду не частные склады жизненныхъ припасовъ, а общественные и казенные. Военными и морскими снарядами считаются не только снаряды для стрѣльбы, но и всѣ предметы воинскаго и морского снаряженія, т.-е. склады какъ оружія и снарядовъ, такъ и одежды, перевозочныхъ средствъ и пр.

5) Поджогъ присутственныхъ мѣстъ и архивовъ (1607). Основаніемъ квалификаціи присутственныхъ мѣстъ служитъ назначеніе этихъ мѣстъ, и не имѣетъ значенія, присутствовалъ ли кто-нибудь тамъ въ моментъ поджога.

6) Поджогъ больницы является также однимъ изъ наиболѣе сурово наказуемыхъ видовъ поджога. Подъ больницею надо понимать учрежденіе или зданіе, приспособленное для содержанія и лѣченія больныхъ. Основаніе квалификаціи—нахожденіе больныхъ, которымъ трудно спастись. Поэтому поджогъ больницы съ приходящими больными не подходитъ подъ дѣйствіе I ч., 1607 ст. Ул. о нак.

ГЛАВА V.

Основныя начала русскаго уголовнаго процесса.

§ 129 Понятіе и исторія уголовнаго процесса.

Мы уже видѣли, что къ области уголовнаго производства относятся нормы, устанавливающія различныя формы органовъ судебной власти и порядокъ отвѣтственности передъ уголовнымъ судомъ (§ 107 „Понятіе объ уголовномъ правѣ"). Тѣ изъ нормъ, которыя опредѣляютъ различныя формы органовъ судебной власти, относятся къ области *судоустройства*, а остальныя, устанавливающія порядокъ отвѣтственности передъ уголовнымъ судомъ, входятъ въ содержаніе уголовнаго *судопроизводства*.

Въ историческомъ развитіи уголовнаго процесса могутъ быть различаемы три его основные типа. При господствѣ мести, когда семья и родъ принимали на себя обязанности мстителей, уже наблюдается выработка опредѣленной внѣшней формы преслѣдованія обидчика. Новѣйшія изслѣдованія Балдуиномъ и Спенсеромъ быта современныхъ австралійскихъ дикарей показываютъ, напримѣръ, что дикарь-мститель надѣваетъ особые башмаки, сплетенные изъ волосъ; отправляющійся для мести „отрядъ мстителей" исполняетъ особые обряды; каждый изъ членовъ этого отряда вплетаетъ себѣ въ волосы деревянныя палочки и, наконецъ, самое убійство изъ мести также обставлено спеціальными обрядами (бросаніе въ трупъ деревянныхъ палочекъ, пляска вокругъ убитаго и пр.). Какъ не было въ первое время различія между гражданскою и уголовною неправдою, также не было различія и въ порядкѣ производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Это послѣднее различіе появляется даже позднѣе различія между гражданскою и уголовною

неправдою. Потерпѣвшіе и ихъ родственники были сами судьями и исполнителями своихъ рѣшеній, такъ какъ на первыхъ ступеняхъ культуры не было лицъ, которые отправляли бы спеціально судебныя должности. Такъ, у славянъ VI—IX вѣковъ судьею былъ самъ народъ—въ лицѣ вѣча. При развивавшейся государственности эти судебныя функціи постепенно сосредоточивались въ рукахъ старѣйшинъ, жрецовъ и другихъ лицъ. Первоначальное участіе самой государственной власти въ отправленіи правосудія обыкновенно выражалось въ формѣ непосредственнаго суда князя или короля, а позднѣе посланныхъ ими лицъ. Судъ сталъ источникомъ дохода князя и близкихъ ему лицъ. Въ этомъ періодѣ уголовный процессъ носитъ обвинительный типъ. Сами судьи смотрѣли на свою профессію, какъ на источникъ доходовъ себѣ и королевской казнѣ. Они оказывались такимъ образомъ матеріально заинтересованною стороною. Это должно было чрезвычайно пагубно отражаться на самой справедливости рѣшеній и приводить къ взяточничеству и продажности судей. При обвинительномъ типѣ процесса было необходимо присутствіе обвинителя въ лицѣ потерпѣвшаго. Стороны представляли свои доказательства, значеніе которыхъ было заранѣе предустановлено, т.-е. точно было установлено, какую доказательную силу имѣетъ присяга судящихся, показаніе одного свидѣтеля и большаго ихъ количества, свидѣтельство знатнаго и раба, мужчины и женщины и т. п. Такая система доказательствъ носитъ названіе *формальной*. То или другое разрѣшеніе дѣла исключало возможность его пересмотра. Среди отдѣльныхъ доказательствъ присяга получала наибольшее значеніе. Ее принимали и сами тяжущіеся и ихъ свидѣтели. Обвиняемый могъ принять такъ наз. „очистительную присягу“ въ подтвержденіе своей невиновности. Судебная присяга несомнѣнно развилась изъ судебнаго поединка, когда спорившіе рѣшали свою тяжбу силою оружія. Справедливость этого подтверждается тѣмъ фактомъ, что присяга давалась первоначально на оружіи или съ оружіемъ въ рукахъ. Но и поединокъ тяжущихся сохраняется, какъ доказательство, въ судебномъ процессѣ долгое время. Въ русскомъ правѣ онъ носилъ названіе „поля“. Существовали спеціальныя пра-

вила такой судебной дуэли. На „поле“ являлись родичи тяжущихся съ оружіемъ, хотя имъ и запрещалось вмѣшиваться въ поединокъ. Предполагалось, что побѣдителемъ долженъ выйти непремѣнно только правый: Божество не допуститъ другого исхода. Позднѣе на полѣ вмѣсто нѣкоторыхъ тяжущихся могли выступать другія лица. Такъ, женщина въ спорѣ съ мужчиною могла выставить вмѣсто себя „наймита“, т.-е. нанятаго ею бойца. Вмѣсто первоначальнаго условія биться „до смерти“ позднѣе, при постепенномъ вымираніи „поля“, допускается возможность биться и не до смерти. На ряду съ поединкомъ такое же значеніе въ процессѣ имѣли т. н. ордаліи, т.-е. испытаніе огнемъ и водою, т.-е. божественными стихіями. Тяжущійся долженъ былъ или пройти по раскаленному желѣзу, или продержать его въ рукѣ, или его бросали связаннаго въ воду. Если слѣды ожога проходили черезъ опредѣленное время, испытанный огнемъ считался правымъ. Если онъ, брошенный въ воду, не тонулъ, то считался виноватымъ: священная стихія не хотѣла принимать его, очевидно, потому, что онъ былъ нечистый, виновный.

Второй типъ процесса носитъ названіе слѣдственнаго. Здѣсь не требуется непремѣнно наличности обвинителя. Судебная власть приступала къ слѣдствію и безъ жалобы потерпѣвшаго. Такъ, напримѣръ, на Западѣ епископъ призывалъ на свой судъ лицъ, которыя подъ присягою должны были показать, не было ли въ предѣлахъ епархіи совершено к.-н. преступленія противъ интересовъ церкви. Позднѣе, въ самомъ началѣ XIII вѣка, церковные суды обязывались начинать слѣдствіе, если народная молва говорила о какомъ-либо преступленіи. Доносчикъ освобождался церковнымъ судомъ отъ обязанности выступать обвинителемъ и отвѣчать за неосновательный доносъ. Сходное явленіе происходитъ и въ свѣтскихъ судахъ. Такимъ образомъ допускается наличность преступныхъ дѣяній, не затрагивавшихъ непосредственно чьихъ-либо частныхъ интересовъ, или затрагивавшихъ одновременно частные интересы отдѣльнаго лица и церкви или государства. Въ условіяхъ начатія и дальнѣйшаго движенія такихъ дѣлъ воля частнаго лица постепенно ограничивается. Судьѣ указываются условія, достаточныя для

возбужденія дѣла. Вмѣсто удовлетворенія потерпѣвшаго цѣлью процесса становится отысканіе матеріальной истины. Такъ какъ формальная теорія доказательствъ сохраняется въ силѣ и признаніе остается по его важности для выясненія матеріальной истины на первомъ мѣстѣ, то для его полученія всѣ средства объявляются дозволенными. Отсутствіе обвинителя привело къ развитію въ процессѣ вмѣсто устности его письменности, канцелярской тайны. Участіе самаго народа въ отправленіи правосудія подверглось значительному ограниченію Такъ, слѣдственный или иначе инквизиціонный процессъ въ стремленіи провести публичное начало забываетъ интересы личности, допуская противъ обвиняемаго грубое насиліе Вмѣсто первоначальной гласности судебнаго процесса, когда дѣло разбиралось публично на площади, теперь установилась непубличность разбирательства и судъ совершался въ помѣщеніяхъ, куда посторонніе не имѣли доступа, и даже присутствіе обвиняемаго допускалось лишь въ опредѣленные моменты суда. Въ Россіи слѣдственный процессъ просуществовалъ до 20 ноября 1864 г. Онъ характеризовался тѣми же чертами, какъ и въ другихъ государствахъ. Производство слѣдствій находилось въ рукахъ полиціи, необладавшей для несенія этихъ обязанностей соотвѣтственными знаніями и не проявлявшей необходимаго безпристрастія Между судебною и административною властями не было проведено раздѣленія и, напримѣръ, приговоры уголовныхъ палатъ поступали на утвержденіе губернаторовъ. Производство дѣлъ тянулось долгіе годы. Обвиненія могли оканчиваться не только признаніемъ обвиняемаго виновнымъ или невиновнымъ, но также неизвѣстною современному суду формою приговора: „оставленіемъ въ подозрѣніи“. Подчиненное положеніе лицъ, причастныхъ къ отправленію правосудія, ничтожные размѣры ихъ жалованія, спускавшагося даже до пяти копеекъ въ мѣсяцъ, приводили къ чрезвычайному распространенію взяточничества. При формальной системѣ доказательствъ примѣнялась для полученія признанія также и пытка, законъ объ отмѣнѣ которой былъ изданъ импер. Александромъ I.

Отмѣченныя нами особенности инквизиціоннаго процесса приводили повсемѣстно къ потерѣ вѣры въ дѣло правосу-

дія, порождали глубокое и общее недовольство. Гумманисты—философы XVIII вѣка—обратили свое вниманіе на дѣло суда и выясняли необходимость реформы, указывая тотъ путь, по которому должно было пойти преобразованіе. Это преобразованіе и совершается въ различныхъ государствахъ съ конца XVIII вѣка. Въ Россіи оно послѣдовало по закону 20 ноября 1864 г, когда у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, былъ введенъ третій типъ процесса *слѣдственно-обвинительный*. Здѣсь по общему правилу возбужденіе судебнаго преслѣдованія не требуетъ непремѣннымъ условіемъ жалобы потерпѣвшаго. Только по нѣкоторымъ преступленіямъ, такъ называемымъ уголовно-частнымъ, требуется жалоба потерпѣвшаго, который имѣетъ право прекратить дѣло. Основными началами современнаго судебнаго процесса, въ томъ числѣ и русскаго, являются состязательность, устность, гласность, оцѣнка судьями доказательствъ по внутреннему ихъ убѣжденію.

§130. Основныя начала современнаго процесса.

А. *Состязательность*. Подъ состязательностью въ процессѣ понимается споръ по вопросамъ обвиненія органовъ обвиненія и защиты. Состязательность требуетъ наличности обвинителя и обвиняемаго, называемыхъ *сторонами*. Необходимымъ условіемъ правильной постановки состязательности является равноправіе сторонъ, т.-е. ни одна изъ нихъ не должна пользоваться какими-либо преимуществами передъ другою. Такое уравненіе правъ обвиненія и защиты, проведенное у насъ судебными уставами 20 нояб. 1864 г, совершилось путемъ признанія необходимымъ предоставить обвиняемому всѣ средства защиты при предположеніи, что онъ не виновенъ, пока не доказано противное. Въ настоящее время состязательное начало, прочно укрѣпившееся при *судебномъ* разбирательствѣ дѣла, постепенно проникаетъ во все предшествующее суду производство дѣла.

Б. *Устность*. Подъ устностью процесса понимается производство состязанія сторонъ и представленіе доказательствъ въ *устной* формѣ. Замѣна письменности въ процессѣ устностью имѣла очень большое значеніе. Она

дала суду возможность получать непосредственное впечатлѣніе отъ личнаго общенія съ обвиняемымъ, свидѣтелями Она же привела къ ускоренію процесса: обмѣнъ сторонъ ихъ возраженіями слѣдовалъ тутъ же, во время разбора дѣла. Конечно, письменность не могла быть исключена вполнѣ. Она продолжаетъ играть большую роль въ той стадіи процесса, которая предшествуетъ судебному разсмотрѣнію дѣла, напримѣръ, въ производствѣ судебнаго слѣдователя. Ведутся также записи въ протоколы судебныхъ засѣданій, записываются приговоры суда и пр.

В. Гласность. Подъ гласностью процесса понимается производство разсмотрѣнія дѣла въ присутствіи сторонъ (т. н. гласность передъ сторонами) и въ присутствіи публики (т. н. гласность передъ обществомъ). Само собою разумѣется, что гласность передъ сторонами неразрывно связана съ принципомъ состязательности: споръ сторонъ возможенъ лишь при условіи, что каждая изъ нихъ выслушиваетъ другую и узнаетъ одновременно съ нею все происходящее при разсмотрѣніи дѣла. Что же касается гласности передъ обществомъ, то, по вѣрнымъ замѣчаніямъ составителей судебныхъ уставовъ, она имѣетъ очень большое значеніе. Она является однимъ изъ условій довѣрія къ суду. Устанавливая гласность судебныхъ засѣданій Государственный Совѣтъ говорилъ, что безъ нея самое понятіе о судѣ утрачиваетъ свое значеніе. Впрочемъ, нашъ законъ знаетъ и ограниченіе гласности: при закрытыхъ дверяхъ разсматриваются нѣкоторыя дѣла по религіознымъ, государственнымъ преступленіямъ, противъ семейственныхъ правъ и др. Въ однихъ случаяхъ закрытіе дверей обязательно для суда, въ другихъ онъ можетъ закрыть по своему мотивированному опредѣленію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрытіе дверей судебнаго засѣданія можетъ быть потребовано министромъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторомъ.

Г. Оцѣнка доказательствъ по внутреннему убѣжденію. По закону до судебныхъ уставовъ теорія формальныхъ доказательствъ знала два вида доказательствъ—совершенныя и несовершенныя доказательства. При наличности хотя бы одного „совершеннаго доказательства“ слѣдовалъ обвинительный приговоръ. Наличность одного несовершеннаго до-

казательства обусловливала „оставленіе въ подозрѣніи“, а совокупность нѣсколькихъ несовершенныхъ доказательствъ могла быть приравнена одному совершенному доказательству. Система формальныхъ доказательствъ вызывалась стремленіемъ оградить произволъ судей, но далеко не всегда могла отвѣчать цѣлямъ правосудія. Составители нашихъ Судебныхъ Уставовъ, слѣдуя французскому образцу, отказались въ уголовномъ процессѣ отъ системы формальныхъ доказательствъ, замѣнивъ ее свободной ихъ оцѣнкою по внутреннему убѣжденію. Наивысшее свое проявленіе эта новая система нашла въ дѣлахъ, разсматриваемымъ съ участіемъ выборныхъ отъ общества, т. н. присяжныхъ засѣдателей. Они объявляютъ результаты своего обсужденія вопросовъ о виновности безъ всякой мотивировки. Законъ не требуетъ отъ нихъ отчета, какимъ путемъ они пришли къ своему рѣшенію. Онъ поручаетъ судьбу обвиняемаго ихъ совѣсти.

Д. Отдѣленіе судебной власти отъ законодательной и административной см. у И. А. Ильина.

§ 131. Источники русскаго уголовнаго судопроизводства.

Источниками уголовнаго судопроизводства въ Россіи являются въ различныхъ мѣстахъ ея различные законы Они распадаются на общіе и особенные, примѣняемые лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ или къ опредѣленнымъ группамъ населенія. Основнымъ источникомъ являются Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. Они чрезвычайно высоко стоятъ по правильности тѣхъ основныхъ началъ правосудія, которыя были въ нихъ заложены при ихъ созданіи. Законы. непосредственно относящіеся къ уголовному процессу, носятъ названіе: 1) „Учрежденіе судебныхъ установленій“ и 2) „Уставъ уголовнаго судопроизводства“. Въ первомъ помѣщены законы, опредѣляющіе устройство судебной власти, а во-второмъ — порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ. Судебные уставы вводились въ дѣйствіе въ различныхъ мѣстахъ Россіи не одновременно. На окрайнахъ Уставы были введены съ нѣкоторыми измѣненіями. Существенныя измѣненія были введены въ Уставы за истекшее со времени ихъ изда-

нія пятидесятилѣтіе. Они касались измѣненія законовъ о гласности, устности, ввели новую организацію судовъ съ сословными представителями и пр. Дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ было ограничено изданіемъ въ 1889 г „Положенія о Земскихъ участковыхъ начальникахъ“, „Правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе объ участк земск. нач.“. Особенными законами по отношенію къ нѣкоторымъ группамъ населенія являются уставъ духовныхъ консисторій, законъ военнаго угол. судопр. и военно-морского угол. судопр. и др.

§ 132. Судоустройство.

Правильная организація судовъ должна удовлетворять съ одной стороны требованію доступности ихъ для населенія, а съ другой скорой и успѣшной ихъ дѣятельности. Въ старомъ русскомъ судѣ эти требованія не удовлетворялись. Существовало такъ много типовъ судебныхъ мѣстъ, что представлялось труднымъ правильное обращеніе въ надлежащее судебное мѣсто. До окончательнаго своего разрѣшенія дѣло могло проходить черезъ рядъ присутственныхъ мѣстъ и затягивалось на долгіе годы. Судебные Уставы внесли сюда большое упрощеніе

Та или другая организація судовъ стоитъ въ зависимости отъ объема предоставляемой имъ власти. Среди же судебныхъ дѣлъ одни, составляющія громадное большинство, очень несложны. Они затрагиваютъ менѣе важные интересы; разборъ ихъ, обыкновенно, не представляетъ трудностей (напримѣръ, охота въ недозволенномъ мѣстѣ, непомѣрно быстрая ѣзда по улицѣ и т. п.). Судебное разсмотрѣніе такихъ дѣлъ обыкновенно ввѣряется такъ наз. м ѣ с т н ы м ъ судебнымъ установленіямъ упрощенной организаціи. Наоборотъ, дѣла по преступленіямъ, считаемымъ болѣе тяжкими (напримѣръ, разбои, убійства, поджоги, кражи на сумму болѣе 300 руб. и т. п.) разсматриваются такъ называемыми о б щ и м и судами, организованными въ видѣ коллегіи судей на болѣе сложныхъ началахъ.

Къ числу мѣстныхъ судовъ у насъ принадлежатъ *мировые судьи*, гминные судьи, лавники, городскіе судьи,

земскіе начальники, крестьянскіе начальники, волостные суды.

Судебные Уставы предполагали ввести мировыхъ судей повсемѣстно, но это предположеніе не было исполнено, и съ теченіемъ времени, институтъ мировыхъ судей подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Эти измѣненія касались какъ способовъ замѣщенія судебной должности мировыхъ судей, такъ и ихъ судебныхъ правъ и обязанностей. Вмѣсто избранія ихъ уѣздными земскими собраніями или городскими думами было проведено въ законѣ ихъ назначеніе вездѣ, кромѣ только нѣкоторыхъ весьма немногихъ мѣстъ. Но новый законъ 1912 г. „О преобразованіи Мѣстнаго Суда“ вновь вернулся къ выборному началу. Предметы вѣдомства мировыхъ судей неодинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ. По общему правилу имъ подсудны дѣла о преступленіяхъ, за которыя законъ опредѣляетъ наказаніемъ: выговоры, замѣчанія, внушенія, денежныя взысканія и пени не свыше 300 руб., арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, заключеніе въ тюрьмѣ не свыше 1 г. 6 мѣс., но по закону 1912 г. компетенція мировыхъ судей значительно расширяется, такъ, напримѣръ, имъ становятся подсудными преступныя дѣянія, за которыя законъ назначаетъ денежныя взысканія до 1000 руб.

Гминные суды были введены въ уѣздахъ Варшавскаго судебнаго округа. Ихъ составъ: гминный судья, какъ предсѣдатель и три лавника по выбору населенія. Компетенція почти одинакова съ компетенціей мировыхъ судей.

Земскіе начальники были введены закономъ 12 іюля 1889 г. вмѣсто мировыхъ судей въ уѣздахъ, а *городскіе судьи* вмѣсто тѣхъ же мировыхъ судей — въ городахъ. Ихъ компетенція болѣе узкая нежели у мировыхъ судей; остальныя же дѣла, подсудныя ранѣе мировымъ судьямъ, были переданы уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ. Въ азіатской Россіи были введены крестьянскіе начальники и мировые судьи съ особою компетенціею.

Волостные суды имѣютъ своимъ назначеніемъ разборъ болѣе мелкихъ дѣлъ между крестьянами и мѣщанами, живущими въ предѣлахъ волости. Волостные судьи избираются населеніемъ, но утверждаются въ должности земскими

начальниками. Они могутъ приговаривать къ аресту до 1 мѣс., а къ штрафу до 30 руб. Имѣются и другіе мѣстные суды (станичные, горскіе, народные и пр.).

Законъ 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, вступающій въ силу въ различныхъ мѣстахъ неодновременно, вводитъ вновь мировой институтъ и преобразуетъ волостной судъ. Члены волостного суда выбираются выборщиками крестьянами изъ крестьянъ, достигшихъ 30 лѣтъ и удовлетворяющихъ указаннымъ въ законѣ условіямъ на три года и подлежатъ утвержденію въ этой должности.

Что касается общихъ судебныхъ мѣстъ, то таковыми у насъ являются окружные суды, судебныя палаты и кассаціонные департаменты Правительствующаго Сената. Вся Россійская Имперія разбита на 14 судебныхъ округовъ съ судебною палатою въ каждомъ изъ нихъ и съ нѣсколькими окружными судами (ихъ всего въ Россіи 116). У каждой судебной палаты и у каждаго окружнаго суда есть свой территоріальный районъ дѣятельности.

Окружные суды — коллегіальныя судебныя мѣста. Въ ихъ составъ входитъ предсѣдатель и члены окружнаго суда. Разборъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ совершается всегда коллегіально, но составъ коллегіи не одинаковъ для всѣхъ дѣлъ. Судебное присутствіе можетъ состоять или: 1) только изъ коронныхъ судей или 2) также и изъ выборныхъ отъ общества, такъ называемыхъ присяжныхъ засѣдателей или 3) изъ смѣшанной коллегіи коронныхъ судей и такъ называемыхъ сословныхъ представителей.

Подсудность дѣлъ этимъ судебнымъ коллегіямъ окружнаго суда различна. Дѣла о преступленіяхъ, влекущихъ за собою, въ случаѣ осужденія обвиняемаго, наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, разсматриваются по общему правилу окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (законъ, впрочемъ, допустилъ отсюда исключенія).

Присяжные засѣдатели выбираются не изъ всѣхъ гражданъ, а лишь изъ числа тѣхъ, которые удовлетворяютъ опредѣленнымъ поставленнымъ въ законѣ условіямъ въ отношеніи возраста, степени имущественной достаточности (такъ называемый имущественный цензъ), грамотности (умѣ-

ніе читать по-русски) и пр. Всѣ эти лица вносятся въ общій списокъ, изъ коего особою комиссіею составляется затѣмъ списокъ на предстоящій годъ, а изъ послѣдняго составляется столько такъ называемыхъ періодическихъ списковъ, сколько бываетъ въ году періодовъ засѣданій. Посредствомъ жеребьевки изъ періодическаго списка выбираются 33 лица и изъ ихъ числа также посредствомъ жеребьевки выбираются для слушанія каждаго отдѣльнаго дѣла особо 14 лицъ. Первые 12 выбранныхъ входятъ въ составъ присяжныхъ засѣдателей, рѣшающихъ дѣло, а послѣдніе два называются запасными и замѣняютъ тѣхъ изъ 12 присяжныхъ, которые, напримѣръ, по болѣзни, не смогутъ исполнить до конца своихъ обязанностей. При судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, коронные судьи въ числѣ трехъ (предсѣдательствующій и два члена окружнаго суда) занимаютъ особыя отъ присяжныхъ засѣдателей мѣста и не принимаютъ участія въ совѣщаніяхъ послѣднихъ. Присяжные засѣдатели рѣшаютъ вопросы о виновности или невиновности обвиняемыхъ, о вмѣняемости или невмѣняемости, о самомъ фактѣ совершенія преступленія, въ формѣ краткихъ отвѣтовъ, а коронные судьи, на основаніи такого рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, называемаго вердиктомъ, рѣшаютъ вопросы о наказаніи обвиняемаго, признаннаго присяжными виновнымъ, объ удовлетвореніи потерпѣвшаго, если онъ предъявлялъ въ уголовномъ судѣ искъ къ обвиняемому и пр. Признавая обвиняемаго виновнымъ присяжные засѣдатели могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать его заслуживающимъ снисхожденія или отвергнуть наличность различныхъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ понятія преступнаго дѣянія, напримѣръ, признать, что кража была совершена безъ взлома. Они даютъ свои отвѣты въ письменной формѣ, но безъ всякой мотивировки. Ихъ совѣщаніе происходитъ непублично, въ особой комнатѣ, и публичному оглашенію въ залѣ суда подлежитъ лишь то рѣшеніе, которое получило большинство голосовъ или, при раздѣленіи голосовъ поровну, благопріятное для обвиняемаго. Великимъ достоинствомъ суда присяжныхъ является возможность и обязанность присяжныхъ рѣшать дѣло „по совѣсти“. Снисходя къ тяжелому положенію обвиняемаго,

къ гнетущей его нуждѣ, вникая въ бытовую сторону дѣла эти судьи изъ общества имѣютъ право оправдывать даже сознавшаго свою вину обвиняемаго.

Кромѣ присяжныхъ засѣдателей въ качествѣ непрофессіональныхъ судей являются также такъ называемые сословные представители. По нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ они входятъ въ составъ судебнаго присутствія окружнаго суда, судебной палаты и сената. Такими сословными представителями являются предводитель дворянства, городской голова, волостной старшина. Коронные судьи вмѣстѣ съ сословными представителями составляютъ одну коллегію. Нѣкоторые дѣла разбираются окружными судами, судебными палатами и сенатомъ только въ ихъ коронномъ составѣ профессіональныхъ судей.

§ 133. Вспомогательные органы суда.

Для болѣе успѣшной дѣятельности судовъ созданы особые вспомогательные органы. Въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, получившій оскорбленіе можетъ съ полнымъ успѣхомъ представить судьѣ доказательства виновности обидчика, сославшись на свидѣтеля, то по болѣе сложнымъ дѣламъ, напримѣръ, о поджогѣ, потерпѣвшее лицо часто было бы безсильно собственными силами найти виновника и доказать его виновность. Точно также далеко не всегда оказался бы въ состояніи обвиняемый, необладающій юридическими познаніями, защитить себя противъ, можетъ быть, и несправедливаго обвиненія. Этими соображеніями вызваны къ жизни особые вспомогательные для суда органы въ его дѣлѣ служенія правосудію—судебные слѣдователи, прокуроры и защитники.

Судебные слѣдователи имѣютъ своею обязанностью производить разслѣдованіе о совершонныхъ преступленіяхъ. Предпринимаемыя ими для достиженія этой цѣли дѣйствія образуютъ въ ихъ совокупности такъ называемое предварительное слѣдствіе. Оно называется предварительнымъ въ отличіе отъ судебнаго слѣдствія, производимаго судомъ при рѣшеніи вопроса о винѣ и на-

казаніи подсудимаго. По судебнымъ уставамъ судебные слѣдователи пользовались высокимъ правомъ независимаго положенія и несмѣняемости. Въ настоящее время въ громадномъ большинствѣ случаевъ органами слѣдствія являются лица, лишь „исполняющія“ обязанности судебнаго слѣдователя и потому не столь независимаго судебнаго положенія. Производство предварительнаго слѣдствія можетъ быть поручаемо также и такъ назыв. кандидатамъ на судебныя должности, т.-е. лицамъ, которые, получивъ высшее юридическое образованіе, готовятся при судѣ для занятія должности по судебному вѣдомству.

Прокуроры состоятъ при каждомъ окружномъ судѣ и при каждой судебной палатѣ въ количествѣ одного съ нѣсколькими товарищами прокурора. Прокуроры кассаціонныхъ департаментовъ носятъ названіе оберъ-прокуроровъ. Министръ юстиціи является вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-прокуроромъ и стоитъ такимъ образомъ во главѣ всей прокуратуры. Дѣятельность прокуроровъ совершается въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ они являются обвинителями, а во-вторыхъ—представителями законности. Въ качествѣ обвинителей они дѣйствуютъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, возбуждая уголовныя преслѣдованія и поддерживая обвиненія въ судебныхъ засѣданіяхъ. Въ мѣстныхъ судахъ они сами обвинителями не выступаютъ, но могутъ исполнять свою обвинительную функцію черезъ полицію, подчиненную имъ въ этомъ отношеніи. Въ качествѣ же представителей законности они выступаютъ въ мировыхъ и общихъ судебныхъ мѣстахъ. Они даютъ свои „заключенія“ въ мировыхъ съѣздахъ, въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и въ сенатѣ по вопросамъ о примѣненіи закона. Такія заключенія или мнѣнія прокурора о примѣненіи закона должны быть заслушаны судомъ, но, впрочемъ, судъ не стѣсненъ въ оцѣнкѣ ихъ правильности.

Защитники. Имѣется нѣсколько основаній, съ необходимостью требующихъ организаціи института защиты обвиняемыхъ: 1) часто обвиняемые по своему неразвитію или недостатку юридическихъ знаній оказываются совершенно неспособными бороться съ выставленнымъ противъ нихъ обвине-

ніемъ; 2) при существованіи спеціальныхъ органовъ обвиненія въ лицѣ прокуроровъ равенство сторонъ въ процессѣ можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если этому спеціальному органу обвиненія противопоставляется спеціальный органъ защиты. Такимъ образомъ, дѣло защиты не только необходимо въ частныхъ интересахъ обвиняемаго, но и въ цѣляхъ самаго правосудія. Судебные уставы создали институтъ присяжной адвокатуры. Для полученія званія присяжнаго повѣреннаго необходимо удовлетворять опредѣленнымъ условіямъ, напримѣръ, обладать спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ, отбыть пятилѣтній стажъ въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго или пробыть на судебной должности и пр. Присяжные повѣренные являются представителями свободной, независимой въ іерархическомъ отношеніи, профессіи. Для болѣе успѣшнаго достиженія ими цѣлей высокаго служенія правосудію, законъ запретилъ имъ пребываніе на государственной службѣ, справедливо считая, что такое совмѣщеніе обязанностей адвоката и чиновника могло бы вредно отразиться на независимомъ положеніи присяжнаго повѣреннаго. На присяжной адвокатурѣ лежитъ обязанность безплатной, по назначенію суда, защиты обвиняемыхъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Во главѣ ихъ стоятъ въ судебныхъ округахъ выборные органы—совѣты. Этимъ совѣтамъ принадлежитъ право товарищескаго суда по вопросамъ адвокатской этики, принятіе въ сословіе и исключеніе изъ него за проступки и пр. Впрочемъ, эти органы самоуправленія имѣются еще не вездѣ.

Въ качествѣ защитника подсудимаго можетъ выступать не только присяжный повѣренный или помощникъ присяжнаго повѣреннаго, но всякое другое лицо, кромѣ небольшого круга лицъ, которымъ законъ запрещаетъ это (ст. 565 Уст.). Кромѣ института присяжныхъ повѣренныхъ нашъ законъ знаетъ также институтъ частныхъ повѣренныхъ, получающихъ особыя свидѣтельства на право ходатайства отъ тѣхъ судовъ, при которыхъ они хотятъ работать. Передъ этими же судебными мѣстами частные повѣренные отвѣчаютъ за свои дисциплинарные профессіональные проступки.

§ 134. Судопроизводство.

А) Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія начинается по иниціативѣ или потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ или полицейскихъ и административныхъ властей или прокурорской и судебной власти. Но преслѣдованіе въ общихъ судебныхъ мѣстахъ можетъ быть начато и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, явкою съ повинною какого-либо лица, если его заявленіе не опровергается данными дѣла. По преступленіямъ уголовно-частнымъ преслѣдованіе можетъ быть возбуждено только по частной жалобѣ.

Б) Дознаніе. Когда до свѣдѣнія полиціи доходитъ извѣстіе о совершонномъ преступленіи, она обязана принять мѣры къ провѣркѣ этого извѣстія, къ сохраненію слѣдовъ преступленія и затѣмъ увѣдомить надлежащій органъ судебной власти. Дѣйствія, предпринимаемыя ею въ этомъ случаѣ, входятъ въ понятіе такъ называемаго дознанія. Въ томъ случаѣ, когда полиція не усмотритъ признаковъ преступленія, она все же обязана переслать дознаніе прокурору, отъ власти котораго и зависитъ прекратить дознаніе или потребовать дальнѣйшаго выясненія обстоятельствъ дѣла.

В) Предварительное слѣдствіе имѣетъ мѣсто только по отношенію къ тѣмъ дѣламъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Производимое судебнымъ слѣдователемъ, этимъ спеціальнымъ органомъ предварительнаго слѣдствія, оно имѣетъ цѣлью собрать весь необходимый матеріалъ для выясненія должно ли заподозрѣнное лицо быть предано суду а вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ охранѣ доказательствъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу. Для достиженія этихъ цѣлей судебному слѣдователю предоставлены весьма широкія права. Онъ можетъ предъявлять законныя требованія къ частнымъ лицамъ и правительственнымъ учрежденіямъ. Онъ можетъ производить обыски, вызывать къ себѣ для допроса и въ случаѣ неявки подвергать штрафу или насильственному приводу, а для воспрепятствованія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія онъ можетъ отобрать отъ нихъ видъ на жительство, отдать ихъ подъ надзоръ полиціи, взять подъ стражу, взять

залогъ и пр. Было бы ошибочно думать, что судебный слѣдователь долженъ собирать свѣдѣнія и доказательства, только уличающія обвиняемаго. Наоборотъ, законъ въ ст. 265 требуетъ, чтобы судебный слѣдователь съ полнымъ безпристрастіемъ приводилъ въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства его оправдывающія. Если слѣдователь не найдетъ признаковъ преступнаго дѣянія, или не обнаружитъ обвиняемаго, или собранныя доказательства окажутся совершенно недостаточными, то испрашиваетъ прекращеніе дѣла окружнымъ судомъ. Самъ же прекратить его онъ не имѣетъ права. Законченное слѣдствіе направляется къ прокурору суда. Послѣдній, въ случаѣ признанія собраннаго матеріала по уголовно-публичнымъ дѣламъ достаточнымъ, пишетъ заключеніе въ видѣ обвинительнаго акта, въ которомъ описываетъ преступленіе, представляетъ его доказательства, а также опредѣляетъ статью закона, карающую совершонное дѣяніе. По болѣе важнымъ дѣламъ обвинительный актъ разсматривается особой обвинительной камерой судебной палаты на предметъ рѣшенія ею вопроса о преданіи обвиняемаго суду. По дѣламъ же менѣе важнымъ обвинительный актъ направляется прямо въ окружный судъ и здѣсь никакого опредѣленія о преданіи суду не требуется.

Г) Судебное слѣдствіе. Чтобы открыть судебное засѣданіе по дѣлу, необходимо произвести рядъ подготовительныхъ дѣйствій: назначить день судебнаго засѣданія, разослать повѣстки участвующимъ въ процессѣ лицамъ, запросить обвиняемаго въ общихъ судебныхъ мѣстахъ: избралъ ли онъ себѣ защитника и не желаетъ ли вызвать новыхъ свидѣтелей и пр. Засѣданіе открывается въ назначенное время. Въ мѣстныхъ судахъ такое открытіе не обставлено особыми формальностями. Иначе — въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Объявивъ о томъ, какое дѣло слушается, предсѣдатель приказываетъ ввести обвиняемаго, который и занимаетъ особое мѣсто и, если онъ былъ подъ стражею, то остается подъ ея охраною и во время суда. Предсѣдатель удостовѣряется путемъ опроса обвиняемаго, что онъ дѣйствительно то лицо, дѣло котораго подлежитъ разсмотрѣнію. По нѣкоторымъ менѣе важнымъ дѣламъ явка обвиняе-

маго не является обязательною и въ такомъ случаѣ дѣло разсматривается въ его отсутствіи. Предсѣдатель удостовѣряется всѣ ли участвующія въ дѣлѣ лица явились и какія имѣются свѣдѣнія о причинахъ неявки. Тутъ же рѣшается вопросъ возможно ли слушаніе дѣла безъ неявившихся или оно должно быть отложено. Если дѣло слушается съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то выбирается надлежащее ихъ число. Послѣ этого читается обвинительный актъ и подсудимый спрашивается признаетъ ли онъ себя виновнымъ. Подсудимый можетъ даже не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы и его молчаніе не должно быть истолковано въ невыгодную для него сторону. Свидѣтели спрашиваются предсѣдателемъ, прокуроромъ и защитникомъ. Судъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ вещественныя доказательства, напримѣръ, оружіе убійства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ признаетъ необходимымъ въ его полномъ составѣ осмотрѣть мѣсто совершенія преступленія. Онъ также выслушиваетъ вызванныхъ свѣдущихъ людей, докторовъ, экспертовъ, напримѣръ, о степени причиненнаго вреда здоровью тѣлеснымъ поврежденіемъ и пр. Когда исчерпаны всѣ матеріалы, то судебное слѣдствіе объявляется законченнымъ, и судъ приступаетъ къ выслушиванію преній сторонъ. Такъ какъ доказательства уже представлены, то судебныя пренія имѣютъ своею цѣлью выяснить значеніе собранныхъ матеріаловъ съ точки зрѣнія обвиненія подсудимаго или его оправданія.

Законъ представляетъ прокурору право отказаться отъ обвиненія, если онъ убѣжденъ въ невиновности подсудимыхъ. Защитникъ указываетъ на все то, что доказываетъ невиновность подсудимаго или ослабляетъ его вину. Въ случаѣ надобности представители обѣихъ сторонъ въ процессѣ могутъ обмѣниваться возраженіями, но послѣднее слово во всякомъ случаѣ принадлежитъ обвиняемому. По выслушаніи послѣдняго слова обвиняемаго вырабатывается редакція вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, и предсѣдатель въ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей произноситъ заключительное слово. Въ немъ онъ не имѣетъ права высказывать собственнаго мнѣнія о виновности и доказанности событія преступленія, но обязанъ дать разъясненіе юриди-

ческой стороны дѣла и, если сторонами были невѣрно изложены какія либо фактическія обстоятельства, то отмѣтить это. Въ своемъ обращеніи къ присяжнымъ засѣдателямъ онъ долженъ сохранять полнѣйшее безпристрастіе.

Д) Приговоръ. Результатомъ судебнаго слѣдствія является отвѣтъ суда на поставленные для разрѣшенія вопросы о виновности, т.-е. его приговоръ. Онъ можетъ быть или оправдательный или обвинительный. Въ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей отвѣты послѣднихъ носятъ названіе вердикта, приговоръ же на основаніи этого вердикта пишется коронным судомъ.

Е) Обжалованіе приговора. Однимъ изъ условій правильной постановки дѣла правосудія является скорость суда. Казалось бы, что такая скорость можетъ быть отчасти достигнута требованіемъ, чтобы приговоръ суда не подлежалъ дальнѣйшему обжалованію и почитался окончательнымъ. Однако, исполненіе такого требованія имѣло бы и отрицательныя стороны: тяжущіеся были бы лишены возможности сдѣлать попытки исправить допущенныя, по ихъ мнѣнію, судомъ неправильности. Въ этихъ цѣляхъ допущено обжалованіе судебныхъ приговоровъ въ двухъ видахъ: 1) въ апелляціонномъ и 2) въ кассаціонномъ порядкѣ. Суды, разсматривающіе дѣло впервые, носятъ названіе судовъ первой инстанціи; суды, разсматривающіе дѣло въ апелляціонномъ порядкѣ, называются судами второй инстанціи и судъ кассаціонный является судомъ третьей инстанціи. Впрочемъ, не каждое дѣло можетъ быть проведено по всѣмъ тремъ инстанціямъ. Такъ, на приговоръ окружнаго суда съ присяжными засѣдателями или съ сословными представителями и на приговоры, постановленные судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, можно приносить лишь кассаціонныя жалобы. На приговоръ же окружнаго суда въ коронномъ составѣ можно жаловаться сначала въ судебную палату въ апелляціонномъ порядкѣ, а на приговоръ послѣдней въ сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ.

Различіе между кассаціоннымъ и апелляціоннымъ обжалованіемъ—весьма существенно. При апелляціонномъ обжалованіи можно указывать не только на несоблюденіе судомъ первой инстанціи процессуальныхъ законовъ (на-

примѣръ, на непредоставленіе подсудимому послѣдняго слова) и на неправильное примѣненіе закона (напримѣръ, преступное дѣяніе было подведено подъ статью о мошенничествѣ, а должно было быть подведено подъ статью о воровствѣ), но также и на неправильное уясненіе судомъ самаго существа дѣла (напримѣръ, судъ неправильно, по мнѣнію жалобщика, не придалъ вѣры показанію кого-либо изъ свидѣтелей). При такомъ апелляціонномъ обжалованіи вновь производится провѣрка доказательствъ, и стороны не лишены права представлять и такія доказательства, которыхъ не было на разсмотрѣніи суда первой инстанціи, напримѣръ, просить о вызовѣ новаго свидѣтеля, о производствѣ новой экспертизы и пр.

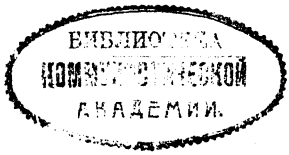
При кассаціонномъ же обжалованіи возможно указывать лишь на несоблюденіе судомъ формъ судопроизводства, на неправильное примѣненіе какихъ-либо законовъ, но нельзя просить о пересмотрѣ дѣла по существу, напримѣръ, о передопросѣ хотя бы и допрошенныхъ свидѣтелей.

Для скорѣйшаго окончанія судебнаго дѣла установлены опредѣленные сроки обжалованія. Если жалоба въ теченіе указаннаго закономъ срока не подана, то состоявшійся приговоръ входитъ въ силу. Какъ мы видѣли, на приговоры, постановленные съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей, можно жаловаться лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, т.-е. пересмотръ дѣла по существу не допускается. Это объясняется тѣмъ высокимъ значеніемъ, которое придается такимъ приговорамъ, поставленнымъ съ участіемъ выборныхъ отъ общества—присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей. Апелляціонною инстанціей для мирового судьи является мировой съѣздъ, для земскаго начальника и городского судьи—уѣздный съѣздъ. Единство толкованія закона требуетъ учрежденія лишь одного кассаціоннаго суда для всего государства, но у насъ кромѣ Сената, имѣются и другіе кассаціонные суды. Такъ, на приговоры уѣзднаго съѣзда приносятся жалобы въ губернскія присутствія (составъ ихъ смѣшанный изъ лицъ судебнаго и административнаго вѣдомства).

Самъ кассаціонный судъ не постановляетъ приговоровъ. Найдя приговоръ неправильнымъ онъ предписываетъ поста-

новившему его суду пересмотрѣть дѣло вновь и судъ обязанъ подчиниться разъясненію, преподанному ему кассаціонной инстанціей.

Необжалованный приговоръ вступаетъ въ силу и приводится въ исполненіе. Лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть допущенъ пересмотръ дѣла, по которому приговоръ вступилъ въ силу и даже приведенъ въ исполненіе. Пересмотръ такого дѣла допускается лишь при наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, напримѣръ, установленнаго лжесвидѣтельства, подлога документовъ, подкупа судьи, или осужденія за убійство человѣка, оказавшагося впослѣдствіи живымъ и т. п. Допущеніе здѣсь пересмотра дѣла является вполнѣ справедливымъ. Въ интересахъ справедливости же законъ расширяетъ кругъ лицъ, которыя могутъ просить о возобновленіи уголовнаго дѣла и, включая сюда также и родственниковъ и свойственниковъ осужденнаго, онъ допускаетъ возможность пересмотра даже послѣ смерти осужденнаго и не устанавливаетъ никакихъ ограниченій относительно сроковъ.


БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ЧАСТЬ I.

Общее ученіе о правѣ и государствѣ.

§ 1. Понятіе о законовѣдѣніи 1
§ 2. Понятіе о законѣ и нормѣ 3
§ 3. Необходимость общежитія 7
§ 4. Формы общежитія 13
§ 5. Необходимость правилъ поведенія 18
§ 6. Виды соціальныхъ нормъ 21
§ 7. Нормы религіи и морали 23
§ 8. Нормы морали и права 27
§ 9. Естественное право. Требованія справедливости 32
§ 10. Цѣль и значеніе права. Нравы 37
§ 11. Содержаніе права. Объективное право и субъективное право . 41
§ 12. Субъектъ права. Лицо физическое и юридическое 46
§ 13. Правоотношеніе. Примѣненіе права 52
§ 14. Положительное право. Дѣйствіе права по времени, по мѣсту и по лицамъ 58
§ 15. Дѣленіе права. Право публичное и частное 63
§ 16. Понятіе о государствѣ 69
§ 17. Основы государства: народъ, территорія, власть 75
§ 18. Возникновеніе государства. Его цѣль и задачи 88
§ 19. Государственное устройство. Монархія и республика. Сложныя формы. 93
§ 20. Виды правовыхъ нормъ 97
§ 21. Дѣленіе наукъ о правѣ 103

ЧАСТЬ II.

Русское государственное право.

Глава 1-ая. Верховная власть.

§ 22. Существо Верховной власти. 109
§ 23. Права Государя Императора 110
§ 24. Преимущества Государя Императора 123
§ 25. Преемство престола. 124
§ 26. Система престолонаслѣдія. 127
§ 27. Правительство и опека 129
§ 28. Учрежденіе о Императорской Фамиліи 130

Глава 2-ая. Народное представительство.

§ 29. Значеніе народнаго представительства. 131
§ 30. Основныя черты исторіи развитія представительныхъ учрежденій въ Англіи 133
§ 31. Основныя черты развитія представительныхъ учрежденій на континентѣ Европы. 137
§ 32. Основныя черты исторіи участія народа въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ въ Россіи 140
§ 33. Система двухъ палатъ. 145
§ 34. Организація верхнихъ палатъ. 147
§ 35. Права верхнихъ палатъ. 148

Глава 3-я. Государственный Совѣтъ. *Стр.*

§ 36. Исторія Государственнаго Совѣта 150
§ 37. Нынѣшняя организація Государственнаго Совѣта 152
§ 38. Департаменты и Особыя Присутствія Государственнаго Совѣта и Государственная Канцелярія 155

Глава 4-ая. Государственная Дума.

§ 39. Избирательное право 157
§ 40. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 160
§ 41. Компетенція Государственной Думы 165
§ 42. Права Государственной Думы 168
§ 43. Положеніе членовъ Государственной Думы 178

Глава 5-ая. Органы верховнаго управленія.

§ 44. Общій характеръ органовъ верховнаго управленія. 181
§ 45. Совѣтъ Министровъ. 184

Глава 6-ая. Центральные органы подчиненнаго управленія.

§ 46. Значеніе органовъ подчиненнаго управленія. 189
§ 47. Министерства. 191
§ 48. Правительствующій Сенатъ 195
§ 49. Св. Правительствующій Синодъ 197

Глава 7-ая. Мѣстные органы.

§ 50. Губернская администрація. 198
§ 51. Земское и городское самоуправленіе. 203

Глава 8-ая. Населеніе.

§ 52. Права и обязанности русскихъ подданныхъ 210
§ 53. Раздѣленіе на сословія 216
§ 54. Права дворянства 217
§ 55. Крестьянское общественное управленіе 219

Приложеніе.

Финляндія 224

ЧАСТЬ III.

ОТДѢЛЪ I.

Семейственное право.

Глава 1-ая. Понятіе и содержаніе семейственнаго права.

§ 56. Понятіе семьи и семейственнаго права 231
§ 57. Содержаніе семейственнаго права. 232

Глава 2-ая. Отдѣльные институты семейственнаго права.

§ 58. Бракъ 232
§ 59. Юридическія отношенія между супругами 235
§ 60. Юридическія отношенія между родителями и дѣтьми. 237
§ 61. Установленіе и прекращеніе родительской власти 237
§ 62. Опека и попечительство. Правоспособность и дѣеспособность лица 239

ОТДѢЛЪ II.

Права имущественныя.

Глава 1-я. Общія понятія.

§ 63. Объектъ права. Права вещныя и обязательственныя. . . . .
§ 64. Понятіе имущества 247

Глава 2-я. Вещныя права.

Стр.
§ 65. Понятіе права собственности 247
§ 66. Составные элементы права собственности. А. Владѣніе . . . 249
§ 67. Составные элементы права собственности. Б. Пользованіе. Вещи движимыя и недвижимыя 252
§ 68. Составные элементы права собственности. В. Распоряженіе. Вещи внѣоборотныя. Имущества родовыя и благопріобрѣтенныя 254
§ 69. Пріобрѣтеніе права собственности 256
§ 70. Прекращеніе права собственности 266
§ 71. Защита права собственности 267
§ 72. Общая собственность 268
§ 73. Права на чужія вещи 269

Глава 3-я. Обязательственное право.

§ 74. Содержаніе и виды обязательствъ 273
§ 75. Возникновеніе обязательствъ 275
§ 76. Понятіе обязательственнаго договора 276
§ 77. Условія дѣйствительности договоровъ 277
§ 78. Заключеніе договоровъ. Представительство 280
§ 79. Составные элементы договоровъ 282
§ 80. Обезпеченіе договоровъ 283
§ 81. Главнѣйшіе виды обязательственныхъ договоровъ 289
§ 82. Обязательства изъ правонарушеній 302
§ 83. Неосновательное обогащеніе 304
§ 84. Передача обязательствъ 305
§ 85. Прекращеніе обязательствъ 306

Глава 4-я. Исключительныя права.

§ 86. Общее понятіе исключительныхъ правъ 307
§ 87. Авторское право 308
§ 88. Промышленныя права 310

ОТДѢЛЪ III.

Наслѣдственное право.

Глава 1-я. Общія понятія.

§ 89. Понятіе и основанія наслѣдованія 312
§ 90. Открытіе и принятіе наслѣдства 313
§ 91. Мѣры охраненія наслѣдства 315

Глава 2-я Наслѣдованіе по завѣщанію.

§ 92. Понятіе завѣщанія 316
§ 93. Условія дѣйствительности завѣщанія 317
§ 94. Отмѣна завѣщанія. Исполненіе завѣщанія 319

Глава 3-я. Наслѣдованіе по закону.

§ 95. Случаи наслѣдованія по закону 320
§ 96. Главнѣйшія системы наслѣдованія по закону на Западѣ . . . 320
§ 97. Порядокъ призванія къ наслѣдству по русскому закону . . . 322

Глава 4-я. Осуществленіе права на наслѣдство.

§ 98. Принятіе наслѣдства и отреченіе отъ него 325
§ 99. Послѣдствія принятія наслѣдства 325
§ 100. Утвержденіе въ правахъ наслѣдства 326

ОТДѢЛЪ IV. *Стр.*

Общій очеркъ гражданскаго процесса.

§ 101. Общее понятіе о гражданскомъ процессѣ 327
§ 102. Судопроизводство охранительное и спорное 328
§ 103. Общія свѣдѣнія о судоустройствѣ 329
§ 104. Основныя начала гражданскаго судопроизводства 332
§ 105. Понятіе объ апелляціи и о кассаціи 335
§ 106. Исполненіе судебныхъ рѣшеній 336

ЧАСТЬ IV.

Русское уголовное право.

Глава 1-я. Введеніе.

§ 107. Понятіе объ уголовномъ правѣ 339
§ 108. Исторія уголовнаго права. 341
§ 109. Уголовные законы въ Россіи 345

Глава 2-я. О преступленіи и о виновникѣ преступнаго дѣянія.

§ 110. Дѣленіе преступныхъ дѣяній 346
§ 111. Виновникъ преступнаго дѣянія 347
§ 112. Вмѣняемость 349
§ 113. Причины, устраняющія вмѣняемость 350
§ 114. Виновность 356
§ 115. Внѣшняя сторона преступленія 358

Глава 3-я. О наказаніи.

§ 116. Лѣстница наказаній 361
§ 117. Смертная казнь 363
§ 118. Тѣлесныя наказанія 366
§ 119. Ссылка 367
§ 120. Разные виды заключенія. 369
§ 121. Наказаніе лишеніемъ чести. Выговоръ 373
§ 122. Имущественныя наказанія 376
§ 123. Обстоятельства, увеличивающія, уменьшающія и устраняющія наказаніе . . . . . 37[illegible]

Глава 4-я. О нѣкоторыхъ преступленіяхъ въ особенности.

§ 124. Особенная часть русскаго уголовнаго права 379
§ 125. Религіозныя преступленія 380
§ 126. Государственныя преступленія 382
§ 127. Преступленія противъ жизни, противъ здоровья и чести . . 383
§ 128. Имущественныя преступленія 387

Глава 5-я Основныя начала русскаго уголовнаго процесса.

§ 129. Понятіе и исторія уголовнаго процесса 393
§ 130. Основныя начала современнаго процесса (Состязательность. Устность. Гласность. Оцѣнка доказательствъ по внутреннему убѣжденію.) 397
§ 131. Источники русскаго уголовнаго судопроизводства. 399
§ 132. Судоустройство. Суды мѣстные: мировые судьи, гминные суды, земскіе начальники, волостные суды; общіе суды: окружные суды безъ участія и съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судебныя палаты, сословные представители 400
§ 133. Вспомогательные органы суда (судебные слѣдователи, прокуроры, защитники 404
§ 134. Судопроизводство (возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, дознаніе, предварительное слѣдствіе, судебное слѣдствіе, приговоръ, обжалованіе приговора въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ, возобновленіе дѣла) 407